

СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности
и правопорядка: наука, практика, тенденции

Проблемы укрепления
законности и правопорядка:
наука, практика, тенденции

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА: НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 18

Минск
РИВШ
2025

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

Сборник индексируется
в Российском индексе научного цитирования с 2009 года

Рекомендовано

Ученым советом НПП Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
(протокол № 5 от 4 ноября 2025 г.)

Редакционный совет:	Редакционная коллегия:
д-р юрид. наук, доц. <i>А. И. Швед</i> (пред.);	канд. юрид. наук <i>И. А. Мороз</i> (гл. ред.);
д-р юрид. наук, проф. <i>В. М. Хомич</i> ;	канд. юрид. наук, доц. <i>И. Л. Вершок</i> ;
д-р юрид. наук, проф. <i>В. Н. Бибило</i> ;	канд. юрид. наук <i>О. В. Русецкий</i> ;
д-р юрид. наук, доц. <i>А. Е. Гучок</i> ;	<i>С. И. Герасимова</i> ;
д-р юрид. наук, проф. <i>И. Я. Козаченко</i> ;	<i>Е. В. Касьянова</i> ;
канд. юрид. наук, доц. <i>В. В. Лосев</i> ;	канд. юрид. наук, доц. <i>Е. А. Коротич</i> ;
д-р юрид. наук, проф. <i>И. Э. Мартыненко</i> ;	<i>Н. А. Кузьмич</i> ;
д-р юрид. наук, проф. <i>Я. И. Функ</i> ;	<i>В. Н. Малахов</i> ;
д-р юрид. наук, проф. <i>Д. А. Шестаков</i> ;	<i>Д. О. Сидоренко</i> ;
канд. ист. наук, доц. <i>И. И. Эсмантович</i>	<i>О. О. Топорикова</i> ;
	<i>К. В. Чуешов</i>

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: *И. А. Мороз* (гл. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2025. – Вып. 18. – 344 с.

УДК 34(082)
ББК 67я43

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2025
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА.....	7
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	8

1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ И КРИМИНАЛИСТИКИ

Василевский А. В., Коротич Е. А.

Криминологическая характеристика коррупционных преступлений	10
---	----

Варавко Ю. В.

Информационно-аналитическая составляющая раскрытия и расследования преступлений: общность задач и специфика реализации в деятельности следователя и оперативно-розыскных органов.....	20
---	----

Ескендиоров А. А.

Подрастающее поколение в аспекте проблем современного общества.....	30
---	----

Русецкий О. В.

Характеристика и меры совершенствования антинаркотической политики Республики Беларусь	37
---	----

Сидоренко Д. О., Васько Н. О.

Опыт использования систем видеонаблюдения в сфере профилактики дорожно-транспортных происшествий и правонарушений.....	43
---	----

Судник Т. В., Олейник А. В.

Отдельные аспекты преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек	51
--	----

Хлус А. М., Рудкевич Е. В.

Криминалистический аспект предупреждения и профилактики злоупотреблений властью или служебными полномочиями.....	57
---	----

Шекк Е. А.

Состояние и тенденции преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в России в 2020–2024 гг.	65
--	----

2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Байсеитов Б. С.

Защита бюджетных средств в государственных закупках:
перспективы криминализации административных правонарушений
через призму административной преюдиции 75

Дрозд А. Н.

Принудительное клеймение 83

Жданов Ю. Н.

Международно-правовые аспекты противодействия фальсификации
истории и реабилитации нацизма 91

Исраелян Г. В.

Половые преступления: новые регламентации и пути
их совершенствования в Республике Армения 100

Коротич Е. А.

Практика геноцида в годы Великой Отечественной войны
и ее влияние на содержание противоправности данного преступления
в Уголовном кодексе Республики Беларусь.....109

Лапцевич И. И.

Возрастная невменяемость: содержание и правовое значение.....117

Моисеева И. А.

Пропаганда информации, формирующей криминогенные свойства
личности, в условиях цифровизации и ответственность за нее 128

Павлова Л. В.

Правоограничения как общеправовые последствия судимости
(на примере законодательства Республики Беларусь).....138

Тукунова Ж. С.

Вопросы эвтаназии: сравнительно-правовой обзор
(Республика Казахстан и Грузия) 152

3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Павлють О. В.

Судебно-экспертная деятельность на современном этапе развития
Республики Беларусь: понятие и сущность 161

Тулеуова А. Ж.

Фреймовая структуризация как инструмент повышения эффективности
имущественных расследований 169

Шайхыстанова С. Н.

Конституционные права граждан при проведении негласных
следственных действий в Республике Казахстан: баланс и гарантии 177

Шпак С. В., Песенко В. В.

Цифровые угрозы при выявлении и расследовании преступлений.....185

4. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Алхутова Е. Ю.

Правовые основы взаимодействия российской прокуратуры
с общественными организациями 197

Корнева Т. С.

Содержание принципа независимости организации
и деятельности прокуратуры в современных условиях.....205

Кремнева Е. В.

Правовые аспекты обеспечения прокурорами возмещения
публично-правовым образованиям вреда, причиненного преступлениями ..212

Маматов М. В., Маслов И. А.

Применение прогрессивных технологий
и деятельность органов прокуратуры: реалии и перспективы.....221

Савчук Т. А., Гасанов А. П.

Основания прекращения службы в органах прокуратуры
Республики Беларусь: действующее законодательство
и предложения по его совершенствованию 229

Семенов А. С.

Направления и формы взаимодействия прокуратуры
с общественными организациями 237

Симонова И. С.

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как средство борьбы с преступностью.....	245
---	-----

Скобелев В. П.

Обращение прокурора в суд первой инстанции по Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь: об отдельных проблемных вопросах.....	254
--	-----

Соркин В. С.

Уголовно-процессуальная деятельность прокурора при оценке доказательств по уголовному делу, поступившему для направления в суд.....	266
---	-----

**5. ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА**

Василевский А. В.

Соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) и опционный договор: сравнительно-правовая характеристика	274
--	-----

Вершок И. Л.

Организационно-правовые аспекты совершенствования публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.....	287
--	-----

Воробьев С. Ю.

Генезис института коммерческой тайны	296
--	-----

Пантелеева Н. В.

Правовое регулирование инвестиций в промышленность в контексте промышленной политики: зарубежный опыт	305
---	-----

Рамазанов Д. М.

Отдельные правовые аспекты применения искусственного интеллекта на примере законодательства КНР, Великобритании	314
---	-----

Чмыга О. В.

Прогнозные направления совершенствования деятельности местных Советов депутатов и коллегиальных органов территориального общественного самоуправления Беларуси: правовой аспект	323
---	-----

Шуницкая О. Н.

Право на защиту в уголовном процессе: частно-правовые и публично-правовые аспекты.....	331
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	339
-------------------	-----

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Швед Андрей Иванович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент (председатель редакционного совета).

Хомич Владимир Михайлович – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь (заместитель председателя редакционного совета).

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Гучок Александр Евгеньевич – председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент.

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Лосев Владимир Владимирович – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор.

Функ Ян Иосифович – председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор.

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мороз Игорь Анатольевич – директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук (*главный редактор*).

Вершок Ирина Леонидовна – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Герасимова Светлана Ивановна – главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Касьянова Елена Васильевна – начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (*научный редактор*).

Кузьмич Наталья Анатольевна – начальник отдела научно-методического обеспечения прокурорского надзора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Малахов Виталий Николаевич – начальник отдела организационно-финансового обеспечения и контроля проведения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Сидоренко Дарья Олеговна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практиче-

ский центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (*технический редактор*).

Топорикова Ольга Олеговна – начальник отдела методологического обеспечения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Чуешов Кирилл Викторович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ И КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹

Василевский А. В., Коротич Е. А.

Ключевые слова: криминология, коррупция, тенденции, причины, условия.

Введение

В Республике Беларусь последовательно проводится государственная политика в сфере борьбы с коррупцией. В Концепции национальной безопасности, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, коррупция, как и прежде, относится к числу основных угроз национальной безопасности (абзац восемнадцатый п. 29), а минимизация ее уровня признается одним из приоритетных интересов республики в социальной сфере (абзац шестой п. 12). В Стратегии борьбы с коррупцией, утвержденной на 25-м заседании республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, состоявшегося 28 декабря 2022 г., определены концептуальные направления системного противодействия этому негативному социально-правовому явлению, устранению его базовых причин и условий [1–3]. В рамках обозначенных направлений противодействия реализуется комплекс мероприятий, нацеленных на выявление, пресечение и предупреждение коррупционных правонарушений, устранение причин и условий, им способствующих.

Государственная политика в сфере борьбы с коррупцией находит поддержку со стороны населения [4]. Порядка двух третей граждан, принявших участие в социологическом исследовании коррупционной обстановки в стране, в той или иной степени положительно оценивают принимаемые меры и проводимые мероприятия. Вместе с тем «проблема коррупции по-прежнему сохраняет свою актуальность» [3]. Коррупционные проявления, по мнению каждого пятого респондента,

¹ Научная статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Повышение эффективности правосотворчества и правореализации в сфере противодействия преступности с учетом современных тенденций развития общества и государства» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»).

присутствуют в нашем обществе. В этой связи в настоящем исследовании рассматриваются отдельные криминологические характеристики коррупционных преступлений, совершенных за период с 2020 г. по 2024 г.

Основная часть

В период последних пяти лет удельный вес зарегистрированных коррупционных преступлений в год не превышал 2 %¹ от количества совершенных преступлений в республике [5]. Более того, наметилась линия тренда по снижению количества этих преступлений [4; 6]. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2024 г. зарегистрировано 1031 коррупционное преступление, что порядка на 75 % ниже по сравнению с соответствующим показателем 2020 г. Между тем необходимо принимать во внимание, что «преступления коррупционной направленности обладают высоким уровнем латентности, в том числе в силу заинтересованности в таком поведении основных участников преступных отношений». В этой связи официальные статистические данные следует оценивать не как абсолютный показатель уровня коррупции в республике, а как отражение общих тенденций развития криминогенной ситуации по данному направлению.

В структуре коррупционной преступности на протяжении всего анализируемого периода преобладают взяточничество и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями [7]. Остальные злоупотребления властью или служебными полномочиями, как правило, связаны с нарушениями при заключении и исполнении договоров, использованием государственного имущества для личных нужд, а также с необоснованным списанием материальных ценностей, занижением их стоимости при отчуждении близким родственникам и т. д.

В региональном аспекте количество зарегистрированных коррупционных преступлений распределилось следующим образом: больше всего их учтено в г. Минске и Минской области, а меньше всего – в Брестской, Гродненской и Витебской областях. Сложившаяся в центральных регионах республики криминогенная обстановка во многом обуславливается особенностями политического, демографического, социально-экономического развития этих административно-территориальных единиц. Такие особенности проявляются в концентрации головных офисов государственных органов и организаций, высокой численности проживающих на этих территориях граждан, большом количестве

¹ Здесь для вычисления приводимых показателей использовались сведения Информационного центра МВД Республики Беларусь о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за 2018–2024 гг.

зарегистрированных субъектов хозяйствования, расположении крупных логистических хабов, развитой транспортной инфраструктуре и т. д.

На фоне снижения количества учтенных коррупционных преступлений прослеживается тенденция сохранения числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за их совершение, что наглядно продемонстрировано на рисунке. В анализируемый период времени ежегодно к уголовной ответственности в среднем привлекалось порядка 690 лиц [8–12].

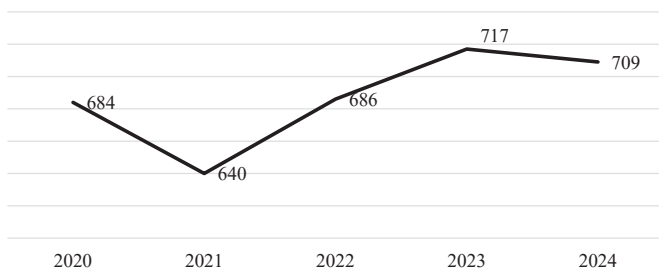

Рис. Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за коррупционные преступления в период 2020–2024 гг. [8–12]

Субъектный состав коррупционных преступлений, несмотря на трансформации законодательства и социально-экономических условий, обладает устойчивыми характеристиками. Физическим лицам, незаконно реализующим свои должностные полномочия (коррупционерам) прежде всего свойственны черты, связанные со сферой, в которой возможна реализация ими соответствующей деятельности. В числе таких черт, преимущественно, следующие: высшее образование; занятие должности, связанной с управлением, распределением ресурсов или контролем; возраст от тридцати лет и до выхода на пенсию; отсутствие конфликтов с законом в предшествующий коррупционному период жизни и др. Физическим лицам, осуществляющим подкуп (взяточникам), не свойственны какие-либо социально-статусных черты, скорее, им присуще наличие денежных средств, связей или возможности оказывать услугу взамен.

В контексте рассмотрения субъектного состава коррупционных преступлений важно отметить, что в анализируемый период каждое пятое из них было совершено руководителем государственного органа или иной организации, к слову, обязанным в силу положений ст. 43 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупци-

ей» лично принимать меры, направленные на борьбу с этим негативным социально-правовым явлением [13].

Коррупционное поведение, согласно криминологическим исследованиям, обусловлено широким комплексом факторов, причин и условий (детерминант). Коррупционные преступления признаются следствием как общих, так и специфических процессов детерминации преступности, которые особенно активно развиваются в условиях социальной неопределенности, дезорганизации, конфликтов и противоречий, отсутствия возможностей удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем гражданами и социальными группами нравственными и законными формами и средствами.

В числе причин и условий объективного характера, способствующих коррупционным проявлением, как показывает правоприменительная практика, из года в год проявляются:

- ошибки в подборе и расстановке кадров;
- слабая постановка воспитательной и профилактической работы;
- отсутствие либо недостаток финансирования;
- доведение сложно выполнимых показателей и планов;
- низкий уровень внутреннего и ведомственного контроля;
- недостаточно эффективный владельческий надзор.

В числе причин и условий субъективного характера можно выделить:

- низкую социальную ответственность должностных лиц;
- личностные установки достижения собственных целей любыми, в том числе незаконными, средствами;
- корыстную мотивацию поведения и т. д.

В основе формирования коррупционного поведения наряду с недостатками системы воспитания и кадрового подбора оказывают влияние глубинные социальные процессы вестернизации и глобализации ценностей, предполагающие преобладание материального достатка и потребительства над иными значимыми духовно-нравственными ориентирами (честь, долг, ответственность) у значительной части населения (в том числе потенциальных коррупционеров и их семейного окружения). Немалую роль в этом играет информационный фактор, способствующий массовому распространению стереотипов высокообеспеченного образа жизни (как идеала), при малой представленности информационной продукции (в том числе художественного, развлекательного характера), посвященной развитию традиционных для белорусского общества ценностей, в том числе связанных с отношением к труду, ответственностью за выполняемую работу, патриотизмом и др.

Индивидуальное коррупционное поведение формируется в результате взаимодействия множества личностных и социальных детерминант, способных непосредственно или опосредованно влиять на мотивацию совершения коррупционных действий. В их роли выступают психологические особенности индивидуумов, негативные процессы, явления, события и факты реальности. В системе основных детерминант коррупционного поведения выделяются правовые, организационно-управленческие, социально-экономические, нравственно-психологические [14, с. 17]. В отношении последних следует отметить, что согласно исследованиям ученых из Института психологии РАН, выявление строго определенного комплекса факторов, актуализирующего коррупционное поведение личности, является сложной и мало поддающейся решению задачей. Полноценное изучение системы коррупционной личности охватывает сравнительно широкий круг образований, включающий пять основных структурных элементов:

- уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, смыслы и ценностные ориентации);
- когнитивно-нравственный уровень (нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, структура ответственности и долга);
- эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессией, удовлетворенность личным статусом, самоотношение);
- регулятивный уровень (фокус контроля, механизмы принятия решений);
- поведенческий уровень (ведущий тип реагирования) [15].

В контексте криминологического понимания алгоритмов приобщения личности к совершению криминальных деяний (механизма криминального поведения) критерии отнесения индивидуума к потенциально опасной социальной группе связываются с системой и процессом детерминации преступности. По мнению А. И. Долговой, понятие криминогенной личности выражает определенный социальный тип, определяющий большую, в сравнении с другими типами личности, вероятность преступного поведения в соответствующих условиях. Такая вероятность может реализоваться только во взаимодействии с социальной средой [16]. С позиции детерминационного подхода происхождение и распространение различных видов деструктивного девиантного поведения осуществляется в процессе непрерывного и динамичного взаимодействия личности и общества. Индивидуальное преступное поведение основывается на результате действия множе-

ства разноуровневых личностных и социальных детерминант, способных в различной для данного периода степени, непосредственно или опосредованно, обособлено или в совокупности влиять на совершение актов криминального поведения человека. Таким образом, причины коррупционного поведения конкретного индивидуума представляют собой частное проявление общего (массового) контента детерминации социальных девиаций, «преломляемого» индивидуальными психологическими процессами, которые, в свою очередь, имеют как социальное (результат социализации личности и опыта ее социального взаимодействия), так и специфически личностное (физиология, генетика) происхождение [7].

Среди всех сфер общественной жизни коррупционным рискам традиционно наиболее подвержена экономика. Причем такая уязвимость сферы имеет двойственный характер: с одной стороны, условия и результаты экономической деятельности привлекательны для различного рода коррупционных проявлений (злоупотреблений); с другой стороны, дефекты экономической деятельности облегчают совершение коррупционных деяний, тем самым выступая внутренними факторами, предопределяющими развитие коррупционных рисков. В экономической теории под коррупцией понимается «латентно организованный и незаконно функционирующий механизм противоправного принудительного отчуждения собственности и корыстного перераспределения национальных богатств и частной собственности в пользу немногочисленных индивидов и социальных групп» [17, с. 63]. В рассматриваемой сфере общественной жизни коррупция приводит к таким негативным последствиям, как: присвоение чужой собственности, нарушение экономической свободы субъектов хозяйствования, ограничение пространства предпринимательской деятельности, ухудшение инвестиционного климата, развитие организованной экономической преступности и формирование теневой экономики, а также выведение капитала в страны, где ниже уровень коррупции и преступности.

Принимая во внимания особую подверженность экономической деятельности коррупционным рискам, причины и условия рассматриваемого социально-правового явления в данной сфере могут быть классифицированы исходя из отраслевой направленности и содержания вида экономической деятельности.

В период последних пяти лет наибольшее количество коррупционных преступлений учтено в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве и торговле [18; 19]. При этом структура коррупционной преступности в названных отраслях неоднородна. Например, если

в организациях сельского хозяйства преобладают должностные хищения и сокрытие падежа крупного рогатого скота, то в организациях промышленности – взяточничество. Коррупционным проявлениям при этом наиболее подвержены следующие виды экономической деятельности: проведение процедур закупок, распоряжение государственным имуществом, предоставление и использование государственной поддержки, расходование бюджетных средств, совершение внешнеторговых сделок, реализация государственных программ и инвестиционных (инновационных) проектов [20].

В аспекте отраслевой направленности и содержания видов экономической деятельности распространены следующие основные причины и условия коррупции:

- *сельское хозяйство*: необеспечение контроля за выбытием и сохранностью крупного рогатого скота, составлением первичных учетных документов о рождении приплода, внутреннем перемещении скота, взвешивании животных, оприходовании молока, мясной продукции; уклонение органов государственной ветеринарной службы от пресечения в сфере животноводства очевидной фальсификации, в частности, когда врачами районных ветеринарных станций без фактического осмотра животных оформляются ветеринарные сертификаты; отсутствие надлежащих условий труда, что влечет за собой отток квалифицированных кадров;

- *промышленность*: бесконтрольное проведение закупок, в частности, когда подготовка и проведение соответствующей процедуры руководством возлагается на уполномоченное лицо без последующего контроля законности и обоснованности проведенных им подготовительных процедур; ненадлежащий контроль за использованием материалов и оприходованием готовых изделий; формальность деятельности комиссий, ответственных за списание товарно-материальных ценностей; отсутствие должного пропускного режима на территории предприятий;

- *строительство*: отсутствие надлежащего контроля за проведением работ, их качеством со стороны технического надзора; необеспечение сохранности строительных и горюче-смазочных материалов; использование в личных целях строительной техники, труда подчиненных работников.

Заключение

1. Коррупция как социально-правовое явление представляет серьезную угрозу национальной безопасности, поскольку подрывает основы государственного устройства, снижает уровень доверия населения к институтам государственной власти и управления, порождая кон-

фликтность в системе общественных отношений и значительное социальное напряжение в обществе, создает риски для нормального функционирования экономики страны и т. д. В этой связи государственная реакция на коррупционные преступления должна быть безусловной и весьма жесткой.

2. Круг лиц, совершающих коррупционные преступления, обладает устойчивыми характеристиками. Законодательные реформы и изменения в социально-экономической сфере хотя и модифицируют формы и способы коррупции, но не меняют соге-портрет одного из ее субъектов: это лицо, наделенное определенными служебными (в том числе властными) полномочиями, которые используются им в корыстных или иных личных целях.

3. В числе общих причин и условий, способствующих коррупционным проявлением, следует выделить: ошибки в подборе и расстановке кадров; слабую постановку воспитательной и профилактической работы; отсутствие либо недостаток финансирования; доведение сложно выполнимых показателей и планов; низкий уровень внутреннего и ведомственного контроля; недостаточно эффективный владельческий надзор; умышленное игнорирование законодательства; моральная неустойчивость должностных лиц, преследующих лишь цель удовлетворения личных интересов за счет интересов государства и общества.

4. Группировка причин и условий коррупции по критериям (например, отраслевой направленности, содержанию видов экономической деятельности и т. п.) имеет существенное практическое значение, поскольку позволяет более предметно подходить к решению таких вопросов, как мониторинг отраслевого законодательства на предмет наличия коррупциогенных факторов, разработка профилактических мероприятий, направленных на предупреждение и устранение причин и условий, способствующих коррупции, планирование и определение методики проведения проверок и т. д.

Список цитируемых источников

1. Стратегию борьбы с коррупцией утвердили в Беларуси / Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/december/72644/> (дата обращения: 25.08.2025).

2. Стратегию борьбы с коррупцией утвердили в Беларуси / БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/strategiju-borby-s-korrupsiej-utverdili-v-belarusi-542347-2022/> (дата обращения: 25.08.2025).

3. Стратегия борьбы с коррупцией: утверждена 28 дек. 2022 г. на 25-м заседании республиканского координационного совещания по борьбе с преступ-

ностью и коррупцией / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. – URL: <https://prokuratura.gov.by/upload/Стратегия.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

4. Коррупция в Беларуси: скрытые масштабы и новые меры борьбы / Myfin.by. – URL: <https://myfin.by/article/zhizn/korrupcia-v-belarusi-skritye-mashtaby-i-novye-mery-borby-37984> (дата обращения: 25.08.2025).

5. Генпрокуратура: коррупция не превышает 2 % в структуре общей преступности в стране / БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/genprokuratura-korrupsija-ne-prevyshaet-2-v-strukture-obschej-prestupnosti-v-strane-715324-2025/> (дата обращения: 25.08.2025).

6. В Генеральной прокуратуре состоялось республиканское координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. – URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/media/detail/borba-s-korrupsiej-v-generalnoy-prokura240625/> (дата обращения: 25.08.2025).

7. «Хищения и взяточничество». Генпрокурор о раскрытии коррупционных преступлений / БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/hischenija-i-vzjatochnichestvo-genprokuror-o-raskrytii-korrupsionnyh-prestuplenij-698752-2025/> (дата обращения: 25.08.2025).

8. Сведения за 2020 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Верховный суд Респ. Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/ru/statistika1/a22e1da7fc4b8f.html> (дата обращения: 25.08.2025).

9. Сведения за 2021 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Верховный суд Респ. Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/ru/statistika1/0be79da70a8b4304.html> (дата обращения: 25.08.2025).

10. Сведения за 2022 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Верховный суд Респ. Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/ru/statistika1/140398d808504cbe.html> (дата обращения: 25.08.2025).

11. Сведения за 2023 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Верховный суд Респ. Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/ru/statistika1/f65714aa2e21450b.html> (дата обращения: 25.08.2025).

12. Сведения за 2024 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Верховный суд Респ. Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/ru/statistika1/2f52145f47f74378.html> (дата обращения: 25.08.2025).

13. «Неприкасаемых нет». Швед о жесткой и принципиальной реакции на коррупционные преступления / БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/neprikasaemyh-net-shved-o-zhestkoj-i-printsipialnoj-reaktsii-na-korrupsionnye-prestuplenija-722636-2025/> (дата обращения: 25.08.2025).

14. Мельник, Н. И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия коррупции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Мельник Николай Иванович. – Киев, 2002. – 32 с.

15. Социально-психологические исследования коррупции: монография / отв. ред. А. Л. Журавлёв, Д. А. Китова, В. А. Соснин. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – 285 с.

16. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 1008 с.

17. *Василевич, Г. А.* Противодействие коррупции: учеб. пособие / Г. А. Василевич, Д. Г. Мороз. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2020. – 203 с.

18. Как противостоят коррупции в Беларуси? Генпрокурор Швед выступил в Академии управления / Беларусь Сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/kak-protivostoyat-korrupsii-v-belarusi-genprokuror-shved-vystupil-v-akademii-upravleniya.html> (дата обращения: 25.08.2025).

19. Коррупция как социально-правовое явление. Антикоррупционное законодательство: Генеральный прокурор Андрей Швед выступил в Академии управления при Президенте Республики Беларусь / Академия управления при Президенте Респ. Беларусь. – URL: <https://www.pac.by/press-center/news/korrupsiya-kak-sotsialno-pravove-yavlenie/> (дата обращения: 25.08.2025).

20. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о борьбе с коррупцией: приказ Генер. прокурора Респ. Беларусь, 1 июля 2016 г., № 20 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 25.08.2025).

Аннотация. Противодействие коррупции – один из важнейших приоритетов политики белорусского государства. Коррупционные проявления, посягая на охраняемые государством и необходимые для его функционирования основы управления, легитимированный порядок деятельности государственного аппарата, интересы государственной службы подрывают авторитет государственных органов (организаций) и формируют негативное отношение к ним в обществе. В материалах настоящего исследования за период последних пяти лет приводится анализ уровня и регионального распределения учтенных коррупционных преступлений, особенностей их субъектного состава, тенденций привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, а также структуры, уровня распространения по сферам экономической деятельности, причин и условий этих преступлений.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES

Vasileuski A. V., Korotich E. A.

Key words: criminology, corruption, trends, reasons, conditions.

Abstract. Combating corruption is one of the most important priorities of the state policy of the Republic of Belarus. Corruption manifestations that encroach on: the foundations of public administration protected by the state and necessary for its functioning, the legalized order of the state apparatus, the interests of the civil service, undermine the authority of state bodies (organizations) and form a negative attitude towards them in society. The materials of this study for the last five years provide an analysis of the

level and regional distribution of registered corruption crimes, the features of their subject composition, trends in bringing officials to criminal liability, as well as the structure, level of distribution in the spheres of economic activity, causes and conditions for the commission of these crimes.

УДК 343.98

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЩНОСТЬ ЗАДАЧ И СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ОРГАНОВ

Варавко Ю. В.

Ключевые слова: информационная аналитика оперативно-розыскных органов, информационно-аналитическая деятельность следователя, криминалистическая регистрация, криминалистическая идентификация, криминалистическая диагностика, криминалистическое прогнозирование.

Введение

Организация процесса борьбы с преступностью связана с исторически сформировавшимися в различных национальных правовых системах уникальными подходами к такой деятельности. В частности, в Республике Беларусь процессуально, а с момента создания самостоятельной системы государственных органов – Следственного комитета, и организационно следственная деятельность обособлена.

При этом сходные по своей природе и направленности, а в отдельных случаях и аналогичные задачи решаются различными органами уголовного преследования. Такая ситуация обусловила тот факт, что информационная аналитика как способ получения новых знаний путем обработки имеющихся данных в определенной сфере деятельности человека развивалась и была предметом исследования в качестве одной из составляющих деятельности иных правоохранительных органов. Например, имеются работы по вопросам информационно-аналитического обеспечения деятельности по охране общественного порядка [1], в сфере осуществления прокурорского надзора [2].

Наиболее близкой к следственной деятельности по используемым методам и средствам, уровню и характеру решаемых задач является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД).

Доступные для широкого круга лиц исследования по вопросам природы оперативно-розыскной информации и способов ее обработ-

ки выполнены А. В. Мовчаном [3], С. С. Овчинским [4], А. С. Овчинским [5], Е. Н. Яковцом [6]. Указанные ученые при формулировании и обосновании положений частной теории информационно-аналитической работы определили объект, предмет, инструменты и методы, а также принципы ее осуществления.

При этом вопрос о соотношении информационной аналитики, осуществляемой в рамках ОРД, и информационно-аналитической деятельности следователя в юридической литературе системно не рассматривался.

Основная часть

По своему содержанию аналитическая работа в сфере ОРД состоит в приведении разрозненных оперативно-розыскных и иных сведений, представляющих оперативный интерес, в логически стройную и обоснованную систему зависимостей (пространственно-временных, причинно-следственных и др.), позволяющих дать правильную оценку как всей совокупности фактов, так и каждому из них в отдельности [7, с. 310].

По мнению ряда ученых, информационная аналитика, используемая в ОРД, возникла в XIX веке в связи с началом формирования основ уголовной (криминалистической) регистрации, которая стала активно использоваться как один из способов выявления и раскрытия преступлений [8, с. 21; 9]. С момента выделения теории оперативно-розыскной деятельности из криминалистики в качестве самостоятельной области знаний ее информационно-аналитическое обеспечение стало предметом активного научного исследования.

При этом в информационной аналитике, осуществляемой в сфере ОРД, широко используются криминалистические знания. Так, опираясь на теоретические положения криминалистики, исследователи аналитической работы предлагают рассматривать ее реализацию посредством осуществления сложного комплекса познавательных действий, включающих оперативно-розыскную идентификацию, оперативно-розыскную диагностику, оперативно-розыскное прогнозирование и оперативный поиск, интегрирующий указанные средства и методы анализа [7]. Такой подход, по нашему мнению, позволяет придать системе аналитической работы логичную и непротиворечивую структуру.

Для раскрытия сущности рассматриваемых форм аналитической работы [10, с. 227] ее градация может быть осуществлена в зависимости от временных интервалов, на которые она направлена, с выделением ретроспективного, современного и прогностического анализов. Соответственно, оперативная идентификация является инструментом реализации ретроспективного анализа и используется для решения

задач раскрытия преступления и осуществления розыскных функций. Оперативная диагностика направлена на события, происходящие в режиме реального времени (современный анализ), что позволяет пресечь и раскрыть преступление, а также обеспечить различные розыскные мероприятия. Прогнозирование как инструмент предвосхищения еще не наступивших событий делает возможным выявление и предупреждение преступлений [7, с. 311–312].

Кроме того, формы аналитической работы могут быть соотнесены с конкретными оперативно-розыскными мероприятиями и иными действиями, осуществляемыми в ходе оперативно-розыскного процесса. Так, оперативная идентификация реализуется в ходе оперативного отождествления, исследования предметов и документов, составления портретов, в том числе и социально-психологического портрета (профиля), при использовании криминалистических, оперативных и иных учетов. Диагностика применяется при оперативном распознавании. Например, при выявлении лиц, которые по отдельным признакам могут быть отнесены к категории, представляющей интерес – террористы, карманные воры и др. Объектами оперативно-розыскной диагностики выступают свойства и состояния объектов, криминальные ситуации, а также связи между событиями, действиями и явлениями [7, с. 440].

Прогнозирование используется при выработке оперативно-розыскных версий, обращенных в будущее, а также в качестве составного элемента идентификации, в частности при создании социально-психологического портрета [7, с. 442–443]. В качестве предмета (объекта) прогнозирования может выступать индивидуальное поведение лица, а также определенная ситуация [4, с. 284–285].

Поскольку теоретической основой оперативно-розыскных идентификации, диагностики и прогнозирования являются соответствующие частные криминалистические теории, то предлагаемую классификацию форм и методов можно использовать в рамках информационно-аналитической деятельности (далее – ИАД) следователя, в том числе как один из путей определения содержания такой деятельности.

Так, криминалистическое прогнозирование может использоваться в ходе профилактической деятельности следователя, когда существует необходимость предвидения возможных негативных последствий в случае сохранения дефектов системы, подвергнутой исследованию в рамках предварительного расследования, и, в частности, при подготовке представления в соответствии со ст. 199 УПК либо обобщенной информации, направляемой в адрес субъекта профилактики либо иных органов и организаций. ИАД следователя в форме прогнозирования позволяет не только отреагировать на выявленные причины и условия,

способствующие совершению преступления, но и, сформировав вероятную модель будущего развития негативной ситуации, предложить оптимальные и эффективные подходы для ее устранения (nivelирования). В данном случае следует согласиться с Л. Г. Горшениным в том, что криминалистические прогнозы делают профилактику преступлений более реальной и действенной [11, с. 283].

Важным аспектом ИАД следователя является прогнозирование индивидуального поведения участников уголовного процесса и иных лиц. Выбор верных стратегии расследования и тактики производства следственного действия путем прогнозирования реакции подозреваемого (обвиняемого) или свидетеля на тактические приемы, используемые следователями, могут гарантировать бесконфликтность и эффективность допроса. Кроме того, в рамках аналитической деятельности при организации предварительного следствия должны оцениваться риски принятия процессуальных и тактических решений. Например, решений о целесообразности избрания меры пресечения или порядке вызова на допрос свидетелей, обладающих сходной криминалистически значимой информацией.

Криминалистическая идентификация и диагностика, являясь базовыми составляющими познавательного процесса следователя, используются им в процессе раскрытия и расследования преступлений, а соответственно, применяются и при осуществлении ИАД следователя. Так, криминалистическая идентификация используется при анализе больших данных из баз и банков данных, выявлении серии преступлений и принятии уголовно-процессуального решения о соединении уголовных дел в одном производстве, установлении лиц, в том числе подлежащих привлечению в качестве обвиняемых [12]. Криминалистическая диагностика выступает в качестве формы аналитической деятельности установления механизма преступления, достоверности показаний лиц, диагностики физических и психических свойств личности, выдвижении и проверки версий [13].

Приведенный анализ показывает, что, несмотря на общую теоретическую основу, отграничение аналитической работы в сфере ОРД и ИАД следователя определяется целями и задачами, стоящими перед соответствующими субъектами противодействия преступности, и доступным набором методов и средств их достижения.

Так, основными целями осуществления аналитики в рамках ОРД будет выявление и раскрытие преступлений, а в ходе ИАД следователя – расследование преступления.

При этом необходимо отметить, что в целом раскрытие преступлений или, иными словами, установление лиц, совершивших преступле-

ния, относится в первую очередь к компетенции органов дознания (например, в соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»). Однако следователю без принятия мер, направленных на раскрытие преступления, в том числе путем осуществления аналитической деятельности, невозможно обеспечить быстрое и полное расследование преступлений, изболечение и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц и решение иных задач уголовного процесса.

Следователь может осуществлять и розыскную деятельность, то есть деятельность, направленную на обнаружение места нахождения лиц, совершивших преступление, и иных объектов, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления, реализуемую путем производства следственных действий и других мероприятий, как в процессе расследования, так и по уголовному делу, приостановленному производством [14, с. 5].

Таким образом, ИАД следователя осуществляется в форме и с использованием методов криминалистического прогнозирования при осуществлении следственной профилактики и организации процессуальных действий, а также принятии процессуальных и тактических решений, криминалистической идентификации и диагностики – в ходе раскрытия и расследования преступлений, а также при осуществлении розыскных мероприятий.

Сравнение аналитической работы в сфере ОРД и ИАД следователя позволяет говорить о частичном их совпадении, поскольку исследуются фактически два максимально близких по времени и содержанию этапа единого процесса установления и фиксации обстоятельств совершения деяний, имеющих признаки противоправности. В то же время отличие этих двух видов аналитической деятельности прослеживается по их объектам и предметам анализа.

В рамках аналитической работы в сфере ОРД в первую очередь рассматриваются противоправные деяния и связанные с ними криминально активные лица, совокупность которых характеризует в целом понятие преступности. Кроме того, к объектам такой деятельности относятся правонарушения, не носящие криминального характера, познание которых прямо или косвенно способствует решению задач, стоящих перед правоохранительными органами; факты и обстоятельства непротивоправного свойства, требующие в соответствии с предписаниями действующих нормативных правовых актов их проверки путем применения оперативно-розыскных мер [7, с. 321].

Основной объект ИАД следователя является более узким понятием и включает в себя конкретное противоправное и иные уголовно-

релевантные деяния, а также деятельность лиц, причастных к их совершению. В то же время исследованию на стадии предварительного расследования могут подвергаться события и явления либо лица, имеющие опосредованное отношение к факту преступной деятельности. Например, в ходе подготовки к допросу либо иному следственному действию в процесс аналитической обработки могут включаться данные о личности свидетеля. В качестве объекта ИАД следователя целесообразно выделить и непосредственно деятельность по расследованию преступления, под которой следует понимать деятельность различных субъектов, направленную на достижения целей и решение задач, стоящих перед органом предварительного следствия по конкретному факту преступной либо иной уголовно-релевантной деятельности. Исследование такой деятельности позволяет выявлять и исправлять неполноту предварительного расследования, обеспечивает на основе полученных знаний эффективную реализацию целей и задач по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений.

В сфере ОРД предметом аналитической работы являются наиболее существенные свойства объектов исследования, познание которых необходимо для достижения поставленных целей. Иными словами, это сопоставляемые и анализируемые в ходе аналитической работы характерные особенности или признаки объектов, зафиксированные на соответствующих носителях либо в памяти людей, и их отображения [7, с. 321].

Предмет ИАД следователя – криминалистически значимая информация в наиболее полном ее понимании. С одной стороны, такая информация, помимо той, что получена в ходе осуществления процессуальной деятельности, включает любые доступные следователю сведения, имеющие значение для достижения установленных законом конечных целей деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступления [15, с. 71]. С другой стороны, существенную часть в предмете ИАД следователя составляет качественная по достоверности и насыщенности информация, прошедшая предусмотренную уголовно-процессуальным законом процедуру проверки и оценки.

Таким образом, ИАД следователя наравне с аналитической работой в сфере ОРД выступает в качестве отдельного и необходимого элемента деятельности правоохранительных органов, что определяется наличием собственных объекта, предмета, методов аналитического исследования, вытекающих из целей и задач, стоящих перед органами предварительного следствия.

Следует оговориться, что в рамках существующей в Республике Беларусь системы правоохранительных органов, включенных в процесс

обеспечения национальной безопасности, традиционно приоритет в осуществлении информационно-аналитической деятельности отдается органам, относящимся к субъектам оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Особенность информационного обеспечения работы данных органов заключается в их нацеленности на сбор и фиксацию максимально возможного объема информации при ограниченности доступа к ее источникам. Это вынудило субъектов такой деятельности в полной мере реализовывать аналитические подходы в работе с поступающими и накапливающимися сведениями. Следствием развития информационной аналитики в практике органов, осуществляющих ОРД, явилось формирование позиции отдельных авторов, рассматривающих аналитическую работу исключительно как элемент непроцессуальной деятельности [6, с. 33].

Приведенное утверждение является спорным, поскольку сводит деятельность следователя исключительно к ее уголовно-процессуальной составляющей. В то же время большую часть времени следователя занимают, например, вопросы организации предварительного расследования, что включает в качестве ее компонента – аналитическую обработку данных, собранных в ходе предварительного расследования.

Так, согласно данным проведенного нами анкетирования сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь 31 % респондентов уделяют ИАД следователя до 75 % своего рабочего времени¹. Еще более показательными в данной части являются дополнительные комментарии опрошенных. Так, в примечании к вопросу о доли аналитической составляющей в работе следователя отдельные респонденты, в частности, указали (*приводится дословно*):

- «Аналитическая деятельность – суть работы следователя, которая выходит далеко за рамки отведенного рабочего времени».
- «Нормальные следователи аналитикой занимаются круглосуточно, так как мыслительная деятельность у них не останавливается по окончании рабочего дня».
- «Любая работа следователя, будь то допрос или запрос, требуют анализа».

Кроме того, на современном этапе развития технологий происходит смешение следственной и оперативно-розыскной деятельности. Например, такие источники данных, как телефонные соединения, присутствуют и в оперативно-розыскных материалах, и в уголовных делах, также как оперативный сотрудник, так и следователь имеют до-

¹ В статье приводятся результаты анкетирования 858 сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь.

ступ к ряду информационных ресурсов (базы и банки данных правоохранительных и иных органов, а также учреждений и организаций, социальные интернет-сети и др.).

Следователь ограничен лишь в получении данных из оперативных учетов, состоящих из оперативно-розыскных, оперативно-профилактических и оперативно-справочных учетов. При этом основные источники данных, используемые в ходе аналитической деятельности в сфере ОРД, доступны для применения и в ходе ИАД следователя. К ним можно отнести банки данных:

- криминалистической, криминологической, административной, статистической информации;
- иных правоохранительных органов;
- министерств, ведомств, предприятий, учреждений и организаций, не имеющих прямого отношения к борьбе с преступностью;
- городских и областных органов власти, а также средства массовой информации, в том числе интернет [16].

При этом орган предварительного следствия в ходе ИАД следователя по сравнению с органом дознания имеет в данной сфере ряд преимуществ. Так, в качестве предмета ИАД следователя, как отмечалось выше, используются в первую очередь достоверные и объективные данные, что обеспечивается уголовно-процессуальными процедурами их получения, проверки, оценки и фиксации. Кроме того, следователь, в производстве которого находится уголовное дело, в соответствии с положениями ст. 36 УПК имеет право ознакомиться с оперативно-розыскными материалами, при фактическом отсутствии закрепленного в законе права органа дознания изучить материалы уголовного дела. Благодаря процессам цифровизации как следователь, так и сотрудник органа дознания (в том числе органа, осуществляющего ОРД) имеют равные возможности получения сведений общего и специального пользования (например, данные из социальных интернет-сетей и иных ресурсов сети Интернет, базы и банки данных правоохранительных и иных органов, а также учреждений и организаций и т. п.).

Следует также отметить, что по результатам проведенного нами опроса сотрудников Следственного комитета 63 % считают, что информационно-аналитическую деятельность более полно и достоверно может провести следователь. При этом в качестве основной причины недостатков в аналитической работе сотрудников и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, 51 % следователей отметили нацеленность данных субъектов на промежуточный результат.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что виды информационно-аналитической деятельности, осуществляемые в оперативно-розыскной и следственной деятельности, обладая общей криминалистической основой, существенно дифференцируются по целям, объектам и правовым условиям реализации. При этом использование следователем в ходе ИАД криминалистически значимой информации, прошедшей уголовно-процессуальную проверку и оценку, а также его доступ к оперативно-розыскным материалам и ряду иных источников данных обеспечивают более полные и релевантные результаты такой аналитической деятельности. В данном случае ограничения доступа следователя к оперативным учетам компенсируются процессуальными гарантиями достоверности используемых данных.

Список цитируемых источников

1. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: учебник / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. – М.: Академия Управления МВД России, 2023. – Ч. 1 – 360 с.
2. Хатов, Э. Б. Организация информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры: монография / Э. Б. Хатов. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 220 с.
3. Мовчан, А. В. Інформаційно-аналітична робота в оперативно-розшуковій діяльності Національної поліції: навч. посібник / А. В. Мовчан. – Львів: ЛьвДУВС, 2017. – 244 с.
4. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация / А. С. Овчинский, В. С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 367 с.
5. Овчинский, А. С. Оперативно-розыскная аналитика (ответ современным угрозам): монография / А. С. Овчинский. – М.: Издат. дом Шумиловой И. И., 2015. – 108 с.
6. Яковец, Е. Н. Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / Е. Н. Яковец. – М.: Щит-М, 2009. – 464 с.
7. Халиков, А. Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / А. Н. Халикова, Е. Н. Яковец, Н. И. Журавленко. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 472 с.
8. Голубовский, В. Ю. Теория и практика информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений криминальной милиции: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Голубовский Владимир Юрьевич. – Санкт-Петербург, 2001. – 373 л.
9. Мовчан, А. В. Історичні аспекти становлення та розвитку інформаційно-аналітичної роботи в оперативно-розшуковій діяльності / А. В. Мовчан // Наук. вісн. Нац. акад. внутр. справ. – 2013. – № 3. – С. 230–238.
10. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТА-ДАНА, 2001. – 837 с.

11. Горшенин, Л. Г. Теория криминалистического прогнозирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Горшенин Лев Георгиевич; НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебных экспертиз Министерства юстиции Респ. Беларусь. – Мн., 1994. – 330 л.

12. Колдин, В. Я. Судебная идентификация / В. Я. Колдин. – М.: ЛексЭст, 2002. – 528 с.

13. Корухов, Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений / Ю. Г. Корухов. – М.: Норма, ИНФРА-М, 1998. – 288 с.

14. Коновалов, Е. Ф. Розыскная деятельность следователя / Е. Ф. Коновалов. – М.: ВШ МВД СССР, 1973. – 178 с.

15. Ишин, А. М. Теоретические аспекты информационного обеспечения органов предварительного следствия в ходе расследования преступлений: монография / А. М. Ишин. – Калининград: Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2003. – 224 с.

16. Мовчан, А. В. Некоторые аспекты совершенствования информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности / А. В. Мовчан // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 2 (22). – С. 247–251.

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ информационной аналитики в процессах раскрытия и расследования преступлений, реализуемой следователем и оперативно-розыскными органами. На основе сравнительно-правового и криминалистического методов исследования устанавливается общая теоретико-методологическая база (криминалистические идентификация, диагностика, прогнозирование), применяемая в обеих сферах. Кроме того, разграничиваются цели таких видов деятельности, определяется специфика их объекта и предмета.

INFORMATION-ANALYTICAL COMPONENT OF CRIME DETECTION AND INVESTIGATION: COMMONALITY OF TASKS AND SPECIFICS OF IMPLEMENTATION IN THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR AND OPERATIONAL SEARCH BODIES

Varavko Y.

Key words: information analysis of operational-search units, informational and analytical activity of the investigator, forensic registration, forensic identification, forensic diagnosis, forensic forecasting.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of information analysis in the processes of discovery and investigation of crimes carried out by investigators and intelligence agencies. On the basis of comparative legal and forensic research methods, a common theoretical and methodological basis (criminal identification, diagnosis, forecasting) is established, which is applied in both spheres. In addition, the purpose of such activities shall be distinguished and the specificity of their object and subject shall be determined.

ПОДРАСТАЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ескендиоров А. А.

Ключевые слова: современность, общество, несовершеннолетние, преступность, деструктивность, аморальность, охрана, защита.

Введение

Социально-экономические и финансовые катаклизмы, безработица и обнищание среднего класса казахстанцев вынуждают взрослых уделять все внимание не семье и детям, а проблемам «выживания» (ипотека, аренда жилья, кредиторские выплаты и др.). Дети и подростки лишены должной родительской опеки, нарушается процесс морально-нравственного и социального воспитания подрастающего поколения. Несовершеннолетним, видящим вокруг себя голод и нищету, трудно понять, почему нельзя взять имущество, принадлежащее другому человеку, или почему необходимо с уважением относиться к чувствам других людей. Они еще не могут либо не хотят этого понимать. До тех пор, пока все существование наших детей будет наполнено моральными и социальными пороками, помочь им будет нелегко. Надо менять условия их жизни в лучшую и правильную стороны.

Основная часть

По состоянию на 01.05.2025 население Казахстана составляло 20 353 265 чел. (63,2 % горожане и 36,8 % сельчане), из них г. Алматы – 2 310 071 чел. (11,3 %), Туркестанская область – 2 151 581 чел. (10,6 %), Алматинская область – 1 573 044 чел. (7,7 %) и г. Астана – 1 558 501 чел. (7,6 %) [1]. При этом за 2000–2025 гг. численность детского и подросткового населения увеличилась с 5 428 119 до 6 841 527 чел. (+26 %), из них 59,7 % проживало в городах и 40,3 % – на селе [2].

На этом фоне, несомненно, остро встает проблема «дефицита» дошкольных и общеобразовательных учреждений. По состоянию на 09.03.2023 в Казахстане функционировало 11 215 организаций дошкольного (977 816 детей) и 7714 организаций среднего образования (3 712 726 учащихся) [3]. Центральные и местные органы исполнительной власти всемерно принимают меры по строительству дошкольных и общеобразовательных учреждений.

Одним из источников финансирования строительства данных объектов стал капитал, полученный незаконным путем. В Послании на-

роду Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» К.-Ж.К. Токаев конкретно определил, «строительство новых школ должно быть одной из приоритетных задач правительства и акимов. Все незаконно полученные средства, которые поступают в распоряжение государства в результате судов над коррупционерами, должны расходоваться на строительство школ» [4]. Принятыми мерами в Фонд поддержки инфраструктуры образования (Министерство просвещения Республики Казахстан) поступило 121,7 млрд тенге, на основании заявок регионов Республиканской бюджетной комиссией были поддержаны 72 проекта на сумму 106,7 млрд тенге: 94,1 млрд тенге – на завершение строительства 69 школ (на 85 тыс. мест) и 12,6 млрд тенге – строительство 3 объектов (2 школы на 1400 мест и школа-интернат на 200 мест) [5].

На фоне несчастных случаев, подросткового насилия и вооруженных нападений в школах остро встают проблемы безопасности педагогов и учащихся. По состоянию на 01.01.2023 частными охранными организациями обслуживалось 3404 школы (50 %) и 1371 детский сад (24,5 %), причем в 2050 школах и 790 детских садах безопасность включает установку средств охранной сигнализации («тревожная» кнопка) и выезд групп оперативного реагирования на сигналы тревоги. Остальные объекты охраняются посредством физической охраны либо в совокупности с тревожной сигнализацией [6]. Техническое несоответствие систем видеонаблюдения зафиксировано в Абайской, Алматинской, Жетысуской, Костанайской, Туркестанской и Улытауской областях. В крупных городах Северо-Казахстанской, Костанайской и Туркестанской областей не заключены договоры со специализированной охраной.

По вопросу причины отсутствия 100 % охраны объектов образования необходимо исходить из финансовых средств, выделяемых из местного бюджета для закупок охранных услуг, поскольку частные охранные организации оказывают их на платной основе. Решение этого вопроса входит в компетенцию местных органов исполнительной власти совместно с Министерством просвещения Республики Казахстан.

Следует поэтапно вводить в организациях образования (столица, города республиканского и областного значения, районные центры) 100 % установку систем видеонаблюдения и сигнализации, турникеты. Далее необходимо рассмотреть вопрос интегрирования школьных систем видеонаблюдения с ресурсами центров оперативного управления департаментов полиции.

Обеспечение безопасности жизни и здоровья ребенка требует определения границ ответственности семьи и школы. В случае, если

ребенок находится вне пределов организации образования (до и после уроков, каникулы), за его жизнь и безопасность ответственны родители или иные законные представители. Во время уроков и мероприятий, проводимых за пределами организации образования, ответственность за жизнь и безопасность ребенка возлагается на педагогов и школу.

Требует особого подхода дисциплинарная практика в школах. Здесь уместно вести речь о педагогическом подходе в случаях совершения школьниками проступков и нарушений требований правил внутреннего распорядка школы, т. е. не обязательно отстранять их от уроков, а также выдворять из школы без сопровождения родителей или иных законных представителей. Правильно уведомить родителей или иных законных представителей о произошедшем случае и пригласить их в организацию образования, при необходимости принять соответствующие меры.

Именно от крепости и устойчивости семейно-брачных отношений, здоровья родителей зависит полноценное физическое и духовное развитие детей. На сегодня не каждая казахстанская семья может в полной мере, а порой с трудом выполняет функции социального института, способного обеспечивать здоровое и правильное воспитание детей. Ежегодно участковыми инспекторами полиции по делам несовершеннолетних как «неблагополучные» на профилактический учет ставятся более 10 тыс. казахстанских семей. «Неблагополучие» в семье выступает главным фактором в распространении такого социального явления, как детская безнадзорность. В специализированные учреждения Министерства просвещения Республики Казахстан как «безнадзорные» ежегодно доставляется около 7 тыс. детей и подростков. В этом аспекте положительно рассмотреть идею организации поселений для городских «трудных» подростков на селе, где они при содействии педагогов и воспитателей могут быть приобщены к животноводческой и агрохозяйственной деятельности.

Особую обеспокоенность вызывают деструктивные инициативы по реформированию программ школьного воспитания.

Так, в апреле 2023 г. общественный резонанс вызвал скандальный факт распространения среди учащихся средней школы № 8 г. Текели (Жетысуская обл.) буклетов сексуального содержания. На лекции по половому воспитанию психологи школы раздали учащимся 7–9-х классов брошюры с правилами пользования средствами контрацепции, действиями в случае нежелательной беременности, а также сведениями аморального содержания, запрещенных лицам младше 18 лет. Согласно материалам служебной проверки, врач-психолог больницы г. Текели

ошибочно выдала педагогам информационные буклеты для лиц других возрастных групп [7].

К сожалению, подобного рода факты по стране не единичны. Виной этому халатность руководства территориальных органов образования и общеобразовательных учреждений, непрофессионализм педагогов либо же планомерная деструктивная деятельность заинтересованных лиц и организаций, направленная на подрыв традиционных основ казахстанского общества.

Морально-психологическая неустойчивость, жилищно-бытовая и семейная неустроенность родителей, педагогов и воспитателей нередко ставят под угрозу жизнь и здоровье наших детей. В данном случае речь идет о принятии мер противодействия и защиты:

1) введение ответственности граждан, косвенно либо умышленно скрывших факты насилия в отношении несовершеннолетних;

2) разработка типовых методических рекомендаций по реабилитации несовершеннолетних жертв и свидетелей насилия;

3) создание республиканской базы данных несовершеннолетних из «группы риска»:

- дети, проживающие в «неблагополучных» семьях, а также находящиеся в трудной жизненной ситуации;

- дети, проживающие с лицами, ранее судимыми за насильственные преступления;

- дети – жертвы насильственных и половых преступлений;

- дети – жертвы торговли людьми, похищенные либо нелегально перемещенные за пределы страны;

- дети – жертвы семейно-бытового насилия;

- дети, совершившие попытку суицида;

- дети, состоящие на профилактическом учете в органах внутренних дел;

4) разбирательство по фактам насилия в общеобразовательных и интернатных учреждениях должно осуществляться при активном участии независимых структур (т. е. без участия школы и органов образования), в компетенцию которых включить рассмотрение жалоб и защиту истца (ученика, педагога, сотрудника персонала). Такими органами могут стать региональные представительства Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан;

5) обязать территориальные органы образования и ювенальную полицию вести сбор и учет сведений о фактах насилия в школах: анкетные данные учеников и педагогов (в том числе пол, возраст, национальность и вероисповедание), статус в конфликте (жертва, свидетель,

агрессор), форма насилия и дискриминации (кибербуллинг, сексуальные оскорбления и др.), наличие судимости, приводов в полицию, привлечения к уголовной либо административной ответственности, постановка на учет в Центре психического здоровья и наблюдение у врача-нарколога (врача-психиатра), попытки суицида и членовредительства, меры реагирования.

Особо пристальное внимание полиции, прокуратуры, суда и правозащитных организаций привлекают уголовные деяния, совершаемые в отношении детей и подростков, являющихся наиболее уязвимой социальной группой и подверженных высокому риску стать жертвами торговли людьми. Чаще всего жертвы «траффикинга», в том числе и дети, подвергаются сексуальной эксплуатации. Мировые масштабы такой эксплуатации несовершеннолетних подтверждаются не только увеличением числа выявленных преступлений, но и растущим количеством онлайн-ресурсов, незаконно распространяющих детскую порнографию.

Помимо сексуальной эксплуатации, другими формами торговли детьми могут являться: принудительное вступление в брак, незаконное усыновление, принудительное вовлечение в преступную и антиобщественную деятельность (наркобизнес, кражи, угон автотранспорта, проституция, попрошайничество и др.), трансплантация органов и тканей, вербовка в террористические и экстремистские группировки.

Проблема «траффикинга», как и проблема насилия над детьми в целом, слабо изложена существующими статистическими данными, и о ее масштабах можно судить лишь косвенно, опираясь на имеющиеся фрагментарные цифры, сообщения средств массовой информации и отчеты правозащитных организаций. По этой причине наибольший научно-практический интерес представляют вопросы совершенствования правоохранительной практики органов внутренних дел и прокуратуры по противодействию торговле несовершеннолетними, выявлению факторов, способствующих вовлечению детей в орбиту сексуальной и трудовой эксплуатации, установлению криминальных схем продавцов детьми и т. д.

Ключевой вехой в решении проблемы «траффикинга» детей может стать выработка государственной стратегии противодействия торговле людьми. Наличие такой стратегии неизбежно потребует создания специальных служб, уполномоченных изучать ситуацию, выявлять динамику и предлагать системные решения, которые со временем сформируют единый комплекс мер по противодействию торговле людьми.

Разработка государственной стратегии по противодействию «траффикингу» повлечет переосмысление существующей нормативно-

правовой базы и ее постепенной доработки с учетом актуальных угроз и прецедентов. В свою очередь, такое совершенствование нормативно-правовой базы позволит чаще привлекать к ответственности виновных и легче выявлять жертв уголовных правонарушений.

И, наконец, наличие ясной официальной позиции государства и соответствующего информационного сопровождения приведет к полной осведомленности населения о существующей проблеме. Это может способствовать повышению гражданской активности и формированию институтов гражданского общества, содействующих борьбе с «траффикингом». Такое содействие может осуществляться посредством ведения профилактической работы с уязвимыми группами населения, мониторинга ситуации на предмет подозрительной активности в Internet-пространстве и в повседневной жизни, а также посредством помощи пострадавшим от «траффикинга».

Заключение

Ювенальное законодательство ООН обязывает государственные органы и должностных лиц, ответственных за администрирование, штатное и материально-техническое укомплектование детских учреждений (ясли, сады, школы и т. д.), руководствоваться в своей деятельности принципами взаимоуважения, гуманизма, толерантности, гендерного равенства, а также нетерпимости ко всем формам дискриминации и насилия по отношению к несовершеннолетним.

Обеспечение доступа несовершеннолетних к современному и качественному образованию является неотъемлемой частью гендерной политики по защите прав и свобод подрастающего поколения, и поэтому для достижения поставленных целей государство и общество должны создать безопасную и доброжелательную атмосферу, исключающую дискриминацию, трудовую эксплуатацию и насилие.

Список цитируемых источников

1. Статистические данные о численности населения Казахстана (по состоянию на 01.05.2025 года) // Агентство по статистике Республики Казахстан. – Астана, 2025.
2. Статистические данные о численности детского и подросткового населения Казахстана (2000–2024 гг.) // Агентство по статистике Республики Казахстан. – Астана, 2025.
3. Статистические сведения о количестве организаций дошкольного и среднего образования (по состоянию на 09.03.2023 года) // Министерство просвещения Республики Казахстан. – Астана, 2025.
4. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 01.09.2022 года «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_2 (дата обращения: 27.06.2025).

5. 72 школы построят на деньги, изъятые у коррупционеров. – URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6391892-72-shkoly-postroyat-na-dengi-izyatye-u-korruptsionerov.html> (дата обращения: 28.06.2025).

6. Сколько школ и детских садов остаются без специализированной охраны в Казахстане. – URL: <https://www.zakon.kz/politika/6384866-Ckolko-shkol-i-detskikh-sadov-ostayutsya-bez-spetsializirovannoy-okhrany-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 28.06.2025).

7. «Пособие для путан»: откровенные буклеты для школьников в Текели разозлили Казнет. – URL: <https://liter.kz/posobie-dlia-putan-otkrovennye-buklety-dlia-shkolnikov-v-tekeli-razozlili-kaznet-1682057902/> (дата обращения: 30.06.2025).

Аннотация. Несовершеннолетние, беременные женщины, пенсионеры и инвалиды – особая категория лиц, которая наиболее часто подвержена негативному воздействию со стороны общества, а потому нуждается в особой правовой защите своих прав и законных интересов.

В научной статье анализируются проблемы охраны детства и защиты подрастающего поколения от негативных факторов современного общества («социальное» сиротство, маргинализация, школьное и семейно-бытовое насилие, беспризорность и др.). Особое значение в исследуемой сфере человеческой жизнедеятельности имеют вопросы эффективной реализации программ политико-правового, социально-экономического и образовательного назначения.

Цель программ – создание условий для благополучного развития подрастающего поколения, здорового образа жизни несовершеннолетних, социальная и правовая поддержка малоимущих семей, реабилитация и ресоциализация «трудных» подростков, профилактическая работа с «неблагополучными» семьями, профилактика ювенальной преступности.

THE YOUNGER GENERATION AND THE CHALLENGES OF MODERN SOCIETY

Yeskendiroy A. A.

Key words: modernity, society, minors, crime, destructiveness, immorality, protection, defense.

Abstract. Minors, pregnant women, pensioners and disabled people are a special category of people who are most often exposed to negative influence from society, and therefore need special legal protection of their rights and legitimate interests. The scientific article analyzes the problems of child protection and protection of the younger generation from the negative factors of modern society («social» orphanhood, marginalization, school and family violence, homelessness, etc.). Of particular importance in the studied sphere of human life are the issues of effective implementation of programs of political, legal, socio-economic and educational purpose. The purpose of the programs is to create

conditions for the successful development of the younger generation, a healthy lifestyle for minors, social and legal support for low-income families, rehabilitation and resocialization of «difficult» teenagers, preventive work with «unstable» families, and prevention of juvenile delinquency.

УДК 343

ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Русецкий О. В.

Ключевые слова: антинаркотическая политика, незаконный оборот наркотиков, наркопотребление, предупреждение связанных с наркотиками преступлений, профилактика потребления наркотиков.

Введение

Проблема распространения наркотиков в социуме обладает сложной, исторически обусловленной природой. Она отличается двойственной сущностью криминально-социальных негативных проявлений потребления и незаконного оборота вызывающих зависимость, наносящих вред человеку веществ, что позволяет ее рассматривать в качестве фактора, существенно влияющего на общественную безопасность, здоровье населения.

Базовые причины распространения наркотиков имеют комплексный характер, выражаемый взаимосвязанными понятиями «спроса» и «предложения», первое из которых рассматривается как массовое проявление девиантного поведения, связанного с немедицинским потреблением наркотиков, второе – как криминальный бизнес по их производству и распространению.

Поскольку молодежь является наиболее уязвимой в плане наркотизации и вовлечения в незаконный оборот наркотиков социальной группой, рассматриваемая проблема непосредственно связана с потенциалом общественного воспроизводства и нормальным функционированием социума в будущем. При этом, исходя из специфики наркобизнеса, следует учитывать, что в борьбе за наше население и особенно молодежь нам противостоят глобальные структуры наркобизнеса, доходы которых от связанной с наркотиками криминальной деятельности многократно превышают бюджет нашей страны. Учитывая тенденции легализации наркотиков в западном мире, надежды на активное участие в противодействии наркобизнесу международного сообщества

все меньше. Негативно влияют на это и деструктивные внешнеполитические процессы. Взаимодействие с партнерами из дружественных государств показывает высокие результаты, но не охватывает все мировое пространство криминальной деятельности наркобизнеса, который по-прежнему представляет серьезную угрозу. Он интенсивно развивается в симбиозе с информационными и иными технологиями, делая все возможное для повышения спроса на наркотики, беспрепятственной реализации их незаконного предложения.

Все это предопределяет отнесение к основным условиям эффективности антинаркотической деятельности вопросы системности, непрерывности и гармоничности мер по предупреждению наркотизации населения, противодействию связанным с наркотиками преступлениям. Данная деятельность, надлежаще обеспеченная в научном, организационном и правовом планах, формирует антинаркотическую политику государства.

Основная часть

Развитие антинаркотической политики в нашей стране происходит под влиянием исторических условий и традиций, внешних и внутренних обстоятельств, особенностей социально-экономического развития, геополитического положения и многих других факторов. Можно выделить различные по интенсивности этапы ее формирования и модернизации.

С 1964 по 1999 гг. были ратифицированы основные международные правовые акты ООН в рассматриваемой сфере. В 1996 г. была принята Концепция государственной политики по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Республике Беларусь (в 2012 г. Концепция утратила силу).

В 1997–2013 гг. в стране были реализованы три государственные программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконным оборотом. Основными их результатами явились меры по организационному обеспечению и правовому регулированию антинаркотической деятельности, охватывающие в том числе введение в законодательство термина «аналоги» наркотических средств, психотропных веществ, принятие Законов Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон о наркотиках), «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» и многое другое.

В последующем отмечается существенная активизация антинаркотической деятельности, обусловленная в том числе изменением нар-

коситуации в мировом масштабе и на региональном уровне, связанным с появлением синтетических наркотиков. В республике введена ответственность за публичное потребление наркотиков (ст. 17.3 КоАП с последующей коррекцией), ограничена свободная продажа семян мака (Дekret Президента Республики Беларусь от 14 января 2014 г. № 1 «О некоторых вопросах государственного регулирования оборота семян мака»).

С принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», во исполнение которого внесен ряд изменений и дополнений в законодательство и утвержден первый Комплексный план мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией на 2015–2016 годы (далее – Комплексный план), рассматриваемое направление приобрело наиболее интенсивный характер развития за всю историю Республики Беларусь.

В этот период реализован ряд изменений и дополнений в Закон о наркотиках, корректирующих в том числе порядок формирования и изменения Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, существенно трансформировалась система уголовной ответственности за связанные с наркотиками преступления, созданы специализированные подразделения по расследованию наркопреступлений, сформировано правовое регулирование и реализуются меры по выявлению фактов криминальной деятельности по распространению наркотиков с использованием информационных технологий, обеспечено функционирование профильных лечебно-воспитательных учреждений для реабилитации несовершеннолетних наркопотребителей, осуществлены и планируются и иные не менее значимые в практическом плане мероприятия [1].

На современном этапе происходит последовательное совершенствование законодательства и организации антинаркотической работы. Завершается реализация Информационной стратегии по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020–2025 гг., решены отдельные вопросы привлечения «неявных» участников незаконного оборота наркотиков (например, так называемых «спортиков») к уголовной ответственности по совокупности преступлений, в том числе за незаконный оборот наркотиков в составе организованной группы, сформирован и реализуется очередной Комплексный план. В числе новелл законодательства в дан-

ной сфере – постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2024 г. № 199 «О медицинской и социальной реабилитации лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией», разработан проект нормативного правового акта, устанавливающего ответственность за пропаганду наркотиков и др.

Данные меры, наряду с влиянием особенностей развития нарко-ситуации, приводят к изменениям статистических данных. На современном этапе ситуация характеризуется тенденцией к снижению показателей как наркотизации населения, так и наркопреступности. Сформированы и эффективно работают механизмы оперативного реагирования на негативные изменения наркоситуации, преимущественно ориентированные на данные уголовной статистики, результаты надзорной работы органов прокуратуры, правоприменительную практику правоохранительных органов.

Вместе с тем наличие ряда перманентных проблем практики (планирование, взаимодействие субъектов профилактики правонарушений, контроль, анализ эффективности предупредительной деятельности), непрерывное развитие информационно-технологической составляющей незаконного оборота наркотиков, химических, фармацевтических и иных технологий, нестабильность внешнеполитической ситуации, тенденции к легитимации наркопотребления за рубежом и др. требуют дальнейшей системной работы по рассматриваемому направлению и ее совершенствованию.

Проблемные аспекты организации антинаркотической предупредительной деятельности связаны с рядом вопросов, в числе которых следующие.

1. Эффективность раннего выявления и профилактики наркопреступности среди несовершеннолетних. Динамика связанных с наркотиками преступлений несовершеннолетних отличается выраженной нестабильностью. После снижения количества совершенных подростками преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2024 г. зафиксировано их увеличение на 34,7 %, в том числе с целью сбыта на 31,6 %.

2. Высокая степень латентности наркопотребления и наркопреступности. В соответствии с данными отчета о Научно-исследовательской работе «Причины латентности наркомании, эффективность методик реабилитации и лечения, мер профилактики и предупреждения, прогнозирование развития наркоситуации, направления корректировки мер по противодействию наркоугрозе» (Минск, 2021 г., НАН, МВД, Минздрав и др.) реальное количество наркопреступлений превышает зарегистрированную свою часть более чем в 19 раз. Фиксируемый дан-

ными медицинского учета уровень распространения потребления наркотиков среди несовершеннолетних перманентно не высок, в то время как социологические исследования показывают значительную степень наркотизации молодежи, начинающей употреблять наркотики в несовершеннолетнем возрасте [2].

Проблемы правотворчества в рассматриваемой сфере связаны с наличием, как правило, множества различных позиций по регулируемым вопросам, влекущем длительное согласование проектов нормативных правовых актов заинтересованными структурами, декларативно-установочным характером отдельных правовых норм (например, гл. 4 Закона о наркотиках).

Совершенствование антинаркотической деятельности в Республике Беларусь целесообразно связывать с акцентированием внимания к мерам профилактики потребления наркотиков. Среди актуальных вопросов данного направления: создание постоянно действующей системы мониторинга деструктивных социальных девиаций; формирование эффективной системы первичной профилактики потребления наркотиков среди несовершеннолетних; оптимизация индивидуальной профилактической работы, в том числе с группами риска наркотизации, социальной реабилитации больных наркоманией, реинтеграции в социум лиц, отбывших наказание за связанные с наркотиками преступления; дальнейшая информатизация предупредительной деятельности, предполагающая использование «включенности» индивидуумов в виртуальный мир информационных технологий, значимости этой реальности для профилируемых лиц.

Концептуальная и организационно-правовая завершенность антинаркотической политики также выступает необходимым в настоящее время средством совершенствования работы по противодействию наркоугрозе. В рамках решения данной задачи целесообразна единая, закреплённая в законодательстве (например, в форме концепции, стратегии), согласованная с обществом государственная позиция по вопросам:

- оценки степени опасности распространения наркотиков для страны и ее будущего;
- системности и сбалансированности предупредительной деятельности в отношении спроса и предложения наркотиков, централизации ответственности за данные направления;
- отношения к наркопотреблению и наркопотребителям, а также к непосредственным и «неявным» участникам незаконного оборота наркотиков, принципы и допустимые способы выявления, уголовно-правового и иного воздействия (тестирование, работа с группами ри-

ска наркотизации, рассмотрение лиц, способствующих незаконному обороту наркотиков, как участников организованной преступной деятельности и др.);

- антинаркотической деятельности общественных структур (общественные организации, реабилитационные центры и др.);

- критериев эффективности антинаркотической деятельности, в том числе первичной, вторичной и третичной (в классификации ВОЗ) профилактики наркопотребления; и др.

Заключение

С учетом опыта Российской Федерации, в которой действует Стратегия государственной антинаркотической политики [3], реализация предложенной меры позволит обеспечить более системный, комплексный и долговременно-результативный характер антинаркотической работы в Республике Беларусь.

Список цитируемых источников

1. *Русецкий, О. В.* Криминология наркотизма / О. В. Русецкий; Науч.-практич. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Мн., 2019. – 227 с.

2. *Русецкий, О. В.* Актуальность реализации, цели, задачи и принципы ювенальной антинаркотической политики в Республике Беларусь: сб. ст. по итогам VII Междунар. науч.-практ. семинара «Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика», Мн., 25 февр. 2022 г. – Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – С. 27–31.

3. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 23 нояб. 2020 г. № 733 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 03.09.2025).

Аннотация. Эффективность антинаркотической политики зависит от системности, непрерывности и качества реализуемых мер, их надлежащего научного и организационно-правового обеспечения. В связи с этим в статье раскрыты основные особенности развития антинаркотической политики в нашей стране, предложены меры по ее совершенствованию.

CHARACTERISTICS AND MEASURES TO IMPROVE THE ANTI-DRUG POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Rusetsky O. V.

Key words: anti-drug policy, drug trafficking, drug use, prevention of drug-related crimes, prevention of drug use.

Abstract. Efficiency of antinarcotic activity depends on the systematic, continuous, and high-quality implementation of measures, as well as their proper scientific, organiza-

tional, and legal support. In this regard, the article reveals the main features of the development of anti-drug policy in our country and proposes measures to improve it.

УДК 351.81 (476)

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Сидоренко Д. О., Васько Н. О.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, профилактика травматизма, совершенствование законодательства, фото-, видеофиксация правонарушений.

Введение

За 2024 г. количество автотранспортных средств в Республике Беларусь увеличилось на 95 тысяч единиц, а их общее количество достигло 4,4 миллиона. В прошедшем году водительское удостоверение впервые получили более 60 тысяч граждан [1].

Развитая система дорожно-транспортного движения является частью современного общества. Однако автомобилизация вместе с очевидными экономическими благами приносит многочисленные издержки и проблемы с негативными последствиями. Наиболее серьезной из них является проблема нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств [2, с. 165].

В республике заинтересованными государственными органами (организациями) проводится планомерная и систематическая работа в сфере профилактики и предупреждения дорожно-транспортного травматизма, о чем свидетельствуют следующие цифры. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за последние 20 лет число жертв дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) снизилось более чем в 3 раза, число ДТП и травмированных в них граждан – более чем в 2 раза. Вместе с тем несмотря на значительный прогресс в данной сфере, вопрос обеспечения безопасности дорожного движения остается актуальным, что обусловлено не только тяжестью медико-социальных последствий ДТП (инвалидность, смертность), но и достаточно высоким удельным весом смертности в результате таких происшествий в общей структуре причин смертности. Так, в 2024 г. зафиксировано 3453 ДТП, число погибших и травмированных

в них лиц составило 434 (из них – 22 несовершеннолетних) и 3804 соответственно [3].

Основная часть

Концепцией обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2023 г. № 329 (далее – Концепция обеспечения безопасности дорожного движения), к приоритетным направлениям государственной политики в области дорожного движения и обеспечения его безопасности, а также важным факторам обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны отнесено повышение безопасности дорожного движения.

В соответствии с Концепцией обеспечения безопасности дорожного движения достижение цели повышения безопасности дорожного движения, к которой относятся сохранение жизни и здоровья людей, их имущества, решается путем сокращения количества ДТП, снижения тяжести последствий ДТП, в том числе уменьшения числа погибших и травмированных.

Одним из наиболее эффективных методов достижения указанной цели является использование различных автоматических средств, в том числе систем видеонаблюдения.

Активное внедрение системы видеонаблюдения в республике началось в 2013 г. с издания Указа Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» (далее – Указ № 527), которым предусматривалось создание системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, состоящей в том числе из средств системы видеонаблюдения, каналов связи, оборудования, используемого для приема, обработки и хранения зафиксированной информации, и иного оборудования, используемого для обеспечения функционирования системы видеонаблюдения.

Указом № 527 устанавливались общие требования к работе с каналами связи, используемыми для передачи зафиксированной информации, перечень оборудования, используемого для приема, обработки и хранения зафиксированной информации, и иного оборудования, используемого для обеспечения функционирования системы видеонаблюдения; определялись пользователи данной системы из числа государственных органов правоохранительной направленности и судов, устанавливались их права и обязанности; закреплялся возмездный характер получения информации для иных абонентов и иные общие и прикладные вопросы. Отдельными нормами закреплялась обязанность государственных органов (организаций), иных юридических лиц,

осуществивших оборудование объектов средствами системы видеонаблюдения, обеспечения сохранности информации, зафиксированной системой видеонаблюдения, в течение одного месяца, а также защиты информации от несанкционированного доступа [4, с. 7].

Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 создана республиканская система мониторинга общественной безопасности (далее – РСМОБ). Основными задачами системы мониторинга в соответствии с данным Указом названы:

- наблюдение за состоянием общественной безопасности в целях обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения правонарушений, расследования преступлений, розыска лиц, их совершивших, и лиц, без вести пропавших (безвестно исчезнувших), предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

- оперативное информирование о зафиксированных событиях.

Дальнейшее развитие РСМОБ связано с принятием постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. № 181 «О единых технических требованиях к программному обеспечению видеоаналитики». Данным постановлением были регламентированы технические требования к программному обеспечению видеоаналитики.

В частности, постановление предусматривало наличие в программном обеспечении:

- модуля автоматического распознавания регистрационных знаков транспортных средств, позволяющего осуществлять распознавание регистрационных знаков транспортных средств Республики Беларусь и 13 иностранных государств, таких как: Российская Федерация, Украина, Республика Польша, Литовская Республика, Латвийская Республика, Эстонская Республика, Республика Молдова и другие; формирование базы данных распознанных регистрационных знаков транспортных средств с сохранением сопутствующей информации о дате, времени, месте обнаружения автомобиля и относительном направлении его движения, а также ссылок на видеофрагмент;

- модуля фотовидеофиксации дорожной обстановки, помимо прочего, позволяющего осуществлять мониторинг состояния транспортных потоков (определение заторов, фиксацию и контроль очередей и пробок), фиксацию фактов выезда на полосы встречного движения или движения в запрещенных зонах, поворота или разворота в нарушение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части, движения во встречном направлении по дороге с односторонним движением.

Правоохранительные органы применяют РСМОБ при патрулировании, проведении оперативно-розыскных мероприятий, установлении обстоятельств, имеющих значение по уголовным делам, делам об административных правонарушениях. Видеомониторинг криминогенных зон города позволяет не только ускорить реагирование на преступления и повысить их раскрываемость, но и бороться с административными правонарушениями. Системы видеонаблюдения позволяют фиксировать процесс совершения правонарушений, а также лиц, их совершивших, посредством видеозаписи, которая становится одним из важнейших доказательств и должна использоваться наряду с показаниями свидетелей, следами, изъятыми в ходе осмотра места происшествия, и прочей информацией (ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, ст. 6.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь).

Кроме того, Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-З «О дорожном движении» Совету Министров Республики Беларусь предписано создание интеллектуальных транспортных систем (далее – ИТС) на автомобильных дорогах общего пользования и улицах населенных пунктов. Целями ИТС являются обеспечение безопасности дорожного движения, повышение эффективности организации дорожного движения, повышение качества транспортной деятельности, планирования и управления транспортной инфраструктурой. Данное предписание реализовано в нормах постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 октября 2022 г. № 724 «О порядке функционирования интеллектуальных транспортных систем». В числе основных задач ИТС определены:

- обеспечение безопасности дорожного движения;
- повышение эффективности организации дорожного движения;
- мониторинг дорожного движения и транспорта общего пользования;
- обеспечение условий для внедрения систем активной безопасности, самодиагностики и поддержки водителя, высокоавтоматизированных и полностью автоматизированных (беспилотных) транспортных средств;
- контроль за соблюдением законодательства.

Таким образом, осуществляется внедрение интеллектуальных систем, которые подразумевают не только сбор (накопление) данных, но и их аналитику, в том числе в режиме реального времени. Названным нормативным правовым актом в числе прочего определен порядок функционирования ИТС. При этом, несмотря на то, что название главы 3 Положения о порядке функционирования интеллектуальных

транспортных систем на автомобильных дорогах общего пользования и улицах населенных пунктов предписывает регулирование также вопросов развития ИТС, реализованный законодателем подход не позволяет сделать вывод о перспективах развития ИТС. Вместе с тем преимущества создания и функционирования ИТС очевидны. Полагаем, что соответствующие технические решения имеют перспективу широкого внедрения на всей территории республики, что вне всякого сомнения должно найти закрепление в законодательстве.

В настоящее время системы видеомониторинга активно используются для повышения безопасности дорожного движения. В целях профилактики нарушений ПДД устанавливаются камеры на перекрестках и иных участках дорог, на которых происходит большое количество ДТП, совершаются административные правонарушения. Зарубежный и отечественный опыт показывает, что внедрение технических средств фото- и видеофиксации позволяет в местах установки оборудования снизить количество ДТП в среднем до 30 % [5].

Значительная доля ДТП происходит по причине сознательного нарушения водителями транспортных средств правил дорожного движения (далее – ПДД). Так, одним из наиболее часто совершаемых водителями транспортных средств административных правонарушений является превышение скорости движения. Наиболее эффективным способом профилактики указанного нарушения является применение систем автоматической фото- и видеофиксации. Для фиксации нарушений ПДД используются комплексы фотовидеофиксации, способные фиксировать превышение скорости движения (включая среднюю), проезд на запрещающий сигнал светофора, пересечение стоп-линии, выезд на полосу для маршрутных ТС, движение по обочине, а также нарушение правил стоянки, остановки. Существуют как стационарные комплексы, так и мобильные, а также системы для вычисления средней скорости на участках дороги с несколькими камерами. Внедрение в деятельность правоохранительных органов указанных автоматических систем потребовало соответствующей корректировки законодательства.

Для правонарушений, зафиксированных специальными средствами фото- и видеофиксации, установлен особый порядок ведения административного процесса. В таком случае протокол об административном правонарушении не составляется, а выносится постановление о наложении административного взыскания либо, при наличии оснований, об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения. Копия соответствующего постановления в течение трех дней со дня его вынесения вручается или высылается лицу, в отношении которого оно вынесено.

Необходимо отметить, что использование систем видеонаблюдения предполагает существенные материальные (связанные с требуемыми большими объемами памяти на жестких дисках или внешних устройствах для хранения данных) и трудовые затраты.

Вместе с тем имеются основания полагать, что по мере развития технологий системы видеонаблюдения будут становиться более эффективными и значимыми в обеспечении общественной безопасности, позволят добиться снижения уровня преступности и обеспечения комфортной жизнедеятельности населенных пунктов [6, с. 115]. Подтверждением этого тезиса является роль таких систем в контроле, осуществляемом за велосипедистами и водителями средств персональной мобильности (далее – СПМ). Указом Президента Республики Беларусь от 4 августа 2025 г. № 295 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь» внесены изменения в ПДД, предписывающие указанным субъектам, по общему правилу, спешиваться при пересечении пешеходных переходов. Кроме того, установлены иные требования к эксплуатации СПМ (например, ограничения скорости движения, предельная допустимая масса, допускающая их движение по тротуарам, и др.). При этом в силу большой востребованности соответствующих транспортных средств у населения сотрудники ГАИ МВД не в состоянии без применения технических средств отслеживать соблюдение новых требований ПДД.

Заключение

В Беларуси в сфере профилактики ДТП применяется комплексный подход, включающий как меры по усилению контроля за соблюдением ПДД (например, штрафы и рейды), так и мероприятия по повышению культуры поведения участников дорожного движения через пропаганду и образовательные программы. Активно используется аналитика данных о ДТП для выявления причин и концентрации усилий на проблемных участках и категориях нарушений, а также проводится работа по повышению безопасности транспортных средств и дорожной инфраструктуры. Проанализированные статистические данные свидетельствуют об эффективности действующей системы по профилактике и предупреждению ДТП. В этом случае важной задачей дистанционного мониторинга является не только наказание правонарушителей, но и стимулирование правопослушного поведения всех участников дорожного движения.

Новой вехой профилактики ДТП становится внедрение и развитие интеллектуальных систем, позволяющих не только фиксировать дорожную обстановку, но и в реальном времени в определенной мере воздействовать на нее. Белорусским законодателем уже заложены ос-

новы соответствующего правового регулирования. Вместе с тем полагаем необходимым нормативно-правовое закрепление мер (этапов) развития таких систем, а также их учет в документах программного характера как республиканского, так и местного уровня. В частности, их развитие может обеспечиваться таким инструментарием, как инвестиционные договоры, государственно-частное партнерство, а также в рамках инициативы Главы государства «Один район – один проект», предложенной в ходе его обращения с посланием к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 31 марта 2023 г. [7].

Список цитированных источников

1. Tochka.by: сетевое издание. – Мн., 2022–2025. – URL: https://tochka.by/articles/drive/skolko_v_belarusi_avtomobiley_rasskazali_v_gai/ (дата обращения: 20.06.2025).

2. Пацкевич, А. П. Актуальные проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий в Республике Беларусь на современном этапе / А. П. Пацкевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 6. – С. 165–171. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-rassledovaniya-dorozhno-transportnyh-proishestviy-v-respublike-belarus-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения: 20.06.2025).

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 1998–2024. – Количество дорожно-транспортных происшествий. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000019> (дата обращения: 20.06.2025).

4. Гиммельрейх, О. В. Республиканская система мониторинга общественной безопасности в системе организационных средств охраны общественного порядка и безопасности / О. В. Гиммельрейх // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 1(39). – С. 5–11. – URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/4773/1/2020_1_5.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

5. Ващенко, Б. М. Применение систем автоматической фиксации административных правонарушений в целях предотвращения дорожно-транспортных преступлений / Б. М. Ващенко, И. И. Пушкарский // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 3(43) – С. 99–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sistem-avtomaticheskoy-fiksatsii-administrativnyh-pravonarusheniy-v-tselyah-predotvrascheniya-dorozhno-transportnyh/viewer> (дата обращения: 26.06.2025).

6. Шарова, О. Ты узнаешь его из тысячи: как видеонаблюдение помогает бороться с преступностью / О. Шарова // Системы безопасности. – 2023. – № 2. – С. 114–116. – URL: <https://www.secuteck.ru/articles/ty-uznaesh-ego-iz-tysyach-kak-videonablyudenie-pomogaet-borotsya-s-prestupnostyu> (дата обращения: 14.05.2025).

7. Президент Республики Беларусь. – Мн., 2002–2025. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 15.05.2025).

Аннотация. Развитая система дорожного движения является частью современного общества. При этом серьезной остается проблема нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. К приоритетным направлениям государственной политики в области дорожного движения и обеспечения его безопасности, а также к важным факторам обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны отнесено повышение безопасности дорожного движения. В соответствии с Концепцией обеспечения безопасности дорожного движения достижение цели повышения безопасности дорожного движения, к которой относятся сохранение жизни и здоровья людей, их имущества, решается путем сокращения количества ДТП, снижения тяжести последствий ДТП, в том числе уменьшения числа погибших и травмированных. Одним из наиболее эффективных методов достижения указанной цели является использование различных автоматических средств, включая системы видеонаблюдения.

Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 создана республиканская система мониторинга общественной безопасности. Правоохранительные органы применяют данную систему мониторинга при патрулировании, проведении оперативно-розыскных мероприятий, установлении обстоятельств, имеющих значение по уголовным делам, делам об административных правонарушениях, а также для повышения безопасности дорожного движения.

Проанализированные в статье статистические данные свидетельствуют об эффективности действующей системы по профилактике и предупреждению ДТП.

EXPERIENCE OF USING VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS IN THE FIELD OF ROAD ACCIDENT AND OFFENSE PREVENTION

Sidorenko D. O., Vasko N. O.

Key words: road traffic accident, road safety, injury prevention, improvement of legislation, photo and video recording of offenses.

Abstract. Developed road traffic system is a part of modern society. Violation of traffic safety rules and vehicle driving is a serious problem. Improving road safety is one of the priority areas of state policy in the field of road traffic and ensuring its safety, as well as an important factor in ensuring sustainable socio-economic development of the country. In accordance with the Road Safety Concept, the goal of improving road safety, which includes preserving lives and health of people, their property is achieved by reducing the number of road accidents and severity of their consequences, including reducing the number of fatalities and injuries. One of the most effective methods for

achieving this goal is the use of various automatic means including video surveillance systems.

The republican public safety monitoring system was created by the Decree of the President of the Republic of Belarus N 187 on May 25-th, 2017. Law enforcement agencies use this monitoring system when patrolling, conducting operational and investigative measures, establishing circumstances that are significant in criminal cases, cases of administrative offenses, as well as for improving road safety. The statistical data analyzed in the article testify to the effectiveness of the current system for prevention and warning of road traffic accidents.

УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК

Судник Т. В., Олейник А. В.

Ключевые слова: платежные инструменты, банковские платежные карточки, реквизиты банковской платежной карточки, аутентификационные данные, дропы (дропперы).

Введение

Развитие экономики невозможно без совершенствования системы денежного оборота, расширения сферы безналичных расчетов с использованием современных платежных инструментов.

Анализ состояния и динамики преступлений, предусмотренных ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), показал, что в 2022–2024 гг. в сравнении с 2018–2021 гг. количество преступлений ежегодно увеличивается. В этой связи и для целей предотвращения, профилактики преступлений актуальным является понимание причин и условий их совершения, общей характеристики личности преступника, а также выработка направлений противодействия рассматриваемым преступлениям.

Основная часть

Банковские платежные карточки давно стали мишенью для противоправных посягательств. Именно они, активность обращения которых с каждым годом увеличивается, все чаще становятся предметом определенного рода преступлений, а также выступают в качестве средства совершения отдельных преступлений [1, с. 52].

Наиболее типичными причинами и условиями совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек, являются:

- рост информационного обмена через мировые информационные сети, в том числе посредством социальных сетей;
- недостаточность мер по защите информационно-коммуникационных технологий, их систем и сетей от преступных посягательств;
- отсутствие и несоответствие средств защиты информации современным информационным вызовам и угрозам;
- недостаточный уровень цифровой грамотности, информированности и защищенности населения;
- доверчивость граждан;
- низкое материальное благосостояние отдельных групп населения.

Преступники находят новые способы подделки банковских платежных карточек, поскольку, несмотря на многообразие защитных элементов, гарантии безопасности не могут быть обеспечены в полном объеме. На сегодняшний день в мире из всех видов мошенничества подделка банковских платежных карточек занимает лидирующую позицию в структуре преступности. Как правило, на заготовки банковских платежных карточек наносится логотип эмитента, поле для проставления подписи и в точности воспроизводятся все признаки защиты (используются подлинные реквизиты реально существующих карточек). На международном рынке в изготовлении поддельных карточек первенство держат представители Юго-Восточной Азии. В Европе чаще всего используют поддельные банковские платежные карточки выходцы из Африки [2, с. 362].

Субъектами преступления в целом являются интеллектуально развитые люди, обладающие специальными знаниями в различных областях науки и техники и использующие данные знания в целях совершения преступления. Большинство преступников обладают определенными техническими знаниями в области использования компьютерных средств. Поскольку преступления рассматриваемой категории почти всегда совершаются с использованием аппаратно-программных средств, то типичные черты личности будут в целом такими же, как и у лиц, совершающих компьютерные преступления.

Стоит отметить, что подделка банковских платежных карточек чаще всего осуществляется организованными преступными группами с привлечением специальной техники и технологии. При этом подделка может быть как полной, так и частичной. Большое количество преступлений совершается с частично подделанными картами. Частичная подделка заключается в нанесении на пластик стандартного размера только защитной магнитной полосы [3, с. 142].

Статья 222 УК, помимо криминализации изготовления в целях сбыта поддельных банковских платежных карточек, предусматривает так-

же ответственность за незаконное распространение находящихся в незаконном владении реквизитов банковских карточек.

Сегодня реквизиты банковской платежной карточки являются полноценным платежным средством и при отсутствии самой карточки. Привязка исключительно к реквизитам карточки в качестве средства платежа подтверждает наличие в национальной банковской системе виртуальных банковских карточек. В правоприменительной практике получили распространение факты сбыта реквизитов банковских платежных карточек, посредством которых в дальнейшем осуществлялось хищение находящихся на счете денежных средств путем оплаты различного рода товаров, услуг либо путем денежного перевода и последующего обналичивания средств. Так, на фоне оптимизации процесса оформления банковских платежных карт появилась новая волна преступлений, набирающая популярность в молодежной среде, а именно – продажа реквизитов банковских платежных карт (номер действия банковской платежной карты, срок ее действия, фамилия и имя держателя карты и т. п.) и аутентификационных данных (идентификатор пользователя (логин), пароль, PIN-код, код подтверждения, ключевое слово, биометрические данные и т. п.) [4, с. 159].

В последние годы наблюдается рост преступлений, связанных с использованием дропов (дропперов) (лица, которые предоставляют данные своей банковской платежной карточки для перевода денежных средств, добытых преступным путем). Указанных лиц мошенники используют для достижения своих целей. Как правило, они не являются инициаторами преступления, а выполняют указания, получая за это деньги. Схема довольна проста: дроп (дроппер) представляет данные своей банковской платежной карточки, на которую переводят средства, добытые преступным путем, а затем он обналичивает данные средства в банкомате, передает другим лицам и получает определенный процент со сделки. Основной причиной, которая вынуждает людей становиться дропами (дропперами), является нестабильное финансовое положение, отсутствие денег. Также могут влиять такие субъективные факторы, как желание получить легкие деньги, быстро разбогатеть. Чаще всего дропами (дропперами) становятся студенты, лица из маленьких городов и деревень, мигранты из других стран и другие уязвимые слои населения (сироты, лица из многодетных семей, безработные), поскольку такими людьми легко управлять и манипулировать. Кроме того, в данную преступную схему вовлекают несовершеннолетних, которые даже не осознают противоправности своих действий. В большинстве случаев подростки с использованием мобильных приложений различных банков открывают счета в банках и сообщают реквизиты банковских

платежных карточек третьим лицам. Побудительным мотивом для несовершеннолетних становится желание получить «легкий» заработок, при этом сумма вознаграждений за предоставление доступа к своим счетам обычно незначительная, но даже и эти деньги они далеко не всегда получают.

Основными факторами, влияющими на совершение преступлений, связанных с вовлечением дропов (дропперов), являются:

- латентный характер преступлений, который обусловлен анонимностью, удаленностью (трансграничностью) совершаемых действий. При этом участники преступления могут и не знать о существовании преступной группы. Коммуникация между ними происходит в цифровом пространстве;
- неосведомленность о совершаемых действиях участниками преступления;
- возможность одновременно задействовать различных субъектов из разных государств при совершении преступлений [5, с. 1075].

Следует отметить, что Национальным банком с учетом ходатайства Министерства внутренних дел о закреплении в нормативном правовом акте положения о необходимости информирования банками клиентов, в особенности несовершеннолетних лиц, об ответственности за распространение реквизитов карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам, предложено внести изменение в п. 13 Инструкции об осуществлении операций с банковскими платежными карточками и платежными инструментами, обеспечивающими их использование, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 6 октября 2022 г. № 378 (далее – Инструкция). В представленном в государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» на криминологическую экспертизу проекте постановления Правления Национального банка Республики Беларусь «Об изменении постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 6 октября 2022 г. № 378» предлагалось до заключения договора об оказании платежных услуг между банком и клиентом информировать клиентов об уголовной ответственности по ст. 222 УК. Вместе с тем предлагаемая Национальным банком редакция нормы не конкретизировала объем информирования клиентов об ответственности. Такая правовая неопределенность могла повлечь за собой недостижение цели правового регулирования по повышению осведомленности клиентов о последствиях неправомерных действий с карточками. По результатам криминологической экспертизы проекта постановле-

ния Правления Национального банка Республики Беларусь предложено устранить правовую неопределенность путем раскрытия содержания ст. 222 УК при информировании клиентов. Подтверждение факта получения клиентом вышеуказанной информации будет осуществляться письменно, в том числе посредством использования систем дистанционного банковского обслуживания. Предложенная редакция нормы п. 13 Инструкции вступила в силу с 22 мая 2025 г., ее реализация направлена на выполнение важной функции предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом средств платежа, будет способствовать снижению роста количества преступлений.

Кроме того, предполагается, что на уменьшение уровня преступности в сфере оборота средств платежа и (или) инструментов повлияет реализация норм Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», согласно которому ответственность за незаконный оборот средств платежа дифференцирована с учетом реальной общественной опасности действий каждого участника. Так, сохраняется уголовная ответственность для граждан, распространяющих реквизиты чужих банковских платежных карточек. В свою очередь, введена административная ответственность за предоставление реквизитов собственных банковских платежных карточек.

Заключение

Изучение правоприменительной практики в сфере профилактики преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования работы по следующим направлениям:

- повышение компьютерной грамотности населения от дошкольных и школьных учебных заведений до групп населения пенсионного возраста (обучение правилам безопасности работы с цифровыми устройствами в глобальной компьютерной сети Интернет с представлением показательных алгоритмов негативных ситуаций, обучение правилам в сфере высоких технологий: защита данных банковской платежной карточки, надежные пароли, безопасный WI-FI, проверенные браузеры и сайты, безопасность электронной почты и т. п.);
- ориентирование руководства банков на активное использование способов информирования населения, в том числе посредством СМС-информирования клиентов, о наиболее распространенных способах компрометации реквизитов банковских платежных карточек, их причинах;
- разработка порядка взаимодействия банков с правоохранительными органами по выявленным поддельным банковским платежным карточкам;

- постановка банками на специальный учет дропов (дропперов) и в последующем ограничение их в получении новых банковских платежных карточек, а также иных электронных средств платежа;
- внедрение новых более защищенных форм банковских платежных карточек;
- учет положительного международного опыта в борьбе с банковским мошенничеством;
- освещение в средствах массовой информации конкретных примеров правоприменительной практики по выявленным фактам совершения банковских преступлений с использованием банковских платежных карточек, публикация историй дропов (дропперов) и их жертв в социальных сетях;
- правовое просвещение молодежи путем применения различных мер образовательного и воспитательного характера (например, в форме организации и проведения выступлений по вопросам профилактики преступлений в коллективах школьников, студентов и преподавателей).

Список цитируемых источников

1. Хилjuta, В. В. Банковская карточка как средство совершения преступления / В. В. Хилjuta // Банкаўскі веснік. – Жнівень, 2009. – С. 50–54.
2. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 765 с.
3. Хисамова, З. И. Неправомерный оборот средств платежей в контексте норм об ответственности за преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий / З. И. Хисамова // Научно-практический журнал «Общество и право». – 2015. – № 13. – С. 139–144.
4. Воспякова, О. Ф. Незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов: новации в законодательстве / О. Ф. Воспякова // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. / МВД Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2021. – С. 157–160.
5. Ахатова, А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения / А. М. Ахатова // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Экономика и права». – 2024. – Т. 34. – С. 1075–1083.

Аннотация. Статья посвящена такой актуальной проблеме, как рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек. В статье приводятся причины и условия совершения таких преступлений, дается общая характеристика личности преступника. Кроме того, предложены основные направления, необходимые для даль-

нейшего совершенствования работы в сфере профилактики преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек.

CERTAIN ASPECTS OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL CIRCULATION OF BANK PAYMENT CARDS

Sudnik T. V., Oleinik A. V.

Key words: payment instruments, bank payment cards, bank payment card details, authentication data, drops (droppers).

Abstract. The article is devoted to such a topical issue as the growth in the number of crimes related to the illegal circulation of bank payment cards. The article provides the reasons and conditions for committing such crimes, and gives a general description of the criminal personality. In addition, the main directions necessary for further improvement of work in the field of preventing crimes related to the illegal circulation of bank payment cards are proposed.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Хлус А. М., Рудкевич Е. В.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление, полномочия, профилактика, предупреждение.

Введение

Большинство коррупционных преступлений связаны с различными злоупотреблениями должностного лица, наделенного властными или служебными полномочиями. В словаре понятие «злоупотребление» представлено как «проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав и возможностей» [1, с. 189]. В сочетании с деятельностью должностного лица злоупотребление полномочиями означает употребить во зло фактические возможности, которыми оно обладает в силу занимаемой должности [2, с. 118].

Эффективным направлением противодействия злоупотреблениям властью или служебными полномочиями представляется общая профилактика и предупреждение их проявлений. Также надо учитывать, что эта деятельность менее затратна, по сравнению с необходимостью организации выявления и расследования этих преступлений, а затем

содержания лиц, осужденных за их совершение, в условиях исправительных учреждений.

Проблемам профилактики и предупреждения коррупционных преступлений, в том числе и злоупотреблений властью или служебными полномочиями, посвятили свои труды В. И. Берестень, Г. А. Василевич, А. Е. Гучок, Т. Н. Данькова, В. Ф. Ермолович, А. М. Клим, Д. А. Смирных, Д. Г. Мороз, Е. В. Товарова, А. С. Рубис, Ю. Н. Румянцева, И. И. Харин, В. Б. Шабанов, Д. В. Шаблинская, Н. С. Чукарина, А. В. Яскевич и др.

В научных работах указанных авторов исследуются преимущественно общие вопросы профилактики коррупционных преступлений, а также уголовно-правовые и криминологические аспекты предупреждения злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

Цель данного исследования – рассмотрение особенностей криминалистической деятельности в аспекте профилактики и предупреждения злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

Основная часть

Белорусское антикоррупционное законодательство ориентирует правоохранительные органы на предупреждение коррупции. Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) [3] установлены ограничения для государственных должностных и приравненных к ним лиц. Они, например, не имеют права заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через иных лиц, оказывать содействие супругу (супруге), близким родственникам или свойственникам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя служебное положение и др. (ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией).

Организация деятельности правоохранительных органов, связанной с предупреждением коррупции, – необходимое условие эффективного противодействия данному негативному явлению. Но возникает вопрос, какое место в этой деятельности занимает профилактика коррупции?

Понятия «предупреждение коррупции» и «профилактика коррупции» и, соответственно, «предупреждение злоупотребления властью или служебными полномочиями» и «профилактика злоупотребления властью или служебными полномочиями», мы считаем, не тождественны. Антикоррупционные меры, содержащиеся в Законе о борьбе с коррупцией, применяются в отношении конкретных лиц, занимающих государственные должности или претендующих на их занятие.

По нашему мнению, предупреждение коррупционных преступлений, в том числе злоупотреблений властью или служебными полномо-

чиями, составляет неотъемлемое звено профилактики коррупции. Она ориентирована не только на предупреждение коррупционных преступлений, но и иных ее негативных проявлений, влекущих разные виды юридической ответственности (дисциплинарную, административную, гражданско-правовую). Следует согласиться, что профилактика направлена «на выявление, нейтрализацию, а также минимизацию причин и условий, способствующих совершению преступлений, установление лиц, склонных к совершению преступлений» [4, с. 137].

Предупреждение злоупотреблений властью или служебными полномочиями является одним из направлений и составной частью противодействия коррупции и, соответственно, ее профилактики. Это промежуточная цель широкомасштабной профилактической работы правоохранительных органов. Ее конечная цель состоит в недопущении должностными лицами любых злоупотреблений.

Достичь этой цели можно путем реализации мер профилактики, формирующих в сознания должностного лица чувство ответственности за действия, совершаемые им с использованием предоставленных полномочий. Профилактические меры должны способствовать устранению либо локализации имеющихся или проявившихся негативных психических качеств должностного лица.

Профилактика злоупотреблений властью или служебными полномочиями представляет собой систему деятельности с характерной многосторонней направленностью.

Первое направление связано с реализацией мер воспитательного характера в отношении лиц, занимающих должности, потенциальных претендентов на их занятие, а также на иных физических лиц, соприкасающихся с деятельностью должностных лиц. Содержание этих мер должно обеспечивать:

- 1) формирование на уровне учебных заведений у поколения потенциальных государственных служащих должного показателя правовой культуры и антикоррупционного сознания;

- 2) формирование у должностных лиц способности противостоять искушению совершить злоупотребление властью или служебными полномочиями;

- 3) правовое просвещение граждан, выработку единого понимания ими форм и видов должностных злоупотреблений, а также формирование негативного отношения к любым их проявлениям;

- 4) стимулирование социального контроля над деятельностью должностных лиц в системе государственных и общественных организаций, способствующего выявлению фактов злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

Второе направление связано с реализацией мер, направленных на:

- 1) выявление причин и условий, способствующих совершению злоупотреблений властью или служебными полномочиями в той или иной сфере человеческой деятельности;
- 2) выявление должностных лиц (группы лиц), склонных к злоупотреблениям властью или служебными полномочиями;
- 3) осуществление контроля за должностными лицами, склонными к совершению злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

Третье направление связано с разработкой и применением профилактических мер:

- 1) направленных на ликвидацию причин и условий, способствующих совершению злоупотреблений властью или служебными полномочиями;
- 2) в отношении должностных лиц (групп лиц), создающих препятствия для совершения ими злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

В реализации данных направлений профилактической деятельности принимают участие правоохранительные органы и иные государственные организации: прокуратура, милиция, Следственный комитет и т. д.

Криминалистический аспект профилактики различных должностных злоупотреблений связан с отражением следовой информации. По нашему мнению, это проявляется в том, что значимые решения, затрагивающие чьи-либо интересы, должны иметь письменное обоснование в виде отчета о деятельности должностного лица за определенный период времени (неделя, месяц, квартал и т. д.). В таком подходе к деятельности должны быть заинтересованы должностные лица, т. к. это не только способствует профилактике злоупотреблений властью или служебными полномочиями, но и служит доказательством правомерности действий должностного лица в случае возникших в отношении его подозрений.

Например, руководитель убыточного предприятия, находящегося на грани банкротства, совершает в рамках своих служебных полномочий действия, которые проверяющими были оценены как преступные, т. к. повлекли для предприятия дополнительные расходы, т. е. убытки в особо крупном размере. В отношении директора предприятия было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь (далее – УК) [5].

В судебном заседании на основе заключения специалистов было установлено, что действия директора имели положительный экономи-

ческий эффект, способствовавший значительной прибыли предприятия, покрывшей расходы, вменяемые руководителю в качестве причиненного предприятию ущерба.

Объективный подход к оценке действий директора и их последствий с точки зрения достигнутых предприятием макроэкономических показателей исключал необходимость возбуждения уголовного дела [6, с. 42].

Наличие документа в виде отчета директора предприятия, содержащего обоснование его действий, способствовало бы объективной оценке ситуации на этапе возбуждения уголовного дела. Соответственно, имела бы место экономия процессуальных средств и сил.

Второй пример близок к действительности. В трудовом коллективе культивировано покровительство со стороны должностного лица (руководителя) в отношении небольшой группы приближенных к нему лиц, лояльно относящихся к любым действиям покровителя. В связи с этим они систематически поощряются должностным лицом, которое незаслуженно, т. е. не в соответствии с результатами труда, премирует их в повышенном размере, определяет для них меньший или более легкий объем работ, выполняемых другими членами коллектива при равных исходных данных. Фактически это связано с нарушением прав и интересов других членов трудового коллектива и рассматривается как злоупотребление должностным лицом служебными полномочиями.

Выявление подобных злоупотреблений затруднительно, а порой невозможно, по причине их системности в определенной сфере управления. Этому способствует закрытость информации внутри коллектива, что обеспечивает условия для совершения злоупотреблений должностного лица. Соккрытие информации, касающейся членов коллектива, преследует цель скрыть реальное отношение руководства к каждому отдельному работнику (служащему), формирует у подчиненных чувство неравенства или превосходства и, тем самым, нивелирует возможность конфликтных ситуаций.

Опасность подобной тенденции в сфере трудовых (служебных) отношений в следующем. Во-первых, это порождает недоверие к руководству со стороны подчиненных, которые в силу своих негативных нравственных качеств (при их наличии) могут допустить совершение различных умышленных нарушений, направленных не только против руководства, но и причиняющих вред общему коллективному делу. Во-вторых, это формирует почву для совершения злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

Для нейтрализации подобных проявлений деятельность должностного лица должна контролироваться с целью проверки принятых

в определенный период времени управленческих решений на предмет их соответствия объективной необходимости и законности.

Контроль над его действиями может быть как внутренним, так и внешним. Внутренний контроль предполагает открытость информации о действиях руководителя, затрагивающих интересы членов коллектива. Например, от членов коллектива не должна скрываться информация о размерах оплаты труда при равном его объеме и одинаковой квалификации исполнителей. В противном случае должно быть разумное объяснение каких-либо несоответствий, вызывающих у членов коллектива чувство несправедливости. Данное предложение выглядит декларативным, но вполне реальным для реализации, т. к. его осуществление непосредственно зависит от руководства, придерживающегося принципа демократизма.

Для осуществления внутреннего контроля, по нашему мнению, должна быть привлечена профсоюзная организация, членом которой является контролируемое должностное лицо. Желательно, чтобы такой контроль был проведен вышестоящим звеном профсоюзной организации, т. к. члены и председатель первичной профсоюзной организации нередко находятся в подчинении должностного лица, деятельность которого подвергается проверке и анализу.

Внешний контроль может быть осуществлен вышестоящим в порядке подчиненности органом или должностным лицом либо иным государственным органом, которому данное контролируемое управленческое звено непосредственно не подчиняется.

Контроль вышестоящим в порядке подчиненности органом или должностным лицом невозможен в случае, если между контролирующим и подконтрольным звеньями установлены отношения покровительства.

Контроль иными государственными органами, например прокуратурой или комитетом государственного контроля, представляется результативным при условии наличия документа в виде отчета, в котором должностное лицо обосновывает наиболее значимые управленческие решения, затрагивающие права и законные интересы других субъектов.

В предупреждении злоупотреблений властью или служебными полномочиями значима роль следователей, расследующих данный вид коррупционных преступлений. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) они обязаны «выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления» (ст. 90 УПК). Для их устранения они имеют право на внесение представлений в соответствующие организации или долж-

ностному лицу о принятии соответствующих мер (ст. 199 УПК). Реализуется это право по усмотрению следователя, что являет собой процессуальную неопределенность. Этот недостаток может быть устранен путем внесения в нормы УПК положений, возлагающих на следователя обязанность по внесению соответствующего представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления в случае их выявления [7, с. 109].

Реализовать меры предупреждения злоупотреблений властью или служебными полномочиями следователь может в рамках расследуемого уголовного дела и по его окончании.

В период расследования уголовного дела, возбужденного по ст. 424 УК, следователь имеет возможность оказать предупредительное воздействие индивидуального характера в отношении различных участников уголовного процесса. Например, производя допрос подозреваемого (обвиняемого), свидетелей, следователь оказывает на них психолого-воспитательное воздействие. Его действия направлены на устранение (локализацию) выявленных негативных обстоятельств, связанных с личностью допрашиваемого. Выбор способов оказываемого влияния зависит от личности допрашиваемого, его процессуального статуса, отношения к преступлению, наличия или отсутствия противодействия расследованию [8, с. 251]. Результаты такой, по сути, разъяснительной работы, по нашему мнению, следователь может отразить в протоколе следственного действия.

Деятельность следователя по предупреждению злоупотреблений властью или служебными полномочиями может быть продолжена за пределами расследованного уголовного дела. Она реализуется путем проведения различных мероприятий: выступлений перед собранием коллектива, в виде распространения информационных листовок, размещения публикации в издаваемом в организации печатном источнике и т. п.

Объектами предупредительной работы следователя в данном случае являются: 1) организация (учреждение), в котором допущено злоупотребление властью или служебными полномочиями; 2) руководящий орган (управленческая структура) организации; 3) неопределенный круг лиц, профессиональная или служебная деятельность которых осуществляется в данной организации (учреждении).

Заключение

На основании изложенного для обсуждения предлагаются следующие выводы:

1. Важнейшим направлением противодействия злоупотреблениям властью или служебными полномочиями является их профилактика.

2. Нормативная регламентация обязанности следователя реагировать во всех случаях выявления причин и условий, способствовавших злоупотреблениям властью или служебными полномочиями, повысит результативность предупреждения данного вида коррупционных преступлений.

3. Криминалистическая составляющая профилактики злоупотреблений властью или служебными полномочиями связана с регламентацией обязанности должностного лица обосновывать значимые, т. е. затрагивающие чьи-либо интересы, управленческие решения в форме письменного отчета за определенный, контролируемый период (неделя, месяц, квартал и т. д.).

Список цитируемых источников

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

2. Малков, В. Д. Должностная и корыстная преступность, ее предупреждение. Лекция / В. Д. Малков // Рос. криминологический взгляд. – 2008. – № 1. – С. 114–123.

3. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3: с изм. и доп. от 24.05.2025 № 7-3 // Etalonline.by. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11500305> (дата обращения: 11.06.2025).

4. Яковлева, М. А. К вопросу о правовом регулировании механизма профилактики преступности / М. А. Яковлева // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 4(50). – С. 129–138.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 // Pravo.by. – URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 10.06.2025).

6. Конюк, А. В. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы: практ. пособие / А. В. Конюк, В. В. Лосев. – 2-е изд., испр. и доп. – Мн.: Академия упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – 472 с.

7. Хлус, А. М. Теоретические и прикладные аспекты профилактико-предупредительной деятельности в сфере противодействия коррупции / А. М. Хлус // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол.: И. А. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2023. – Вып. 16. – С. 105–111.

8. Хлус, А. М. Деятельность следователя в аспекте предупреждения коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2023 г. / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2023. – С. 250–251.

Аннотация. В статье рассматриваются направления правоохранительной деятельности по предупреждению и профилактике злоупотреблений властью или служебными полномочиями. Сделан вывод, что важнейшей стороной противодействия данному виду коррупционных преступлений является профилактика. Криминалистической составляющей профилактики злоупотреблений властью или служебными полномочиями является отражение должностным лицом обоснований управленческих решений в форме письменного отчета за определенный, контролируемый период времени. Предлагается нормативное закрепление обязанности следователя реагировать во всех случаях выявления причин и условий, способствовавших совершению данного вида преступлений, что обеспечит результативность их предупреждения.

FORENSIC ASPECT OF PREVENTION AND PROPHYLAXIS OF ABUSE OF POWER OR OFFICIAL AUTHORITY

Khilus A. M., Rudkevich E. V.

Key words: corruption, abuse, powers, prevention, warning.

Abstract. The article considers the areas of law enforcement activities to prevent and suppress abuse of power or official authority. It is concluded that the most important aspect of counteracting this type of corruption crimes is prevention. The forensic component of preventing abuse of power or official authority is the reflection by an official of the justifications for management decisions in the form of a written report for a certain, controlled period of time. It is proposed to normatively consolidate the obligation of the investigator to respond in all cases of identifying the causes and conditions that contributed to the commission of this type of crime, which will ensure the effectiveness of their prevention.

УДК 343

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, В РОССИИ В 2020–2024 ГГ.

Шекк Е. А.

Ключевые слова: наркотики, преступность, незаконный оборот, статистика, тенденции, Россия.

Введение

Динамика восприятия россиянами масштабов распространения наркомании в стране демонстрирует неоднозначные тенденции. Согласно данным социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, в 2018–2019 гг. почти половина опрошенных (45–47 %) говорили о росте

числа лиц, принимающих наркотики. На пандемийный 2021 г. пришелся минимум показателя (30 %), но в последние годы он вновь стал расти (2023 г. – 35 %), достигнув 38 % в текущем замере (2024 г.). Доля тех, кто не замечает изменений, остается довольно стабильной (14–17 %), как и доля тех, кто говорит о сокращении числа наркоманов (13–18 %). Высокий процент затрудняющихся с ответом на этот вопрос (22–40 %) указывает на отсутствие четких представлений у россиян о реальном масштабе проблемы. Это может объясняться как ее латентным характером, так и недостаточной освещенностью в публичном пространстве [1]. Все это обуславливает необходимость проведения анализа состояния и динамики рассматриваемого вида преступности для выработки адекватных мер реагирования.

Основная часть

За последние пять лет криминальная ситуация, связанная с незаконным оборотом наркотиков, в России остается напряженной. Анализ статистических данных по форме федерального статистического наблюдения 4-ЕГС (494) «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2020–2024 гг. показывает, что после заметного снижения количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ (далее – наркотиков, наркопреступлений) в 2021 и 2022 гг. до 179 732 и 177 741 преступлений в год, в 2023–2024 гг. наблюдается рост показателей наркопреступности на 7,5 % и 3,7 % соответственно. В целом за пятилетний период количество наркопреступлений увеличилось на 4,3 % с 189 905 в 2020 г. до 198 043 в 2024 г. (рис. 1).

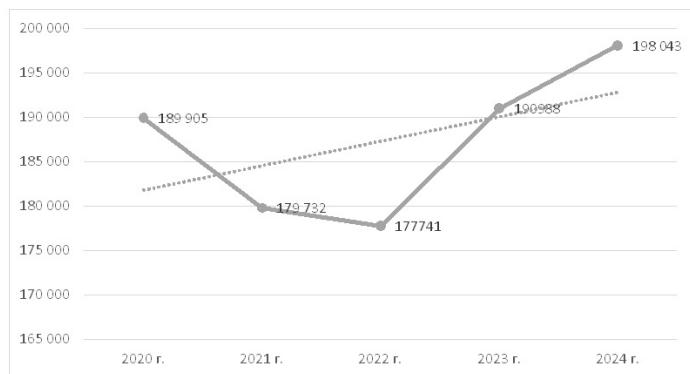

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в России в 2020–2024 гг.

При этом в общем количестве зарегистрированных преступлений на долю наркопреступности приходится примерно десятая часть (удельный вес в структуре зарегистрированной преступности вырос с 9,3 % в 2020 г. до 10,4 % в 2024 г.), то есть каждое десятое преступление в России связано с наркотиками.

Тем не менее следует отметить, что наркопреступления относятся к высоколатентным деяниям, совершаемым в условиях неочевидности и выявляемым при непосредственном обнаружении сотрудниками правоохранительных органов фактов, указывающих на их совершение, по заявлениям граждан, организаций, учреждений, сообщениям лечебных учреждений, информации СМИ, явке с повинной.

Последние пять лет продолжается изменение качественных характеристик наркопреступности. Так, в 2024 г. по сравнению с 2020 г. на 7,3 % увеличилось количество деяний, совершенных в крупном и особо крупном размерах, из них в крупном – на 5,4 %, или с 63 269 до 67 384, и особо крупном размере – на 43,5 %, или с 3321 до 4765.

В структуре незаконного оборота наркотиков на протяжении пятилетнего периода преобладают наиболее общественно опасные деяния. За пять лет существенно увеличилось количество тяжких и особо тяжких преступлений (на 12,4 %, или с 141 940 до 159 490). Удельный вес таких преступлений в общем количестве регистрируемых наркопреступлений стал значительнее (80,5 % в 2024 г. против 74,7 % в 2020 г.).

Самыми выявляемыми в течение пяти лет остаются деяния, связанные с незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотиков (ст. 228¹ УК РФ), а также их приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой (ст. 228 УК РФ). На их долю в среднем приходится более 95 % выявленных преступлений в структуре наркопреступности (рис. 2).

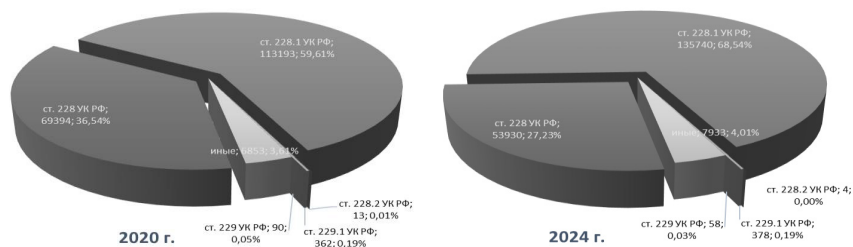

Рис. 2. Структура зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по составам преступлений в 2020 г. и 2024 г.

Более половины всех регистрируемых наркопреступлений составляют наиболее общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 228¹ УК РФ. Ежегодно на учет ставится свыше 100 тыс. таких преступлений, их число ежегодно растет. В 2024 г. было зарегистрировано 135 740 преступлений против 113 193 в 2020 г. (+19,9 %). Удельный вес данных преступлений в наркопреступности с 2020 г. по 2024 г. заметно увеличился: от 59,6 % в 2020 г. до 68,5 % в 2024 г.

В среднем почти 40 % наркопреступлений в год приходится на деяния, связанные с приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотиков, – ст. 228 УК РФ. С 2019 г. по 2021 г. их удельный вес в структуре наркопреступности оставался практически неизменным в диапазоне 36,5–37,7 %. В 2022–2024 гг. доля рассматриваемых криминальных деяний в общей структуре наркопреступности снижалась до 33,5 % в 2022 г. и далее до 29,9 % в 2023 г., до 27,2 % в 2024 г. Если в 2020 г. было выявлено 69 394 преступления, предусмотренных ст. 228 УК РФ, то в 2024 г. – 53 930 преступлений, что на 22,3 % меньше показателя пятилетней давности.

Тенденция уменьшения количества выявляемых преступлений, совершаемых без цели сбыта, может свидетельствовать о положительных изменениях в системе реагирования на наркопреступность в стране, смещении фокуса внимания правоохранительной деятельности на разоблачение не рядовых потребителей запрещенных веществ, приобретающих, хранящих или перевозящих их для личного потребления, а сбытчиков и производителей наркотиков.

Следует отметить увеличение эффективности деятельности таможенных органов Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в 2024 г. Так, на протяжении этого периода таможенными органами в ходе таможенного контроля лиц, транспортных средств и грузов, следующих через государственную границу Российской Федерации, а также оперативно-розыскных мероприятий выявлено 722 факта незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ, из незаконного оборота изъято 22 013,7 кг контролируемых веществ. За рассматриваемый период таможенными органами возбуждено 317 уголовных дел по выявленным преступлениям в сфере незаконного международного оборота контролируемых веществ [2].

Ученые отмечают, что «угроза масштабирования наркооборота в отдельных регионах и внутри устоявшихся логистических цепей поставок остается актуальной. Транснациональные преступные формирования, которые регулируют наиболее крупные и постоянные наркотические потоки на теневом международном рынке, способны организацион-

но и финансово осуществлять и актуализировать подобную деятельность. Тем более с усилением напряжения в международных делах взаимодействие, в том числе и таможенных служб, де-юре сохраняясь на прежнем уровне, фактически существенно сократилось. Сокращение практического взаимодействия с европейскими и американскими таможенными службами стало политическим шагом. Транснациональная преступность в наркобизнесе в условиях политического конфликта чувствует себя комфортно и никакие политические, конфессиональные или межнациональные конфликты в этой среде не возникают [3, с. 124].

При этом сохраняются риски внутреннего наркопроизводства. По данным опубликованного Доклада о наркоситуации в Российской Федерации за 2023 г. органами внутренних дел пресечена деятельность 225 нарколабораторий [4]. Правоохранительные органы Российской Федерации продолжают пресекать деятельность по незаконному обороту сильнодействующих веществ. Так, в 2024 г. было выявлено 3870 преступлений, связанных с незаконным изготовлением, переработкой, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой в целях сбыта, а равно сбытом сильнодействующих веществ, против 2352 преступлений в 2020 г. (или +64,5 %).

Каждый год выявляется около 80 тыс. лиц, совершивших наркопреступления, или около 10 % от всех лиц, совершивших преступления в стране. Вместе с тем состояние наркопреступности в России в настоящее время воспроизводит мировые тренды криминального оборота наркотиков, а правоохранительные органы все чаще сталкиваются с трудностями выявления лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, в особенности незаконного сбыта наркотиков, в связи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ) в преступной деятельности, расширением дистанционного сбыта наркотиков.

Поэтому основной негативной тенденцией современной наркопреступности является активное использование ИКТ для совершения преступлений. На протяжении пяти лет неуклонно растет количество совершенных таким способом наркопреступлений. Если в 2020 г. было выявлено 47 060 преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ, при совершении которых использовались ИКТ, что составляло 41,6 % от общего количества деяний, связанных с незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотиков, то в 2024 г. – уже 94 645, или 69,7 %.

Закономерно также, что при расследовании данной категории уголовных дел возникают сложности, обусловленные спецификой развития технологий, анонимностью, скрытностью преступной деятельности. Эволюция использования интернет-среды для преступ-

ной деятельности в этой сфере исследуется до настоящего времени [5, с. 176]. Преступники активно используют анонимные сети, такие как Tor, I2P и другие, которые скрывают их IP-адреса и местоположение. Эффективной конспирации преступной деятельности способствует использование мессенджеров с end-to-end шифрованием (Telegram, Signal) для координации преступной деятельности. Оплата наркотиков и других запрещенных услуг часто осуществляется с использованием криптовалют (Bitcoin, Monero и др.), что затрудняет отслеживание финансовых потоков. Кроме того, преступления в рассматриваемой сфере часто носят международный характер, что требует координации между правоохранительными органами разных стран.

В наркопреступности традиционно высоким остается показатель криминологического рецидива. Он демонстрирует исключительную криминальную направленность личности преступника, рассматривается как форма профессиональной преступной деятельности. Доля лиц, ранее совершавших преступления, в структуре выявленных за совершение наркопреступлений лиц на протяжении пяти лет сохраняется на уровне более 50 %. Так, в 2020 г. число лиц, ранее совершавших преступления, составило 59,2 % (49 254), в 2021 г. – 58,6 % (49 910), в 2022 г. – 58,7 % (46 759), в 2023 г. – 58,1 % (44 826), в 2024 г. – 57,8 % (40 310).

В этом контексте как положительную тенденцию в обеспечении предупреждения наркопреступности можно рассматривать небольшое, но постоянное сокращение в структуре лиц, ранее совершавших преступления, доли ранее судимых лиц (с 49,2 % в 2020 г. до 46,9 % в 2024 г.), а также лиц, совершивших наркопреступление в период испытательного срока при условном осуждении (с 4,4 % в 2020 г. до 3,5 % в 2024 г.).

Особое значение приобретает контроль и надзор за лицами, отбывшими наказание и вернувшимися в привычную социальную среду. Доля лиц, совершивших наркопреступление, которые состояли в этот период под административным надзором, составила 2,1 % – в 2020 г. и 2,2 % – в 2024 г. от всех выявленных за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков лиц. С учетом изложенного внимания заслуживает эффективная деятельность органов прокуратуры, осуществляемая в рамках требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 05.09.2022 № 494 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В целях защиты государственных и общественных интересов прокурорами выявляются и своевременно устраняются изъяны административного над-

зора на местах, такие как формализм и неполнота профилактических мероприятий.

Опасной тенденцией является стабильный рост доли женщин среди лиц, совершивших наркопреступления (10,2 % в 2020 г., 10,5 % в 2021 г., 11,2 % в 2022 г., 11,9 % в 2023 г., 13,2 % в 2024 г.). Этот рост имел место даже на фоне снижения в 2020 г. доли всех женщин, совершивших преступления, в общей структуре всех лиц, совершивших преступления. Известно, что женская преступность имеет свои особенности, связанные с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, ее социальными ролями и функциями, биологической и психологической спецификой. Более активное вовлечение женщин в совершение преступлений против здоровья населения и общественной нравственности не исключает риски формирования негативных детерминант для семейно-бытовой и духовной сферы общественной жизни.

Более того, некоторыми исследователями в структуру женской наркопреступности включается еще и добытие денежных средств на наркотики. Интересно, что при изучении грабежей и разбоев, совершенных женщинами, было установлено, что в 2/3 случаев девушки мотивировались желанием на незаконно добытые денежные средства купить наркотики [6, с. 51]. Данное обстоятельство может выступать одной из особенностей женской наркопреступности и, соответственно, подлежит изучению в целях последующей выработки специальных мер по противодействию данным негативным криминальным явлениям. Кроме того, современные исследования указывают на эволюцию женской наркопреступности с приобретением признаков организованности [7, с. 90–96].

Отличительной особенностью незаконного оборота наркотиков последних лет стало расширение рынка синтетических наркотиков. Если еще пять лет назад их доля в общей массе наркотических средств, изъятых на момент возбуждения уголовного дела, составляла чуть более четверти, то в 2024 г. – уже половину объема всех изъятых наркотических средств. Риски поступления в страну синтетических наркотиков и их внутреннего производства, а также формирование зависимости у подростков от новых синтетических наркотиков подтверждаются результатами контент-анализа научной литературы [8, с. 61–64]. Рядом исследователей показано, что по сравнению с нативным каннабисом синтетические каннабиоиды обладают наркогенным потенциалом, превышающим в сотни раз растительный дельта-9-тетрагидроканнабинол [9, с. 15–20]. По результатам научных исследований в настоящее время на наркорынке синтетические опиоиды постепенно вытесняют героин.

В незаконном обороте, наряду с производными фентанила, появляются наркотики иных химических групп: N-замещенные бензамиды и ацетиламиды, производные пиперазина, производные бензимидазола и другие. Основная причина данной тенденции – низкая цена, простота их синтеза и транспортировки, доступность прекурсоров [10, с. 54–59].

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что состояние, структура и динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, свидетельствуют о сохранении уровня криминальных угроз для населения страны. На это указывают такие факторы, как трансформация современной наркопреступности, изменение ее качественных характеристик, специфики, обусловленные активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений.

Общемировые тренды преступности в сфере незаконного оборота наркотиков традиционно детерминируются правовыми, социальными, экономическими, организационно-управленческими и иными факторами. Соответственно, меры противодействия негативным факторам распространения наркомании и незаконного оборота наркотиков должны носить комплексный характер.

В качестве приоритетных мер по противодействию наркопреступности на данном этапе видится активная профилактическая деятельность. В частности, высокий профилактический потенциал имеет интеграция комплексных воспитательных и просветительных программ в систему школьного и вузовского образования, разъяснительная работа с родителями и педагогическими коллективами. В рамках работы по профилактике наркопреступности организуется мониторинг с последующей блокировкой контента на предмет распространения в сети Интернет информации, запрещенной для распространения среди детей, в том числе направленной на склонение или иное вовлечение детей в потребление наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ.

Важное значение может иметь увеличение объемов целевых профилактических программ, пропаганда здорового образа жизни и отказа от вредных привычек, развитие концепции молодежных волонтерских движений. В Российской Федерации молодежные и детские общественно-государственные и общественные объединения рассматриваются в качестве одного из ключевых субъектов молодежной политики. Начиная с 1995 г. действует Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [11].

Одним из примеров такого концепта может стать уникальное общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи, представляющее собой программу воспитания и становления личности, активного и ответственного молодежного сообщества, которому важны уважение к традициям и культуре народов России, историческая преемственность и сопричастность с судьбой страны – «Движение первых» [12]¹. По состоянию на 1 января 2024 г. региональные отделения Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» действуют во всех 89 субъектах Российской Федерации, образованы 1464 местных отделения и 29 855 первичных отделений. Движение насчитывает уже более 12 миллионов участников, и более 180 мероприятий различного характера проведено уже в 2024 г. Уникальность Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» состоит в том, что оно является функциональным связующим звеном между практической реализацией молодежной политики и образовательным процессом, в который включены молодые граждане в возрасте от 6 до 25 лет [13]. Такая практика оказывает значительное влияние на качество профилактики отклоняющегося поведения среди молодежи, укрепляет фундамент здоровой нации и снижает общий уровень криминальных угроз в государстве, делая значительный вклад в общую безопасность и стабильность нашего общества.

Список цитируемых источников

1. ВЦИОМ. Наркотическая зависимость: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring-2> (дата обращения: 28.02.2025).

2. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 2024 г. – URL: <https://limited.customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/616962> (дата обращения: 17.02.2025).

3. Озолинг, А. Е. О некоторых вопросах международного сотрудничества в противодействии контрабанде наркотиков / А. Е. Озолинг // Закон. Право. Государство. – 2022. – № 4. – С. 124.

4. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году. – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/6440403> (дата обращения: 03.02.2025).

5. Антонова, Е. Ю. Незаконный оборот наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: вопросы правовой оценки и предупреждения / Е. Ю. Антонова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVI междунар. науч.-практ. конф., 20–21 апр. 2023 г.: в 2 ч. – Красноярск., 2023. – Ч. 1. – С. 176.

¹ См. также: URL: <https://будвдвигении.рф/>.

6. Байчорова, Ф. Х. Женская преступность. Тенденции. Викимнологический аспект: монография / Ф. Х. Байчорова. – М.: Юрлитформ, 2015. – С. 51.

7. Морозов, Д. В. Женская наркопреступность в Российской Федерации: понятие и особенности / Д. В. Морозов // Современное общество и право. – 2022. – № 1(56). – С. 90–96.

8. Шарафиев, Р. Р. Микросоциальные факторы как риск формирования зависимости к новым синтетическим «дизайнерским» наркотикам группы синтетических каннабиноидов / Р. Р. Шарафиев, Г. И. Абдуллина, В. Н. Габдрафиков // Медицинский вестн. Башкортостана. – 2020. – Т. 15, № 1(85). – С. 61–64.

9. Ахметова, Э. А. Дисгармоничная семья как фактор формирования зависимости к новым синтетическим «дизайнерским» наркотикам / Э. А. Ахметова // Медицинский вестн. Башкортостана. – 2017. – Т. 12, № 1 (67). – С. 15–20.

10. Изменения на нелегальном рынке синтетических опиоидов / А. И. Головкин, Ю. Ю. Ивницкий, В. Л. Рейнюк, Т. В. Шефер // Наркология. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 54–59.

11. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ: ред. от 28.12.2022.

12. О российском движении детей и молодежи: Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ: ред. от 08.08.2024.

13. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р: ред. от 08.05.2025.

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению состояния и тенденций преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в России за период с 2020 по 2024 годы. Рассматриваются изменения количественных и качественных характеристик преступности, дана динамика, структура по степени тяжести, динамика численности выявленных лиц, выявлены особенности современной наркопреступности, показаны роль цифровизации в увеличении криминальных угроз и особенности адаптации преступных сетей к новым условиям. Особое внимание уделено влиянию профилактических мер на изменение криминогенной обстановки.

STATE AND TRENDS OF DRUG-RELATED CRIME IN RUSSIA DURING 2020–2024

Shekk E.

Key words: drugs, crime, illegal trafficking, statistics, trends, Russia.

Abstract. This article investigates the current state and dynamics of drug-related crime in Russia during the period from 2020 to 2024. A detailed analysis of quantitative and qualitative changes is conducted, including an examination of the structure of offenses by severity level, the number of identified individuals. Specific features of contemporary drug-related crime are highlighted, with particular attention given to the role of digitization and adaptations made by criminal networks in response to changing external conditions. The effects of preventive measures and law enforcement activities on the criminological environment are evaluated.

2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.351

ЗАЩИТА БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ

Байсеитов Б. С.

Ключевые слова: государственные закупки, коррупция, хищение, административная преюдиция, правонарушение.

Введение

Коррупция остается одной из наиболее обсуждаемых проблем в современном мире. Особенность данного негативного явления заключается в его адаптивных способностях. При выстраивании конкретного механизма противодействия коррупционные проявления, как правило, конструируют собственные схемы обхода существующих ограничений.

Исторически сложившаяся догма о том, что коррупция проявляется в незаконных действиях должностных лиц для собственного обогащения либо для получения выгод и преимуществ для себя или других лиц, свидетельствует о необходимости системного подхода к ее минимизации. Следует подчеркнуть, что этот процесс должен быть динамичным и «идти в ногу со временем», а не представлять собой одноразовую акцию.

Ряд казахстанских экспертов полагают, что истоки борьбы с коррупцией берут свое начало с ментального отношения самого человека. В частности, официальный представитель Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции Д. Бигаидаров заявил о том, что: «Создать условия, при которых коррупция станет невозможной, получится только совместными усилиями государства и общества. Каждый из нас может либо поощрять коррупцию своим молчаливым согласием, либо активно противодействовать ей, создавая условия, при которых она становится неприемлемой». Продолжая мысль Д. Бигаидарова, отечественный политолог А. Жусупова подчеркнула о необходимости совершенствования законодательства, прозрачности работы государ-

ственных структур, цифровизации госуслуг, повышения правовой грамотности населения и развития институтов гражданского общества [1].

Интерпретируя взгляды специалистов в области коррупции и выражая согласие с их позициями, надлежит подчеркнуть необходимость в совершенствовании норм действующего законодательства не только упреждающими, но и в определенной мере карательными тенденциями в особо коррумпированных сферах.

Одним из таких направлений деятельности являются государственные закупки. По информации Антиторрупционной службы (Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции) за первый квартал 2025 г. в ходе мониторинга государственных закупок и целевого расходования средств Агентством с начала года предотвращено нерациональное использование на сумму 21,2 млрд тенге, из которых лишь 6,4 возвращены в бюджет. Более того, по мнению Антикора, превентивный эффект в рамках административного производства позволяет в будущем предупредить совершение уголовных коррупционных правонарушений [2].

Приведенная статистика наглядно иллюстрирует потребность в парадигме использования более жестких мер, которая возникла ввиду недостаточной эффективности превентивных норм.

Ответственность за нарушения в сфере государственных закупок в Казахстане предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях (далее – КоАП РК) и Уголовным кодексом (далее – УК РК). При этом если КоАП РК имеет специальные нормы, напрямую связанные с процедурой государственных закупок, то УК РК содержит лишь общие статьи коррупционной направленности, за исключением мошенничества.

Для успешной модернизации отечественного законодательства нами проанализирован опыт стран постсоветского пространства.

Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит норму об ответственности за нарушение установленного законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд порядка планирования таких закупок и определения поставщика (подрядчика, исполнителя), требований к порядку, сроку размещения информации и документов или направления их для размещения в реестрах, предусмотренных указанными нормативными правовыми актами (ст. 7.30.1) [3].

Вместе с тем в Уголовном кодексе Российской Федерации, в отличие от УК РК, предусмотрены специальные нормы, такие как злоупо-

требление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4), подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5) [4].

Внедрение специальных норм применительно к государственным закупкам в уголовное законодательство активно используется в Азербайджанской Республике, Грузии и Армении.

В свою очередь, наиболее схожими с казахстанским законодательством являются законы Республики Беларусь. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 12.9) предусматривает ответственность за нарушение порядка осуществления государственных закупок товаров (работ, услуг) [5], а уголовное законодательство содержит лишь общие коррупционные нормы.

Исходя из проведенного анализа полагаем, что эффективным способом в борьбе с коррупцией в сфере государственных закупок является внедрение активного взаимодействия административных и уголовных норм в части противодействия такому негативному явлению. В этом заключается актуальность проводимого исследования.

Основная часть

В рамках VIII Международной научно-практической конференции «Трансформация юридической науки: взгляд молодых ученых» нами опубликована научная статья «Административная преюдиция: проблемы и перспективы внедрения». По результатам данного исследования с учетом мнения ведущих ученых, на наш взгляд, казахстанское законодательство нуждается в использовании данного института с исключением категории уголовных проступков [6], то есть мы являемся сторонниками возвращения института административной преюдиции в уголовное законодательство.

Целью же настоящего исследования является детальное изучение нормы, предусматривающей административную ответственность за нарушение законодательства о государственных закупках, для последующей ее трансформации через призму административной преюдиции в уголовно-правовую сферу.

В ходе исследования использованы общенаучные методы научного познания: анализ, синтез, индукция и дедукция. Наряду с изучением действующих правовых норм, изучены научные труды отечественных и зарубежных ученых об административной и уголовной ответственности.

Целесообразным началом внедрения института административной преюдиции с учетом научной направленности нашего диссертационного исследования, нацеленного на формирование инновационных

методов борьбы с хищениями бюджетных средств в сфере государственных закупок, является детальное изучение самих норм, предусматривающих административную ответственность за нарушение законодательства о государственных закупках.

О совершенствовании правовых норм с учетом уже сформировавшихся устоев справедливо отметил В. В. Хилиута, который, с одной стороны, утверждал, что «советская концепция «хищения чужого имущества» была рассчитана на решение совсем иных институциональных и социальных задач, нежели сегодня. Поэтому старые доктринальные конструкции не могут быть универсальны и должны быть подвергнуты ревизии». С другой стороны, им отмечено, что «законодателю необходимо оставить саму конструкцию хищений такой, какой она была в советское время, предварительно выделив самостоятельные уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательства на имущественные блага и интересы» [7, с. 438].

Так, на сегодняшний день в действующем КоАП РК содержится норма, непосредственно связанная с нарушениями в сфере государственных закупок (ст. 207) [8].

Диспозиция первой нормы (ст. 207 КоАП РК) носит бланкетный характер и содержит в себе 14 различных составов административных правонарушений.

Отнесение данной статьи к категории бланкетных норм обусловлено тем, что все предусмотренные ею деяния нарушают тот самый порядок организации и проведения государственных закупок, содержащийся как в Законе Республики Казахстан № 106-VIII ЗРК от 1 июля 2024 г. «О государственных закупках», так и в Приказе Министра финансов Республики Казахстан № 687 от 9 октября 2024 г. «Об утверждении Правил осуществления государственных закупок» (далее – Правила осуществления госзакупок).

Учитывая, что коррупционные проявления в государственных закупках непосредственно связаны с выделяемыми бюджетными средствами, по нашему мнению, надлежит выделить те административные правонарушения, в которых имеются предпосылки к совершению уголовно-наказуемого коррупционного преступления, в том числе хищения бюджетных средств.

Такой шаг обусловлен рядом соответствующих причин. Во-первых, административное право по своей природе выступает в роли «регулятора» правовых отношений, возникающих между государством и его гражданами. Во-вторых, поскольку административное право является своего рода «регулятором», то и все административно-деликтные нормы должны быть упорядочены. В-третьих, упорядочивание норм

в дальнейшем будет способствовать более научному подходу к внедрению административной преюдиции в законодательство Казахстана и позволит избежать возникновения потенциальных правовых коллизий.

Первым административным правонарушением, имеющим предпосылки к совершению уголовно-наказуемого коррупционного преступления, в том числе хищения бюджетных средств, является деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 207 КоАП РК, – нарушение требований законодательства Республики Казахстан о государственных закупках к конкурсной документации (аукционной документации) либо к размещаемой информации при осуществлении государственных закупок способом запроса ценовых предложений путем установления любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам либо указания на характеристики, определяющие принадлежность приобретаемых товаров, работ, услуг отдельным потенциальным поставщикам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Республики Казахстан о государственных закупках.

Установление любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам, а также указания на характеристики, определяющие принадлежность тех или иных товаров, работ либо услуг конкретным потенциальным поставщикам, являются условиями, которые запрещается устанавливать в конкурсной или аукционной документации. Запрет на подобные действия налагается непосредственно ст. 12 Закона Республики Казахстан «О государственных закупках» [10].

Основой для отнесения абсолютно любого деяния к числу уголовных правонарушений является субъективная сторона, включающая в себя умысел и само отношение человека к тому, что он намеревается совершить, совершает либо уже совершил. Указание любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований может свидетельствовать о предпосылках к совершению коррупционных правонарушений. Такой вывод сформирован, исходя из того, что не измеряемые количественно и неадминистрируемые требования невозможно проверить и контролировать, а значит такое правонарушение вполне может быть латентным и остаться исключительно в административно-правовом поле, не влекущем за собой соразмерную ответственность.

Вторым административным правонарушением, которое следует отнести к категории «имеющие предпосылки к совершению уголовно-наказуемого коррупционного преступления, в том числе хищения бюджетных средств», является нарушение требований законодатель-

ства Республики Казахстан о государственных закупках в части неприменения критериев, влияющих на конкурсное ценовое предложение, а равно их неправильный расчет (ч. 6 ст. 207 КоАП РК).

Анализ данной нормы следует начать с понятия «конкурсное ценовое предложение». В соответствии с п. 10 ст. 3 Закона Республики Казахстан «О государственных закупках» конкурсное ценовое предложение – это цена, предложенная потенциальным поставщиком для участия в государственных закупках способом конкурса, прилагаемая к заявке на участие в конкурсе [10].

Для процедуры государственных закупок способом конкурса создается отдельный коллегиальный орган – конкурсная комиссия. Именно эта комиссия в соответствии с Правилами осуществления государственных закупок определяет потенциальных поставщиков, а также применяет и рассчитывает критерии, влияющие на конкурсное ценовое предложение [11].

Исходя из специфики функциональных обязанностей конкурсной комиссии следует, что субъектами рассматриваемого нами правонарушения являются члены данного коллегиального органа.

Одним из признаков наличия состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 207 КоАП РК, является неприменение критериев, влияющих на конкурсное ценовое предложение. Согласно п. 217 Правил осуществления государственных закупок при осуществлении государственных закупок способом конкурса применяются следующие критерии, влияющие на конкурсное ценовое предложение:

- наличие у потенциального поставщика опыта работы на рынке работ, услуг, являющихся предметом проводимых государственных закупок;
- показатель уплаченных налогов;
- нахождение потенциального поставщика в соответствующей административно-территориальной единице в границах области, городов республиканского значения и столицы по месту выполнения работ, оказания услуг;
- размещение потенциальным поставщиком аудированной годовой отчетности в депозитарии финансовой отчетности;
- функциональные, технические, качественные и эксплуатационные характеристики товаров и (или) расходы на эксплуатацию, техническое обслуживание и ремонт закупаемых товаров [11].

Несомненно, неприменение указанных критериев впервые может быть управленческой ошибкой, но повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 207 КоАП РК,

свидетельствует о прямом умысле лица, его совершившего. На это указывает и сам перечень критериев, влияющих на конкурсное ценовое предложение, который является исчерпывающим и достаточно ясным. Более того, допущение такого нарушения может быть признаком лоббирования интересов одного из потенциальных поставщиков.

В этой связи отнесение ч. 6 ст. 207 КоАП РК к числу правонарушений, «имеющих предпосылки к совершению уголовно-наказуемого коррупционного преступления, в том числе хищения бюджетных средств», является обоснованным, поскольку игнорирование критериев, влияющих на конкурсное ценовое предложение и их неправильный расчет влекут за собой незаконное использование бюджетных средств.

Заключение

По результатам исследования полагаем необходимым отнести ч. 1, 6 ст. 207 КоАП РК к категории правонарушений, имеющих предпосылки к совершению уголовно-наказуемых коррупционных правонарушений, в том числе хищения бюджетных средств в сфере государственных закупок, для их дальнейшего изучения и возможной криминализации.

Список цитируемых источников

1. Как можно победить коррупцию в Казахстане – мнения экспертов // Новостной портал «Tengrinews». – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kak-mojno-pobedit-korrupsiyu-v-kazahstane-mneniya-ekspertov-561565/ (дата обращения: 12.05.2025).

2. В Антикоре подвели итоги первого квартала 2025 года // Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/press/news/details/985701> (дата обращения: 13.05.2025).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 янв. 2001 г., № 195-ФЗ // ЮРИСТ. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30407289&doc_id2=30407289#pos=4;-80&pos2=2434;-99&sdoc_params2=text%3D%25D0%2593%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2583%25D0%25B4%25D0%25B0%25D1%2580%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B5%2520%25D0%25B7%25D0%25B0%25D0%25BA%25D1%2583%25D0%25BF%25D0%25BA%25D0%25B8%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30407289%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos2=23 (дата обращения: 13.05.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // ЮРИСТ. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397073&doc_id2=30397073#pos=5;-98&pos2=2785;-40 (дата обращения: 13.05.2025).

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 янв. 2001 г. № 91-3 // ЮРИСТ. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&pos=2;-52#pos=2;-52 (дата обращения: 13.05.2025).

6. Байсеитов, Б. С. Административная преюдиция: проблемы и перспективы внедрения / Б. С. Байсеитов // Материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. «Трансформация юридической науки: взгляд молодых ученых». – Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2025. – С. 297–301.

7. Хилюта, В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Хилюта Вадим Владимирович. – Мн., 2021. – 500 л.

8. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z4329> (дата обращения: 26.05.2025).

9. О государственных закупках: Закон Республики Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000106> (дата обращения: 27.05.2025).

10. Об утверждении Правил осуществления государственных закупок: Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 9 октября 2024 г. № 687 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035238> (дата обращения: 28.05.2025).

Аннотация. В настоящем исследовании автором проанализированы нормы, предусматривающие административную ответственность за нарушения в сфере государственных закупок. На сегодняшний день осуществление деятельности государственного аппарата в этом направлении остается одной из сфер, наиболее подверженных коррупционным проявлениям. По мнению автора, на протяжении существования такого института, как «государственные закупки», принятие и реализация исключительно превентивных мер является недостаточным, о чем свидетельствует изменчивый характер законодательства, регулирующего процедуру их проведения. Являясь сторонником возвращения института «административной преюдиции» в уголовное законодательство, автор выделил те части ст. 207 КоАП РК, диспозиции которых содержат потенциальные риски совершения уголовно-наказуемых коррупционных преступлений, в том числе хищения бюджетных средств, выделяемых для проведения процедуры государственных закупок. По результатам анализа автором предложено дифференцировать ч. 1, 6 ст. 207 КоАП РК для дальнейшего изучения и рассмотрения вопроса их криминализации через призму административной преюдиции.

PROTECTION OF BUDGET FUNDS IN PUBLIC PROCUREMENT: PROSPECTS FOR CRIMINALIZATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES THROUGH THE PRISM OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Baiseitov B. S.

Key words: public procurement, corruption, embezzlement, administrative prejudice, offense.

Abstract. In this study, the author analyzes the norm providing for administrative liability for violations in the field of public procurement. To date, the implementation of the activities of the state apparatus in this area remains one of the areas most susceptible to corruption. According to the author, during the existence of such an institution as «public procurement», the adoption and implementation of exclusively preventive measures is insufficient, as evidenced by the volatile nature of legislation regulating the procedure for their implementation. Being a supporter of the return of the institution of «administrative prejudice» to criminal law, the author highlights those parts of Art. 207 of the Administrative Code, the dispositions of which contain potential risks of committing criminally punishable corruption crimes, including embezzlement of budget funds allocated for public procurement procedures. Based on the results of the analysis, the author proposed to differentiate parts of Parts 1, 6 of Art. 207 of the Administrative Code of the Republic of Kazakhstan for further study and consideration of the issue of their criminalization through the prism of administrative prejudice.

УДК 343.6

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ КЛЕЙМЕНИЕ

Дрозд А. Н.

Ключевые слова: квалификация, клеймение, насилие, татуировка, телесные повреждения, уголовная ответственность.

Введение

Клеймение представляет собой процесс и результат нанесения на тело человека неизгладимых символов в виде татуировки, ожога или иного повреждения кожи. В свою очередь, татуирование представляет собой нанесение на тело рисунков путем механического нанесения множественных точечных неглубоких ран и введения под кожу красящих веществ. Постановка тавро осуществляется путем нанесения штампа горячими предметами или химическими веществами.

Целью клеймения может быть как достижение эстетического эффекта, так и идентификация объекта, закрепление какого-либо признака, определение принадлежности к группе, стигматизация опре-

деленных категорий лиц, например, совершивших преступления или больных опасными заболеваниями.

Клеймение известно с доисторических времен как одна из первобытных форм искусства. В процессе цивилизации кожная живопись распространилась по миру повсеместно. При этом отношение к ней было и остается неоднозначным. Итальянский психиатр и криминолог Ч. Ломброзо считал, что их наличие является одним из признаков нравственной дефективности. В то же время значительное количество людей до сих пор обращаются к клеймению себя и других людей.

Основная часть

Как правило, стигматы и их вид определяются самим носителем. В этих случаях чаще всего процедура и ее результат не выходят за рамки частного дела конкретного лица. Однако в некоторых случаях клеймению подвергаются принудительно, т. е. против или помимо воли лица: с применением насилия или угрозы его применения, с использованием беспомощного состояния или путем обмана или злоупотребления доверием. Принудительное клеймение, несмотря на то, что специально не называется в уголовном законе, вторгается в область охраняемых Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) отношений и требует соответствующей уголовно-правовой оценки.

Следует констатировать, что анализ различных аспектов, связанных с нанесением клейма, в том числе принудительного, достаточно широко представлен в работах ученых-психологов, психиатров, социологов, криминологов, специалистов в области судебной медицины. В то же время до настоящего времени проблема квалификации принудительного клеймения не получила всестороннего научного освещения. В отечественной теории уголовного права данные вопросы раскрыты фрагментарно. Отчасти они затрагиваются в работах, посвященных уголовной ответственности за нанесение телесных повреждений, подготовленных Н. А. Бабием, П. А. Дубовцом, С. И. Тишкевичем, Т. Г. Терещенко, И. А. Шаматульским и др. Отдельными российскими учеными и исследователями – М. И. Галюковой, Э. В. Тумановым, Д. В. Кривицким, Е. А. Коршуновой и др. – раскрыты некоторые аспекты, относящиеся к сущности и юридическим последствиям принудительного нанесения клейма.

С учетом вышеописанного представляется целесообразным подробно рассмотреть с точки зрения уголовного права и уголовной ответственности различные признаки и обстоятельства, связанные с клеймением, совершаемым с применением насилия или угрозой его применения (против воли) либо с использованием беспомощного состояния (помимо воли) потерпевшего.

1. Одним из наиболее вопиющих фактов принудительного клеймения людей, известных в истории, стало нанесение номеров в концентрационных лагерях для военнопленных и населения. Так, в концентрационном лагере Освенцим заключенные, отобранные для работы, были татуированы регистрационными номерами (а в случае принадлежности к евреям или цыганам – дополнительно символом треугольника или буквой «Z» соответственно) для их идентификации в случае смерти или побега. Общее количество регистрационных номеров, присвоенных заключенным в Освенциме, по некоторым данным, доходило до 400 000 [1]. С точки зрения уголовного права клеймение людей при указанных обстоятельствах должно рассматриваться, исходя из основного объекта посягательства, которым является урегулированный международными актами порядок использования средств и методов ведения войны и безопасность человечества. Клеймение в концентрационных лагерях являлось одним из проявлений геноцида (ст. 127 УК), преступлений против безопасности человечества (ст. 128 УК), нарушения законов и обычаев войны (ст. 135 УК).

2. Между тем в средствах массовой информации регулярно освещаются факты, свидетельствующие о том, что насильственное нанесение клейм встречается и в условиях мирной жизни. Вместе с тем квалификация принудительного клеймения на фоне личных неприязненных отношений не является устоявшейся и однозначной.

Так, в марте 2024 г. была опубликована информация, что в Таиланде туристу, находящемуся в состоянии сильного алкогольного опьянения, без его ведома во время сна сделали на груди татуировку с надписью на тайском языке [2].

Объективно принудительное нанесение клейма представляет собой по сути телесное повреждение. Соответственно, при его причинении из личной неприязни страдает здоровье потерпевшего. Наиболее очевидным ответом на вопрос о квалификации таких действий является рассмотрение данного процесса как истязания (ст. 154 УК). Однако здесь следует согласиться со специалистами в том, что такая оценка не в полной мере отражает степень общественной опасности данных действий [3, с. 45]. В то же время нам представляется некорректной и их оценка с точки зрения длительности временного расстройства здоровья, которое в большинстве случаев отсутствует. Более правильным следует признать критерий стойкой утраты трудоспособности по аналогии с площадью причиненных рубцов [4]. В соответствии с Инструкцией о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений (далее – Инструкция) наличие на туловище, конечностях, волосистой части голо-

вы рубцов, образовавшихся в результате различных травм, площадью до 0,5 % поверхности тела, но не менее 5 см² приводит к стойкой утрате общей трудоспособности на 5 %, площадью от 0,5 до 2 % поверхности тела – на 10 % и так далее, вплоть до 35 % в случае повреждения более 10 % кожи, что является вполне реальным в случае нанесения, например, татуировки во всю спину.

Отметим, что случаи нанесения против или помимо воли лица символов на лицо или шею могут быть квалифицированы как тяжкие телесные повреждения по признаку неизгладимого обезображивания лица или шеи.

Так, в Бразилии мужчина, у которого 17-летний подросток пытался похитить велосипед, при помощи знакомого татуировщика набил ему на лбу надпись «Я вор и неудачник» и заснял это на видео [5].

Из примеров, имевших место на территории ближнего зарубежья, можно назвать следующий. Действовавший в конце XX в. А. Комин, совершивший ряд особо тяжких преступлений, включая изнасилования и убийства, в отношении двух похищенных им женщин, которых он эксплуатировал, в качестве наказания за попытку побега, выбил им на лбах татуировки со словом «раб» и линиями слез под глазами [6].

В Инструкции отмечено, что неизгладимость подразумевает неустранимое без оперативного вмешательства (например, косметической операции) повреждение, в том числе любые изъяны лица или шеи, причиненное механическим воздействием, воздействием пламени, агрессивных веществ или иным способом. Соответственно, при клеймении путем нанесения татуировки, ожогов или рубцов на лицо или шею такие действия должны быть квалифицированы по ст. 147 УК.

Так, например, 59-летний житель Сморгони утром 28 февраля 2018 г. причинил многочисленные телесные повреждения бывшей супруге 58 лет, вырезал у нее на лбу нецензурное слово. По данному факту было возбуждено уголовное дело об умышленном причинении тяжких телесных повреждений, совершенных способом, носящим характер мучения и истязания (п. 3 ч. 2 ст. 147 УК) [7].

3. В современной повседневной жизни случаи принудительного клеймения могут быть связаны также с проявлением хулиганства.

В 2017 г. была опубликована информация о том, что в России школьнице вопреки ее воли нанесли на груди татуировку непристойного содержания [8].

С точки зрения законодательства Республики Беларусь подобные факты должны квалифицироваться как особо злостное хулиганство по признаку насилия с применением предметов, используемых в качестве оружия для причинения телесных повреждений (ч. 3 ст. 339 УК).

Несколько иначе обстоит дело при квалификации насильственного нанесения татуировки на лицо или шеи по мотивам, выражающим стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам обхождения.

Так, например, в Новосибирске в ходе нападения на журналиста А. Жирнова четверо неизвестных лиц нанесли ему татуировки оскорбительного содержания на лоб и щеки и выбросили замотанного скотчем из машины [3, с. 46].

В подобных ситуациях уголовно-правовая оценка зависит от того, сопровождалось ли принудительное нанесение татуировки другими хулиганскими действиями, что влечет ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК по признаку неизгладимого обезображивания лица или шеи. При других обстоятельствах, когда, например, *в США женщину заставили потребить наркотические средства и во время нахождения ее в состоянии наркотического опьянения сделали ей на лице татуировку с непристойными надписями [9]*, – в части клеймения, как представляется, имеет место только нанесение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений (п. 7 ч. 2 ст. 147 УК).

В дополнение следует указать, что сами наносимые надписи также могут приобретать уголовно-правовое значение.

Так, в 2018 г. в Марокко 12 человек похитили 17-летнюю девушку, после чего в течение двух месяцев насильничали и истязали ее, а также насильно нанесли девушке оскорбительные татуировки, в том числе «свастику» [10]. Основываясь на законодательстве Республики Беларусь, в данном случае применительно к клеймению усматриваются не только признаки преступления против здоровья, но и признаки реабилитации нацизма (ст. 130-1 УК). Аналогичный пример имел место *в США, где четверо человек в течение нескольких дней удерживали в подвале жилого дома мужчину и против его воли делали ему множественные татуировки с расовыми оскорблениями [11].* При указанных обстоятельствах содержание и характер надписи могут свидетельствовать о разжигании расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130-1 УК), что при наличии соответствующих оснований должно влечь ответственность по совокупности преступлений.

4. Специфическим проявлением клеймения является также так называемая лагерная живопись. В 60–80-е гг. XX века на территории СССР сложилась строго определенная символика криминальной татуировки в пенитенциарных учреждениях, которая содержала различные сведения о ее носителе: о преступной профессии, сроке, судимости, памя-

ных датах, об интересах, ценностях и т. д. [12, с. 6]. При этом с учетом того, что положение конкретного лица в иерархической структуре преступного мира может быть не только высоким, то и демонстрация своей принадлежности к определенной группе не всегда является желанным для осужденного. В этих случаях клеймение может осуществляться насильно. Например, «шестеркам», а также так называемым «обиженным», в том числе после совершения в отношении них насильственных действий сексуального характера, татуировки в некоторых случаях наносятся против воли. Такие «наколки», наносимые с целью дискредитации носителя, на жаргоне называются «нахалками».

Необходимо указать, что в тех случаях, когда наносимые символы или надписи не соответствуют действительности либо носят откровенно оскорбительный характер, в таких действиях могут усматриваться признаки клеветы (ст. 188 УК), а в некоторых случаях – и особо злостного хулиганства по признаку применения насилия предметами, используемыми в качестве оружия для причинения телесных повреждений (ч. 3 ст. 339 УК). В то же время важно обратить внимание на то, что клеймитель при этом не должен рассматриваться в качестве подстрекателя к насилию (характерному по отношению для носителя специфических татуировок), так как в подобных ситуациях будут отсутствовать как объективные, так и субъективные признаки соучастия в совершаемых другими людьми в последующем преступлениях против здоровья и половой свободы татуированного.

5. Пятая выделенная нами специфическая ситуация принудительного клеймения, имеющая особенности квалификации, связана с ее осуществлением должностными лицами.

Так, например, в 1993 г. в Индии пятерым женщинам, задержанным полицией, во время нахождения под стражей были сделаны татуировки с надписью «карманник» на лбу. По данному факту сотрудники были привлечены к уголовной ответственности [13]. С точки зрения уголовного закона Республики Беларусь в их действиях имела место множественность преступлений: превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с насилием (ч. 3 ст. 426 УК), и простой или квалифицированный, в том числе по признаку способа, носящий характер мучения или истязания, состав причинения тяжких телесных повреждений (ч. 1 или 2 ст. 147 УК).

Завершая рассмотрение вариантов квалификации ситуаций принудительного клеймения, следует отметить, что в случаях, когда в результате вышеописанных действий наступают тяжкие последствия, не охватываемые умыслом виновных лиц – будь то заражение гепатитом С, вирусом иммунодефицита человека, причинение телесных по-

вреждений или смерти, такие действия должны дополнительно квалифицироваться по ст. 155, 157, 144 УК. Более того, при выполнении, например, татуировок в специализированном учреждении при причинении посетителю по неосторожности вреда его жизни или здоровью также должна проводиться проверка на предмет наличия признаков, предусмотренных ст. 338 УК в части оказания услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни или здоровья потребителей. Аналогично умышленное принятие, к примеру, должностным лицом учреждения исполнения наказаний мер по пресечению принудительного клеймения может содержать признаки попустительства преступлению и, соответственно, влечь ответственность по ст. 425 УК.

Заключение

Уголовно-правовая оценка действий по клеймению против или помимо воли потерпевшего весьма разнообразна, как неоднородны и сами составляющие его действия по характеру и степени общественной опасности.

Обстановка нанесения клейма, его локализация, размер, содержание, признаки субъекта и признаки потерпевшего обуславливают специфику непосредственного объекта уголовно-правовой охраны, а также иные объекты, которым причиняется вред в результате совершения таких действий, а также интенсивность их поражения, в результате чего влекут различную уголовно-правовую оценку. В зависимости от конкретных обстоятельств принудительное клеймение может содержать признаки как телесных повреждений различной степени тяжести, так и геноцида, разжигания расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, истязания, клеветы, хулиганства, превышения служебных полномочий и др.

С учетом того, что клеймение, включая татуирование, представляет собой по существу телесные повреждения, при определении степени их тяжести (при отсутствии признаков обезображивания лица или шеи) необходимо руководствоваться разработанными положениями об оценке повреждений в зависимости от процента поражения кожи в ходе противоправного посягательства.

Список цитируемых источников

1. 75 лет со дня освобождения нацистского лагеря смерти Аушвиц-Освенцим // Учреждение «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны». – URL: https://www.warmuseum.by/news/hronika_pobedy/75-let-so-dnya-osvobozhdeniya-natsistskogo-lagerya-smerti-aushvits-osventsim/ (дата обращения: 06.04.2025).

2. Турист напился в Таиланде и проснулся с татуировкой «У меня был секс с ледибоем» // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/21/turist-napilsya-v->

tailande-i-prosnulsya-s-tatuirovkoy-u-menya-byi-seks-s-lediboem/ (дата обращения: 16.05.2025).

3. Галюкова, М. И. Судебно-медицинская оценка степени тяжести вреда здоровью, причиненного при насильственном нанесении татуировок / М. И. Галюкова, Э. В. Туманов, Д. В. Кривицкий // Медицинское право. – 2010. – № 3. – С. 44–48.

4. Об утверждении Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений : постановление Гос. ком. суд. экспертиз Респ. Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 03.05.2025).

5. В Бразилии мужчину с татуировкой «Я вор и идиот» на лбу задержали за кражу // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/30/19158445.shtml> (дата обращения: 20.05.2025).

6. «Мы жили как в могиле». Россиянин держал в подвале рабынь // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2020/01/25/komin/> (дата обращения: 16.05.2025).

7. Житель Сморгони ножом поставил жене клеймо на лоб и покончил с собой // Sputnik.by. – URL: <https://sputnik.by/20180302/gimnaziya-41-mozhet-pojti-pod-snos-v-miske-iz-za-novogo-transportnogo-kolca-1033993206.html> (дата обращения: 11.05.2025)

8. СК заинтересовался появлением непристойной татуировки на груди у школьницы // Ria.ru. – URL: <https://ria.ru/20170505/1493766516.html> (дата обращения: 14.04.2025).

9. Женщина рассказала о жизни после насильно нанесенных ей на лицо неприличных тату // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/08/full-face-tattoo/> (дата обращения: 16.05.2025).

10. В Марокко задержали 12 мужчин, которых подозревают в изнасиловании и издевательствах над 17-летней девушкой // ООО «ЭрТиВиАй Продакшн». – URL: <https://rtvi.com/news/morocco-arrests-made-in-khadija-rape-case/> (дата обращения: 16.05.2025).

11. Арестованы американцы, делавшие соседу оскорбительные тату против его воли // Pravo.ru. – URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/103649/> (дата обращения: 18.05.2025).

12. Баламут, А. Н. Характеристика доминирующих мотивов нанесения татуировок осужденными в условиях уголовно-исполнительной системы / А. Н. Баламут, Н. В. Рождественский // Ведомости УИС. – 2014. – № 8. – С. 5–9.

13. Полиция сделала татуировку карманнику на лбу и получила наказание через 23 года // Oneindia. – URL: <https://clck.ru/3CUcWh> (дата обращения: 16.05.2025).

Аннотация. В статье исследуются сущность и правовые последствия принудительного клеймения, включая татуирование, при различных обстоятельствах. Автор рассматривает вопросы квалификации и раскрывает их содержание, предлагает решение проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой нанесения потерпевшему клейма против или помимо его воли как признака телесных повреждений.

FORCED STAMPING

Drozd A. N.

Key words: qualification, stamping, violence, tattooing, bodily harm, criminal liability.

Abstract. The article examines the nature and legal consequences of forced branding, including tattooing, under various circumstances. The author examines the issues of qualification and reveals their content, offers a solution to the problems associated with the criminal legal assessment of the infliction of a mark on the victim against or against his will as a sign of bodily harm.

УДК 343.8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Жданов Ю. Н.

Ключевые слова: фальсификация истории, реабилитация нацизма, Содружество Независимых Государств (СНГ).

Введение

В условиях глобальных геополитических трансформаций многополярного мира угроза возрождения и распространения идеологии неонацизма, экстремизма и терроризма многократно возросла. Меры противодействия этим угрозам в числе приоритетных задач государства предусмотрены в отечественном законодательстве.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 28 декабря 2024 г. № 1124, подчеркивается: «Реальную угрозу представляет политика некоторых иностранных государств по искажению истории, фальсификации роли СССР во Второй мировой войне и преуменьшению его вклада в победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией, возрождению идей нацизма и фашизма, активизации идей реваншизма, героизации нацистов и их пособников. Деструктивные силы содействуют опасному росту экстремистского и террористического потенциала преступных группировок, разделяющих человеконенавистническую идеологию нацизма и неонацизма» (п. 12) [1].

В целях профилактики и недопустимости радикализации отдельных категорий лиц, уязвимых для воздействия идеологии терроризма и идей неонацизма, **Комплексным планом противодействия иде-**

ологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы предусмотрен комплекс мер по борьбе с терроризмом.

В Уголовном кодексе Российской Федерации также предусмотрена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма, а именно: «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично» (ст. 354¹ УК РФ). 5 апреля 2021 г. Федеральным законом 59-ФЗ были внесены изменения, предусматривающие ужесточение ответственности за оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично (п. 3 ст. 354¹ УК РФ).

В этом году наша страна отметила 80-й юбилей со дня Победы в Великой Отечественной войне. Торжественный парад на Красной площади в Москве 9 мая 2025 г. в прямой трансляции посмотрело рекордное количество человек – более 38 млн телезрителей России и несколько десятков миллионов человек через Интернет по всему миру. Этот праздник затронул семьи миллионов людей, ветеранов, россиян, потерявших своих близких в той страшной войне, а также жителей большой семьи народов СНГ, вместе победивших фашизм и помнящих, какой огромной ценой достигнута Победа.

На праздничном параде 9 мая 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин обратил внимание, к каким разрушительным последствиям ведет фальсификация истории: «Мы помним уроки Второй мировой войны и никогда не согласимся с искажением ее событий, с попытками оправдать палачей и оболгать подлинных победителей ... Россия была и будет несокрушимой преградой для нацизма, русофобии, антисемитизма, будет бороться с бесчинствами, что творят поборники этих агрессивных, разрушительных идей»¹.

Несмотря на острую актуальность исследования указанных социально негативных явлений и достаточно пристальное внимание к этой теме в научной литературе правоведов и криминологов [2, 3], следует согласиться с высказанной точкой зрения о том, что «правовая регламентация ответственности за фальсификацию истории России не получила подробной разработки, однако ответственность за отдельные аспекты такой деятельности установлена в ст. 354.1 Уголовного кодекса

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/76879> (дата обращения: 15.05.2025).

Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) «Реабилитация нацизма»... название ст. 354.1 УК РФ, на наш взгляд, не совсем точно определяет ее содержание, так как в ней затрагивается более широкий круг вопросов, нежели определено в названии» [4, с. 177]. Для расширения правового содержания рассматриваемого состава в уголовно-правовой доктрине в перспективном периоде представляется необходимым криминологическое изучением и обоснование внутреннего единства и устойчивой связи фальсификации истории и реабилитации нацизма.

Основная часть

В современных условиях фальсификация истории недружественными западными странами – это не безобидная случайная путаница исторических фактов, оговорок, мифологизация и героизация отдельных исторических личностей.

Фальсификация истории – это проверенный западными идеологами и действенный инструмент политического реваншизма неонацизма и других радикальных идеологий.

Это мощный элемент необъявленной гибридной войны против России, массированное информационное, идеологическое оружие, направленное на разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа, используемое для подрыва конституционных основ российского государства, действенное средство для разжигания национальной вражды и религиозной розни, покушение на территориальную целостность и национальный суверенитет России.

Фальсификация истории посягает на скрепляющую преемственность поколений историческую память, неразрывно связанную с патриотизмом, гражданственностью, служением Отечеству, которые Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отнесены к традиционным ценностям.

Фальсификация истории многолика, мы дефинируем/определяем ее:

- прежде всего, как **умышленное, намеренное искажение исторических фактов и событий**, совершаемое с целью введения в заблуждение (в основном с политическими целями) и в конечном итоге – реабилитации нацизма;
- это **публичное распространение**, в том числе через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет **заведомо ложных сведений** об исторических личностях и исторических событиях, **не соответствующих объективной**

истории (исторической правде), т. е., по сути, создание исторических фейков (дипфейков).

Один из свежих примеров: в дни празднования Великой Победы Президент США Трамп заявил: «Мы выиграли две мировые войны, но никогда не ставили это себе в заслугу, как это делают все остальные. Во всем мире союзники празднуют нашу победу во Второй мировой войне. Единственная страна, которая не празднует, – это США. Победа была одержана только благодаря нам».

Спустя 2 недели, уже 15 мая, выступая перед своими военнослужащими, Трамп повторил: «Именно мы выиграли во Второй мировой войне. Они помогли, но без нас они все говорили бы на немецком и немного на японском»¹;

- **это расхождение (несоответствие) публичных оценок, суждений об исторических событиях и исторических личностях, фактически имевших место в истории,** в результате которых создается искаженное, не соответствующее действительности суждение об исторической личности, историческом событии, например, оправдание нацизма, мифологизация нацистов, героизация Бандеры;

- **ретроспективный анализ и оценка исторических событий опирается не на исторические события и факты, как правило, надлежащим образом верифицированные,** а на анонимные источники, документы, домыслы, неизвестные ранее исторические артефакты, **не прошедшие должной экспертной проверки,** не соответствующие критериям подлинности.

Например, якобы имевшая место личная встреча Сталина и Гитлера. Так, вскоре после невнятного выступления в одной из передач экс-президента Украины Л. Кравчука о якобы состоявшейся в 1939 г. в г. Львове тайной встрече Сталина и Гитлера, в феврале 2020 г. Интернет облетело фото этой встречи, однако оно сразу же было разоблачено читателями, установившими признаки некачественного монтажа.

Для чего создавался такой фейк? Первое, президенту Украины В. Зеленскому нужны были «доказательства» вины России путем дискредитации истории Советского Союза, который был якобы виноват в развязывании Второй мировой войны. И, как мы видим, эти доказательства были грубо сфабрикованы.

Многочисленные попытки установить первоисточник этого фейка привели в далекие 90-е годы прошлого века, в которых различные исследователи ссылались на якобы существующее письмо шефа ФБР Эдгара

¹ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/68198b329a794746fe8714d6?ysclid=mchhal6emx219680070> (дата обращения: 18.05.2025).

Гувера в Госдепартамент об этой встрече, более полувека возглавлявшего эту службу. Однако в действительности найти или представить эти документы не смогли даже западные исследователи и представители западных спецслужб, а ведь, несомненно, если бы такой документ был, он бы был найден и представлен общественности.

А вот в архивных данных протокола встреч Сталина такой встречи зафиксировано не было, ее (личной встречи) и быть не могло!

- это и **демонтаж памятников, уничтожение исторических свидетельств, архивной и документальной хроники**, направленные на стирание памяти об исторических событиях.

Хотел бы обратить внимание на такой факт. Нам всем хорошо известно, что в ряде стран Западной Европы демонтаж и разрушение памятников советским воинам, погибшим в борьбе с фашизмом, начались задолго до начала специальной военной операции на Украине, и пик этой деструктивной деятельности в недружественных западных странах по разрушению исторической памяти пришелся на 2020–2021 годы.

Полагаем, что демонтирование советских памятников в западных странах является одним из первых очевидных **элементов публичной крупномасштабной, массированной антироссийской кампании**, включающей «переосмысливание» и переписывание истории путем героизации нацизма и нацистских преступников, якобы спасавших мир от «красных советов», в целях дальнейшего оправдания русофобии, дискриминации русскоязычного населения, дестабилизации приграничного к России Донбасса.

Эти же действия недружественных западных стран были направлены и на **достижение долгосрочных целей**:

- оказание политического давления на Россию и попытки ее изоляции;
- введение антироссийских экономических санкций;
- разжигание межнациональной ненависти и религиозной вражды, провокация дестабилизации миграционной ситуации;
- поощрение и соучастие в совершении военных преступлений, диверсионных и террористических атак;
- теракты и убийства российских военнослужащих и журналистов в тылу России;
- нарушение государственных границ Российской Федерации, бомбежки и геноцид мирного населения приграничья;
- кибертерроризм;
- покушение на конституционные основы, территориальную целостность и национальный суверенитет России.

Очевидно, что все эти действия являются признаками войны против России.

Именно фальсификация истории, попытка реабилитации нацизма и пересмотра итогов Второй мировой войны служат для западных агрессоров оправданием своих преступных действий сегодня, провоцируя и усугубляя военные конфликты, оправдывая дальнейшее распространение идеологии неонацизма, экстремизма и терроризма, используя их как инструмент политического давления и необъявленной войны против России.

Как мы можем наблюдать в новейшей истории, фальсификация истории западными идеологами, обесценивание роли и заслуг интернационального советского народа во Второй мировой войне на первом этапе служило важным элементом гибридной войны против России, со временем трансформируясь в горячую стадию военного конфликта на территории сопредельного украинского государства.

Фальсификация истории как мультидисциплинарное – политическое, историческое, социальное, правовое, идеологическое – явление проявляется широким функциональным содержанием, реализуясь западными политехнологами по целому ряду направлений:

- как **инструмент оправдания неонацизма, экстремизма и терроризма, совершения иных тяжких и особо тяжких преступлений**, посягающих на конституционные основы российского государства;
- как **политическое средство давления** для достижения конъюнктурных политических целей на мировой арене;
- как повод и **основание не соблюдать** недружественными западными странами **принятые на себя международные обязательства**, использовать двойные стандарты, касающиеся защиты универсальных прав и свобод человека и гражданина;
- как **инструмент экономического давления** для обоснования экономически выгодных действий, например, нелегитимное объявление антироссийских санкций; блокировка (хищение) финансовых счетов / активов России и россиян;
- как **идеологический инструмент в идеологическом противоборстве и гибридной войне**, направленный на дестабилизацию общественно-политической обстановки и усиления социальной напряженности;
- как **обоснование для пересмотра исторических событий**, «переписывание» истории, направленных на **обесценивание культурно-исторических достижений российского народа**, дискредитацию национально-культурной идентичности русской нации, ее героического прошлого;

- как **средство возбуждения национальной ненависти**, вражды, религиозной розни с целью раскачивания «национального вопроса»;
- как **повод для возобновления территориальных споров** и притязаний из-за якобы несправедливых решений в историческом прошлом.

Как мы видим, большинство из указанных деяний образуют внеправовые способы и действия, идущие вразрез с общепринятыми принципами международного права и национальным законодательством большинства государств.

Заключение

Изучение зафиксированных фактов фальсификации истории, выступающих инструментом реабилитации нацизма, распространения идеологии экстремизма и терроризма, нарастающие угрозы, связанные с распространением этих угрожающих конвенциональным базовым принципам мира и коллективной безопасности явлений, свидетельствует о необходимости объединения межгосударственных усилий здоровых сил мирового сообщества по недопущению этих позорных и опасных явлений.

Решением **Совета глав государств СНГ** 2025 год объявлен в странах Содружества Годом **80-летия Победы в Великой Отечественной войне, Годом Мира и Единства в борьбе с нацизмом**. Прошла традиционная «**Эстафета Победы – 2025**» в Брестской крепости и Мурманске по двум маршрутам, завершившись в конце мая в Москве¹.

К 80-летию Великой Победы **на пространстве СНГ реализуется российская инициатива «Мемориальное наследие Великой Отечественной войны»**, направленная на сохранение и защиту воинских мемориалов, памятников и памятных мест в СНГ и за его пределами, посвященных подвигам воинов народов стран Содружества в Великой Отечественной войне.

Секретариат Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ с воодушевлением **поддерживает предложение главы нашего государства В. В. Путина**, прозвучавшее 29 апреля 2025 г. на **Международном форуме Союзного государства «Великое наследие – общее будущее»** (в г. Волгограде) о создании при Парламентском собрании Союза Беларуси и России **Комиссии по сохранению и защите исторической памяти**².

¹ Исполнительный комитет СНГ: Офиц. сайт. – URL: https://eccis.org/news/29670/sodruzestvo_pobeditelej_strany_sng_prazdnuut_80_letie_velikoj_pobedy?ysclid=mchhfyk46y205407757 (дата обращения: 18.05.2025)

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/76824> (дата обращения: 5.05.2025)

Выше я отмечал **криминогенный потенциал фальсификации истории и важность сохранения исторической памяти** в механизме профилактики тяжких и особо тяжких преступлений – реабилитации нацизма, экстремизма, терроризма.

В рамках Содружества Независимых Государств успешно реализуются **межгосударственные программы**, в числе которых:

- **Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы**¹.

- **Программа сотрудничества стран – участниц СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы**².

В феврале 2025 г. в Минске состоялось заседание экспертной группы по согласованию проектов **Программы сотрудничества государств – участников СНГ в сфере противодействия терроризму и экстремизму на 2026–2028 годы**³, а также решений Совета министров иностранных дел и Совета глав государств СНГ по данному вопросу.

- **Программа сотрудничества государств – участников СНГ в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2021–2025 годы.**

- **Соглашением глав государств – участников СНГ образован Международный центр оценки рисков легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.**

В этих межгосударственных программах активное участие принимают представители **генеральных прокуратур государств – участников СНГ.**

С нашим участием активно реализуется масштабная **модернизация деятельности Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ**, направленная на повышение эффективности межгосударственного сотрудничества по защите прав и свобод граждан наших стран, обеспечению законности и правопорядка, борьбы с преступностью, включая указанные общественно опасные посяательства.

В научной литературе один из авторов исследования утверждал, что «История – это не прошлое, а рассказ о прошлом с заданной целью» [5]. В этой связи полагаем необходимым сделать все возможное для того, чтобы рассказ о прошлом был максимально правдивым.

¹ URL: <https://base.garant.ru/408881983/?ysclid=mchhks72js770562126> (дата обращения: 17.05.2025).

² АТЦ СНГ – офиц. сайт. – URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9127/9143> (дата обращения: 27.06.2025).

³ URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/situation/15493/?ysclid=mchhpbj1cd940068127 (дата обращения: 20.06.2025).

Представляется, что прежде всего интернациональная дружба народов СНГ, объединяющая нас общая историческая память о героическом прошлом народов наших стран, вместе победивших фашизм, проведение совместных научных исследований и дальнейшая разработка уголовно-правовых, криминологических проблем противодействия фальсификации истории и реабилитации нацизма в международной сфере позволят нам подготовить условия для модернизации законодательных основ по недопущению прославления нацистских преступников и их преступных идей, совершенствовать правоприменительную практику, вместе бороться с попытками переписать историю, не допустить реваншизм и распространение идеологии неонацизма, экстремизма и терроризма, одержать Победу во имя мира и процветания наших народов.

Список цитируемых источников

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации 28 дек. 2024 г. № 1124. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 19.05.2025).

2. Коваленко, В. И. Фальсификация истории как инструмент оправдания экстремизма и терроризма: психологические и криминологические проблемы / В. И. Коваленко // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 66–74.

3. Сафонов, В. Н. Ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ): состав преступления и дискуссия вокруг него / В. Н. Сафонов, Д. В. Андреев // Вопросы безопасности. – 2023. – № 3. (DOI: 10.25136/2409-7543.2023.3.44085 EDN:YYZQATURL). – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44085 (дата обращения: 18.06.2025).

4. Бредихин, А. Л. Фальсификация истории России в контексте угроз национальной безопасности / А. Л. Бредихин // Вестн. Прикамского социального института. – 2023. – № 1 (94). – С. 175–178.

5. Личман, Б. В. История – это не прошлое, а рассказ о прошлом с заданной целью / Б. В. Личман // Вестн. Уральского института экономики, управления и права. – 2019. – № 3. – С. 66–70.

Аннотация. Предметом исследования являются различные проявления фальсификации истории и реабилитации нацизма, совершаемые недружественными международными акторами. Показано негативное влияние рассматриваемых явлений на угрожающее распространение идеологии терроризма и экстремизма. В связи с высокой актуальностью указанной проблематики целью исследования стало обоснование необходимости международной консолидации усилий по фиксации и противодействию, недопустимости фальсификации истории и реабилитации нацизма. Представлена авторская концепция, отражающая основные виды проявления указанных социально негативных явлений, рассмотрены основные долгосрочные цели недружественных западных стран в ходе попыток умышлен-

ного переписывания истории и обесценивания исторической роли советского государства и великой Победы советского народа в период Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В заключении автор выделяет концептуальные направления межгосударственного сотрудничества в рамках государств – участников СНГ, направленные на укрепление правоохранительного потенциала межнационального взаимодействия стран Содружества в целях сохранения исторической памяти и недопустимости фальсификации истории и реабилитации нацизма.

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF COUNTERING FALSIFICATION OF HISTORY AND REHABILITATION OF NAZISM

Zhdanov Yu. N.

Key words: falsification of history, rehabilitation of Nazism, Commonwealth of Independent States (CIS).

Abstract. The subject of the study is various manifestations of falsification of history and rehabilitation of Nazism committed by unfriendly international actors. The negative impact of the phenomena under consideration on the threatening spread of the ideology of terrorism and extremism is shown. Due to the high relevance of the specified problem, the purpose of the study was to substantiate the need for international consolidation of efforts to record and counteract and inadmissibility of falsification of history and rehabilitation of Nazism. The author's concept is presented, reflecting the main types of manifestation of these socially negative phenomena, and the main long-term goals of unfriendly Western countries are considered in the course of attempts to deliberately rewrite history and devalue the historical role of the Soviet state and the great victory of the Soviet people during World War II and the Great Patriotic War.

УДК 343.6

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НОВЫЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Исраелян Г. В.

Ключевые слова: половые преступления, половая свобода, половая неприкосновенность, совершенствование регламентаций.

Введение

С 1 июля 2022 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс Республики Армения (принят 05.05.2021). Он содержит как новые институты, так и успешные решения проблем и пробелов, которые имели место в пре-

дыдущем уголовном законодательстве. Претерпели изменения также регламентации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности (далее – половые преступления). Вместе с тем следует признать, что, кроме позитивных тенденций, в новом Уголовном кодексе Республики Армения остались проблематичные регламентации, которые, по нашему мнению, являются дискуссионными.

Учитывая сказанное, а также то обстоятельство, что обсуждаемая в настоящей статье проблема в Республике Армения изучена недостаточно, актуальность данного исследования очевидна.

Целью данного научного исследования является анализ регламентаций половых преступлений и представление рекомендаций по их совершенствованию.

Основная часть

Введенный в действие Уголовный кодекс Республики Армения (далее – УК) содержит 5 составов половых преступлений: 1) насильственные действия сексуального характера, 2) понуждение к действиям сексуального характера, 3) сексуальные действия с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, 4) совершение развратного деяния, 5) предложение как полового сношения или иных действий сексуального характера, так и по созданию или производству детской порнографии лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста (груминг). Ради справедливости отметим, что в основном указанные составы были предусмотрены предыдущим УК, однако некоторые из них претерпели существенные изменения, а состав груминга предусмотрен впервые.

Кратко остановимся на особенностях каждого из перечисленных составов преступлений, изложенных в новом УК, и представим нововведения и проблемные регламентации половых преступлений, которые выявлены с применением методов анализа, логических и формального-юридического методов, а также обозначим пути решения проблем регулирования.

1. Насильственные действия сексуального характера.

В УК предусмотрены следующие нововведения:

1. Совмещены составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Статья 198 УК предусматривает ответственность за насильственные действия сексуального характера. Этот состав был предусмотрен также и в предыдущем УК, однако с принятием нового УК он претерпел существенные изменения. Главное нововведение заключается в том, что он включил в себя состав изнасилования. Данное предложение автором настоящей статьи в ранних работах было опубликовано более десяти

лет назад [1]. При этом необходимость соединения составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера имела следующие аргументации.

1.1. Изнасилование предполагало половое сношение мужчины с женщиной, совершенное способами, указанными в законе. В тех случаях, когда это действие совершалось женщиной по отношению к мужчине, квалификация проводилась как насильственное действие сексуального характера. Общеизвестно, что половое сношение – это совершение полового акта, в традиционном понимании – генитальный контакт двух особей. В физиологическом плане не имеет значение, совершено это действие мужчиной или женщиной. Разграничение указанных составов проводилось только на основании того, кто совершает упомянутое выше действие. По нашему мнению, физиологическая трактовка могла быть применена и в правовом поле. Таким образом, при совмещении составов исчезла необходимость в закреплении признаков специального субъекта.

1.2. Совершение мужчиной насильственного полового сношения с потерпевшей при участии женщины теперь квалифицируется как соучастие (групповое преступление). Проблема в том, что ранее в таких ситуациях участие женщины считалось пособничеством изнасилования, однако по сути она была соучастником, поскольку, например, применяла насилие, т. е. совершала действие, которое составляло объективную сторону преступления. Поскольку субъектом изнасилования считался только мужчина, правоприменитель мог квалифицировать действие женщины только как пособничество.

1.3. В ряде случаев женщина для совершения насильственного полового сношения использовала невменяемых лиц либо лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Такие категории лиц, естественно, не подпадали под юридическую ответственность, а женщина не могла считаться посредственным исполнителем, так как субъектом изнасилования мог быть только представитель мужского пола. Благодаря вышеуказанному регулированию, найдено грамотное решение данного проблемного вопроса.

1.4. В предыдущем УК изнасилование и насильственные действия сексуального характера с точки зрения законодателя имели равную общественную опасность, о чем свидетельствовало наличие одинаковых санкций иотягчающих обстоятельств. Следует отметить, что на самом деле опасность указанных преступлений была обусловлена не формой исполнения (половое сношение, действия сексуального характера), а способом совершения (с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием беспомощного состояния по-

терпевшего). Следовательно, на наш взгляд, единый состав преступления имеет право на существование.

2. В составе насильственных действий сексуального характера перечислены виды сексуальных действий.

К этим действиям относятся половое сношение, иные действия сексуального характера, в том числе – имитация полового сношения и удовлетворение сексуальных потребностей. В свою очередь, отметим, что имитация полового сношения может выражаться фрикциями дылда во влагалище, в межбедренное пространство и т. п., а удовлетворение сексуальных потребностей – понуждением потерпевшего лица к мастурбации полового члена преступника, движением члена по брюшному пространству потерпевшего лица и т. п.

Подобная подробная трактовка состава насильственных действий сексуального характера не уместна, так как виды сексуальных действий подробно описаны в научной литературе [2, с. 252–253; 3, с. 49–52] и, что важно, на практике проблем квалификации никогда не создавали.

Иными словами, создана ненужная дополнительная нагрузка для закона. Следовательно, считаем, что указанные выражения следует исключить из текста закона.

3. Определен новый способ совершения насильственных действий сексуального характера.

В качестве способа совершения насильственных действий сексуального характера, наряду со способом совершения деяния против воли потерпевшего, предусмотрен новый способ – игнорирование воли потерпевшего лица. Речь идет о тех случаях, когда преступник использует обман, злоупотребляет доверием потерпевшего лица. Например, обманом заманивает потерпевшее лицо в закрытое помещение, где совершает действия сексуального характера. В общем и целом данное регулирование можно считать обоснованным, так как указанное понятие не тождественно понятию «против воли».

4. Предусмотрено понятие «беспомощное состояние».

Часть 5 ст. 198 УК дает определение понятия «беспомощное состояние» для состава насильственных действий сексуального характера. Так, для считается находящимся в беспомощном состоянии, если оно лишено возможности оказания сопротивления преступнику либо осознания характера деяния, которое совершается против него. Следует отметить, что почти аналогичное определение предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 3 (основные понятия, используемые в УК). Разница состоит в том, что эта норма указывает на виды беспомощного состояния (физическое либо психическое), а также беспомощным считает лицо, которое не достигло двенадцатилетнего возраста (ч. 5 ст. 198 УК предусматри-

вает возрастное беспомощное состояние как обстоятельство особо отягчающее ответственность).

Для разгрузки закона считаем, что следует признать утратившим силу ч. 5 ст. 198 УК, так как регламентация п. 1 ч. 1 ст. 3 УК достаточна для формулировки указанного понятия. Что же касается возрастного беспомощного состояния, то очевидно, что для насильственных действий сексуального характера оно является особо отягчающим обстоятельством, т. е. не является признаком основного состава.

Следует отметить, что также предусмотрены новые регламентации отягчающих обстоятельств обсуждаемого преступления (а также других половых преступлений), которые в основном не проблематичны и не будут проанализированы в данной работе.

2. Понуждения к действиям сексуального характера.

В УК предусмотрены следующие нововведения.

2.1. В основном составе перечислены виды сексуальных действий.

Данные действия совпадают с определениями, которые были указаны в предыдущем составе, т. е. половое сношение, иные действия сексуального характера, в том числе – имитация полового сношения и удовлетворение сексуальных потребностей.

2.2. Расширена объективная сторона состава преступления.

Во-первых, предусмотрено два вида действий – совершение действий сексуального характера указанными в законе способами либо теми же способами понуждение к вышеуказанным действиям (при наличии согласия потерпевшего, характер которого указан ниже).

Во-вторых, предусмотрен новый способ совершения преступления. Наряду с традиционными способами совершения данного преступления (шантаж, угроза уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица), предусмотрен новый – без разумного убеждения в согласии потерпевшего лица. Это означает, что преступник заранее не предпринимает разумных шагов, чтобы убедиться в наличии согласия потерпевшего лица. Например, руководитель предприятия без какого-либо принуждения предлагает сотруднику/сотруднице вступить с ним в половой контакт, однако не убеждается в том, что согласие сотрудника добровольное. Дело в том, что согласие может быть обусловлено, например, боязнью потерпевшего лица потерять работу. Следовательно, деяния руководителя подпадают под ст. 199 УК – понуждение к действиям сексуального характера [4, с. 260].

3. Сексуальные действия с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

В УК предусмотрены следующие нововведения.

3.1. В основном составе также перечислены виды сексуальных действий.

3.2. В отличие от предыдущего, в новом УК не указано, что возраст потерпевшего должен быть заведомо известен преступнику. Данный подход обусловлен тем, что признак преступления (не достижение соответствующего возраста потерпевшего лица) так или иначе должен быть осознан преступником.

3.3. Предусмотрено новоеотячающее обстоятельство – совершение деяния с особой жестокостью, что заслуживает отдельного внимания. Особая жестокость, как известно, оценочное понятие и, следовательно, на наш взгляд, должна быть определена как пытки, мучения, истязания и иные меры воздействия на человека, причиняющие страдания физическому или психическому состоянию потерпевшего или иным лицам [5, с. 222–242]. Другими словами, это деяния, которые совершаются вопреки воле потерпевшего лица.

Исходя из сказанного, особая жестокость исключена при совершении обсуждаемого преступления, отличительный признак которого – согласие потерпевшего вступить в половой контакт. Что касается применения по обоюдному согласию способов причинения боли при сексуальном контакте (нанесение ударов, применение удушья и т. п.), то это не укладывается в понятие «особая жестокость», поскольку, как уже отмечалось, деяния, составляющие особую жестокость, совершаются против воли потерпевшего лица.

Следовательно, считаем, что п. 4 ч. 2 ст. 200 УК следует признать утратившим силу.

4. Совершение развратного деяния.

В УК предусмотрены следующие нововведения.

4.1. Новый УК использовал формулировку «развратное деяние» вместо развратных действий. Это обстоятельство обусловлено тем, что указанное преступление может быть совершено также бездействием. Например, прекращение полового сношения либо просмотра порнофильма при появлении потерпевшего лица.

4.2. Термин «развратные действия» в предыдущем УК был неопределенным, поскольку не было ясно, какие деяния он предполагал.

В новом УК указаны следующие деяния – распространение, показ порнографического материала или предмета среди лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, половое сношение, раздевание либо совершение сексуальных действий в присутствии указанных лиц, ведение разговора сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, либо совершение иного деяния, направленного на возбуждение сексуального желания.

4.3. Прежде в качествеотягчающего обстоятельства было предусмотрено совершение развратных действий с применением насилия либо угрозой применения насилия. Новый УК отказался от такого подхода, так как указанное, по сути, является признаком другого преступления.

5. Предложение полового сношения или иных действий сексуального характера либо создания или производства детской порнографии лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста (груминг).

Статья 202 УК предусматривает ответственность за груминг. Это новация в УК. Указанное преступление предполагает предложение встречи лицу, не достигшему 16-летнего возраста, лицом, достигшим 18-летнего возраста, с использованием информационно-коммуникационных технологий, и совершение действия, направленного на встречу, с целью полового сношения или совершения иных действий сексуального характера, в том числе имитации полового сношения или удовлетворение сексуальной потребности, либо создания или производства детской порнографии, если отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных ст. 189 (траффикинг или эксплуатация ребенка) или ст. 198–201 УК.

Таким образом, обязательными признаками данного состава преступления являются:

- с объективной стороны – два действия (предложение о встрече и совершение действия, направленного на встречу), средство – информационно-коммуникационные технологии;
- с субъективной стороны – вышеуказанная цель.

Также прямо обозначены возраст преступника и потерпевшего лица.

По нашему мнению, груминг, по своей сути, является подготовительным действием к другим преступлениям (иные половые преступления, создание, распространение или хранение порнографических материалов или предметов). Например, преступник предлагает встречу, встречается с потерпевшим лицом, с которым имеет насильственное половое сношение. В таком случае деяние квалифицируется не по ст. 202 УК, а по ст. 198 УК. Следовательно, отдельная криминализация груминга нецелесообразна. Исходя из сказанного считаем, что ст. 202 УК следует признать утратившей силу.

Заключение

Подводя итоги проведенного научного исследования, в заключении считаем важным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Половые преступления, включенные в новый УК, в основном были предусмотрены предыдущим УК; при этом некоторые из них

претерпели существенные изменения, а состав груминга предусмотрен впервые.

2. Фундаментальное нововведение – это соединение составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Этот подход решил квалификационные проблемы, которые были связаны с обязательностью установления признаков специального субъекта. В частности, на данный момент решены проблемы квалификации деяний, когда насильственное половое сношение с потерпевшей совершается мужчиной с участием женщины (которое не могло быть квалифицировано как групповое преступление), а также – когда женщина для совершения насильственного полового сношения использует лиц, не подпадающих под уголовную ответственность (ранее не могло быть квалифицировано как посредственное исполнение).

3. В целях совершенствования регламентаций половых преступлений предлагается признать утратившими силу:

1) выражение «в том числе – имитация полового сношения и удовлетворение сексуальных потребностей» в составах соответствующих половых преступлений, так как виды сексуальных действий подробно описаны в научной литературе и никогда не создавали проблем квалификации на практике, следовательно, в УК создана ненужная дополнительная нагрузка;

2) формулировку ч. 5. ст. 198 УК (беспомощное состояние для состава насильственных действий сексуального характера), так как она в основном дублирует п. 1 ч. 1 ст. 3 УК (понятие «беспомощное состояние»);

3) п. 4 ч. 2 ст. 200 УК, так как особая жестокость исключается при совершении сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, с его согласия, а применение по обоюдному согласию способов причинения боли при сексуальном контакте (нанесение ударов, применение удушья и т. п.) не укладывается в понятие «особая жестокость», поскольку деяния, составляющие особую жестокость, совершаются против воли потерпевшего;

4) ст. 202 УК, так как груминг является подготовительным действием к другим преступлениям (иным половым преступлениям, созданию, распространению или хранению порнографических материалов или предметов).

Список цитируемых источников

1. *Исраелян, Г. В.* Половые преступления и их предупреждение в Республике Армения. Монография / Г. В. Исраелян. – Ереван: «Астгик гратун», 2012. – 148 с.

2. Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве: Науч.-метод. пособие / под ред. А. И. Дворкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2003. – 416 с.

3. *Исраелян, Г. В.* Уголовно-правовые проблемы преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы в Республике Армения. Науч.-практ. комментарии / Г. В. Исраелян, А. С. Арутюнян. – Ереван: «Астгик гратун», 2018. – 104 с.

4. *Аракелян, С. В.* Преступления против человека по новому Уголовному кодексу Республики Армения (научно-практические комментарии) / С. В. Аракелян, А. В. Барсегян. – Ереван: Академия юстиции, 2023. – 444 с.

5. Кузьмина, Н. В. Особая жестокость при совершении преступления: понятие и особенности квалификации / Н. В. Кузьмина // Вестник КГУ. – 2019. – № 2. – С. 222–242.

Аннотация. Современные регламентации половых преступлений в основном были предусмотрены предыдущим Уголовным кодексом Республики Армения, однако в новом уголовном законе некоторые из них претерпели существенные изменения. Автор констатирует, что фундаментальные нововведения – это соединение составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера, что решило квалификационные проблемы, связанные со специальным субъектом, а также криминализация груминга.

В целях совершенствования регламентаций половых преступлений в статье предлагается признать утратившим силу: 1) выражение «в том числе – имитация полового сношения и удовлетворение сексуальных потребностей» в составах соответствующих половых преступлений, так как виды сексуальных действий подробно описаны в научной литературе и проблем квалификации никогда не создавали; 2) понятие «беспомощное состояние» для состава насильственных действий сексуального характера, так как оно в основном является дублирующей нормой; 3) особую жестокость какотягчающее обстоятельство при совершении сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, так как указанное преступление совершается с согласия потерпевшего; 4) состав груминга, так как он является подготовительным действием к другим преступлениям.

SEXUAL CRIMES: NEW REGULATIONS AND PROBLEMS OF THEIR IMPROVEMENT IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Israyelyan G. V.

Key words: sexual crimes, sexual freedom, sexual integrity, improvement of regulations.

Abstract. Modern regulations of sexual crimes were mainly provided for in the previous Criminal Code, some of them have undergone significant changes. The author states that the fundamental innovations are the combination of rape and violent sexual acts, which solved the qualification problems associated with a special subject, and the provision of grooming.

In order to improve the regulation of sexual crimes, the author is proposed to recognize it as invalid: 1) the expression "including imitation of sexual intercourse and satisfac-

tion of sexual needs" in the compositions of the corresponding sexual crimes, since the types of sexual acts are described in detail in the scientific literature and qualification problems have never been created; 2) the concept of "helpless state for the composition of violent actions of a sexual nature", since it is basically a duplicate norm; 3) special cruelty – as an aggravating circumstance when committing sexual acts with a person under the age of sixteen, since the specified crime is committed with the consent of the victim; 4) the composition of grooming, since it is preparatory actions for other crimes.

УДК 343

ПРАКТИКА ГЕНОЦИДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОДЕРЖАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОСТИ ДАННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Коротич Е. А.

Ключевые слова: геноцид, Великая Отечественная война, белорусский народ, уголовное законодательство, состав геноцида.

Введение

Основы правовой оценки деяний, совершенных в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками и пособниками нацизма, как на международном, так и на национальном уровнях, были заложены приговором Нюрнбергского трибунала, когда в нем было зафиксировано, что «из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции сопротивления германским оккупационным войскам. В (...) Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделиться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами» [1, с. 384–389].

Данная формулировка указывает на то, что Международный военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, с одной стороны, осознавая специфику совершаемых на восточных землях убийств и зверств, юридически обособил их относительно преступлений против мира и человечества, а также военных преступлений, которые вменялись в вину обвиняемым, исходя из существовавшей в то время системы преступлений, а с другой стороны, признал данные убийства и зверства частью плана, направленного на уничтожение населения.

После введения в юридический оборот понятия «геноцид» (1946 г.) такой план приобрел вполне определенное обозначение, в связи с чем уже в первых приговорах национальных военных трибуналов, следовавших по итогам окончания Второй мировой войны и завершения работы Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками европейских стран оси, можно обнаружить конкретную оценку политики Третьего рейха в качестве «систематической программы геноцида» (например, так называемый Нюрнбергский процесс по делу об айнзатцгруппах, 15 сентября 1947 г. – 10 апреля 1948 г.).

Понимание специфики совершаемых в годы Великой Отечественной войны преступлений, связанных с массовым уничтожением населения белорусских земель, усматривается и в том, что ответственность немецко-фашистских захватчиков, а также изменников родины определялась отдельным актом – Указом Президиума Верховного Совета БССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Несмотря на то, что названные в нем основания ответственности формально подпадали под признаки ряда предусмотренных уголовным законом общеуголовных преступлений, по верному утверждению отдельных ученых, «их нелегко приравнять к преступлениям, записанным в национальных кодексах (...), в связи с чем признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности [2, с. 43].

Указанному выше акту предшествовало принятие 2 ноября 1942 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», в котором приводился более детальный перечень «чудовищных преступлений» как основания не только уголовной, но и материальной ответственности немецко-фашистских захватчиков и их соучастников. При этом следует учитывать, что, будучи принятыми в условиях военного времени и отвечая требованиям социальной обусловленности, нормы данного Указа не делали каких-либо оговорок относительно категорий потерпевших, а противоправность названных в Указе деяний не связывалась с нарушением законов и обычаев ведения войны. И еще одна важная особенность данного акта – субъектами «чудовищных преступлений» признавались лица, виновные не только в их совершении, но и в организации злодеяний на оккупированной советской территории.

При этом субъектами и уголовной, и материальной ответственности определялись преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

Дополнительно следует отметить и Закон Контрольного совета Германии от 20 декабря 1945 г. № 10 как юридическое основание ответственности немецко-фашистских захватчиков, в котором была дана четкая регламентация характера исполнительских действий лиц, подлежащих ответственности за предусмотренные в данном Законе преступления.

Основная часть

Содержание указанных и иных правовых актов, которые, помимо прочих, использовались для оценки деяний, совершенных в годы Великой Отечественной войны на территории БССР (СССР в целом), а также содержание документов, на основе которых планировались и осуществлялись такие деяния, подчеркивают специфику их преступного характера:

во-первых, они планировались, подготавливались и реализовывались в качестве элемента программы геноцида как сущностной характеристики политики (внутренней и внешней), которая проводилась Третьим рейхом в развитие основных положений расовой идеологии. Это подтверждается, в частности, установленной в ходе судебных процессов, проведенных рядом военных трибуналов, подчиненности совершенных в годы войны деяний «систематической программе геноцида», обозначенной на уровне военно-стратегических документов Третьего рейха (прежде всего, Генеральный план «ОСТ», Инструкция об особых областях к директиве № 21 от 13 марта 1941 г. (план «Барбаросса»)).

Совершаемые в рамках реализации общегосударственной политики Третьего рейха деяния немецко-фашистских оккупантов выражались в различных формах преступного поведения. По содержанию конструктивных признаков такое поведение оценивалось в приговорах военных трибуналов, как правило, в качестве военных преступлений и преступлений против человечества, при этом в них, с одной стороны, констатировалось наличие долгосрочных планов по уничтожению человеческих групп, не соответствующих признакам расово полноценных, а с другой стороны, преступления, определенные в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала и вменяемые в вину нацистским преступникам, объявлялись частью систематической программы геноцида (например, Нюрнбергский процесс по делу об айнзатцгруппах, 15 сентября 1947 г. – 10 апреля 1948 г.);

во-вторых, по своим объективным и субъективным признакам деяния, совершенные в годы Великой Отечественной войны и выра-

жавшиеся в массовом уничтожении населения БССР (СССР в целом) с использованием различных способов, составляют суть юридической природы вполне конкретного международного преступления – геноцида, противоправность которого на международном уровне определена в ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. (вступила в силу для БССР в 1954 г.), а на национальном уровне – в ст. 127 УК Республики Беларусь.

При этом геноцид как преступление, фактически совершенное немецко-фашистскими оккупантами в отношении белорусского (советского) населения, но не получившее в свое время юридического подтверждения в правоприменительных актах (за редким исключением деятельности отдельных военных трибуналов, в процессуальных документах которых, главным образом, констатировался геноцидный характер самой политики Третьего рейха), имел весьма отчетливо выраженные особенности:

во-первых, данное деяние, как отмечалось выше, было тесно связано с военными преступлениями и преступлениями против человечества (в этом отношении показателен тот факт, что доказательственная база, собранная в ходе Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками, являлась по содержанию представленных в ней материалов в большей степени подтверждением факта совершения геноцида. При этом обращает на себя внимание и систематика военных преступлений и преступлений против человечества (последние, собственно, и включали признаки геноцида) в рамках одной рубрикации в приговоре Нюрнбергского трибунала);

во-вторых, преступление геноцида в годы Великой Отечественной войны имело многослойный характер, который проявлялся на уровне всех конструктивных признаков его состава, а именно:

- будучи непосредственно направленным против основ существования целых народов, геноцид на белорусских (советских в целом) землях сопровождался целенаправленным и грубым нарушением законов и обычаев ведения войны, «разграблением» государственной и частной собственности, иными формами противоправного поведения, в связи с чем имел явно выраженный многообъектный характер;

- несмотря на то, что противоправность данного преступления связывается с посягательством на определенные категории населения, характер совершенных немецко-фашистскими оккупантами действий, их массовость, а также подчиненность геноцидной политике Третьего рейха, определяемой не только идеологическими установками расовой концепции, но и обозначенной на уровне программных документов целью уничтожения всего Советского государства, свидетельствуют

о том, что геноцид в БССР охватывал все население, которое а priori не могло не включать и представителей так называемых защищаемых (по смыслу Конвенции 1948 г.) категорий лиц;

- многослойность геноцида в годы Великой Отечественной войны проявилась и в части формулирования признаков деяния в составе рассматриваемого преступления. Причем УК Республики Беларусь в отличие от Конвенции 1948 г. не конкретизирует содержание действия в составе геноцида, позволяя признать таковым любую форму поведения, которая совершена в целях уничтожения полностью или частично защищаемой категории населения. Этот прием имеет большое практическое значение, поскольку позволяет:

с одной стороны, криминализировать широкий круг действий, которые по своему содержанию приводят к уничтожению какой-либо общности людей либо создают реальную угрозу такого уничтожения. Следует отметить отчетливо выраженную социальную обусловленность такого приема. Действительно, в годы Великой Отечественной войны одни представители Третьего рейха принимали нацистские законы и издавали преступные по своей сути приказы, направленные на уничтожение разных общностей людей, прежде всего из числа населения подлежащих оккупации территорий, либо оправдывающие насилие в отношении таких лиц, равно как формировали правовую основу для создания и деятельности специальных подразделений, на которые возлагалась функция по уничтожению «расово неполноценных» категорий лиц; другие представители нацистского режима, занимая административные должности или выполняя финансово-хозяйственные функции, проводили в жизнь указанные законы и приказы, в том числе обеспечивали функционирование вооруженных сил и воинских формирований, силами которых осуществлялось уничтожение населения; третьи нацистские преступники создавали и руководили деятельностью концентрационных лагерей, ставших в большинстве своем лагерями смерти. Наконец, непосредственные исполнители (чаще всего военнослужащие), которые, используя разные способы, беспощадно уничтожали население оккупированных территорий;

с другой стороны, обеспечить признание совершенного деяния окончательным преступлением на более ранней стадии реализации преступного намерения. Исходя из определения в уголовном законе Беларуси признаков состава геноцида, содержанием противоправности данного преступления должны охватываться и те формы поведения, которые по своей сути имеют, например, подготовительный характер (в этой связи подготовка и издание обязательного для исполнения приказа об уничтожении определенных групп населения, пла-

нирование и обеспечение реализации программы изъятия сырьевых ресурсов, продовольствия, имущества у населения на оккупированной территории, которые способны привести к его массовой гибели, материально-техническое и организационно-правовое обеспечение функционирования вооруженных сил, иных воинских формирований, которые непосредственно осуществляли уничтожение общностей людей и иные подобные действия, имевшие место в годы Великой Отечественной войны, подпадают под признаки геноцида). В контексте отмеченного видится обоснованным содержание комментария к действующей ст. 127 УК Республики Беларусь: по мнению белорусского ученого А. В. Баркова, «оконченным преступлением должна признаваться неудавшаяся попытка вызвать эпидемию тяжелой заразной болезни в определенной человеческой группе» [3, с. 276];

- многослойность геноцида выражена и в характере способов, которые использовались исполнителями преступной политики Третьего рейха для достижения основной цели геноцида – полного или частичного уничтожения защищаемых групп населения, и которые получили закрепление как в Конвенции 1948 г., так и в национальном уголовном законе (ст. 127 УК). Правда, следует обратить внимание на специфику юридических приемов, которые были использованы для введения данных способов в систему признаков основного состава геноцида: если в Конвенции 1948 г. они характеризуют содержание признаков объективной стороны и, по сути, названы в качестве форм противоправного деяния, то в национальном уголовном законе использован совершенно иной подход. Согласно буквальному толкованию нормы диспозиции ст. 127 УК фактически те же деяния, которые определены в ст. II Конвенции 1948 г., являются признаками не объективной, а субъективной стороны геноцида и раскрывают содержание специальной цели данного преступления, будучи учтенными в качестве возможных способов ее реализации;

- многослойный характер геноцида в отношении белорусского населения проявился и в специфике субъектного состава данного преступления. Характерно, что круг потенциальных субъектов ответственности за злодеяния, совершенные в годы войны, был определен и на международном уровне. Речь идет о Московской декларации Рузвельта, Сталина и Черчилля от 30 октября 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства (в отношении территорий Советского Союза в данном документе было прямо указано на факты истребления их населения), в которой заявлялось о том, что будут судимы и наказаны те германские офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, которые были ответственны за совершенные зверства, убийства

и казни или добровольно в них участвовали. Эта же идея проводилась и в советском законодательстве, а также в юридической доктрине: например, в соответствии с Указом 1943 г. № 39 виновными в «неслыханных зверствах и чудовищных насилиях» были объявлены командиры воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальники гестапо, бургомистры и военные коменданты городов и сел, начальники лагерей для военнопленных и другие представители фашистских властей, по приказам которых были уничтожены мирные жители и военнопленные.

Учитывая то, что преступление геноцида в отношении белорусского (в целом – советского) народа было элементом хорошо спланированной «систематической программы геноцида» со стороны целого государства, его совершению был придан организованный и массовый характер, в связи с чем субъектный состав данного преступления характеризовался не только простым распределением ролей между отдельными видами соучастников, но и участием в его совершении коллективных образований (так называемое сложное соучастие). Как подтверждается данными, установленными в ходе Нюрнбергского процесса, а также изложенными в особом мнении члена Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко, совершение наиболее жестоких преступлений против человечества поручалось специально создаваемым Гимлером и Гессом эсэсовско-полицейским организациям германского фашизма. Как отмечено в особом мнении, задачи, стоявшие перед Ваффен СС, были предопределены следующей их характеристикой: «Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке в отношении проблем расы и национальности, более удобны чем другие вооруженные соединения для специальных задач, которые должны разрешаться на оккупированных восточных территориях» [4, с. 658]. Вместе с тем такого рода «особые задачи», которые были продиктованы идеей высвобождения жизненного пространства, ставились не только перед национал-социалистически ориентированными вооруженными формированиями, но и в целом перед вооруженными силами гитлеровской Германии, на что, например, указывают следующие положения приказа Кейтеля от 16 декабря 1942 г.: «Войска ... имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения, также против женщин и детей, если это только ведет к успеху» [5, с. 83]. В свете отмеченных выше обстоятельств, с одной стороны, вполне закономерным видится решение Международного военного трибунала признать ряд коллективных формирований нацистской Германии преступными организациями, а с другой стороны, с трудом поддается объ-

яснению исключение из обвинения ряда организаций, в числе которых правительственный (имперский) кабинет, представители которого, собственно, были не только «идейными вдохновителями» геноцидной политики, но и руководителями всей нацистской системы Германии. При этом сколь-нибудь значимых в юридическом отношении доводов в приговоре Нюрнбергского трибунала, к сожалению, не представлено (преимущественно они имеют формальный характер).

Заключение

Таким образом, геноцид как наиболее тяжкое международное преступление не только был совершен в отношении белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, но и характеризовался рядом особенностей, которые нашли отражение в признаках состава данного преступления.

Список цитируемых источников

1. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: сб. материалов: в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко – М.: Гомюриздат, 1961. – Т. VII. – 760 с.

2. *Епифанов, А. Е.* Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР, 1941-1956 гг. / А. Е. Епифанов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. – 702 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Мн.: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

4. *Савенков, А. Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира: монография / А. Н. Савенков. – М.: Проспект, 2024. – 768 с.

5. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г. Ф. Заставенко [и др.]. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты реализации программы геноцида в годы Великой Отечественной войны в отношении белорусского (в целом – советского) народа, которые повлияли на содержание признаков состава данного преступления в уголовном законе Республики Беларусь. При этом отмечается, что реализованный в национальном законодательстве подход является более рациональным и социально обусловленным, нежели прием, использованный в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948) в части определения понятия «геноцид».

THE PRACTICE OF GENOCIDE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND ITS INFLUENCE ON THE CHARACTERISTICS OF THIS CRIME IN THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Korotich E. A.

Key words: genocide, Great Patriotic War, Belarusian people, criminal legislation, corpus delicti of genocide.

Abstract. The certain aspects of the realization of the genocide program during the Great Patriotic War against Belarusian (Soviet – in general) people, which influenced the content of the characteristics of this crime in the Criminal Code of the Republic of Belarus are examined in the article. It is noted that the approach implemented in the national legislation is more rational and socially conditioned than in the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide dealing with the definition of genocide.

УДК 343.22

ВОЗРАСТНАЯ НЕВМЕНЯЕМОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Лапцевич И. И.

Ключевые слова: возрастная невменяемость, возраст привлечения лица к уголовной ответственности, психосоциальное развитие несовершеннолетнего.

Введение

Одним из условий признания лица субъектом преступления и привлечения его к уголовной ответственности является установление его возраста. В то же время придание возрасту абсолютного характера означало бы забвение принципа субъективного вменения [1, с. 15]. В связи с этим даже если несовершеннолетний достиг возраста наступления уголовной ответственности, признание его субъектом преступления и привлечение к уголовной ответственности зависит от оценки способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний и руководить ими.

Изучению особенностей психического развития несовершеннолетних, имеющих уголовно-правовое значение, посвящены многочисленные исследования белорусских и российских ученых. В отечественной уголовно-правовой науке разработкой данного направления занимались и занимаются Н. А. Бабий, А. В. Барков, И. О. Грунтов, А. А. Примаченок, Р. Н. Ключко, В. М. Хомич, Н. А. Швед, А. В. Шидловский и другие исследователи. В российской юридической науке анализу данной

проблематики посвящены работы Ю. М. Антоняна, И. М. Гальперина, В. П. Кашепова, С. Г. Келиной, Н. Р. Косевича, М. И. Кольцовой, П. В. Коробовой, Е. М. Луничева, А. В. Любавиной, Р. И. Михеева, Г. В. Назаренко, С. А. Огурцова, В. Г. Павлова, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Ророга, В. А. Спасенникова и многих других авторов.

Тем не менее в настоящее время остается ряд вопросов, требующих дальнейшей научной проработки. К таким вопросам можно отнести, например, научное изучение и обоснование признаков возрастной невменяемости, целесообразность закрепления в белорусском уголовном законе волевого признака юридического критерия возрастной невменяемости, соотношение возрастной невменяемости с невменяемостью и уменьшенной (ограниченной) вменяемостью. Обозначенные вопросы будут рассмотрены в настоящей статье.

Основная часть

Несовершеннолетние одного возраста могут иметь разное психофизическое развитие. Созревание мозговых структур, формирование нравственных ориентиров и становление правосознания в одном и том же возрастном периоде у разных несовершеннолетних может быть различным [2, с. 138]. Советский психолог и философ С. Л. Рубинштейн утверждал: «У каждого ребенка свой индивидуальный путь развития. Разные дети и развиваются не только разными темпами, но и проходят через индивидуально различные ступени развития ... Возраст не определяет стандарты психического развития. Возрастные особенности существуют лишь внутри индивидуальных, в единстве с ними» [3, с. 162]. В связи с указанными обстоятельствами наступление возраста привлечения к уголовной ответственности может и не свидетельствовать о наличии у лица способности осознавать общественную опасность своих действий и их последствий.

Применительно к уголовным правоотношениям возможно возникновение ситуаций, когда лицо достигло возраста привлечения к уголовной ответственности, однако в силу отставания в психическом развитии воспринимает окружающую действительность и оценивает свои действия как малолетний ребенок. Такие лица могут не различать обычную шалость и уголовно наказуемое деяние. В таком случае привлечение подростков к уголовной ответственности не будет отвечать принципу социальной справедливости и целям уголовной ответственности [4, с. 25]. Отставание в развитии у лиц, которые формально достигли возраста уголовной ответственности, свидетельствует о фактическом несоответствии уровня правосознания (осознания и понимания уголовно-правовых запретов) правовым критериям уголовно-правовой дееспособности [2, с. 16; 5, с. 137–138].

В психологической литературе данный феномен означает «установление потенциальной способности несовершеннолетнего осознанно и произвольно регулировать свои социально значимые действия и актуальной возможности ее проявления в ситуации правонарушения» [6, с. 56].

Учитывая данную особенность несовершеннолетних, белорусский и российский законодатели в ч. 3 ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и в ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закрепляют общее требование следующего характера: при определении возраста субъекта преступления установлению подлежит уровень его психического развития. В соответствии с ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо, которое достигло предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 27 возраста, если будет установлено, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния. Часть 2 ст. 20 УК РФ предусматривает: если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Приведенные положения ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь и в ч. 3 ст. 20 УК РФ законодателями сформулированы как правила, терминологических определений в уголовных законах они не получили. Для обозначения исследуемого явления в научной литературе предлагается использовать различные термины, такие как, например, «возрастная невменяемость» (А. В. Барков, Л. В. Веселова, А. В. Давыденко, Е. А. Пашенко), «возрастная незрелость» (Г. В. Назаренко, С. Г. Долгова, Е. О. Душкина, А. В. Рагулина), «психическая незрелость» (А. А. Байбарин) и др.

Наиболее часто в научной юридической литературе употребляется термин «возрастная невменяемость». Такое название рядом авторов подвергается критической оценке. Исследователи исходят из законодательного определения понятия «невменяемость», медицинский критерий которого заключается в наличии у лица «хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики». Однако при отставании

в психическом развитии медицинский критерий выражается в виде «отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством».

В то же время согласно Толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «невменяемый» означает «находящийся в таком психическом состоянии, при котором нельзя вменить в вину проступок, преступление» [7, с. 402]. В таком случае применительно к положениям ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь и ч. 3 ст. 20 УК РФ вполне уместно говорить о «возрастной невменяемости». Данное понятие используется для обозначения невменения в вину несовершеннолетнему деяний, фактический характер и общественную опасность которых оно не осознавало или не могло ими руководить.

Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, может быть обусловлено разными причинами и сформироваться под воздействием наследственных либо приобретенных психологических либо социальных факторов, а также их совокупности [8, с. 82–84]. В качестве таких факторов могут выступать: а) социальная и педагогическая запущенность – различные формы воспитания (гипер- и гипоопека), эмоциональное отвержение (такую категорию несовершеннолетних обычно составляют дети, воспитанием и развитием которых никто не занимается, выросшие в детских домах, малокультурных семьях, страдающие от недостатка внимания, любви и заботы. Временная психическая задержка развития может возникать и вследствие длительной разлуки детей с родителями и близкими, если подросток, например, длительное время находится в больницах и санаториях); б) сенсорные дефекты – слепота, глухота, глухонмота (указанные дефекты не являются психическими расстройствами и не обязательно приводят к отставанию в психическом развитии, особенно если они были своевременно выявлены и ребенок получил специальное обучение и воспитание); в) соматические заболевания, перенесенные ребенком в раннем детстве (такие заболевания могут отразиться на психическом развитии ребенка, особенно если они носили длительный характер или протекали в тяжелой форме) [9, с. 83].

В то же время, как справедливо отмечает В. С. Голдобина, «ни одна из перечисленных причин, за исключением врожденной патологии нервной системы, не может предопределять отставание в психическом развитии как непреложный результат, так как главенствующую роль в психическом развитии несовершеннолетнего выполняют сознание и самосознание, достижение достаточного уровня которых предполагает понимание происходящих событий, собственных поступков, мыслей и отношений к внешнему миру и самому себе. Способность к управле-

нию собственным поведением связана с осознанием тех взаимосвязей и взаимоотношений, которые имеются в окружающем внешнем мире, поскольку через их понимание возможно определение способа достижения цели» [8, с. 83–84].

Отставание в психическом развитии и обусловленная им криминагенность лица могут быть преодолены путем надлежащего воспитания подростка. Отсутствие стимуляции умственного развития приводит к отставаниям, которые ведут к невосприимчивости несовершеннолетним социально значимых норм, что может привести к совершению преступления. Кроме того, нахождение его в неблагоприятной среде, отсутствие общественно полезных контактов являются предпосылками возникновения криминологически значимого отставания в развитии. Такие несовершеннолетние характеризуются легкомысленностью, повышенной внушаемостью и раздражительностью [10, с. 13–14].

Белорусский и российский законодатели в ч. 3 ст. 27 УК и ч. 3 ст. 20 УК соответственно закрепляют компоненты возрастной невменяемости. Одним из них является интеллектуальный признак юридического критерия возрастной невменяемости. В УК Республики Беларусь данный признак выражается в неспособности лица сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния, в УК РФ – в неспособности несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия).

Российский законодатель в ч. 3 ст. 20 УК наряду с интеллектуальным признаком включил волевой признак возрастной невменяемости – неспособность лица руководить своими действиями (бездействием). Такой подход позволяет учитывать состояние развития подростка, обусловленное не только особенностями его интеллектуальной сферы, но и волевого контроля над своими деяниями.

УК Республики Беларусь в ч. 3 ст. 27 волевой признак юридического критерия не предусматривает. Из этого следует, что при неспособности несовершеннолетнего руководить своими деяниями в силу отставания в развитии, не связанном с психическим расстройством, констатировать возрастную невменяемость не представляется возможным. В то же время, например, в правоприменительной практике известны случаи, когда подростки со сформированной зависимостью от гаджетов в случаях, когда такие гаджеты изымались близкими, теряли контроль над своим поведением, которое трансформировалось в девиантное. С. Л. Рубинштейн следующим образом характеризовал волевое действие: «Волевое действие – это в итоге сознательное, целенаправленное действие, посредством которого человек планомерно осуществляет

стоящую перед ним цель, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом. Волевое действие – это специфически человеческое действие, которым человек сознательно изменяет мир». Обращаясь к вопросам волевого регулирования поведения несовершеннолетних, ученый обращал внимание на следующее: «В подростковом возрасте для волевого регулирования поведения возникают определенные трудности. Появление новых влечений в период полового созревания предъявляет новые повышенные требования к воле. Для того, чтобы подвергнуть сознательному контролю импульсы, возникшие от вновь пробудившихся влечений, должна соответственно окрепнуть сознательная основа воли. Некоторое напряжение, требующее известной выдержки может возникнуть и в связи с усложнением тех отношений с другими людьми, в которые вступает подросток ...» [3, с. 611]. Таким образом, вне контроля несовершеннолетнего может находиться не только его интеллектуальная сфера, но и волевая.

Представляется целесообразным при определении возрастной невменяемости учитывать как интеллектуальный, так и волевой признаки юридического критерия. Такой подход предоставит возможность комплексно и системно подходить к оценке психического состояния несовершеннолетнего, что в итоге позволит учитывать все случаи проявления возрастной невменяемости.

Таким образом, предлагается *возрастную невменяемость* определить как *«неспособность лица, достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности, при совершении общественно опасного деяния осознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния либо руководить им вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (заболеванием)»*.

Приведенное определение должно быть отражено в УК Республики Беларусь. В связи с чем видится целесообразным скорректировать ч. 3 ст. 27, дополнив ее словами *«либо руководить им»*.

Возрастная невменяемость является самостоятельным уголовно-правовым понятием, отличающимся от невменяемости (ст. 28 УК Республики Беларусь и ст. 21 УК РФ) и уменьшенной вменяемости (ст. 29 УК Республики Беларусь), ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ). В то же время в юридической литературе дискуссионным является вопрос о соотношении и разграничении указанных понятий. Особое внимание исследователи обращают на кардинальное отличие юридических последствий при установлении таких состояний лица.

Сложности отграничения невменяемости, возрастной невменяемости и уменьшенной, ограниченной вменяемости обусловлены схо-

жими по ряду элементов их законодательными конструкциями. Так, применительно к УК Республики Беларусь возрастная невменяемость и невменяемость подобны в определении интеллектуального признака юридического критерия: лицо во время совершения общественно опасного деяния «было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния» – при возрастной невменяемости и «не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния» – при невменяемости. Невменяемость и возрастная невменяемость влекут наступление одинаковых последствий – лицо не подлежит уголовной ответственности.

Анализируя юридическую литературу по проблеме возрастной невменяемости, К. С. Беломестнова акцентирует внимание на ошибочности понимания некоторыми авторами распространения положений ч. 3 ст. 20 УК РФ на умственно отсталых подростков. Автор подчеркивает, что в таких случаях исследователями «игнорируется положение о том, что согласно Международной статистической классификации психических и поведенческих расстройств, это болезненное состояние является одной из форм психического расстройства. При таком понимании ч. 3 ст. 20 УК РФ лишена всякого смысла – речь идет об отставании в психическом развитии, связанном с психическим расстройством и ограничивающем способность подростка в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, т. е. отражает содержание ст. 22 УК РФ» [9, с. 82]. Исследователь также указывает на ошибочный в данной части подход Верховного Суда, изложенный в постановлении Пленума от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», согласно которому основанием назначения экспертизы для решения вопроса о возрастной невменяемости является наличие данных, свидетельствующих об умственной отсталости несовершеннолетнего (п. 7) [9, с. 82–83]. Следует отметить, что в последующем в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» позиция Верховного Суда была скорректирована и «отставание в психическом развитии» не рассматривается как психическое заболевание.

Сравнивая возрастную невменяемость и ограниченную вменяемость применительно к УК РФ, Л. В. Веселова констатирует, что «ст. 22 и ч. 3 ст. 20 УК РФ объединяет содержание психологического (юридического) критерия; лицо не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия)

либо руководить ими. Разъединяют их правовые последствия: в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности, а согласно ст. 22 УК РФ оно подлежит уголовной ответственности. В то же время «возрастную невменяемость», принципиально отличающую по содержанию биологического и психологического критериев от невменяемости (ст. 21 УК), объединяют с последней правовые последствия: ... лицо не подлежит уголовной ответственности» [11, с. 17–18]. Автор приходит к выводу о некорректности позиции законодателя, который устанавливает одинаковые основания и для безусловного освобождения несовершеннолетних правонарушителей от уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ), и для смягчения наказания по усмотрению суда (ст. 22 УК РФ). Л. В. Веселова считает, что рассматриваемые нормы должны подвергаться корректировке с учетом того, что физические лица в ситуациях, предусмотренных в ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ, полностью не лишены способности осознавать фактический характер и общественную опасность совершенного деяния либо руководить им, обязывает признавать их вменяемыми. Однако поскольку ч. 3 ст. 20 УК РФ обладает большей гуманной направленностью, она должна иметь разумные пределы, т. е. применяться в отношении несовершеннолетних, совершивших деяния, относящиеся к категории преступлений небольшой и средней тяжести. В отношении данной категории лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление, должна применяться ст. 22 УК РФ «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости» [11, с. 18–19].

В целом аналогичным образом описывали проблемы отграничения рассматриваемых смежных уголовно-правовых норм Е. А. Пашенко, А. В. Давыденко, С. А. Огурцов. Учеными определены следующие подходы к решению данного вопроса. Так, Е. А. Пашенко при обнаружении у подростка отставания в психическом развитии в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ предлагает применять к нему дополнительные меры воздействия для корректировки уровня психосоциального развития [10, с. 9]. А. В. Давыденко видит выход во включении в ч. 3 ст. 20 УК РФ положения о том, что «если лицо достигло возраста уголовной ответственности, установленного за совершение соответствующего деяния, но в силу психического расстройства, не исключающего вменяемости, не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и (или) руководить ими, оно не подлежит уголовной ответственности» [5, с. 13]. С. А. Огурцов приводит в качестве положительного примера ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь и предлагает изложить ч. 3 ст. 20 УК РФ как «полное отсутствие возможности к осознанию фактического характера и обществен-

ной опасности своих действий (бездействия) либо к руководству ими» [12, с. 59].

Дифференцированный подход к несовершеннолетним, в отношении которых установлена возрастная невменяемость, предлагает применять Р. И. Бабиченко. Исследователь обосновывает целесообразность введения терминов «возрастная невменяемость» и «уменьшенная возрастная вменяемость», предусматривающих два критерия: а) социально-психологический («отставание в психическом развитии, обусловленное социальными факторами или иными болезненными расстройствами, не связанными с психическими заболеваниями»), б) юридический. Автор предлагает юридический критерий, сформулированный законодателем в ч. 3 ст. 20 УК РФ («не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»), рассматривать как характеризующий уменьшенную возрастную вменяемость «и оставлять суду право выбора привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности и с учетом этого обстоятельства направления его в специализированную воспитательную колонию или в специальное коррекционное учебно-воспитательное учреждение. Юридический критерий, характеризующий возрастную невменяемость, следует понимать как полную невозможность осознания несовершеннолетним фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) или руководства ими, что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности» [13, с. 9].

А. В. Барков поддерживает предложенный российскими исследователями в монографии «Уголовный закон: опыт теоретического моделирования» [Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / Г. З. Анашкин [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. – М.: Наука, 1987. – 280 с.] подход о привлечении к уголовной ответственности лица, которое достигло установленного в законе возраста, но вследствие психической незрелости (например, задержки в психофизиологическом развитии) могло лишь частично сознавать фактический характер либо общественную опасность своих действий (бездействия) или частично руководить ими. Однако при назначении наказания суду следует учитывать степень развития его личности [4, с. 26].

Анализ ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь и ч. 3 ст. 20 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что российский уголовный закон придерживается более гуманного подхода к установлению возрастной невменяемости. Об этом свидетельствует характеристика интеллектуального признака юридического критерия, а именно: «несовершеннолетний... во время совершения общественно опасного деяния *не мог в полной мере* осозна-

вать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия)». Такая формулировка предполагает достаточно широкое усмотрение правоприменителя для признания наличия у лица возрастной невменяемости, поскольку она включает не только несовершеннолетних, которые не были способны осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний, но и несовершеннолетних, степень понимания которыми фактического характера и общественной опасности своих деяний в УК не уточнена. Кроме того, схожесть возрастной невменяемости и ограниченной вменяемости вносит некоторую путаницу в применяемый понятийно-категориальный аппарат. В свою очередь, белорусский законодатель однозначно определяет интеллектуальный признак юридического критерия: «несовершеннолетнее лицо ... во время совершения общественно опасного деяния *было не способно* сознать фактический характер или общественную опасность своего деяния», что позволяет избежать широкой вариативности применения данной нормы на практике.

Представляется избыточным введение в УК Республики Беларусь и УК РФ нормы об уменьшенной возрастной вменяемости, поскольку действующие уголовные законы по сути обращают внимание на такие ситуации и предписывают судам при назначении наказания несовершеннолетнему учитывать условия его жизни и воспитания, уровень, степень психического развития, состояние здоровья, иные особенности личности, а также влияние других лиц (ч. 1 ст. 116 УК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 89 УК РФ).

Заключение

Проведенное исследование возрастной невменяемости несовершеннолетних позволяет предложить следующее.

1. Понятие «возрастная невменяемость» может быть определено как «неспособность лица, достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности, при совершении общественно опасного деяния осознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния либо руководить им вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (заболеванием)».

2. Представляется целесообразным ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь дополнить словами «либо руководить им». Такой подход предоставит возможность при определении субъекта преступления учитывать как интеллектуальный, так и волевой признаки юридического критерия возрастной невменяемости, что в итоге позволит принять во внимание все случаи проявления возрастной невменяемости.

Список цитируемых источников

1. *Леонов, Р. А.* Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Леонов Роман Анатольевич; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2011. – 28 с.
2. *Тюмнева, М. А.* Снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет / М. А. Тюмнева // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 14. – С. 134–137.
3. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 713 с.
4. *Барков, А. В.* Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет / А. В. Барков // *Правосудие по делам о преступлениях несовершеннолетних: Республика Беларусь и международный опыт*. – Мн.: «Четыре четверти». – 2018. – С. 13–55.
5. *Давыденко, А. В.* Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Давыденко Александр Викторович; Междунар. юрид. ин-т. – Рязань, 2013. – 22 с.
6. *Федонкина, А. А.* Психологическая диагностика способности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к организации и планированию своей деятельности. Результаты оригинального исследования / А. А. Федонкина // *Рос. психиатрический журнал*. – 2019. – № 5. – С. 55–60.
7. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. *Голдобина, В. С.* Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, как основание и условие освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних / В. С. Голдобина // *Прикладная юридическая психология*. – 2016. – № 1. – С. 81–87.
9. *Беломестнова, К. С.* Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством: понятие и уголовно-правовое значение / К. С. Беломестнова // *Сибирский юридический вестник*. – 2011. – № 5. – С. 81–85.
10. *Пашенко, Е. А.* Общественно опасное поведение несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Пашенко Елена Анатольевна; Ин-т управления бизнеса и права, г. Ростов-на-Дону. – М., 2009. – 30 с.
11. *Веселова, Л. В.* Ответственность несовершеннолетних с психическими отклонениями: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Веселова Лилия Викторовна; Краснодарская акад. МВД России. – Волгоград, 2005. – 26 с.
12. *Огурцов, С. А.* Дискуссионные вопросы так называемой возрастной невменяемости / С. А. Огурцов // *Вестник российской правовой академии*. – 2012. – № 4. – С. 56–60.
13. *Бабиченко, Р. И.* Возрастная невменяемость: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ба-

биченко Рита Ивановна; Санкт-Петербургский ун-т МВД России. – Санкт-Петербург, 2004. – 18 с.

Аннотация. Статья посвящена изучению психического состояния несовершеннолетнего как одного из условий признания лица субъектом преступления и привлечения его к уголовной ответственности. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия «возрастная невменяемость», доказываемость обоснованность использования данного термина, оценивается юридический критерий возрастной невменяемости, соотношение возрастной невменяемости с невменяемостью и уменьшенной вменяемостью. Исследуются проблемы законодательного решения вопросов о возрастной невменяемости несовершеннолетних.

AGE-RELATED INCAPACITY: CONTENT AND LEGAL SIGNIFICANCE

Laptsevich I. I.

Key words: age insanity, age of bringing a person to criminal responsibility, psychosocial development of a minor.

Abstract. The article is devoted to the study of mental state of a minor as a condition for recognizing a person as a subject of a crime and bringing them to criminal liability. Doctrinal approaches to the definition of the concept of «age-related insanity» are analyzed, the validity of the use of this term is proved, legal criteria for age-related insanity, its relationship with insanity and reduced sanity are evaluated. The problems of legislative solution of questions about the age insanity of minors are investigated.

УДК 343.97

ПРОПАГАНДА ИНФОРМАЦИИ, ФОРМИРУЮЩЕЙ КРИМИНОГЕННЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЕ

Мусеева И. А.

Ключевые слова: информация, цифровизация, пропаганда, криминогенные свойства, виктимизация, личность преступника, уголовная ответственность.

Введение

Цифровизация – это процесс перехода к цифровому обществу. Этот процесс нельзя назвать однозначным. С одной стороны, цифровизация направлена на развитие общества, с другой стороны, она создает ряд

проблем, а также открывает возможности для миграции преступности в цифровой формат и повышения риска цифровой виктимизации [1, с. 167]. Действительно, интенсивное развитие глобальной компьютерной сети Интернет, постоянный рост аудитории онлайн-сообществ и развитие социальных отношений в виртуальном пространстве оказывают серьезное влияние на многие сферы общественной жизни, которое не всегда носит конструктивный характер. Процессы цифровизации породили и новые криминальные угрозы, которые требуют адекватной научной оценки и реагирования со стороны правоохранительной системы.

За последние годы на уровне диссертационных исследований отдельные аспекты противодействия криминальной пропаганде в глобальной компьютерной сети Интернет изучали Е. А. Родина [2], М. Ю. Путнина [3], В. В. Баранов [4], К. М. Богатырев [5]. Однако, как справедливо отмечает А. С. Ильицкий, несмотря на наличие некоторого исходного теоретического материала, в криминологической науке исследования феномена криминальной идеологии до сих пор носили фрагментарный, эпизодический характер, а комплексных исследований, посвященных изучению криминальной идеологии в Интернете, не было представлено вовсе. В криминологической литературе отсутствует целостная система научных знаний о криминальной идеологии, об особенностях ее проявления и развития в сети Интернет, а также о мерах противодействия ей [6, с. 6].

Основная часть

А. С. Ильицкий определяет криминальную пропаганду в глобальной компьютерной сети Интернет «как неконтролируемую и (или) целенаправленную деятельность различных субъектов по распространению через отдельные ресурсы глобальной компьютерной сети Интернет информации, формирующей криминогенные свойства личности на индивидуальном, групповом и массовом уровнях». Криминальная пропаганда влияет на криминализацию и виктимизацию населения, детерминацию преступности и развитие иных негативных социальных явлений [7, с. 144–145].

Из данного определения выделим два ключевых момента, имеющих важное значение для понимания сути криминальной пропаганды:

1) криминальная пропаганда может быть как неконтролируемой, так и целенаправленной;

2) в зависимости от масштабов цифровой виктимизации выделяют несколько ее уровней: индивидуальный, групповой и массовый.

Д. В. Жмуров выделяет шесть типов массовых виктимизирующих действий: 1. дезорганизация (деактивация); 2. деанонимизация; 3. де-

классификация (рассекречивание); 4. деморализация; 5. дезинформация; 6. мотивирование.

1. Речь идет о полном или частичном отказе интернет-сервисов от выполнения повседневных функций (информационных, коммуникационных, логистических, коммерческих, инфраструктурных) и причинении пользователям неудобств различной степени. Это взломы и DDOS-атаки, направленные на национальные ресурсы (видеохостинги, банковские сайты, платежные системы, компоненты электронного правительства, агрегаторы железнодорожных и авиабилетов и т. д.). При этом важнейшей целью хакерских атак является переход виртуальных действий на уровень физического ущерба, создание условий, делающих невозможным быстрое устранение надвигающихся разрушений. Так, например, национальная команда реагирования на киберинциденты Республики Беларусь (cert.by), основная задача которой – снижение уровня угроз информационной безопасности национального сегмента сети Интернет, на своем сайте сообщила 15.07.2021 г. о зафиксированном значительном росте числа фишинговых рассылок, целью которых являлось заражение вредоносным программным обеспечением (далее – вредоносное ПО) и формирование ботнета. Анализ полученных образцов фишинговых писем, а также экземпляров вредоносного ПО позволил выявить характерные признаки масштабной целевой кибератаки, направленной на государственные органы и организации различных сфер деятельности (от предприятий пищевой и энергетической промышленности до органов местного самоуправления и правоохранительных органов). Впервые активность этой кибератаки была зафиксирована в феврале 2020 г. Тогда были выявлены единичные случаи. Самые массовые рассылки писем были зафиксированы 25 и 28 июня 2021 г. В эти дни кибератаке подверглись более 26 организаций [8]. За разработку, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств предусмотрена уголовная ответственность по ст. 354 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

2. Часто такие действия предпринимаются в отношении широкого круга лиц, так или иначе связанных с текущей политической повесткой дня (например, должностных лиц государственных органов и представителей власти).

Речь идет о раскрытии информации, которую государство считает конфиденциальной и подлежащей защите. Применительно к Республике Беларусь это государственные секреты Республики Беларусь и сведения, составляющие государственные секреты иностранных государств, международных организаций, межгосударственных образо-

ваний, которые переданы Республике Беларусь на основании международных договоров Республики Беларусь или в связи с ее участием в этих международных организациях и (или) межгосударственных образованиях. Раскрытие такой информации является неотъемлемой частью информационной войны. Статья 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» дает перечень информации, распространение и предоставление которой ограничено, а приложением к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12 августа 2014 № 783 определяется перечень сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения.

4. Деморализация направлена в первую очередь на лиц, морально и психологически дезорганизованных, у которых отсутствуют качества, необходимые для осознанной постановки целей и планирования их достижения (например, недостатки инициативы, ответственности, дисциплины).

5. Цель дезинформации – ввести в заблуждение неопределенное количество людей относительно тех или иных событий, что в конечном итоге может снизить или повысить уровень поддержки властей внутри страны, тенденциозно расставить акценты на международной арене и т. д.

6. Цель мотивации – побудить человека к преступной или деструктивной деятельности в интересах одной из противоборствующих сторон в конфликте. Такие люди одновременно являются жертвами психологического манипулирования и субъектами преступлений, к которым их склоняют [9, с. 507–510].

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» информация, распространяемая в глобальной компьютерной сети Интернет, не должна противоречить требованиям законодательства; в ст. 38 запрещается распространение на интернет-ресурсах:

1) информации, пропагандирующей потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических и других одурманивающих веществ, а также информации о способах и методах разработки, производства, использования и местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов;

2) информации о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ, а также предметов, поражающее действие которых основано на использовании легковоспламеняющихся веществ;

3) информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности,

порнографию, насилие и жестокость, в том числе пропаганду или побуждение к самоубийству, иной информации, распространение которой может нанести ущерб национальным интересам Республики Беларусь или запрещенной законодательством.

Говоря о «криминальной пропаганде», законодатель, описывая деяние, использует следующие слова и выражения в диспозициях статей Особенной части УК и Особенной части Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП): «пропаганда», «публичные призывы», «распространение», «публичная демонстрация», «рекламирование».

Под пропагандой (от латинского *propaganda* – подлежащее распространению) понимается популяризация и распространение идей (политических, религиозных, научных и т. д.) с помощью речевых, медийных, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание. Технологически пропаганда – это процесс передачи определенных идей аудитории с расчетом на их усвоение [10]. Иными словами, пропаганда – это распространение с целью популяризации.

О рекламе говорят в контексте рекламы товаров или услуг. Термин реклама синонимичен термину «пропаганда», или «пиар», когда речь идет не о товаре или услуге, а об идее.

КоАП предусмотрена административная ответственность за пропаганду (рекламирование) информации, формирующей криминогенные свойства личности (криминальную пропаганду):

1) порнографии (ст. 19.7. «Хранение и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера»);

2) культа насилия и жестокости (ст. 19.8. «Распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости»);

3) нацизма (ст. 19.10. «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики»);

4) экстремизма (ст. 19.11. «Распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность»);

5) методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ (ст. 19.12. «Незаконное изготовление и (или) распространение методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ»);

6) нарушения установленного порядка организации и проведения массовых мероприятий (ст. 24.23. «Нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий»).

Уголовная ответственность установлена законодателем за пропаганду войны (ст. 123 УК), терроризма (ст. 289-1 УК), нацистской символики или атрибутики, совершенную неоднократно (ст. 341-1 УК), и самоубийства (ст. 342-1 УК) и т. д. (таблица).

Таблица

Статьи УК, предусматривающие уголовную ответственность за криминальную пропаганду

Объект преступления	Статья УК	Категория преступления		
		ч. 1 статьи	ч. 2 статьи	ч. 3 статьи
Мир и безопасность человека	Пропаганда войны (ст. 123)	менее тяжкое (до 3 лет лишения свободы)	менее тяжкое (до 5 лет лишения свободы)	
Человек	Склонение к самоубийству (ст. 146)	не представляющее большой общественной опасности (до 2 лет лишения свободы)	менее тяжкое (до 5 лет лишения свободы)	
Общественная безопасность и здоровье населения	Пропаганда терроризма (ст. 289-1)	менее тяжкое (до 3 лет лишения свободы)	тяжкое (до 7 лет лишения свободы)	
	Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 331)	менее тяжкое (до 5 лет лишения свободы)	тяжкое (до 10 лет лишения свободы)	
	Склонение спортсмена к использованию вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов (ст. 331-1)	не представляющее большой общественной опасности (до 1 года лишения свободы)	не представляющее большой общественной опасности (до 1 года лишения свободы)	тяжкое (до 7 лет лишения свободы)
Общественный порядок и общественная нравственность	Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символи-	менее тяжкое (до 4 лет лишения свободы)		

Объект преступления	Статья УК	Категория преступления		
		ч. 1 статьи	ч. 2 статьи	ч. 3 статьи
	ки или атрибутики (ст. 341–1)			
	Пропаганда самоубийства (ст. 342–1)	не представляющее большой общественной опасности (до 2 лет лишения свободы)	менее тяжкое (до 5 лет лишения свободы)	менее тяжкое (до 6 лет лишения свободы)
	Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343)	не представляющее большой общественной опасности (наказания, не связанные с лишением свободы)	менее тяжкое (до 4 лет лишения свободы)	
	Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343–1)	менее тяжкое (до 4 лет лишения свободы)	с использованием глобальной компьютерной сети Интернет – тяжкое (до 8 лет лишения свободы)	особо тяжкое (до 13 лет лишения свободы)
Государство и порядок осуществления власти и управления	Призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь (ст. 361)	менее тяжкое (до 6 лет лишения свободы)	тяжкое (до 10 лет лишения свободы)	с использованием глобальной компьютерной сети Интернет – тяжкое (до 12 лет лишения свободы)
	Дискредитация Республики Беларусь (ст. 369–1)	менее тяжкое (до 4 лет лишения свободы)		
	Публичные призывы к организации или проведению незаконных со-	менее тяжкое (до 5 лет лишения свободы)		

Объект преступления	Статья УК	Категория преступления		
		ч. 1 статьи	ч. 2 статьи	ч. 3 статьи
	брани, митинга, уличного шествия, демонстрации или пикетирования либо вовлечение лиц в участие в таких массовых мероприятиях (ст. 369–3)			

Общественно опасные деяния, связанные с криминальной пропагандой, могут причинить вред как миру и безопасности человечества (ст. 123), так и человеку (ст. 146), обществу (ст. 289-1, 331, 331-1, 341-1, 342-1, 343, 343-1) и государству (ст. 361, 369-1, 369-3). Наибольшее их число – это преступления против общественных интересов (7 из 12 составов, или 58,3 %).

В большинстве случаев основные составы этих преступлений (ч. 1 статьи) – это менее тяжкие преступления (7 из 12 составов, или около 58,3 %), 41,7 % – преступления, не представляющие большой общественной опасности.

По мнению А. С. Периной, использование компьютерных технологий может быть названо в уголовном законодательстве деянием,отягчающим уголовную ответственность, квалифицирующим признаком или особым способом совершения преступления [11, с. 60]. Законодатель Республики Беларусь по большей части (в 8 из 12 составов, или 66,7 %) не указал в диспозиции статьи УК на использование глобальной компьютерной сети Интернет как на один из способов совершения преступления (ст. 123, 146, 331, 331-1, 342-1, 343, 369-1, 369-3) и только в двух составах преступления указал на использование глобальной компьютерной сети Интернет как на один из способов совершения преступления («в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет») (ст. 289-1, 341-1). В двух составах преступления законодатель отнес использование глобальной компьютерной сети Интернет к квалифицирующим (отягчающим) обстоятельствам (ч. 2 ст. 343-1) или к особо квалифицирующим (особо отягчающим) обстоятельствам (ч. 3 ст. 361).

Заключение

Современная цифровая среда предоставляет не только инструменты для развития личности и коммуникации между гражданами, но и площадку для распространения деструктивного контента, оказыва-

ющего негативное влияние на формирование криминогенных свойств личности. Эффективное противодействие этой угрозе возможно только при системной профилактике, направленной на формирование устойчивости личности к деструктивному информационному влиянию и повышение цифровой грамотности граждан.

Существующая правовая база требует дальнейшего совершенствования. Автор считает [12, с. 174], что в случаях, когда в диспозиции статьи Особенной части УК (в любой из частей статьи) не указано на такой из способов совершения преступления, как «с использованием глобальной компьютерной сети Интернет», то было бы логично дополнить ст. 64 УК отягчающим уголовную ответственность обстоятельством «совершение преступления с использованием глобальной компьютерной сети Интернет», так как ввиду возможности быстрого распространения информации за рекордно короткое время на неограниченное количество лиц она может приносить значительно больший вред, чем распространенная иными способами.

Список цитируемых источников

1. *Майоров, А. В.* Виктимологическое обеспечение безопасности общества в современных реалиях / А. В. Майоров // Защита жертв преступлений в современном обществе (PVCMS 2023): материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конференции (Челябинск, 21–22 февр. 2023 г.) / отв. ред. А. В. Майоров. – Челябинск: Эскула. – 2023. – С. 160–171.

2. *Родина, Е. А.* Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Родина Екатерина Анатольевна; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; Диссовет 24.2.390.03 (24.2.390.03). – Саратов, 2022. – 217 л.

3. *Пучнина, М. Ю.* Криминальный суицид несовершеннолетних: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Пучнина Маргарита Юрьевна; Чечен. гос. ун-т. – Курск, 2019. – 25 с.

4. *Баранов, В. В.* Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию проявлениям экстремизма в глобальной компьютерной сети: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Баранов Владимир Владимирович; Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. – М., 2021. – 24 с.

5. *Богатырев, К. М.* Знания в области речеведения в системе криминалистических средств противодействия преступлениям в цифровой медиасреде: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Богатырев Константин Михайлович; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); Диссовет Д 212.123.XX (24.2.336.03). – М., 2023. – 242 л.

6. *Ильницкий, А. С.* Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид.: 5.1.4 / Ильницкий Александр Сергеевич;

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»; Диссовет Д 203.017.XX (03.2.005.01). – Краснодар, 2022. – 30 с.

7. Ильницкий, А. С. Криминальная пропаганда в киберпространстве: социально-политические и теоретико-методологические основы криминологического познания / А. С. Ильницкий // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 3. – С. 142–149.

8. Кибератака группировки на государственный сегмент // cert.by. – URL: <https://cert.by/?p=1972> (дата обращения: 03.02.2025).

9. Жмуров, Д. В. Виктимизация населения в глобальных цифровых конфликтах / Д. В. Жмуров // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 5А. – С. 504–514.

10. Пропаганда // Философская энциклопедия. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/991/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%90%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90 (дата обращения: 01.02.2025).

11. Пери́на, А. С. Использование компьютерных технологий против личности: подходы к криминализации в странах СНГ / А. С. Пери́на // Мониторинг правоприменения. – 2023. – № 1 (46). – С. 59–68.

12. Моисеева, И. А. Уголовная ответственность владельца интернет-услуг за незаконное распространение контента на подконтрольных ему ресурсах / И. А. Моисеева // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности: тезисы докладов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 нояб. 2022 г. – Мн.: СтройМедиаПроект, 2022. – С. 170–175.

Аннотация. В условиях глобальной цифровизации общества усиливается влияние информационного контента на формирование личности, в том числе ее криминогенных свойств. Автор рассматривает формы и механизмы пропаганды информации, способной формировать склонность к противоправному поведению, в том числе призывы к насилию, экстремизму, терроризму. В статье анализируется влияние цифровой среды как средства трансляции криминогенного контента. Особое внимание уделено анализу административной и уголовной ответственности за распространение таких материалов. В результате сделан вывод о необходимости комплексного подхода к предупреждению и пресечению распространения криминогенной информации с учетом реалий цифрового пространства. Автор предлагает дополнить ст. 64 Уголовного кодекса Республики Беларусь отягчающим уголовную ответственность обстоятельством «совершение преступления с использованием глобальной компьютерной сети Интернет».

PROMOTION OF INFORMATION FORMING THE CRIMINOGENIC PROPERTIES OF THE PERSON, IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION AND RESPONSIBILITY FOR IT

Maiseyeva I. A.

Key words: information digitization, propaganda, criminogenic properties, victimization, identity of the offender, criminal liability.

Abstract. In the global digitalization of society, the influence of information content on the formation of personality, including its criminogenic properties, is increasing. The author considers forms and mechanisms of propaganda of information, capable of forming a tendency to unlawful behavior, including calls for violence, extremism, terrorism. The article analyzes the influence of the digital environment as a means of transmitting criminogenic content. Particular attention is given to the analysis of administrative and criminal liability for the dissemination of such materials. As a result, it was concluded that there is a need for an integrated approach to preventing and curbing the dissemination of criminal information, taking into account the realities of the digital space. The author proposes to supplement article 64 of the Criminal Code of the Republic of Belarus as an aggravating circumstance «committing a crime using the global computer network Internet».

УДК 343.296

ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ КАК ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СУДИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Павлова Л. В.

Ключевые слова: осуждение по приговору суда, неснятая или непогашенная судимость, правовые последствия судимости, правоограничения, юридическая техника, уголовный закон.

Введение

Осуждение лица по приговору суда может иметь для него различные существенные правовые последствия и после погашения либо снятия судимости. В том числе привести к ограничению избирательных прав, прав на трудоустройство, социальное обслуживание, иным образом сказаться на правовом статусе лица. В белорусской юридической науке на данную проблематику обращалось внимание [1; 3], однако в последние годы она не часто становится предметом исследования. Вместе с тем, если простота изложения и логичность уголовно-правовых норм не вызывает значимых дискуссий, то их применение и связанные с су-

димостью общеправовые последствия заслуживают детального изучения, в том числе проведения статистического анализа и криминологического исследования. Дополнительно отметим, что в регламентации общеправовых последствий судимости не сложилось единообразного подхода. Сходные проблемы имеются и в законодательстве зарубежных стран, что также привлекает внимание исследователей [4].

В настоящей работе остановимся на рассмотрении сложившейся законодательной практики. Основное внимание будет уделено вопросам юридико-технического изложения правоограничений, связанных с судимостью, а также обоснованности введения некоторых правоограничений.

Основная часть

Согласно ч. 1 и 2 ст. 45 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) осуждение лица за совершенное им преступление создает правовое состояние судимости, заключающееся в возможности применения к осужденному наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с приговором суда и данным кодексом. Лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости, если приговор не был отменен в установленном законом порядке.

Погашение судимости не всегда связано с отбытием наказания или исполнением иной меры уголовной ответственности, в связи с чем лицо в течение периода времени, определенного в ст. 97 УК, все еще остается в состоянии судимости. Данный уголовно-правовой статус порождает нежелательные для лица правовые последствия, связанные с определенными ограничениями его прав и свобод.

В. В. Марчук отмечает, что состояние судимости не только предполагает ограничение прав и свобод осужденного в соответствии с карательным потенциалом назначенного наказания либо испытательно-профилактическим режимом иных мер уголовной ответственности, но и выражается в возможности наступления для осужденного иных правовых последствий уголовной ответственности. Эти последствия могут иметь уголовно-правовой либо общеправовой характер [1]. Также обращается внимание, что «негуманно и несправедливо ограничивать в правах гражданина всю его жизнь на том основании, что он когда-то совершил преступление» [1].

В настоящее время судимость как основание правоограничения закреплена более чем в десяти кодексах и более чем в тридцати праворегулирующих законах. Правоограничения в связи с судимостью устанавливаются и актами, утверждаемыми указами Президента Республики Беларусь [2]. Соответственно, в национальной правовой си-

стеме имеется значительный массив нормативных правовых актов, предусматривающих определенные ограничения для лица, имеющего судимость.

Для достижения задач исследования рассмотрим некоторые нормативные правовые акты, соблюдая требования к репрезентативности выборки для валидности получаемых результатов.

1. В Избирательном кодексе Республики Беларусь в ст. 60 «Право и сроки выдвижения кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты» и ст. 96–11 «Требования, предъявляемые к кандидатам в делегаты Всебелорусского народного собрания от гражданского общества» содержатся положения о том, что кандидатами в депутаты местных Советов депутатов, а также в делегаты Всебелорусского народного собрания от гражданского общества не могут быть выдвинуты граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость. Данная формулировка, как будет представлено далее, является наиболее распространенной.

По иному как содержательно, так и юридико-технически изложено основание для правоограничения, связанного с отказом в регистрации кандидата в Президенты Республики Беларусь, в депутаты (ст. 68–1 Избирательного кодекса Республики Беларусь): «Центральная комиссия, окружная, территориальная избирательная комиссия отказывает в регистрации кандидата в Президенты Республики Беларусь, в депутаты в случае *наличия вступившего в законную силу обвинительного приговора суда* в отношении лица, выдвинутого кандидатом в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей».

2. В Гражданском кодексе Республики Беларусь в ст. 1044 «Общие правила о форме завещания» предусмотрено, что в случаях, когда в соответствии с данным кодексом при составлении, подписании или удостоверении завещания должны присутствовать свидетели, не могут быть такими свидетелями, а также не могут подписывать завещание вместо завещателя лица, *имеющие судимость за дачу ложных показаний*. В рассматриваемом случае, в отличие от приведенной в предыдущем пункте весьма общей юридико-технической конструкции, обосновано осуществлена конкретизация общественных отношений (дача ложных показаний как проявление нечестности, отступление от правды, справедливости), нарушение запретов в рамках которых выступает основанием для ограничения прав лица при регулировании отношений наследования.

3. В Кодексе Республики Беларусь об образовании в ст. 51 «Требования, предъявляемые к педагогическим работникам» установлено, что педагогическую деятельность не могут осуществлять лица, *имеющие*

судимость, которая не снята или не погашена. Как ранее отмечено, данная правовая конструкция является наиболее распространенной. Вместе с тем полагаем, что указание на судимость, *«которая не снята или не погашена»*, является излишним (логически противоречивым) уточнением, поскольку судимость, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 45 УК, определяется как правовое состояние, которое возникает со дня вступления в законную силу приговора суда и оканчивается при погашении или снятии судимости (не может сохраняться состояние судимости, если произошло ее снятие или погашение).

4. В Трудовом кодексе Республики Беларусь в ст. 348 «Ограничения работы по совместительству» закреплено, что не допускается прием по совместительству на материально ответственные должности служащих лиц, *осужденных за корыстные преступления, если судимость не снята или не погашена в установленном порядке*, а также на те должности служащих или виды деятельности, которые запрещены приговором суда для отдельных категорий граждан.

В данном случае сфера общественных отношений (экономическая деятельность, предусматривающая материальную ответственность лица) соотносима с устанавливаемым запретом, в основу которого положено пребывание в состоянии судимости за корыстные преступления. Такой подход видится достаточно аргументированным в части устанавливаемого правоограничения. Вместе с тем, как рассмотрено ранее, в приведенной норме употреблено излишнее указание на то, что судимость должна быть снята или погашена *«в установленном порядке»*. Также обратим внимание, что, устанавливая ограничение в сфере занятости, помимо указания на судимость, законодателем введен запрет на занятие должностей или осуществление деятельности, которые лицу запрещены приговором суда. В действующем законодательстве подобного рода правовые конструкции встречаются, однако не системно, что свидетельствует о том, что в остальных случаях применяются положения ст. 51 УК без их дублирования в отраслевом законодательстве.

5. В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье в ст. 125 «Лица, имеющие право быть усыновителями» и ст. 153 «Лица, имеющие право быть опекунами и попечителями» закреплено, что усыновителями, опекунами, попечителями *не могут* быть лица, *имеющие судимость за умышленные преступления, а также лица, осуждавшиеся за умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления против человека*. В приведенных нормах применен расширительный субъектный подход, устанавливающий ограничение как исходя из действующего уголовно-правового статуса – лицо, имеющее судимость, – так и из его кримино-

логической (социальной) характеристики – лицо, ранее осуждавшееся (с конкретизацией вида преступлений – умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления против человека).

При этом в ст. 172 «Приемные родители, родители-воспитатели детского дома семейного типа, детской деревни, детского городка» схожий запрет изложен иным образом и распространяется на лиц, *имеющих судимость, а также лиц, осуждавшихся за умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления против человека*. Тем самым на законодательном уровне к приемным родителям предъявляются более жесткие требования, чем к усыновителям, опекунам, попечителям – недопустимо наличие судимости не только за любое умышленное преступление, но и за любое преступление, совершенное по неосторожности.

Переходя к рассмотрению законов, содержащих указание на судимость как основание правоограничения, для последовательного изучения условно сгруппируем их по таким признакам, как ограничения, связанные с общеправовым статусом (вопросы гражданства, избирательный процесс, др.), социальным статусом, родом деятельности и иное.

6. В Законе Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» в ст. 16 «Отказ в принятии к рассмотрению заявления о приобретении гражданства Республики Беларусь» закреплено, что заявление о приобретении гражданства Республики Беларусь не принимается к рассмотрению, если заявившее об этом лицо:

- *осуждалось за совершение преступления против мира и безопасности человечества, военного преступления, преступления против государства;*
- *имеет судимость за совершение на территории Республики Беларусь или иностранного государства преступления, признаваемого таковым законодательством Республики Беларусь.*

Аналогично выводам, сделанным в пункте 5 настоящей статьи применительно к нормам Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, в данном случае также отметим, что законодателем применен расширительный подход, устанавливающий ограничение, как исходя из действующего уголовно-правового статуса – лицо, имеющее судимость, – так и из его криминологической (социальной) характеристики – лицо, ранее осуждавшееся (в данном случае – за совершение преступления против мира и безопасности человечества, военного преступления, преступления против государства).

7. В Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Рес-

публике Беларусь» в ст. 30 в качестве основания возможного отказа иностранцу в выдаче визы для въезда в Республику Беларусь или во въезде в Республику Беларусь указано на *осуждение иностранца в Республике Беларусь или другом государстве за совершение умышленного преступления, признаваемого таковым в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь, при условии, что судимость не снята или не погашена.*

В данном случае использована усложненная правовая конструкция, включающая указание и на факт осуждения лица, и на наличие судимости, которая не снята и не погашена. Учитывая, что состояние судимости вызвано фактом осуждения лица, то указание на данный факт видится излишним. Соответственно, рассматриваемое ограничение в данной норме может быть изложено более кратко, как того требуют положения ст. 28 «Основные требования нормотворческой техники» Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон № 130): *«иностранец, имеющий судимость за совершение умышленного преступления на территории Республики Беларусь или другого государства, признаваемого таковым в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь».*

8. Согласно ст. 13 Закона Республики Беларусь от 18 мая 2004 г. № 288-З «О государственных наградах Республики Беларусь» не могут быть награждены Орденом Матери женщины, *ранее имевшие и (или) имеющие судимость.* В данном случае также применен подход, описанный в пунктах 5 и 6 настоящего исследования, устанавливающий ограничение, как исходя из актуального уголовно-правового статуса, так и криминологической (социальной) характеристики лица

9. В Законе Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 239-З «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан» в п. 1 ст. 7 «Приостановление права на социальные льготы» предусмотрено, что право на социальные льготы для граждан, указанных в данном законе, приостанавливается *со дня вступления в силу обвинительного приговора суда и до погашения или снятия судимости,* за исключением прав на льготы по лекарственному обеспечению и обеспечению техническими средствами социальной реабилитации, без применения которых невозможны жизнедеятельность организма и компенсация его функциональных возможностей. В данном случае юридико-технически осуществлена конкретизация начала срока судимости (со дня вступления в силу обвинительного приговора суда). Принимая во внимание общие положения о вступлении в силу приговора суда (ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)), а также временные пределы судимости как правового-

го состояния лица (предусмотрены в ч. 3 ст. 45 УК), сложно признать в данном случае приведенную конкретизацию обоснованной и не противоречащей такому требованию юридической техники, как краткость изложения нормативных правовых предписаний.

10. В ст. 38 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» закреплено, что наличие *не погашенной или не снятой в установленном порядке судимости*, если иное не установлено законодательными актами, закрепляющими правовой статус отдельных категорий гражданских служащих, является основанием для отказа в приеме на гражданскую службу. Указание на то, что судимость должна погашаться или сниматься в установленном законом порядке, видится излишним, не несущим смысловой нагрузки (рассмотрено нами в пункте 3 статьи).

11. В Законе Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» в ст. 27–1 «Ограничения на работу с детьми» предусмотрено, что не имеют права заниматься педагогической деятельностью, педагогической деятельностью в сфере физической культуры и спорта, занимать должности служащих, связанные с выполнением воспитательных функций, другие должности служащих, профессии рабочих, связанные с постоянной работой с детьми, физические лица, в отношении которых *вступил в законную силу обвинительный приговор суда за совершение преступлений, предусмотренных ст. 139, 145–147, 154, ч. 2 и 3 ст. 165, главой 20, ст. 172, ч. 2 ст. 173, ст. 181–182, 187, 342–1, 343 и 343–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, вне зависимости от снятия или погашения судимости либо прекращения уголовного преследования за совершение указанных преступлений по основаниям, предусмотренным п. 3 или 4 ч. 1 ст. 29 УПК*.

Данная норма введена Законом Республики Беларусь от 19 мая 2022 г. № 171-З «Об изменении законов» и отличается новым юридико-техническим способом изложения запрета, в котором:

- конкретизированы преступления, совершение которых выступает препятствием для работы с детьми;
- установлено, что снятие или погашение судимости не влияет на запрет допуска к работе с детьми;
- установлено, что препятствием для работы с детьми является не только осуждение лица за совершение указанных преступлений, но и прекращение уголовного преследования по таким преступлениям по основаниям, предусмотренным п. 3 или 4 ч. 1 ст. 29 УПК.

Таким образом, использованный подход установил достаточно жесткий отбор в отношении лиц, допускаемых к работе с детьми, что видится оправданным с учетом социальной ценности регулируемых

отношений, прав и интересов детей как слабой стороны правоотношений, касающихся их обучения, воспитания и др.

Вместе с тем полагаем, что рассмотренный расширительный подход (и по правовому статусу субъекта, и по видам преступлений, и по времени действия ограничения) не должен получать широкого распространения, а случаи его применения должны быть весьма обоснованными. По данному поводу сохраняется актуальность замечания Э. А. Саркисовой о том, что если запреты устанавливаются не в связи с правовым состоянием судимости, а шире, в целом «в связи с совершением преступления, то тогда следует вообще отказаться от институтов погашения или снятия судимости и рассматривать судимость как перманентное состояние. Вряд ли это соответствовало бы сущности, принципам и целям уголовной ответственности» [3].

12. В Законе Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании», являющемся весьма универсальным комплексным правовым актом, содержащим определенные требования к различным видам деятельности в целях обеспечения защиты государственных и общественных интересов, определен перечень лицензируемых видов деятельности и установлен порядок их лицензирования.

12.1. В ст. 163, предусматривающей долицензионные требования к деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, указано на необходимость отсутствия у работников, которые будут допущены к выполнению заявленных работ и (или) оказанию услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности, *неснятой или непогашенной судимости за менее тяжкое, тяжкое и особо тяжкое преступление либо за преступления против здоровья населения, связанные с незаконными действиями по отношению к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам и аналогам, предъявленного обвинения в совершении преступлений против здоровья населения, связанных с незаконными действиями по отношению к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам и аналогам, а также заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом, психических расстройств (заболеваний)*. В приведенной норме использован подход, закрепляющий в качестве основания правоограничения не только правовое состояние судимости (правоограничение базируется на уголовно-правовых нормах, то есть нормах материального права), но и наличие предъявленного обвинения в совершении определенного вида преступлений (правоограничение базируется на уголовно-процессуальных нормах, что предшествует осуждению, позволяющему применять к лицу лишения и ограничения).

12.2. В ст. 186 установлены долицензионные требования к деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь. Основанием для правоограничения является наличие у соискателя лицензии – индивидуального предпринимателя, учредителей, руководителя, руководителя обособленного подразделения соискателя лицензии – юридического лица, работников соискателя лицензии *неснятой или непогашенной судимости*, а также фактов привлечения их к административной ответственности.

12.3. В ст. 281 предусмотрены ограничение права на осуществление риэлтерской деятельности. В частности, закреплено, что лицензия не может быть предоставлена юридическому лицу, если руководитель или специалист по риэлтерской деятельности юридического лица *ранее совершили умышленное преступление, судимость за которое не снята или не погашена*. Более компактно данное основание правоограничения может быть изложено следующим образом: *«имеют судимость за совершение умышленного преступления»*.

13. Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг» в ст. 28 закрепляет общие требования к профессиональным участникам рынка ценных бумаг. Предусмотрено, что:

- должности руководителя, работника профессионального участника рынка ценных бумаг, совершающих действия в рамках выполнения работ и (или) оказания услуг, составляющих профессиональную и биржевую деятельность по ценным бумагам, не вправе занимать лицо, *имеющее неснятую или непогашенную судимость, причастное к осуществлению, финансированию или иному пособничеству в осуществлении террористической, экстремистской деятельности, а также к легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию террористической деятельности и финансированию распространения оружия массового поражения;*

- физическое лицо, *имеющее неснятую или непогашенную судимость, причастное к осуществлению, финансированию или иному пособничеству в осуществлении террористической, экстремистской деятельности, а также к легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию террористической деятельности и финансированию распространения оружия массового поражения, не вправе являться бенефициарным или иным владельцем профессионального участника рынка ценных бумаг.*

В приведенных нормах использован расширительный подход в части установления круга совершенных деяний, выступающих основанием для правоограничения. Недостаточно конкретизированным видится использование в норме правовой конструкции *«причастное*

к осуществлению, финансированию или иному пособничеству», что в практической деятельности может привести к вопросу о правовой неопределенности данных предписаний.

14. В Законе Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 153-З «Об оказании психологической помощи» в ст. 4, определяющей требования, предъявляемые к психологу, закреплено, что не допускаются к непосредственному оказанию психологической помощи лица, указанные в частях третьей и четвертой приводимой статьи, которые *совершили умышленное преступление, судимость за которое не снята или не погашена, если иное не установлено законодательными актами*. Данное ограничение изложено в редакции Закона Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 184-З. До корректировки норма была изложена следующим образом: *«имеют судимость за совершение умышленного преступления против человека»*.

Очевидно, что произошло расширение основания для правоограничения – в настоящее время таковым является судимость за любое умышленное преступление. Целесообразность такого расширения без учета родового (видового) объекта преступления вызывает сомнение, поскольку, например, вряд ли имеет значение для оказания психологической помощи совершение лицом ранее такого преступления, как нарушение законодательства о труде (ст. 199 УК), нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК), нарушение правил несения внутренней службы (ст. 454 УК) и др. Тем самым следует все же более избирательно подходить к устанавливаемым ограничениям, исходя из сферы отношений, регулируемых конкретным правовым актом.

15. Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» в ст. 4 установлены требования, которым должен соответствовать медиатор. Не может быть медиатором физическое лицо, *имеющее судимость*. В качестве положительной характеристики приведенного положения следует отметить отсутствие, как нами обращалось внимание в иных законах (приведены нами в пунктах 1, 3, 7 и др.), излишней конкретизации судимости как не погашенной или не снятой.

16. Закон Республики Беларусь от 8 ноября 2006 г. № 175-З «Об охранной деятельности» в ст. 14 устанавливает, что на работу в военизированную охрану не могут быть приняты граждане:

- *имеющие судимость;*
- *которым предъявлено обвинение в совершении преступления (до решения вопроса об их виновности в установленном законом порядке).*

По примеру требований, предъявляемых к деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их

прекурсоров (рассмотрены в подпункте 12.1 пункта 12 данной статьи), основанием для отказа в реализации права является не только наличие судимости, но и актуальный уголовно-процессуальный статус лица как обвиняемого по уголовному делу. При этом в качестве положительного аспекта отметим указание законодателя на временные пределы учета данного статуса – «до разрешения в установленном порядке», что свидетельствует о попытке снизить правовую неопределенность.

17. Законом Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях» в ст. 4 «Организаторы массового мероприятия» предусмотрено, что лица, допустившие нарушение порядка организации или проведения массового мероприятия, в течение одного года после наложения административного взыскания за такое нарушение, а также лица, *имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против мира и безопасности человечества, преступлений против общественной безопасности, преступлений против общественного порядка и общественной нравственности или преступлений против государства и порядка осуществления власти и управления*, не могут выступать организаторами массового мероприятия.

Возможно предположить, что четкое указание на номера соответствующих глав уголовного закона, в которых изложены нормы об указанных преступлениях (главы 17, 27, 30, 32 и 33 УК), способствовало бы лучшему пониманию предписаний, изложенных в рассматриваемом Законе лицами, которым адресована данная норма, не имеющими юридического образования. Вместе с тем положения приведенного закона могут распространяться в рамках интеграционных процессов на граждан других стран и предъявляемые к ним требования, поэтому должна быть возможность их сопоставления с положениями иных национальных уголовных законов. В связи с указанным целесообразно обсудить вариант указания в рассматриваемой норме как номеров глав белорусского уголовного закона, так видов преступлений.

18. Значительно более суровые ограничения установлены для граждан, в отношении которых имеется вступивший в законную силу приговор суда в связи с экстремистской деятельностью. Так, в части третьей ст. 18 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» предусмотрено, что таким гражданам *до погашения или снятия судимости и в течение пяти лет после погашения или снятия судимости* запрещается заниматься деятельностью, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ, педаго-

гической деятельностью (в части реализации содержания образовательных программ), издательской деятельностью, а также занимать государственные должности, проходить военную службу.

19. Активизация общественного движения в сфере защиты животных способствовала установлению в Законе Республики Беларусь от 1 апреля 2024 г. № 361-З «Об ответственном обращении с животными» специальных запретов на совершение сделок, предметом которых являются животные (ст. 23). В частности, запрещается приобретение в собственность животных физическими лицами, подвергавшимися административному взысканию за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 16.29 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, и (или) *имеющими судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 339-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь*. Данное предписание является весьма положительным примером установления правоограничения, в основу которого положено конкретное ненадлежащее поведение, получившее правовую оценку.

20. Помимо правоограничений, на лиц, совершивших преступления, могут быть возложены обязанности, выходящие за рамки уголовных правоотношений. Например, в соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-З «О государственной дактилоскопической регистрации» граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, *осужденные за совершение преступлений, подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений*, обязаны пройти дактилоскопическую регистрацию.

Заключение

Проведенный обзор ряда нормативных правовых актов позволил установить следующее.

Достаточно распространенной практикой является закрепление в законодательстве, не связанном с регулированием отношений в уголовно-правовой сфере, правоограничений (дополнительных требований), обусловленных наличием у лица судимости.

Помимо состояния судимости, как следствия осуждения лица по приговору суда, законодателем для ограничения прав в ряде случаев также учитывается сам факт совершения преступления, независимо от его дальнейшей правовой оценки и примененных мер реагирования. Данный подход не в полной мере соответствует идеям, ранее высказанным представителями белорусской юридической науки [1; 3], что требует возобновления дискуссии по рассматриваемой проблематике с участием представителей научного сообщества и государственных органов, осуществляющих нормотворчество и правоприменение.

Расширение круга лиц происходит за счет учета как предыдущих фактов осуждения, так и уголовно-процессуального статуса лица (обвиняемый; лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование), предшествующего его осуждению по приговору суда. Тем самым складывается тенденция учета не только правового состояния судимости лица (сохраняя его значение в основном для уголовно-правовой сферы), но и криминологической (социальной) характеристики лица, что приводит к увеличению числа лиц, к которым могут быть применены правоограничения. Полагаем, что данное обстоятельство требует прогнозирования социально-экономических и криминологических последствий складывающейся практики.

Подходы, предусматривающие расширение перечня оснований для правоограничений, могут быть признаны целесообразными при условии обоснованности вводимых ограничений. В числе надлежащих аргументов обоснованности закрепления ограничений может быть рассмотрена соотносимость сферы отношений, регулируемых конкретным законом, и оснований, избираемых для правоограничений. Например, для сферы финансов и аудита основанием для правоограничения может быть признано наличие судимости за преступления против порядка осуществления экономической деятельности (а не за все умышленные преступления, и не за преступления против жизни и здоровья человека и др.). Расширение круга оснований может иметь место лишь в случаях приоритетности обеспечения ввиду особой ценности отдельных отношений (например, национальной безопасности или законных интересов так называемых слабых сторон правоотношений (дети, лица, имеющие тяжелые заболевания, и др.)).

Принимая во внимание рассмотренные в рамках исследования некоторые недостатки в формулировках, касающихся правоограничений, полагаем целесообразным обсуждение и разработку типовых правовых конструкций, использование которых в нормотворческой деятельности будет способствовать соблюдению единообразного подхода к установлению правоограничений, связанных с судимостью лица (совершением преступления).

В качестве наиболее общей типовой правовой конструкции может быть воспринята следующая: «... не могут быть граждане, *имеющие судимость*». Сходный нормотворческий прием использован в правовых актах, рассмотренных в пунктах 2, 5, 6, 8, 15, 16, 19 основной части настоящего исследования. При необходимости типовая правовая конструкция может быть дополнена. Например, уточнено, судимость за какие именно виды преступлений выступает основанием для правоограничения. В нормативных предписаниях, особенно адресованных

широкому кругу лиц, следует избегать использования неконкретизированных правовых формулировок (например, «*причастное к осуществлению, финансированию или иному пособничеству*», «*совершение иных преступлений, связанных с использованием служебных полномочий*»), являющихся не просто бланкетными, но и требующими системного толкования ряда статей УК. Если положения нормативного правового акта могут распространяться в рамках интеграционных процессов на граждан других стран, то для сопоставимости предписаний целесообразно указание в них как номеров глав УК, так и видов преступлений, поскольку им будут соответствовать разные главы национальных уголовных законов.

Список цитируемых источников

1. Марчук, В. В. Судимость и ее правовые последствия: по состоянию на 18.01.2007 / В. В. Марчук // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Мн., 2025.
2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Мн., 2025. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 02.08.2025).
3. Саркисова, Э. А. Судимость: понятие и правовое значение: по состоянию на 20.12.2005 / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Мн., 2025.
4. Архенгольц, И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: автореф. дис. ... канд. юри. наук: 12.00.08 / Архенгольц Илона Аркадьевна; ФГБОУ ВО «УрГЮУ». – Екатеринбург, 2018. – 29 с.

Аннотация. Осуждение лица за совершенное им преступление создает правовое состояние судимости, заключающееся в возможности применения к осужденному мер уголовной ответственности. Лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости. Вместе с тем факт совершения преступления и проявленное уголовно-правовое реагирование могут и далее иметь для лица существенные правовые последствия в виде ограничения его прав на трудоустройство, участие в избирательном процессе, представление к государственным наградам и др.

Подходы, предусматривающие расширение перечня оснований для правоограничений (по правовому статусу субъекта, видам совершенных преступлений, времени действия ограничений и др.), могут быть признаны целесообразными при условии обоснованности вводимых ограничений. В числе надлежащих аргументов такой обоснованности может быть рассмотрена соотносимость сферы отношений, регулируемых конкретным законом, и оснований, избираемых для правоограничений.

Для единообразного подхода в рамках нормотворческой деятельности к установлению правоограничений, связанных с судимостью лица, предлагается разработать типовые правовые конструкции.

RESTRICTIONS ON RIGHTS AS GENERAL LEGAL CONSEQUENCES OF A CRIMINAL RECORD (USING THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS AN EXAMPLE)

Pavlova L. V.

Key words: conviction by court sentence, unexpunged or unexpunged conviction, legal consequences of conviction, restrictions on rights, legal technique, criminal law.

Abstract. Conviction of a person for a crime committed by him creates a legal status of a criminal record, which consists in the possibility of applying criminal liability measures to the convicted person. A person is considered to have a criminal record from the date of entry into legal force of the court sentence until the criminal record is expunged or removed. At the same time, the fact of committing a crime and the criminal-legal response shown may continue to have significant legal consequences for the person in the form of limiting his rights to employment, participation in the electoral process, nomination for state awards, etc.

Approaches that provide for an expansion of the list of grounds for legal restrictions (by the legal status of the subject, types of crimes committed, time of restrictions, etc.) may be considered appropriate provided that the restrictions introduced are justified. Among the appropriate arguments for such justification, the correlation between the sphere of relations regulated by a specific law and the grounds chosen for legal restrictions may be considered.

For a uniform approach within the framework of rule-making activities to the establishment of legal restrictions related to a person's criminal record, it is proposed to develop standard legal structures.

УДК 343.619

ВОПРОСЫ ЭВТАНАЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР (РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН И ГРУЗИЯ)

Тукенова Ж. С.

Ключевые слова: эвтаназия, убийство, воля, чувство сострадания, смерть, неизлечимая болезнь.

Введение

Тема эвтаназии вызывает противоречивые эмоции и порождает ожесточенные споры по всему миру. Эта спорная практика поднимает сложные этические, юридические и моральные вопросы, касающиеся личной свободы, сострадания и неприкосновенности жизни [1].

Эвтаназией признается прерывание врачом жизни неизлечимо больного в терминальной стадии, совершенное из чувства сострадания в целях избавления от сильных мучительных болей.

Впервые термин «эвтаназия» употребил Френсис Бэкон еще в XVII в., говоря о легкой смерти. Он считал, что задача врача в этом случае – исключить физическую боль пациента и облегчить страдания больного, позволяя ему «уйти спокойно».

С одной стороны, эвтаназия может быть очень гуманным актом, когда люди умирают «достойно» и им не приходится терпеть или страдать от боли. Для людей, страдающих от неизлечимых болезней или от сильной боли, эвтаназия может стать способом положить этому конец.

С другой стороны, эвтаназия имеет очень серьезные этические последствия. Для некоторых людей прекращение чьей-то жизни, даже если человек испытывает сильную боль и страдания, противоречит их этике и морали. Другие считают, что из-за социальных последствий эвтаназией могут злоупотреблять, «заставляя» людей покончить с собой.

Многие представители и сторонники этой идеи утверждают, что люди должны иметь право распоряжаться своей жизнью, особенно если человек неизлечимо болен и испытывает сильную боль. Сторонники эвтаназии считают это актом сострадания, который может избавить человека от боли, независимо от того, каким способом это реализуется.

Другая категория предпочитают сохранение жизни избавлению от боли и страданий. Большинство лиц придерживаются точки зрения, согласно которой жизнь – это ценный актив, и они не могут представить себе намеренное прекращение чьей-либо жизни.

Третьи также опасаются злоупотребления эвтаназией и распространения ее на людей, которые не могут дать информированное согласие, например, на пожилых людей, инвалидов или психически больных [2].

Для многих возможность злоупотреблений перевешивает аргумент в пользу неприкосновенности жизни, утверждая, что сохранение жизни всегда должно быть важнее.

Конечно, это один из тех вопросов, где данные точки зрения кажутся этичными, если рассматривать аргументы обеих сторон. Полагаю, что это зависит от человека, перед которым стоит данная дилемма, от его семьи и от того, что для них «правильно» (морально-этические ценности, религиозные устои). Если пациент по какой-то причине не может ответить, важно, чтобы это решение за него принял главный (близкий) член его семьи. При этом медицинское учреждение не должно принимать никаких решений за людей, находящихся в состоянии, когда они не осознают реальные последствия своего решения.

Перед медицинскими работниками стоит серьезная моральная дилемма: позволить пациенту жить полной жизнью или оборвать его жизнь. Многие медицинские работники стремятся облегчить страда-

ния пациентов, но в этом случае трудно судить о том, что на самом деле является этичным.

Основная часть

«Я никому не пропишу смертоносного лекарства и не дам смертоносного совета, чтобы облегчить его состояние», – упомянул об эвтаназии Гиппократ в своей клятве в 3–4 вв. до н. э. [3]. Несмотря на столь большой временной промежуток, консенсус в отношении эвтаназии оказался настолько сложным для человечества, что впервые в мире эвтаназия была легализована только 1 апреля 2002 г. в Нидерландах, где всего за один год (в 2003 г.) было официально зафиксировано 1626 случаев (в 2024 г. – 9958 смертей) [4].

Правовой статус эвтаназии существенно различается в разных странах. Эвтаназия легальна в ряде стран: Бельгии, Люксембурге, Канаде, Новой Зеландии, Испании, Нидерландах и Колумбии.

Интересен опыт Грузии, где эвтаназия запрещена законом. Согласно ст. 110 Уголовного кодекса Грузии (убийство по просьбе потерпевшего) убийство по настоятельной просьбе потерпевшего и в соответствии с его истинной волей, совершенное в целях облегчения сильных физических страданий умирающего, наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Несмотря на то что эвтаназия запрещена, деяние расценивается как убийство из чувства сострадания. Соответственно, эвтаназия считается убийством, совершенным при смягчающих обстоятельствах, и наказание за нее мягче, чем за умышленное убийство.

Грузинское законодательство признает пассивную эвтаназию, поскольку Закон Грузии «О правах пациентов» от 5 мая 2000 г. (ст. 24.1) допускает пассивную эвтаназию в определенных случаях: «1. Гражданин Грузии имеет право выразить свое предварительное письменное согласие (согласие или отказ) на получение реанимационного, жизнеобеспечивающего или паллиативного лечения в случае нахождения его без сознания или неспособного принять осознанное решение, если указанные обстоятельства обусловлены:

- а) терминальной стадией неизлечимой болезни;
- б) заболеванием, которое неизбежно приведет к тяжелой инвалидности».

2. «Гражданин Грузии имеет право заранее назначить лицо, которое в случаях, предусмотренных пунктом первым настоящей статьи, примет решение об оказании необходимых медицинских услуг».

По официальным данным, в Грузии не зафиксировано ни одного случая активной эвтаназии, и нет статистики, которая могла бы демонстрировать востребованность активной или пассивной эвтаназии.

Следует отметить, что «во времена Советского Союза эвтаназия считалась обычным преднамеренным убийством, хотя судья мог принять во внимание мотив убийства – жалость, милосердие, раскаяние – и смягчить ответственность виновного» [5].

Согласно Уголовному кодексу Грузии объектом уголовной защиты по данному преступлению является жизнь умирающего человека; «в данном случае слово «умирающий» относится не просто к человеку, находящемуся на грани смерти, но и к неизлечимо больному, пациенту на последней стадии болезни, который испытывает невыносимую физическую боль» [6].

Введению данной нормы в уголовное законодательство предшествовало подписание Грузией ряда международных соглашений, где одним из условий явилось проведение либеральной политики относительно реализации прав человека.

Однако с законодательной точки зрения не было ни инициативы, ни процесса обсуждения. Дискуссии об активной эвтаназии в узких группах происходят очень редко, поскольку сами врачи – те, кого эта проблема затронет в первую очередь, кто будет вовлечен в нее, – не проявляют активности в этой сфере, негативно относятся к эвтаназии [7].

При обсуждении эвтаназии в Грузии интересен также случай Тинатин Церетели, основательницы грузинской юридической школы, профессора уголовного права.

Еще в 1960-х гг. Тинатин Церетели опубликовала статью под названием «Эвтаназия как моральная и правовая проблема». Она была против эвтаназии, учитывая все риски, и не считала, что легализация активной эвтаназии в любой форме или регулировании была приемлемой. Однако, со слов близкого окружения, ее мнение об активной эвтаназии изменилось в конце жизни на фоне болезни в терминальной стадии [8].

Очень сложно определить истинную волю пациента: действительно ли он хочет эвтаназии, чтобы освободить себя от невыносимой для него физической боли, или это просто слова человека, который в данный момент страдает от мучительной боли и в другой раз передумает?

В 2006–2009 гг. в Торонто проведено интервью с 26 пациентами с отказом от реанимации и 16 пациентами с отказом от жизнеподдерживающей терапии. Результаты опроса показали, что решение об отказе от реанимации было основано на личных факторах, включая состояние здоровья и образ жизни, факторы взаимоотношений (с семьей или обществом в целом), а также оказали влияние философские факторы, определяющие бесполезность «не качественной» жизни и неизбеж-

ность смерти [9]. В ходе интервью установлено, что многие не в полной мере понимали порядок проведения процедуры, ориентировались на чей-то негативный опыт и испытывали страх ограниченности в принятии решения на более позднем сроке развития болезни.

В большинстве стран эвтаназия преследуется по закону и не практикуется, поскольку легализация эвтаназии может повлиять на неприкосновенность жизни и подвергнуть людей риску. Согласно ст. 31 Закона Республики Беларусь 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» ответственности подлежит даже лицо, «сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию».

В Казахстане, как и в Грузии, эвтаназия запрещена, привилегированная норма в казахстанском уголовном законодательстве отсутствует, что демонстрирует категоричность законодателя относительно охраняемого законом права на жизнь. Пассивная эвтаназия в Казахстане в виде отказа от медицинской помощи, предусмотрена ст. 136 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения», где последствия и риски их возникновения ложатся на плечи пациента и его законных представителей.

Действия по умышленному причинению смерти охватываются диспозицией ст. 99 Уголовного кодекса Республики Казахстан и расцениваются не иначе как убийство.

При этом п. 7 ч. 1 ст. 53 Уголовного кодекса Республики Казахстан совершение уголовного правонарушения по мотиву сострадания признается обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность и наказание.

Кроме того, согласно ч. 4 ст. 55 Уголовного кодекса Республики Казахстан наличие исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами деяния, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности деяния, позволяет назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части данного Кодекса, либо суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрено этой статьей, либо не применять дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

В 2016 г. специализированный межрайонный суд по уголовным делам Западно-Казахстанской области приговорил местную жительницу к 4 годам лишения свободы за причинение смерти своей матери. Согласно материалам дела, смертельно больная раком женщина попросила дочь дать ей выпить уксус, чтобы избавиться от мучений. По заключению судебно-медицинской экспертизы, потерпевшая скончалась от химического ожога пищевода и кишечника [10].

Между тем возникают достаточно сложные вопросы квалификации преступлений, связанных с причинением смерти по мотиву сострадания, где сложность связана с определением корыстной заинтересованности родных и близких, а также коррупционными рисками со стороны медицинских работников при разграничении пассивной эвтаназии (в условиях самовольного отказа больного от лечения) от уголовных составов в виде оставления в опасности или неоказания медицинской помощи.

При этом ответственность лица, осуществившего эвтаназию, варьируется в зависимости от ее формы: активная влечет уголовную ответственность, пассивная – освобождает от каких-либо негативных последствий.

Диспозиция ст. 110 Уголовного кодекса Грузии (убийство по настоятельной просьбе жертвы и в соответствии с ее подлинной волей, совершенное с целью освобождения умирающего от сильных физических болей) не сужает категорию деяний до понятия «эвтаназия» и не выделяет специального субъекта. Привилегированность состава дублирует соответствующее понятие (аналогично убийству матерью новорожденного ребенка, убийству в состоянии аффекта, убийству, совершенному при превышении пределов необходимой обороны), обуславливая смягчение наказания с учетом дополнительных факторов.

Заключение

Практика Грузии представляет значительный интерес для отечественного законодательства в части возможности учета специфики причинения смерти в контексте убийства, совершенного по мотивам сострадания, как способ дифференциации «особого типа» убийства (отграничение от простого состава умышленного убийства) при определении ответственности и назначении наказания.

Конечно, у позиции введения новых привилегированных составов уголовных правонарушений есть как сторонники, так и противники. По мнению А. И. Коробеева: «Кодекс «разбух» до неприличия в результате «мутного вала» нескончаемой криминализации... Казуистический способ описания уголовно-правового запрета захламляет Кодекс громоздкими статьями, дублирующими друг друга и при этом «растворяющимися» в общих нормах» [11].

Соглашаясь с А. И. Коробеевым, Ю. В. Голик подчеркивает, что «в последние годы криминализация и декриминализация деяний происходят очень часто спонтанно и импульсивно» [12].

Признавая необходимость качественного и обдуманного (полноценно проанализированного) подхода к нормотворчеству в части криминализации данного деяния, полагаем следует отметить, что убий-

ство из сострадания не равноценно убийству, предусмотренному ст. 99 УК. Данное деяние не является насильственным, мотивом и целями его совершения выступает сострадание к человеку, пребывающему в сильных физических муках и психологическом угнетении, в ожидании смерти как избавления от мучительной жизни.

Согласно казахстанскому уголовному законодательству наказание за совершение уголовного правонарушения имеет целью восстановление социальной справедливости, должно быть соразмерно степени общественной опасности и способствовать предупреждению совершения новых преступлений.

Общественная опасность лишения жизни из чувства сострадания, учитывая просьбу потерпевшего, не соразмерна (значительно ниже) с простым составом убийства, характеризующимся низменностью и антиобщественностью мотивов и целей, что отвечает основным правилам «привилегизации» [13].

По мнению Ю. А. Чернышевой и А. В. Мотина, «отвергая право на смерть, наше государство обрекает неизлечимо больного человека на невыносимые физические и нравственные страдания, а потому отказ от эвтаназии может расцениваться как применение к человеку пыток и унижающее человеческое достоинство обращение, что оправдывает выделение эвтаназии в самостоятельный привилегированный состав преступления с пониженной уголовной ответственностью» [14, с. 8, 15; 14].

С точки зрения построения уголовного закона и теории дифференциации ответственности, полагаем необходимой криминализацию лишения жизни по просьбе потерпевшего в качестве нового, самостоятельного состава со смягчающими обстоятельствами, рассматривая его в контексте активной эвтаназии, в виде причинения смерти по мотивам сострадания.

Список цитируемых источников

1. *Короткевич, А. В.* Отношение современного белорусского общества к проблеме эвтаназии / А. В. Короткевич, С. А. Коряго. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/231526/1/443-446.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

2. The extension of Euthanasia to Mental Disorders in Canada Has Been Deferred. – URL: <https://www.alliancevita.org/en/2024/02/the-extension-of-euthanasia-to-mental-disorders-in-canada-has-been-deferred/> (date of access: 20.04.2025).

3. National-travel.ru: Клятва Гиппократа на русском языке. – URL: <https://national-travel.ru/klyatva-gippokrata> (дата обращения: 20.04.2025).

4. *Viner, K.* Death by euthanasia in the Netherlands increased 10% in 2024, figures show / K. Viner. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/mar/24/euthanasia-death-increase-netherlands> (date of access: 20.04.2025).

5. Дядюн, К. В. Эвтаназия: уголовно-правовые аспекты / К. В. Дядюн // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 5-6(47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evtanaziya-ugolovno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 01.04.2025).

6. Sadradse, T. Problems of protection in criminal cases of euthanasia and abortion: doctor of legal sciences:-edition of the Hilysi University, 2012. – URL: https://press.tsu.ge/data/image_db_innova/disertaciebi_samartali/tamar_sadradse.pdf (date of access: 03.03.2025).

7. Bharat, Ambati Euthanasia: Ethical, Legal, and Moral Dimensions of Suffering. – URL: <https://medium.com/@bharatambati/euthanasia-understanding-the-ethical-legal-and-moral-dimensions-of-suffering-174ee42b8d1d> (date of access: 03.03.2025).

8. Didyshvili, A. Euthanasia – the painless act of death?. – URL: <https://indigo.com.ge/articles/evtanazia-umtkivneulod-mokvdinebis-akti> (date of access: 20.03.2025).

9. Downar, J. Why do patients agree to a «Do not resuscitate» or «Full code» order? / J. Downar, T. Luk, RW. Sibbald [et al.] // Perspectives of medical inpatients. J Gen Intern Med. 2011 Jun; 26(6):582-7. doi: 10.1007/s11606-010-1616-2. Epub 2011 Jan 11. PMID: 21222172; PMCID: PMC3101966. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3101966/> (date of access: 20.03.2025).

10. Жительница Западного Казахстана из жалости отравила больную раком мать // Новостной портал Tengry news (10.02.2016). – URL: <https://tengrinews.kz/crime/jitelnitsa-zapadnogo-kazahstana-jalosti-otravila-bolnuyu-288807/> (дата обращения: 20.03.2025).

11. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: от стагнации к гиперинфляции / А. И. Коробеев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-sovremennoy-rossii-v-sfere-zakonotvorchestva-ot-stagnatsii-k-giperinflyatsii> (дата обращения: 05.04.2025).

12. Голик, Ю. В. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев // Lex Russica. – 2014. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-byt-ili-nebyt> (дата обращения: 05.04.2025).

13. Алёнкин, Н. Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: вопросы совершенствования / Н. Е. Алёнкин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-privilegirovannyh-sostavov-ubiystva-v-ugolovnom-prave-rossii-voprosy-sovshenstvovaniya> (дата обращения: 01.04.2025).

14. Чернышева, Ю. А. Уголовно-правовые вопросы причинения смерти потерпевшему по его просьбе (эвтаназия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чернышева Юлия Андреевна; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2008. – 26 с.

15. Мотин, А. В. Проблема уголовной ответственности за эвтаназию / А. В. Мотин // THEORIA. – 2021. – № 1(2). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-evtanaziyu> (дата обращения: 15.04.2025).

Аннотация. В статье представлен научно-правовой обзор вопросов эвтаназии в контексте законодательства Республики Казахстан и Грузии. В статье уделяется внимание вопросам убийства из чувства сострадания в уголовном законодательстве данных стран, в том числе при запрете активной эвтаназии.

Проанализирована законодательная практика Грузии, которая создает правовую основу для обсуждения эвтаназии как гуманного выбора для страдающих неизлечимым заболеванием в терминальной стадии. Автор анализирует правовые нормы, регулирующие «право на смерть», и рассматривает этические аспекты, связанные с принятием решения о прекращении жизни.

Изучение вопросов реализации прав пациентов помогает обнаружить как общие черты, так и отличия в подходах двух стран к этой проблеме.

ISSUES OF EUTHANASIA, COMPARATIVE LEGAL REVIEW: THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND GEORGIA

Tukenova Zh. S.

Key words: euthanasia, murder, will, feeling of compassion, death, incurable disease.

Abstract. The article presents a scientific and legal review of issues of euthanasia in the context of legislation of the Republic of Kazakhstan and Georgia. The article focuses on the issues of killing out of compassion in the criminal laws of these countries, including the prohibition of active euthanasia.

The legislative practice of Georgia has been analyzed, which creates a legal basis for discussion of euthanasia as a humane choice for sufferers of terminal incurable disease. The author analyzes the legal norms governing «right to death» and considers the ethical aspects related to the decision of termination of life.

The study of the implementation of patients' rights helps to discover both common features and differences in the two countries' approaches to this problem, which points out the possibility and necessity of reforming criminal legislation towards humanization.

3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Павлють О. В.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, судебная экспертология, судебные экспертные организации, судебный эксперт.

Введение

В настоящее время в науке отсутствует единый подход к пониманию сущности судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД). При этом многие исследователи сходятся во мнении, что СЭД представляет собой социально-правовой институт, играющий в системе правосудия многофункциональную роль.

Изучением различных аспектов осуществления судебно-экспертной деятельности занимаются ведущие белорусские ученые А. И. Швед [1], И. А. Мороз [2], А. С. Рубис [3], Р. М. Ропот [4], Е. П. Орехова [5] и другие. Несмотря на глубокие научные изыскания в обозначенной сфере, отдельные проблемы требуют дополнительного изучения.

В Республике Беларусь указанный институт функционирует в рамках парадигмы, сформированной Законом Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон) [6], однако вопросы неоднозначного толкования СЭД в специальной литературе порождают необходимость более детального исследования данной категории в соответствии с вызовами времени. Сегодня применительно к сложившейся тенденции развития науки и практики являются актуальными вопросы как сущности судебной экспертологии в целом, так и судебно-экспертной деятельности в частности.

Основная часть

В целях уяснения сути СЭД представляется целесообразным показать ее место в системе судебной экспертологии. На современном этапе СЭД рассматривается как ее основной компонент. Так, по мнению А. С. Рубиса и Р. М. Ропота, экспертология включает в себя: «законо-

мерности судебной экспертизы как отрасли научного знания, закономерности экспертной деятельности как одной из сфер практической деятельности человека, закономерности решения задач экспертных исследований» [3, с. 118]. Д. А. Сорокотягина предлагает более расширенное понимание основ судебной экспертологии, подчеркивая ее некоторые междисциплинарные связи: «закономерности создания и функционирования правовых, методологических, исторических, организационных, тактических, психологических, нравственных и классификационных основ судебно-экспертной деятельности» [7, с. 15]. Е. Р. Россинская, делая акцент на постоянном обновлении судебно-экспертных знаний, выделяет следующие основы экспертологии: «теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний; разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единое для всех видов судопроизводства правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, единые унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий» [8, с. 16].

Представляется, что применительно к современным реалиям Республики Беларусь наиболее полно и всесторонне включает в себя различные аспекты осуществления СЭД концепция судебной экспертологии О. Г. Дьяконовой, которая существенно дополняет вышеуказанное мнение Е. Р. Россинской. Так, к предмету данной науки О. Г. Дьяконова относит: общие закономерности развития и осуществления СЭД, закономерности становления и развития классов, родов и видов судебных экспертиз, а также экспертных технологий, правовое обеспечение экспертной деятельности, в том числе закономерности участия сведущих лиц (эксперта и специалиста) в судопроизводстве и иной юрисдикционной деятельности, формирующиеся и разрабатываемые на основе унификации теоретических, методологических, правовых и организационных основ [9, с. 163].

Таким образом, приведенные позиции показывают, СЭД является составной частью судебной экспертологии, что не подвергается сегодня критике ученых. Тем не менее до настоящего времени в научной среде нет единого подхода к определению СЭД.

Что касается тенденций развития судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь, то с принятием в 2019 г. Закона произошло

расширение объекта судебной экспертологии. Впервые в полномочия Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь была включена реализация единой государственной политики в сфере СЭД, а также в ст. 2 Закона закреплено определение СЭД, под которой понимается: «Деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, осуществляемые судебно-экспертными организациями и судебными экспертами» [6].

В то же время Е. Р. Россинская под СЭД понимает «организационно-методическую деятельность государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, производственную деятельность государственных судебных экспертов, а также иных экспертов из числа сведущих лиц, которые в соответствии с действующим процессуальным законодательством осуществляют судебно-экспертное исследование объектов экспертизы» [10, с. 35–36].

Ф. Г. Аминев считает, что «судебно-экспертная деятельность – система действий руководителя, судебного эксперта, судебно-экспертной организации, а также иных лиц, обладающих специальными знаниями, привлеченных в качестве судебных экспертов, по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, выполняемых по поручению уполномоченного лица или органа, ее назначившего, и экспертной профилактики» [11, с. 101].

О. Г. Дьяконова полагает, что судебно-экспертной деятельностью следует признавать «урегулированный нормами права комплекс действий руководителей экспертных организаций, экспертов, специалистов во взаимодействии с участниками процесса, включающий производство судебной экспертизы, устройство и функционирование судебно-экспертных организаций, кадровое обеспечение, организацию и проведение научных исследований, формирование научно-методического и информационного обеспечения, а также международное сотрудничество в области судебной экспертизы, основанный на унифицированном подходе к нормативной регламентации в государствах-членах ЕАЭС» [12, с. 12].

Представляется, что несмотря на закрепленную законодателем дефиницию, а также мнения ученых, вопрос о сущности СЭД на теоретическом уровне до сих пор остается нерешенным, поскольку имеющиеся мнения не отражают всех ее аспектов. Сегодня СЭД носит ярко выраженный практико-ориентированный характер, базируется на закономерностях судебной экспертологии и приобрела более масштабное содержание. Согласимся с мнением А. И. Шведа, который отмечает, что в современной трактовке СЭД включает: «выполнение экспертиз

судебным экспертом; использование специальных знаний судебного эксперта в иных процессуальных и непроцессуальных формах (ведение криминалистических учетов, участие в проведении следственных и иных процессуальных действий); деятельность судебно-экспертной организации; организацию проведения экспертиз, включая обеспечение качества проведения экспертиз; реализацию государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности, включая ее организационно-правовое, научно-методическое и кадровое обеспечение» [1, с. 38].

Таким образом, вышеизложенное еще раз подчеркивает, что на сегодняшний день ни одна дефиниция СЭД не отражает всей ее глубины и нуждается в уточнении и корректировке. С учетом современного состояния науки и практики предлагается авторское определение понятия СЭД с выделением ключевых компонентов.

Так, под судебно-экспертной деятельностью предлагается понимать *деятельность по осуществлению государственной политики в части организационно-управленческого, правового, научно-исследовательского, тактического и контрольно-методического обеспечения эффективной реализации функций и задач судебных экспертов и судебно-экспертных организаций, регулирующего проведение судебных экспертиз, экспертиз и исследований, использование специальных знаний в следственных и других процессуальных действиях, ведение криминалистических учетов и коллекций.*

Данное определение СЭД носит универсальный характер и его действие распространяется на все направления профессиональной деятельности сотрудников Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Представляется, что для более глубокого понимания сути приведенной дефиниции целесообразно детально остановиться на содержании каждого из включенных компонентов.

Организационно-управленческое обеспечение рассмотрим сквозь «призму» термина «управление», под которым понимается целенаправленное, планируемое, упорядочивающее воздействие на организованные системы различной природы [13, с. 7].

Социальная природа управления довольно точно раскрывает его сущность, заключающуюся в организации и упорядочивании как индивидуальной, так и совместной деятельности людей, воздействию на их поведение для достижения определенных управленческих целей, приведения деятельности индивидов в соответствие с требованиями, диктуемыми конкретной ситуацией [13, с. 10].

На практике организационно-управленческое обеспечение включает в себя планирование, организацию, координацию и контроль

деятельности как судебных экспертов, так и судебных экспертных организаций в целом, и реализуется через разработку и внедрение эффективных систем управления, мониторинг и оценку эффективности деятельности экспертов, разработку планов, написание писем, запросов, ответов по обращениям граждан, подготовку проектов распорядительных документов [14, с. 31], внедрение единых стандартов качества проведения экспертиз, аттестацию судебных экспертов, организацию их обучения и повышения квалификации, лицензирование судебных экспертных организаций.

Правовое обеспечение включает в себя создание нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность судебно-экспертных организаций в целом и судебных экспертов в частности. Правовое обеспечение базируется на принципах верховенства права, равенства перед законом и судом. Важным является соответствие нормативных актов Конституции Республики Беларусь и международным стандартам в области прав человека и направлено на создание условий для эффективного применения специальных знаний в уголовном, административном процессах, гражданском и хозяйственном судопроизводстве, а также на поддержание правовой защиты экспертов и их заключений.

Научно-исследовательское обеспечение включает в себя проведение экспериментальных и теоретических исследований в области судебной экспертной деятельности, направленных на разработку новых методов и технологий, апробацию и совершенствование существующих методик, подготовку и анализ научных публикаций [14, с. 31].

Научно-исследовательское обеспечение базируется на принципах научного познания, таких как объективность, достоверность, проверяемость и воспроизводимость результатов. Важным является применение междисциплинарного подхода, интегрирующего знания из различных областей науки, таких как физика, химия, биология, информатика и других.

На практике научно-исследовательское обеспечение реализуется через организацию и проведение научных конференций, семинаров и тренингов, публикацию научных статей и монографий, разработку и внедрение новых методик экспертных исследований, а также через участие судебных экспертных организаций в международных научно-исследовательских проектах.

Тактическое обеспечение СЭД представляет собой комплекс мер и мероприятий, направленных на повышение эффективности и результативности использования специальных знаний в уголовном, административном процессах, гражданском и хозяйственном судопроизводстве. В отличие от организационно-управленческого, правового,

научно-исследовательского и контрольно-методического обеспечения, которые формируют общие условия для осуществления СЭД, тактическое обеспечение фокусируется на решении конкретных тактических задач, возникающих в процессе проведения судебных экспертиз, экспертиз и исследований, использования специальных знаний в следственных действиях, а также при формировании и ведении криминалистических учетов и коллекций.

Контрольно-методическое обеспечение включает в себя изучение заключений (справок) эксперта, ходатайств, рецензирование заключений и методических материалов, разработку и внедрение методических рекомендаций, стандартов и процедур, регламентирующих проведение экспертных исследований, а также контроль за соблюдением этих требований [14, с. 31].

Контрольно-методическое обеспечение реализуется, как правило, через разработку и внедрение методических рекомендаций по проведению различных видов экспертиз, организацию и проведение контрольных исследований, участие в межлабораторных сравнительных испытаниях, а также через проведение аудитов и проверок деятельности судебных экспертных организаций. Важным элементом является создание системы внутреннего контроля качества.

Заключение

Таким образом, анализ законодательства Республики Беларусь, различных взглядов ведущих ученых, а также правоприменительная практика позволили сформулировать авторскую дефиницию СЭД с выделением ключевых компонентов. В этой связи предлагается ст. 2 Закона изложить в следующей редакции:

«Судебно-экспертной деятельностью является деятельность по осуществлению государственной политики в части организационно-управленческого, правового, научно-исследовательского, тактического и контрольно-методического обеспечения эффективной реализации функций и задач судебных экспертов и судебно-экспертных организаций, регулирующего проведение судебных экспертиз, экспертиз и исследований, использование специальных знаний в следственных и других процессуальных действиях, ведение криминалистических учетов и коллекций».

Данная дефиниция позволит унифицировать категориально-понятийный аппарат, а также отразить на законодательном уровне сущность СЭД.

Список цитируемых источников

1. *Швед, А. И.* Судебная экспертиза: пособие / А. И. Швед. – Мн.: Форум, 2022. – 296 с.
2. *Мороз, И. А.* Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь: научные исследования в новых условиях / И. А. Мороз // Судебная экспертиза Беларуси. – 2020. – № 2 (11). – С. 9–11.
3. *Рубис, А. С.* Достоверность как методологическая основа судебной экспертологии / А. С. Рубис, Р. М. Ропот // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации: материалы Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / БГУ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 118–123.
4. *Ропот, Р. М.* Установление давности образования следов-отображений в судебной экспертизе (на примере исследования оттисков печатей и штампов): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Ропот Руслан Михайлович; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Мн., 2015. – 200 л.
5. *Орехова, Е. П.* Организационно-правовое обеспечение формирования и применения методики экспертного исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Орехова Екатерина Петровна; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Мн., 2014. – 27 с.
6. О судебно-экспертной деятельности: Закон Респ. Беларусь № 281-3 от 18 дек. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2025.
7. *Сорокотягина, Д. А.* Теория судебной экспертизы: учебное пособие / Д. А. Сорокотягина, И. Н. Сорокотягин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 440 с.
8. *Россинская, Е. Р.* Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Е. Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы. – № 4 (40). – 2015. – С. 10–18.
9. *Дьяконова, О. Г.* Теоретические основы судебной экспертологии: монография / О. Г. Дьяконова. – М.: Проспект, 2022. – 480 с.
10. *Россинская, Е. Р.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. – М.: Проспект, 2010. – 464 с.
11. *Аминев, Ф. Г.* Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Аминев Фарит Гизарович; Башкирский гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2016. – 482 с.
12. *Дьяконова, О. Г.* Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Дьяконова Оксана Геннадьевна; МГЮА. – М., 2021. – 47 с.
13. Управление органами внутренних дел: пособие / О. В. Гиммельрейх [и др.]; под общ. ред. И. В. Козелецкого. – Мн.: Академия МВД, 2023. – 259 с.
14. *Швед, А. И.* Централизованная государственная политика Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности: предпосылки формирования и перспективы развития: монография / А. И. Швед. – Мн.: НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 2020. – 272 с.

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности судебно-экспертной деятельности (СЭД) в Республике Беларусь. Анализируется ее место в системе судебной экспертологии. Отмечается, что на современном этапе СЭД рассматривается как ее основной компонент, носит ярко выраженный практико-ориентированный характер и приобрела более масштабное содержание. С учетом современных потребностей науки и практики предлагается авторское определение понятия СЭД. Рассматриваются ее ключевые аспекты, определенные как осуществление государственной политики в части организационно-управленческого, правового, научно-исследовательского, тактического, контрольно-методического обеспечения эффективной реализации функций и задач судебных экспертов и судебно-экспертных организаций. Подробно анализируются каждый из перечисленных компонентов. Для унифицирования категориально-понятийного аппарата, а также закрепления на законодательном уровне сущности СЭД, предлагается внести изменение в Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности».

FORENSIC ACTIVITY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CONCEPT AND ESSENCE

Pavlyut O. V.

Key words: forensic activities, forensic expertology, forensic expert organizations, forensic expert.

Abstract. The article is devoted to the study of the essence of forensic activity (SEA) in the Republic of Belarus. Its place in the system of forensic expertology is analyzed. It is noted that at the present stage, SEA is considered as its main component, has a pronounced practice-oriented nature and has acquired a more large-scale content. Taking into account the modern needs of science and practice, the author's definition of the concept of SEA is proposed. Its key aspects are considered, defined as the implementation of state policy in terms of organizational and managerial, legal, research, tactical, control and methodological support for the effective implementation of the functions and tasks of forensic experts and forensic organizations. Each of the listed components is analyzed in detail. In order to unify the categorical and conceptual apparatus, as well as to consolidate the essence of SEA at the legislative level, it is proposed to amend the Law of the Republic of Belarus "On Forensic Activity".

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Тулеуова А. Ж.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательственная база, следствие, когнитивное моделирование, фреймовая структуризация.

Введение

В условиях глобализации экономики и транснационализации преступной деятельности борьба с экономической преступностью приобретает особую значимость. В последние десятилетия как на международном, так и на национальном уровнях принимается множество стратегических документов, направленных на совершенствование механизмов предупреждения и расследования таких преступлений. Однако эффективность правоприменительной практики во многом зависит не только от нормативной базы, но и от используемых когнитивных моделей, определяющих восприятие, интерпретацию и структурирование информации в процессе следственной деятельности.

Одним из актуальных подходов, обеспечивающих систематизацию и структуризацию знаний и повышение эффективности расследования, является применение фреймовой теории, разработанной в рамках когнитивной науки [1]. Фреймовая модель позволяет формализовать типичные следственные ситуации, определять ключевые элементы доказательственной базы и выстраивать логически обоснованную последовательность действий.

Целью настоящего исследования является анализ процесса имущественных расследований через призму фреймовой структуры. Исследование опирается на методы когнитивного моделирования, лингвистического анализа, а также сравнительно-правового подхода.

В статье рассматриваются теоретические основы фреймового моделирования, дается описание структуры фрейма расследования, анализируются возможности его практического применения в следственной деятельности, включая формализацию информации и интеграцию в современные информационные системы.

Основная часть

Фреймовая теория возникла на стыке когнитивной психологии, лингвистики и информатики. В 1974 г. американский ученый Марвин Минский предложил концепцию фрейма как способ хранения и орга-

низации знаний в области искусственного интеллекта. По Минскому, фрейм представляет собой структурированную единицу знаний, содержащую информацию о типичной ситуации, организованную в виде слотов – переменных компонентов, которые могут быть заполнены конкретными значениями в зависимости от контекста [2].

Позднее фреймовая теория получила развитие в работах лингвиста Чарльза Филлмора, который применил концепцию фрейма для анализа семантики языка. В его интерпретации фрейм – это когнитивная структура, стоящая за значением слова или выражения, содержащая набор типичных ролей, участников и обстоятельств [3]. Так, например, фрейм «расследование» включает следователя, подозреваемого, юридический статус, цель действия, место и временные характеристики.

Фреймы подразделяются на статические и динамические (сценарные) [4]. Статические описывают устойчивые понятия и отношения (например, фрейм «имущество»), в то время как сценарные отражают развитие событий во времени, что особенно важно в контексте расследования преступлений, представляющего собой последовательность действий, направленных на установление истины.

С точки зрения правоприменения фреймы играют ключевую роль в организации ментальных моделей следователя: они определяют, какую информацию он будет искать, как интерпретировать уже имеющиеся данные, каким образом выдвигать гипотезы и принимать решения. Таким образом, фреймовая структура не только выполняет функцию хранения информации, но и активно участвует в процессе познания и доказательственной деятельности.

Кроме того, фреймовая модель имеет потенциал к формализации и может быть использована в современных экспертных системах, базах данных, системах поддержки принятия решений, включая интеграцию с искусственным интеллектом. Это делает данный подход особенно актуальным в контексте цифровизации следственных процессов.

В практике имущественных расследований фреймовая структура позволяет формализовать как типовые ситуации, так и отдельные следственные действия, обеспечивая их логическую взаимосвязь и полноту доказательственного процесса. Когнитивные схемы, лежащие в основе следственных действий, можно представить в виде фрейма – ментальной модели, включающей обязательные слоты (элементы), отражающие ключевые аспекты расследования.

Рассмотрим фреймовую структуру расследования. Для начала обратимся к словарю Ожегова, где глагол «расследовать» понимается в значении «подвергнуть всестороннему рассмотрению, изучению о совершенном правонарушении» [5].

Фрейм расследования преступления можно условно структурировать следующим образом:

Слот № 1: начало производства по делу.

На этом этапе определяются признаки состава конкретного вида преступления [6], предмет расследования – например, правонарушение, связанное с незаконным приобретением или отчуждением имущества. Следователь формулирует центральные вопросы: Кто совершил? Что произошло? Когда и где? Какие доказательства подтверждают преступный характер действий?

Слот № 2: определение гипотез (следственных версий).

Формируются предположения относительно механизма совершения преступления, круга причастных лиц, возможных мотивов. На этом этапе используются типовые криминалистические сценарии и обобщенный следственный опыт, заложенный в профессиональной памяти следователя как фреймы.

Слот № 3: собирание фактических данных.

Осуществляется сбор фактических данных, фиксация которых становится источником доказательств: показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, свидетеля, имеющего право на защиту, эксперта, специалиста; заключением эксперта, специалиста; вещественными доказательствами; протоколами процессуальных действий и иными документами [7]. Этот этап требует системной фиксации данных и их сопоставления с выдвинутыми гипотезами. Особое значение имеет полнота и допустимость доказательственной информации.

Слот № 4: исследование (верификация) фактических данных.

Осуществляется критический анализ достоверности и обоснованности полученной информации. На этом этапе фреймовая структура помогает обнаруживать пробелы в доказательственной базе и направляет следственные действия на восполнение недостающих элементов.

Слот № 5: оценка доказательств.

Следователь осуществляет логическую и юридическую оценку полученных данных, выявляя, подтверждают ли они состав преступления и наличие виновного лица. Здесь важно учитывать не только наличие, но и взаимосвязь доказательств в рамках одной когнитивной схемы.

Слот № 6: формирует обвинительный акт или прекращает производство по делу.

На основании полученной информации следователь квалифицирует действия субъектов, формирует обвинительное заключение или прекращает производство. В данном слоте происходит синтез правовых, фактических и логических оснований расследования.

Слот № 7: придание обвиняемого суду.

Определяются юридические последствия в соответствии с данной юридической квалификацией преступного деяния, личных качеств обвиняемого: формируется позиция по назначению мер наказания, определяется объем возмещения вреда, причиненного преступлением, а также имущество, подлежащее конфискации.

Четкость и логичность изложения материала определяется когнитивной структурой – насколько последовательно были заполнены слоты фрейма.

Каждый этап расследования может быть рассмотрен как слот фреймовой структуры. Она позволяет стандартизировать мышление следователя, выявить отклонения от типичного сценария, организовать информацию и представить ее в форме, пригодной для процессуального закрепления и дальнейшего анализа.

Таким образом, фреймовый подход предоставляет правоприменительной практике следующие преимущества:

- упорядоченность – снижается вероятность упущения значимой информации;
- согласованность – все действия соотносятся с общей схемой;
- моделируемость – можно прогнозировать развитие событий и возможные риски;
- цифровизация – структура пригодна для формализации в электронных системах расследования.

Применение фреймовой модели в имущественных расследованиях позволяет не только структурировать информацию, но и значительно повысить результативность следственных действий. Эффективность здесь понимается как способность оперативно, точно и в правовом порядке выявить обстоятельства преступления, лицо, его совершившее, а также установить причинно-следственные связи между деяниями и наступившими последствиями.

1. Фремирование следственной ситуации.

Следственная ситуация – это типовая модель обстоятельств, определяющих характер правонарушения и направленность процессуальных действий. Она содержит элементы, аналогичные компонентам фрейма: субъект преступления, объект посягательства, способ совершения, мотив, последствия, источник и вид доказательств. Такая структуризация позволяет следователю ориентироваться в информационном поле, формулировать версии и планировать расследование с учетом типичных сценариев.

Следственная практика показывает, что в процессе квалификации действий и построения гипотез следователь опирается на уже сформирова-

рованные когнитивные схемы. Эти схемы (или фреймы) активизируются при встрече с конкретной ситуацией и направляют внимание на релевантные элементы. Например, при расследовании факта незаконного завладения недвижимостью активизируется фрейм, содержащий слоты, связанные с документами собственности, регистрацией сделок, ролями нотариуса, доверенностей и т. п.

2. Фреймирование планирования расследования.

Построение фрейма позволяет заранее предвидеть, какие виды доказательств необходимо собрать, в каких источниках их искать, а также какие аспекты подлежат проверке. Это помогает минимизировать затраты времени, исключить дублирование действий и сосредоточиться на ключевых элементах расследуемого события. Кроме того, фреймовая структура способствует более объективной оценке полученной информации, выявляя неполноту или несоответствие данных общей схеме преступления.

3. Логико-правовой анализ во фреймовой модели.

На стадии анализа и интерпретации доказательств фреймы выполняют эвристическую функцию – они позволяют структурировать разрозненные данные, соотнести их с типовой моделью и выявить закономерности. Например, обнаружение расхождений между предполагаемой схемой присвоения имущества и фактическими обстоятельствами может указывать на иное квалифицирующее основание или наличие дополнительного эпизода преступной деятельности.

Благодаря этому фреймовая модель способствует более точной юридической квалификации, адекватному отражению логики расследования в процессуальных документах и, в конечном счете, повышению доверия к результатам следственной работы.

4. Фреймовая модель как фактор цифровизации расследования.

Структурированность фреймовой модели делает ее особенно пригодной для использования в цифровых правоприменительных системах: от экспертных систем до интеллектуальных помощников следователя. Слоты могут быть представлены в виде формализованных полей в базе данных, а заполнение каждого из них может автоматизироваться с помощью интеллектуального анализа документов, аудио (видеоисточников), экспертных заключений.

В перспективе это открывает путь к частичной автоматизации анализа следственных ситуаций, построения версий, контроля полноты и логики расследования, а также к созданию обучающих моделей для подготовки новых сотрудников органов правопорядка.

Одной из ключевых составляющих эффективности фреймовой модели в расследовании является ее языковая реализация. Язык как ин-

струмент фиксации, интерпретации и передачи информации напрямую влияет на точность восприятия следственной ситуации, формулировку гипотез, составление процессуальных документов и взаимодействие между различными участниками уголовного судопроизводства.

Следственная деятельность – это не только логико-юридический, но и языковой процесс [8]. Все элементы фрейма (слоты) находят свое выражение в текстах: постановлениях, протоколах допросов, запросах, обвинительных заключениях. Таким образом, реализация фрейма требует точной и согласованной языковой формы, которая бы отражала когнитивную структуру следователя.

Например, некорректная формулировка цели допроса может повлечь за собой утрату значимой информации или даже недопустимость доказательств. Лингвистическая точность и семантическая непротиворечивость формулировок играет здесь решающую роль.

Каждое следственное действие осуществляется в определенной коммуникативной ситуации – допрос, очная ставка, осмотр места происшествия и др. В этих ситуациях применяются специфические речевые жанры и профессиональные языковые клише, формирующие языковую оболочку фрейма. Именно через язык фрейм «активируется» в сознании следователя, эксперта, адвоката, судьи.

Фреймы не только структурируют знания, но и управляют речевым поведением: они определяют, какие вопросы будут заданы, какая информация считается релевантной, каким образом она будет зафиксирована. Коммуникативно-прагматический критерий позволяет определить, насколько эффективно был реализован исходный когнитивный план.

Особенно значимым языковой аспект становится при ведении международных расследований, направлении запросов в зарубежные страны. При направлении правовых запросов в иностранные юрисдикции требуется не только перевод текстов, но и адаптация когнитивной структуры фрейма к правовой системе другой страны.

Различия в правовых терминах, концептах и процедурах могут привести к частичной или полной утрате смысла сообщения. Например, понятие «конфискации имущества» может различаться по объему и правовым последствиям в юрисдикциях стран ЕС, СНГ или англосаксонской правовой системе. Следовательно, необходимы единые фреймовые модели или переводные эквиваленты, обеспечивающие когнитивную совместимость в правовой коммуникации.

Заключение

Проведенный анализ показал, что фреймовая модель обладает высоким потенциалом для систематизации, интерпретации и управления

информацией в процессе имущественных расследований, особенно в условиях увеличения сложности дел и цифровизации правоприменительной практики.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Фрейм как когнитивная структура обеспечивает логическую целостность и полноту представления следственной ситуации, позволяя более эффективно планировать следственные действия и интерпретировать доказательства.

Слоты фрейма, такие как формулировка вопросов, гипотезы, сбор данных, проверка фактов, оценка доказательств и формулировка выводов, отражают этапы расследования и могут быть использованы для формализации расследовательского мышления.

Языковая реализация фреймов играет центральную роль в практическом применении модели: от составления процессуальных документов до международной коммуникации. Некорректная или неполная языковая реализация ведет к сбоям в передаче и интерпретации следственной информации.

Фреймовая модель совместима с цифровыми системами, включая базы данных и интеллектуальные аналитические платформы, что открывает возможности для автоматизации отдельных этапов следствия, включая анализ, планирование и верификацию гипотез.

Таким образом, фреймовая структура является не только теоретическим инструментом, но и практическим ресурсом в имущественных расследованиях. Ее внедрение может способствовать повышению качества следственной деятельности, эффективности раскрытия преступлений и укреплению доверия к институтам правосудия.

Список цитируемых источников

1. Информационные модели транснациональной криминальной деятельности: монография / Д. С. Хижняк. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2018. – 248 с.
2. *Минский, М.* Фреймы для представления знаний: пер. с англ. / под ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
3. *Филлмор, Ч.* Лингвистические фреймы и их роль в понимании языка: Вопросы когнитивной лингвистики / Ч. Филлмор. – М.: Наука, 1982.
4. *Петрушова, Е. В.* Фреймовый подход к организации и репрезентации знаний / Е. В. Петрушова // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 2. – С. 60–62.
5. Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://slovarozhegova.ru>.
6. *Зеленский, В. Д.* Организация первоначального этапа расследования преступлений / В. Д. Зеленский, В. К. Спружевников. – КубГАУ, 2013. – С. 120.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

8. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А. Ф. Черданцев. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 320 с.

Аннотация. Статья посвящена исследованию фреймовой структуризации как инструменту повышения эффективности имущественных расследований. В условиях глобализации и цифровизации правоприменительной практики возрастает потребность в системных и новых когнитивных подходах к проведению следственной деятельности. На основе фреймовой теории рассматривается возможность систематизации типовых следственных ситуаций, выделения ключевых элементов доказательственной базы и оптимизации процесса принятия решений. Особое внимание уделено роли языковой реализации фреймов в юридической практике, а также перспективам интеграции фреймовых моделей в цифровые экспертные системы и системы поддержки следователя. Сделан вывод о том, что фреймовая структуризация способствует более точному планированию, анализу и интерпретации следственных действий, а также открывает возможности для внедрения интеллектуальных технологий в уголовный процесс.

FRAME STRUCTURING AS A TOOL FOR ENHANCING THE EFFECTIVENESS OF PROPERTY INVESTIGATIONS

Tuleuova A. Zh.

Key words: criminal procedure, evidence base, investigation, cognitive modeling, frame structuring.

Abstract. The article focuses on the study of frame structuring as a tool to enhance the effectiveness of property investigations. In the context of globalization and the digitalization of law enforcement practice, there is a growing need for systematic and new cognitive approaches to investigative activities. Based on frame theory, the potential for systematizing typical investigative situations, identifying key elements of the evidence base, and optimizing the decision-making process is examined. Special attention is given to the role of linguistic implementation of frames in legal practice, as well as the prospects for integrating frame models into digital expert systems and investigator support systems. It is concluded that frame structuring contributes to more accurate planning, analysis, and interpretation of investigative actions, while also opens up opportunities for the implementation of intelligent technologies into criminal proceedings.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: БАЛАНС И ГАРАНТИИ

Шайхыстанова С. Н.

Ключевые слова: негласные следственные действия, уголовный процесс, конституционные права, судебный контроль, правовые гарантии, санкционирование, прокурорский надзор, неприкосновенность частной жизни, адвокатская тайна.

Введение

Современное уголовное судопроизводство в условиях цифровизации и трансформации угроз безопасности все чаще прибегает к использованию негласных следственных действий (далее – НСД) как инструмента оперативного получения доказательств. Вместе с тем скрытый характер подобных мероприятий объективно сопряжен с рисками нарушения базовых прав и свобод личности, что требует не только строгого нормативного регламентирования, но и содержательной юридической оценки применяемых механизмов.

Актуальность заявленного исследования определяется необходимостью теоретико-правового осмысления института НСД сквозь призму Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. В рамках обозначенного стратегического документа особое внимание уделяется необходимости повышения стандартов защиты прав человека и приведению национальной правовой системы в соответствие с лучшими международными практиками, в частности, с принципами, закрепленными в правопорядках государств – членов ОЭСР.

Основная часть

Ключевая проблематика настоящего исследования сосредоточена на вопросах допустимых пределов вмешательства в частную жизнь при осуществлении негласных следственных мероприятий. Сложившаяся в казахстанской практике модель реализации НСД требует не только пересмотра отдельных процессуальных форм, но и переоценки содержания правовых гарантий, обеспечивающих баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой неотъемлемых прав личности [1].

Исследование основано на комплексном методологическом подходе, сочетающем сравнительно-правовой, формально-юридический и системный анализ. В рамках сравнительно-правового метода про-

ведено сопоставление правового регулирования и доктринального осмысления негласных следственных действий в Республике Казахстан, странах ОЭСР (в первую очередь Великобритании и США), а также международных правозащитных стандартах. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормы действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан с точки зрения их соответствия конституционным гарантиям прав личности и принципу соразмерности.

Объектом исследования выступает совокупность правовых норм, регламентирующих осуществление негласных следственных действий в уголовном процессе, а также соответствующая правоприменительная практика. Особое внимание уделяется институту судебного санкционирования, правовому статусу участников уголовного процесса, на которых распространяется действие НСД, и механизмам прокурорского надзора. В качестве предмета исследования рассматриваются юридические конструкции, обеспечивающие баланс между эффективностью уголовного преследования и соблюдением неотъемлемых прав и свобод личности в условиях проведения скрытых следственных мероприятий.

Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы [2].

Подобная правовая установка подчеркивает приоритет личности, ее прав, свобод и неприкосновенности жизни как высших ценностей, что, в свою очередь, предполагает необходимость неукоснительного соблюдения провозглашенных конституционных прав во всех сферах жизнедеятельности, в том числе при уголовном судопроизводстве. В этом контексте особое значение приобретает соблюдение прав граждан в процессе проведения НСД, поскольку указанное предполагает непосредственное воздействие на регламентированные основным законом права граждан.

В принятой новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), вступившей в силу с 1 января 2015 г., основной новеллой, концептуально модернизированной системе национального уголовного процесса, явилась интеграция уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, воплотившаяся в институте негласных следственных действий [3, с. 4].

Так, НСД являются специфическим инструментом досудебного производства, которые в соответствии с ч. 1 ст. 232 УПК РК производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информи-

руя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают [4].

Следует отметить, что англоязычный эквивалент термина «негласные следственные действия» не обладает единообразным закреплением в зарубежной правовой доктрине. В англоязычных источниках наиболее близким по смыслу считается термин *covert investigative actions* или *covert means* [5]. Однако он не получил устойчивого и универсального применения. В частности, в британской правовой традиции и оперативной практике используется выражение *covert policing techniques*, под которым понимаются скрытые методы, применяемые полицией для получения разведывательной информации и доказательств, необходимых как для профилактических мероприятий, так и для последующего расследования преступлений [6].

Эти методы рассматриваются как неотъемлемая часть эффективной правоохранительной деятельности.

Анализ теоретических и нормативных источников Соединенных Штатов Америки показывает, что в американской правовой системе отсутствует общее или официально закрепленное обозначение, эквивалентное понятию НСД в казахстанском уголовном процессе.

Вместо этого в США применяются отдельные виды оперативно-процессуальных мер, такие как: скрытое аудио- и видеонаблюдение, контроль за почтовыми отправлениями и иными коммуникациями, которые не объединены в единую формализованную категорию. Несмотря на это, их практическое значение в механизмах уголовного преследования признается значительным, а регулирование осуществляется на уровне конкретных процедур и судебных стандартов.

Реализация НСД в рамках уголовного судопроизводства не должна сопровождаться абсолютизацией интересов органов уголовного преследования, напротив, при их проведении приоритетное значение должно придаваться обеспечению и соблюдению конституционных гарантий личной жизни, тайны коммуникаций и иных конституционных прав граждан. Принимая во внимание, что указанные мероприятия реализуются без ведома лица, в отношении которого они применяются, особую значимость приобретает соблюдение принципа соразмерности между интересами уголовного преследования и охраной прав человека и гражданина. Конституционно закрепленные положения о неприкосновенности частной жизни, а также требования законности и недопустимости произвольного вмешательства в личную сферу предопределяют необходимость точного правового регулирования и эффективного судебного контроля за использованием НСД. Баланс между интересами правосудия и защитой прав личности явля-

ется ключевым условием легитимности подобных действий в правовом государстве.

Анализ ст. 231 УПК РК позволяет сделать вывод о том, что проведение НСД непосредственно затрагивает ряд конституционных прав граждан, в частности, предусмотренных ст. 12, 18 и 25 Конституции Казахстана, ограничения которых допускаются только в случаях и порядке, прямо установленных законом.

В целях обеспечения законности проведения НСД и защиты конституционных прав граждан национальное законодательство предусматривает ряд следующих гарантий:

«*Субъектность проведения*». Согласно нормам УПК РК право на проведение НСД принадлежит исключительно органу досудебного расследования, ведущему производство по конкретному уголовному делу; при этом законодатель четко разграничивает компетенции в данной сфере, исключая возможность осуществления указанных мероприятий иными государственными органами либо должностными лицами, не уполномоченными на проведение досудебного расследования.

«*Судебное санкционирование*». Подавляющее большинство перечисленных в ст. 231 УПК РК видов НСД подлежат обязательному санкционированию следственным судьей специализированного следственного суда; указанное обеспечивает судебный контроль за обоснованностью и законностью планируемых действий.

В данном контексте следует согласиться с мнением профессора И. Л. Петрухина, согласно которому судебный контроль – это одна из форм реализации судебной власти по осуществлению правосудия [7, с. 32].

«*Ограниченность круга лиц*». В соответствии с ч. 7 ст. 232 УПК РК негласные следственные действия производятся в отношении: 1) лица, на которое в заявлении, сообщении об уголовном правонарушении указано как на лицо, его подготавливающее, совершающее или совершившее, либо в отношении которого имеются иные основания полагать, что оно имеет отношение к расследуемому правонарушению либо обладает сведениями о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении; 2) подозреваемого; 3) потерпевшего с его письменного согласия; 4) третьего лица, если есть сведения, что третье лицо получает или передает информацию, имеющую значение для дела, в отношении которых могут проводиться НСД [4].

Проведение таких действий в отношении лиц, не входящих в этот перечень, не допускается.

Следует отметить, что на сегодняшний день Конституционным Судом РК начато производство по проверке конституционности ч. 8

ст. 232 УПК РК, согласно которой запрещается проводить негласные следственные действия в отношении адвокатов, осуществляющих профессиональную помощь, за исключением случаев, когда имеются основания полагать, что ими готовится или совершено тяжкое или особо тяжкое преступление [4].

Согласно позиции Республиканской коллегии адвокатов, сохранение ограничений на проведение НСД в отношении адвокатов является необходимым для защиты прав граждан, справедливого правосудия и доверия к правовой системе [8].

В этом контексте вполне справедлива позиция А. М. Глашевой о том, что адвокат является единственным человеком для подозреваемого, которому он может доверять самые сокровенные тайны. Закон обязывает сохранять тайну разговоров адвокатов со своими подзащитными вне зависимости от временных и пространственных координат [9, с. 32].

С точки зрения правовой доктрины сохранение действующих ограничений в отношении проведения НСД в отношении адвокатов представляется обоснованной и необходимой мерой. Такая правовая позиция исходит из того, что адвокат, действующий в рамках профессиональной защиты, не только выполняет функцию представителя конкретного доверителя, но и играет важную роль в обеспечении принципов справедливого правосудия, правовой определенности и укрепления доверия к судебной системе.

Более того, адвокатская деятельность имеет публично-правовое значение, поскольку способствует реализации конституционных гарантий прав на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Статус адвоката как независимого участника уголовного судопроизводства предполагает наличие устойчивых профессиональных гарантий, направленных на исключение давления со стороны государственных органов, включая ограничения в применении к ним скрытых оперативно-розыскных методов. Именно эти гарантии обеспечивают надлежащее равенство процессуальных возможностей адвоката и прокурора, что прямо вытекает из принципа состязательности сторон и принципа равенства участников уголовного процесса.

На наш взгляд, поддержание особого правового режима в отношении адвокатов способствует не только защите прав личности, но и укреплению основ правового государства, декларированного в ст. 1 Конституции Республики Казахстан.

«Формальная определенность». Согласно положениям УПК РК, постановление о проведении НСД должно соответствовать установленным

законом требованиям как по форме, так и по содержанию. В соответствии со ст. 233 УПК РК в постановлении обязательно указываются обстоятельства, послужившие основанием для проведения НСД, сведения о характере планируемого действия, а также данные о лице, в отношении которого оно предполагается, либо об объекте, с которым оно связано. Кроме того, в документе должно содержаться мотивированное обоснование необходимости вмешательства в сферу, охраняемую законом, включая указание на невозможность получения информации иными, менее инвазивными способами. Подобная нормативная конструкция направлена на обеспечение законности при ограничении прав граждан, а также на реализацию принципа соразмерности вмешательства и обеспечения судебного контроля за действиями органов досудебного расследования. Соблюдение требований УПК РК служит ключевым условием допустимости и легитимности проведения НСД в рамках уголовного судопроизводства.

«*Ограниченность сроков санкционирования*». Согласно ст. 234 УПК РК, следственный судья обязан рассмотреть постановление о санкционировании НСД в течение 12 часов с момента поступления, а в исключительных случаях до 24 часов. В случае необоснованности вынесенного постановления следственный судья отказывает в его санкционировании [4].

«*Судебный контроль постфактум*». В случаях, не терпящих отлагательства, проведение НСД допускается без предварительного санкционирования, однако с последующим уведомлением следственного судьи в течение 24 часов и получением санкции в порядке, предусмотренном ст. 235 УПК РК. При рассмотрении уведомления о проведенном НСД судья проверяет обоснованность его проведения и наличие объективных препятствий для получения санкции до начала действия. В случае несогласия с законностью проведенного НСД судья выносит постановление о его прекращении и недопустимости использования полученных результатов в качестве доказательств.

«*Обязанность уведомления лица*». Лицо, в отношении которого проводилось НСД, должно быть уведомлено об этом в течение шести месяцев с момента вынесения итогового решения по уголовному делу, за исключением особых случаев.

«*Право на обжалование*». Лицо, в отношении которого проводились негласные следственные действия, в течение пятнадцати суток с момента уведомления, предусмотренного ч. 1–1 ст. 240 УПК РК, имеет право обратиться в специализированный следственный суд, специализированный межрайонный следственный суд в порядке, предусмотренном ст. 106 УПК РК, с заявлением о признании проведения соответству-

ющих негласных следственных действий незаконными и возмещении причиненного ущерба (при наличии такового) [4].

«Прокурорский надзор». Одним из ключевых процессуальных механизмов, обеспечивающих законность и допустимость вмешательства в охраняемые конституционные права граждан при осуществлении НСД, является судебный контроль на стадии их санкционирования. В соответствии с положениями УПК РК при отсутствии достаточных оснований или при наличии сомнений следственный судья вправе отказать в его утверждении. Особый интерес представляет процедура дополнительной проверки ранее санкционированного постановления в случае возникновения сомнений у судьи относительно достоверности представленных сведений.

Так, в соответствии с нормами УПК РК следственный судья, санкционировав проведение НСД, в течение двадцати четырех часов имеет право инициировать проверку его законности путем обращения к процессуальному прокурору. Процессуальный прокурор, в свою очередь, обязан в срок, не превышающий пяти суток, провести соответствующую проверку и сообщить о ее результатах следственному судье. Подобного рода проверка направлена на всестороннюю и объективную оценку правомерности действий органов досудебного расследования, в частности, соблюдения последними принципа соразмерности при ограничении прав личности.

В случае, если по результатам прокурорской проверки будет установлено, что постановление о проведении НСД было принято с нарушением норм законодательства, прокурор обязан внести в адрес следственного судьи мотивированное ходатайство о признании соответствующего акта незаконным, что создает дополнительный уровень гарантий, обеспечивающий надлежащую реализацию принципов законности, обоснованности и недопустимости произвольного вмешательства в частную жизнь граждан.

Заключение

Таким образом, негласные следственные действия являются необходимым инструментом раскрытия преступлений, особенно при невозможности получения доказательств иными способами. Однако их применение неизбежно затрагивает конституционные права, что требует строгого соблюдения процессуальных гарантий. Эффективность таких мер возможна лишь при надежной системе правовых ограничений – судебного санкционирования, прокурорского контроля и права на обжалование. Анализ законодательства демонстрирует стремление к балансу между задачами правосудия и защитой прав личности. Вместе с тем соблюдение этих гарантий зависит от правоприменительной

дисциплины, а дальнейшее совершенствование должно быть направлено на усиление механизмов, предотвращающих злоупотребления.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 окт. 2021 г. № 674. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>.

2. Конституция Республики Казахстан от 30 авг. 1995 г. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>.

3. Амирханов, Б. К. Негласные следственные действия в уголовном процессе Республики Казахстан: проблемы теории и практики: монография / Б. К. Амирханов. – Алматы, 2019. – 160 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

5. McKay, S. Covert policing. Oxford University Press, Oxford. – URL: <https://simonmckay.co.uk/wp-content/uploads/COVERT-POLICING-1st-Chapter.pdf>.

6. Freedom of Information Act Publication Scheme. – URL: <https://www.met.police.uk/SysSiteAssets/foi-media/metropolitan-police/policies/covert-policing-standards—policy>.

7. Петрухин, И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений: монография / И. Л. Петрухин. – М.: Велби, Проспект, 2008. – 288 с.

8. Письмо Республиканской коллегии адвокатов от 7 октября 2024 года № 01–05/1163 «Сохранение ограничений на проведение НСД в отношении адвокатов является необходимым для защиты прав граждан, справедливого правосудия и доверия к правовой системе». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38806673&pos=41;-52#pos=41;-52.

9. Глашева, А. М. Типология негласных следственных действий: содержательные основания: монография / А. М. Глашева; под общ. ред. В. В. Хан. – Астана, 2024. – 77 с.

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативно-правовой базы и практических механизмов обеспечения конституционных гарантий при проведении негласных следственных действий в уголовном процессе Республики Казахстан. В центре внимания – соотношение необходимости вмешательства в частную жизнь с принципом соблюдения прав личности. Особое внимание уделено вопросам судебного и прокурорского контроля за применением скрытых процессуальных методов, а также оценке эффективности действующих процессуальных гарантий, направленных на предотвращение произвольного ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS DURING COVERT INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: BALANCE AND SAFEGUARDS

Shaikhystanova S. N.

Key words: covert investigative actions, criminal procedure, constitutional rights, judicial oversight, legal safeguards, authorization, prosecutorial supervision, privacy, attorney-client privilege.

Abstract. This article examines the legal framework and practical mechanisms for ensuring constitutional guarantees during the implementation of covert investigative actions in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan. The focus is on balancing the necessity of intrusion into private life with the protection of individual rights. Special attention is given to the role of judicial and prosecutorial oversight, as well as the effectiveness of current procedural safeguards in preventing arbitrary restrictions of constitutional rights within criminal proceedings.

УДК 343.352

ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Шпак С. В., Песенко В. В.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые активы, токены, privacy-коины, преступления против интересов службы, предмет взятки, Парк высоких технологий, цифровые идентификаторы, деанонимизация.

Введение

Современная цифровизация не только трансформирует экономику и повседневную жизнь, но и оказывает влияние на криминальные практики, в том числе на способы совершения и сокрытия преступлений, относящихся к категории коррупционных. Активное развитие криптовалют, а также легализация оборота токенов и иных цифровых активов в Республике Беларусь на основании Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) создают как новые экономические возможности, так и правовые угрозы.

В условиях отсутствия централизованной регуляции движения токенов, представляющих собой неофициальные средства платежа, создание и контроль за которыми базируется на криптографических методах, затрудненности их принудительного изъятия и анонимного характера транзакций, криптовалюта становится удобным инструментом для сокрытия преступных доходов, что существенно осложняет де-

тельность правоохранительных органов [1, с. 158]. Подобные особенности цифровых технологий требуют пересмотра уголовно-правового и уголовно-процессуального инструментария, а также развития международного сотрудничества в сфере противодействия таким преступлениям.

Вопросы правового регулирования цифровых активов уже поднимались в научной литературе. Так, Т. М. Халецкая подчеркивает наличие существенных пробелов в правовой проработке данной сферы и необходимость уточнения правового статуса криптовалют в системе гражданского и обязательственного права Республики Беларусь [2]. Вопросы «теневое» использования криптовалюты поднимались в работе Г. А. Якубенко и Д. А. Матюшенко, где обращено внимание на риски использования цифровых активов в интересах третьих лиц и необходимость введения специальных уголовно-правовых норм [3]. Отдельные аспекты расследования преступлений, в которых цифровые платежные средства выступали формой взятки, описывались С. Л. Гамко и А. М. Маковичем на примере конкретного уголовного дела, где злоумышленник использовал токены для сокрытия информации о владельцах криптокошельков, транзакциях и суммах переводов, что серьезно осложнило работу следствия [4].

Исследователями отмечается, что правовая неопределенность деятельности в сфере оборота цифровых знаков (токенов) существенно влияет на эффективность противодействия противоправным проявлениям, которые связаны с созданием теневых криптобирж, и способствует росту теневой экономики, сокрытию дохода, полученного преступным путем [5].

Несмотря на имеющиеся законодательные инициативы, а также наличие отдельных прогрессивных исследований, проблемы использования цифровых активов в качестве предмета преступлений, в том числе преступлений против интересов службы, остаются слабо проработанными в отечественной юридической литературе. Вместе с тем характер, способы совершения и сокрытия преступлений, предметом которых выступает такого рода имущество, отражают тенденции развития и цифровизации общества, что подчеркивает актуальность настоящего исследования.

Основная часть

С принятием Декрета № 8 в Республике Беларусь появились особые правила обращения криптовалют и токенов, особенно для резидентов Парка высоких технологий (далее – ПВТ).

Компании-резиденты ПВТ получили право на осуществление криптовалютных операций, предоставление услуг на фондовых рынках

для цифровых активов, а также поддерживать платформы для выпуска токенов. Декрет № 8 установил правовое регулирование таких видов деятельности, как майнинг, покупка и продажа токенов, их дарение, наследование, а также создание и размещение токенов от имени юридических лиц. При этом для физических лиц владение токенами и участие в операциях с ними не считается предпринимательской деятельностью, а в отдельных случаях не подлежит налогообложению или обязательному декларированию.

В последующем законодательство было дополнено рядом новел, направленных на повышение «прозрачности» операций, совершаемых в том числе с цифровыми активами. Так, Закон Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям» установил, что Национальный банк организует информационное взаимодействие между правоохранительными органами и поставщиками платежных услуг по обмену информацией о несанкционированных платежных операциях и попытках их совершения [6].

Закон Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» закрепил возможность совершения гражданами сделок с токенами (обмен на фиатные валюты, выпуск, размещение) только через операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют или иных резидентов ПВТ [7].

Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» установлено, что резиденты ПВТ, осуществляющие деятельность оператора криптоплатформы, оператора обмена криптовалют, являются лицами, производящими финансовые операции, которые обязаны: принимать меры по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения в соответствии с выявленными рисками; проводить идентификацию участников финансовой операции [8].

Преступления против интересов службы (прежде всего – взяточничество) сами по себе являются одной из наиболее латентных форм девиантного поведения. В этой связи, выступая в качестве предмета коррупционных преступлений, цифровые активы еще более усложняют задачу правоохранительных органов по выявлению такого рода уголовно наказуемых деяний и собиранию доказательств виновности лиц, их совершивших.

Несмотря на созданные государством условия для легализации и регламентации обращения криптовалют, виртуальные средства платежа в руках нарушителей закона становятся инструментом уклонения от ответственности и сокрытия следов преступлений.

Эти вызовы особенно актуальны в сфере борьбы с коррупцией. На наш взгляд, преступления против интересов службы эволюционируют вместе с технологиями. Если раньше незаконные вознаграждения предоставлялись в виде материальных ценностей, которые можно «потрогать руками», или выгод имущественного характера, а затем – через банковские переводы, то в цифровую эпоху логичным развитием становится использование криптовалют. Эта форма отражает уровень технологического развития общества и будет активно использоваться субъектами коррупционных преступлений из-за высокой степени анонимности и трансграничности.

Даже при существующем уровне государственного регулирования криптовалюта остается удобным средством совершения преступлений в руках злоумышленников. Анонимность и децентрализация публичного реестра (блокчейна), особенно при использовании специализированных технологий (таких как криптомиксер и анонимные криптовалюты, например, Monero, Zcash), сводят к минимуму возможность отслеживания происхождения криптоактивов и делают их особенно привлекательными для реализации коррупционных схем.

Криptomиксеры – сервисы анонимизации, которые работают по схожему принципу: виртуальные средства платежа отправителя делятся на части, «смешиваются» с чужими платежными средствами, после чего направляются получателю небольшими суммами со случайных адресов криптокошельков. В итоге отследить источник поступления криптовалюты становится крайне проблематично.

Особую сложность при отслеживании информации о движении криптоактивов и идентификации участников соответствующих сделок представляют операции с так называемыми privacy-коином – криптовалютами, использующими встроенные технологии шифрования, скрывающие данные об участниках транзакции и суммах переводов.

В отличие от большинства криптовалют, записи об операциях с такими средствами платежа невозможно расшифровать даже при участии централизованных платформ. Это делает невозможным отслеживание движения средств и существенно осложняет расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с использованием privacy-коинов.

Единственным действенным решением данной проблематики видится исключение из легального оборота privacy-коинов, а также установление запрета на осуществление деятельности и использования

криптомиксеров. Данная мера, наряду с установлением ответственности за несоблюдение указанного запрета, позволит ограничить использование полностью анонимных инструментов в преступных схемах.

Ключевой трудностью при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с совершением операций с виртуальными активами, становится установление лица, инициировавшего транзакцию, и выгодополучателя. Даже при получении органом уголовного преследования данных о конкретной криптовалютной транзакции – например, в рамках сотрудничества с централизованными биржами – идентификация отправителя или получателя средств остается затруднительной, а иногда и невозможной.

В Республике Беларусь отсутствует единый орган или структура, осуществляющие централизованный учет криптовалютных активов, в связи с чем не предусмотрен простой и эффективный механизм истребования сведений, необходимых для их идентификации. Это приводит к тому, что правоохранительные органы лишаются возможности оперативно получить информацию о наличии криптовалюты у того или иного лица и отследить движение соответствующих средств, главным образом, при международных переводах.

Единственным надежным источником получения вышеуказанной информации являются данные, представляемые операторами – резидентами ПВТ. Вместе с тем они обладают лишь сведениями о виртуальных средствах платежа, учитываемых на белорусских криптоплатформах. Однако злоумышленниками, как правило, в том числе и с целью конспирации, используются цифровые активы, размещенные на иностранных криптобиржах, зарегистрированных в различных юрисдикциях, зачастую не состоящих с Республикой Беларусь в международно-правовых договорных отношениях в сфере уголовного производства. В таких ситуациях процесс получения интересующих правоохранительные органы сведений значительно усложняется и не всегда приносит ожидаемый результат.

В Следственном комитете Республики Беларусь ведется реестр криптокошельков в целях накопления сведений об адресах виртуальных кошельков, использовавшихся для осуществления преступной деятельности, в том числе при совершении киберпреступлений, с последующей передачей на системной основе уполномоченному оператору реестра – государственному учреждению «Секретариат Наблюдательного совета ПВТ». Оператор реестра, в свою очередь, информирует являющихся резидентами ПВТ операторов криптоплатформ и операторов обмена криптовалют для отказа ими в осуществлении финансовых

операций с использованием адресов виртуальных кошельков, внесенных в реестр [9, с. 58].

Таким образом, принимаемые меры направлены на ограничение незаконного оборота криптовалюты на подконтрольных Республике Беларусь криптоплатформах, но лишь после того, как они попадают в поле зрения правоохранительных органов.

В этой связи мы солидарны с мнением А. М. Гапановича о том, что действующее регулирование не обеспечивает деанонимизацию субъектов криптовалютных операций и требует дальнейшего развития, в том числе идентификации владельцев цифровых активов [10].

Первым шагом для изменения существующего положения в данном направлении, по нашему мнению, может стать оптимизация законодательства, связанная с возложением на граждан Республики Беларусь обязанности уведомления компетентного государственного органа о наличии у них криптоактивов. Организовать указанное возможно по аналогии с положениями Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. «О гражданстве Республики Беларусь», в соответствии с которым гражданин должен сообщить уполномоченному органу о приобретении гражданства иностранного государства, получении вида на жительство, иного документа иностранного государства, предоставляющего право на льготы и другие преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью.

Гарантировать действенность предлагаемого механизма, как представляется, поможет установление административной ответственности за умышленное несообщение государственному органу о наличии имущества указанной категории. Названная ответственность может быть установлена в виде безвозмездного изъятия в доход государства определенной части (к примеру, в процентном отношении) криптовалютных активов, сведения о наличии которых гражданином не были сообщены компетентному органу, однако впоследствии установлены государственными организациями и учреждениями при осуществлении деятельности в соответствии с компетенцией (в случае невозможности по тем или иным причинам изъятия виртуальных платежных средств – денежной суммы, соответствующей стоимости криптовалютных активов).

Дополнительным преимуществом предлагаемого механизма является то обстоятельство, что данная мера, как представляется, будет способствовать реализации законодательства по вопросу участия граждан в финансировании расходов государства за счет обеспечения налоговых поступлений в бюджет страны.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве (статьи 430, 431 и 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь)», предмет взятки во всех случаях подлежит оценке в национальной валюте Республики Беларусь на основании действующих цен, официального курса иностранных валют, расценок или тарифов на услуги, а при их отсутствии – на основании заключения экспертов о его стоимости на день совершения преступления [11].

В этой связи дополнительные сложности возникают при оценке стоимости криптовалютных активов в рамках уголовного процесса. Высокая волатильность курса, отсутствие единой методики расчета и ограниченная возможность получения достоверных данных затрудняют объективную фиксацию стоимости криптовалюты на момент ее изъятия, выявления факта совершения преступной финансовой операции или наложения ареста. Это влечет риски недостоверной оценки суммы дохода, полученного преступным путем, неверной правовой квалификации действий злоумышленников и, как следствие, – необеспечения соблюдения принципа справедливости уголовной ответственности.

На отсутствие единообразия в оценке стоимости криптовалютных инструментов и, следовательно, актуальность описанной проблемы указывает и правоприменительная практика. Так, по уголовному делу Октябрьского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь в отношении Ж. по ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь судом Октябрьского района г. Минска в упомянутое следственное подразделение внесено частное определение о нарушении требований уголовно-процессуального законодательства.

Судом указано, что стоимость криптовалюты (USDТ), явившейся предметом хищения, определена на стадии предварительного расследования по принципу условного позиционирования токена как эквивалента доллару США. Вместе с тем стоимость данного цифрового знака определяется котировками, меняющимися на криптобиржах в зависимости от спроса и предложения. По мнению суда, при определении стоимости криптовалюты необходимо руководствоваться сведениями, представленными владельцами торговых площадок криптоплатформ [12].

Принимая во внимание изложенное, считаем целесообразной разработку отдельного нормативного правового акта, который закрепит механизм определения стоимости криптовалюты не только в рамках уголовного судопроизводства, но и в иных юридически значимых ситуациях. Установление единого ориентира – например, на основании курса, предоставляемого конкретной белорусской криптовалютной

биржей (резидентом ПВТ) либо иной уполномоченной организацией с экспертной компетенцией, позволит обеспечить единообразие при оценке цифровых активов и исключить противоречивую практику расчета их стоимости.

Кроме вышеизложенного, как отмечают В. Н. Кивель и А. В. Кивель, существует проблема, связанная с общим дефицитом согласованных подходов: отсутствуют единые методические рекомендации по расследованию преступлений, связанных с криптовалютой, и даже правовое определение криптовалюты на региональном уровне не закреплено. В этих условиях велика роль международных организаций – группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, Интерпола, Европола, однако и их возможности ограничены без договорных обязательств [13].

Это указывает на необходимость развития механизма взаимодействия между резидентами ПВТ и зарубежными криптоплатформами, а также расширения применения реестра криптокошельков.

Вместе с этим на практике возникают сложности с анализом цифровых идентификаторов, связанных с криптовалютными транзакциями. Отсутствует стандартизированный подход к их фиксации и экспертной обработке. Требуется дальнейшая разработка методов криминалистического анализа таких данных, как IP-адреса, данные устройств, транзакции и идентификаторы кошельков.

Еще одной из центральных проблем уголовного преследования субъектов преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, является отсутствие механизмов эффективного контроля и принудительного воздействия на таковую. В отличие от традиционных предметов преступления, таких как денежные средства и иные материальные ценности, которые могут быть изъяты или подвергнуты аресту в рамках уголовного производства, криптовалюта поддается подобным мерам только при наличии доступа к приватным ключам. Приватный ключ – уникальный код, позволяющий управлять криптовалютными активами. Без него транзакция невозможна, а сами активы – недоступны.

Поскольку указанные ключи не хранятся централизованно, наличие информации о криптокошельке не позволяет органам уголовного преследования получить доступ к цифровым активам без добровольного предоставления доступа самим фигурантом уголовного дела. Возможность изъятия ограничивается случаями, когда ключи хранятся на устройствах, доступ к которым может быть получен в ходе следственных действий. Однако такой подход дает результат не всегда. Отсутствие процессуальных механизмов принудительного доступа и тех-

нических решений по восстановлению частных ключей требует отдельных исследований.

Указанные проблемы рассматривались в работе А. М. Гапановича, где подчеркивается отсутствие правовых механизмов взаимодействия с децентрализованными активами и невозможность полной деанонимизации участников таких операций [14]. Возможность ареста ограничена лишь активами, размещенными на централизованных криптоплатформах – резидентах ПБТ, тогда как доступ к автономным кошелькам возможен лишь при наличии частного ключа у владельца.

Еще одну угрозу представляет ситуация, когда в рамках уголовного дела имущество (в том числе криптовалюта) освобождается от ареста для его реализации в целях возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, уплаты дохода, полученного преступным путем, других имущественных взысканий под контролем органа, ведущего уголовный процесс, что предусмотрено ч. 18 ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Как показывает практика, контроль за дальнейшей судьбой такого имущества должным образом не урегулирован. Более того, отсутствует уголовная ответственность за нецелевое использование освобожденного от ареста имущества, в том числе цифровых активов. Учитывая необратимость транзакций в блокчейн-сетях, данный пробел требует нормативного регулирования.

Таким образом, криптовалюта и цифровые активы, выступая предметом преступлений, вызывают значительные сложности при расследовании соответствующих уголовно наказуемых деяний. Анонимность транзакций, отсутствие централизованного контроля, сложности с наложением ареста и оценкой стоимости активов, их принудительным изъятием затрудняют работу правоохранительных органов. Эти проблемы требуют комплексного анализа и совершенствования законодательства, внедрения эффективных механизмов контроля со стороны государства за обращением такого рода активов и взаимодействия с криптоплатформами, что позволит повысить эффективность борьбы с преступностью в цифровой среде.

Заключение

На основании проведенного анализа представляется возможным выделить следующие ключевые выводы и предложения:

- проблема анонимности криптовалютных операций, затрудняющей идентификацию участников и отслеживание незаконных операций, требует комплексного решения. Среди возможных мер – запрет на оборот *privacy*-коинов (таких как Monero и Zcash), а также на осуществление деятельности и использование криптомиксеров;

- необходимо развивать возможность обмена данными резидентов ПВТ с иностранными криптоплатформами с целью получения новых механизмов воздействия на цифровые активы, находящиеся за пределами юрисдикции Республики Беларусь;

- законодательно следует закрепить обязанность декларировать криптовалютные активы для граждан и установить, например, административную ответственность за их сокрытие;

- для преодоления трудностей с арестом и изъятием криптовалюты необходимо совершенствовать процессуальные нормы и разрабатывать программные и аппаратные инструменты, позволяющие фиксировать или восстанавливать доступ к приватным ключам и данным о транзакциях;

- отдельной задачей является разработка нормативно-правового акта, устанавливающего единый порядок оценки стоимости криптовалюты в различных отраслях права;

- ключевым направлением остается системная подготовка и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Предложенные меры способны заложить фундамент эффективной правовой и организационной борьбы с цифровыми угрозами в преступной среде.

Список цитируемых источников

1. Компьютерная информация в следственной деятельности: сборание, оценка, использование: учеб. пособие / Ю. Ф. Каменецкий [и др.]; под общ. ред. Ю. Ф. Каменецкого. – 2-е изд., перераб. – Мн.: СтройМедиаПроект, 2023. – 384 с.

2. Халецкая, Т. М. Недостатки правового регулирования оборота криптовалюты в Республике Беларусь / Т. М. Халецкая // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 138–140.

3. Якубенко, Г. А. Налоговое регулирование деятельности по обращению цифровых знаков: опыт, проблемы и инновации в Республике Беларусь / Г. А. Якубенко, Д. А. Матюшенко // Потребительская кооперация. – 2025. – № 1(88). – С. 21–29.

4. Гамко, С. Л. Положительный опыт расследования получения взяток в криптовалюте / С. Л. Гамко, А. М. Макович // Предварительное расследование. – 2024. – № 2(16). – С. 62–66.

5. Аземша, И. Отдельные аспекты квалификации незаконной предпринимательской деятельности в сфере приобретения (отчуждения) цифровых знаков (токенов) по ст. 13.3 КоАП / И. Аземша // Законность и правопорядок. – 2024. – № 3(71). – С. 46–51.

6. О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям: Закон Респ. Беларусь от 29 авг. 2023 г. № 269 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300269> (дата обращения: 18.04.2025).

7. Об обращении цифровых знаков (токенов): Закон Респ. Беларусь от 17 сент. 2024 г. № 367 // Национальный правовой Интернет-портал Республике Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32400367> (дата обращения: 18.04.2025).

8. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения: Закон Респ. Беларусь 30 июня 2014 г., № 165-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2025.

9. Расследование хищений, совершенных путем фишинга организованной преступной группой: учебник / Ю. В. Каменецкий [и др.]; под общ. ред. Ю. Ф. Каменецкого. – Мн.: СтройМедиаПроект, 2024. – 288 с.

10. Гапанович, А. М. О криптовалюте и возможности наложения ареста на нее / А. М. Гапанович // Следственная деятельность. – 2023. – № 3. – С. 108–127.

11. О судебной практике по делам о взяточничестве (статьи 430, 431 и 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 // Информационно-поисковая система. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=S20300006> (дата обращения: 12.05.2025).

12. Архив суда Октябрьского района г. Минска за 2025 г. – Уголовное дело № 25121040092.

13. Кивель, В. Н. Международный опыт предупреждения незаконной деятельности с использованием криптовалюты / В. Н. Кивель, А. В. Кивель // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т., Минск, 16–17 нояб. 2023 г. – Мн.: ИООО «Право и экономика», 2023. – С. 293–299.

14. Гапанович, А. М. О совершенствовании подходов к наложению ареста на криптовалюту и токены / А. М. Гапанович // Следственная деятельность: наука, образование, практика. – 2024. – № 4. – С. 283–288.

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с использованием злоумышленниками криптовалют в качестве предмета преступлений против интересов службы. Анализируются проблемные вопросы, связанные со спецификой указанного предмета преступления, при выявлении и расследовании преступлений, относящихся к категории коррупционных. Предлагаются варианты оптимизации законодательства с целью решения обозначенной проблематики.

DIGITAL THREATS IN CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

Shpak S. V., Pesenka U. V.

Key words: cryptocurrency, digital assets, tokens, privacy-coins, police vs. interests, taken items, high-tech park, digital identifiers, deanonymization.

Abstract. The issues related to the use of cryptocurrencies by criminals as a subject of crimes against the interests of the service are considered. The problematic issues related to the specifics of the said subject of the crime are analyzed when identifying and investigating crimes related to the category of corruption. Options for optimizing legislation are proposed in order to solve the identified problems.

4. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 343

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Алхутова Е. Ю.

Ключевые слова: правовое регулирование, прокуратура, общественные организации, взаимодействие.

Введение

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение действующих законодательных норм относятся в той или иной мере к задачам всех государственных органов, имеющих властно-распорядительные полномочия, включая органы прокуратуры Российской Федерации.

Для общественных объединений, не наделенных властными полномочиями, иногда единственным результативным способом достижения своих целей в сфере защиты прав и законных интересов их участников является налаженное взаимодействие с государственными органами, в том числе с органами прокуратуры, а по фактам совершенных или готовящихся нарушений – обращение в компетентные органы власти.

Во взаимодействии прокуратуры с общественными организациями общими элементами выступают единые для этих субъектов цели: защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности. При этом если для прокуратуры взаимодействие с иными субъектами (вне рамок прокурорского надзора) рассматривается в качестве важного направления внешнефункциональной деятельности, то для общественных организаций оно полезно с точки зрения достижения собственных целей.

Правовая регламентация совместной деятельности органов прокуратуры с общественными организациями по обеспечению законности относится к предмету взаимодействия [1, с. 158].

Основная часть

Правовое регулирование статуса, порядка организации и деятельности, а также некоторых вопросов взаимодействия прокуратуры с общественными объединениями осуществляется нормами Гражданского

кодекса Российской Федерации (части первой, далее – ГК РФ), Федеральных законов от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Закон об общественных объединениях), от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Закон о некоммерческих организациях), иных законов, подзаконных нормативных правовых актов, организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации.

ГК РФ определяет правовые начала в деятельности общественных организаций, их взаимодействия с органами государственной власти. В соответствии с п. 1 ст. 123⁴ ГК РФ общественными организациями признаются добровольные объединения граждан, объединившихся в установленном законом порядке на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных не противоречащих закону целей. Отношения, связанные с созданием, деятельностью, реорганизацией и (или) ликвидацией общественной организации, регулируются нормами подпараграфа 3 § 6 гл. 4 ГК РФ, Закона об общественных объединениях, Закона о некоммерческих организациях.

По смыслу ст. 123⁴ ГК РФ взаимодействие общественных организаций, в частности с органами прокуратуры, осуществляется для представления и защиты интересов объединившихся лиц.

Общественная организация является одной из форм некоммерческих организаций (ст. 6 Закона о некоммерческих организациях). Также общественная организация является одной из организационно-правовых форм общественных объединений (ст. 7 Закона об общественных объединениях).

Таким образом, согласно части первой ст. 8 Закона об общественных объединениях общественная организация представляет собой основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан. Под общественным объединением согласно ст. 5 Закона об общественных объединениях понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Членами общественной организации в соответствии с ее уставом могут быть физические лица и юридические лица – общественные объ-

единения, если иное не установлено указанным законом и законами об отдельных видах общественных объединений (ст. 8 Закона об общественных объединениях).

Государственно-общественные и общественно-государственные объединения до принятия соответствующих федеральных законов создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти (ст. 51 Закона об общественных объединениях).

Для достижения уставных целей общественные организации установленным законом образом осуществляют взаимодействие с иными участниками публичных правоотношений, в том числе с органами государственной власти, включая органы государственного контроля и надзора, органы прокуратуры.

Направленность такого взаимодействия определяется интересами членов общественных организаций, соответствует сфере уставной деятельности объединения. Так, например, согласно п. 2 ст. 45 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» общественные объединения потребителей (их ассоциаций, союзов) вправе вносить в органы прокуратуры и федеральные органы исполнительной власти материалы о привлечении к ответственности лиц, осуществляющих производство и реализацию товаров (выполнение работ, оказание услуг), не соответствующих предъявляемым к ним обязательным требованиям, а также нарушающих права потребителей, установленные законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Отдельно следует отметить взаимодействие прокуратуры с организациями общественного контроля, к которым Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон об общественном контроле) отнесены Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при органах государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 9). Для осуществления общественного контроля в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, могут создаваться: общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, иные организационные структуры общественного контроля.

Под общественным контролем в ч. 1 ст. 4 Закона об общественном контроле понимается деятельность субъектов общественного контро-

ля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

Взаимодействие в целом рассматривается как согласованная деятельность не подчиненных друг другу организационно самостоятельных и обособленных субъектов, направленная на достижение общей цели [2, с. 62]. А. Ю. Винокуров под взаимодействием органов прокуратуры с институтами гражданского общества понимает деятельность прокуроров, направленную на: 1) обеспечение более эффективного обмена информацией о состоянии законности; 2) оказание необходимой правовой помощи нуждающимся в ней органам, организациям и лицам; 3) формирование у общественности позитивного образа прокуратуры [3, с. 10].

Специфика взаимодействия прокуратуры с общественными организациями (особенно вне рамок прокурорского надзора) в Законе о прокуратуре не определена. С учетом этого при организации и осуществлении такой деятельности прокуроры руководствуются установленными в ст. 4 Закона о прокуратуре принципами: законности, независимости, гласности, равенства.

Принцип законности означает, что прокуроры в рамках взаимодействия с представителями общественных организаций осуществляют свои полномочия в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами (абзац второй п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре). В свою очередь, взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с институтами власти и общества в современный период становится важным условием укрепления законности [4, с. 4].

Норма п. 4 ст. 4 Закона о прокуратуре устанавливает, что органы прокуратуры в своей служебной деятельности не связаны решениями общественных объединений, что позволяет говорить о принципе независимости в контексте взаимодействия между ними. Одновременно прокуратура не находится вне сферы контроля, осуществляемого институтами гражданского общества [5, с. 203–204].

Органы прокуратуры информируют население, а следовательно, и добровольные объединения граждан – общественные организации о состоянии законности и действуют гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации (абзацы третий и четвертый п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре).

Принцип равенства участников взаимодействия означает, что такая деятельность осуществляется добровольно, в инициативном порядке, ни один из них не имеет приоритета, обусловленного законодательным статусом.

В то же время ввиду активного осуществления прокуратурой на практике взаимодействия не только с общественными организациями, но и иными институтами гражданского общества, органами публичной власти, а также в целях его правовой регламентации представляется целесообразным дополнить п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре абзацем следующего содержания:

«взаимодействие с органами публичной власти и институтами гражданского общества.».

Закрепление такого положения в Законе о прокуратуре позволит повысить приоритетность рассматриваемого направления деятельности прокуратуры, создаст предпосылки для его дальнейшей регламентации.

В настоящее время основные вопросы взаимодействия прокуратуры с общественными организациями регламентированы приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 мая 2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» (далее – приказ № 296), п. 4.10 которого прокурорам субъектов Российской Федерации и приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур предписано активно взаимодействовать с общественными объединениями, в том числе путем привлечения их представителей к мероприятиям органов прокуратуры с участием средств массовой информации (далее – СМИ).

Отдельные положения о взаимодействии прокуратуры с общественными организациями встречаются и в других организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации.

Так, работа по правовому просвещению и правовому информированию (включенным в систему профилактики правонарушений) должна проводиться прокурорами в тесном контакте с общественными объединениями, предпринимательским сообществом и иными институтами гражданского общества (п. 1.3 Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»). Для получения данных о коррупционных правонарушениях, а также их предупреждения прокурорам необходимо наладить и поддерживать взаимодействие с общественными объединениями, в том числе в области антикоррупционного просве-

щения (п. 2.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции»).

Правовые основы взаимодействия прокуратуры с общественными организациями, по мнению опрошенных в ходе проведенного исследования прокурорских работников (всего 370), соответствуют современному состоянию развития общественных отношений в указанной сфере (33 %, или 123 респондента), находятся на должном уровне, но существуют недостатки (34 %, или 127 респондентов).

Среди основных недостатков правового регулирования взаимодействия прокуратуры с общественными организациями названы: недостаточное правовое регулирование вопросов организационного характера (49 %, или 179 респондентов); наличие пробелов относительно приоритетных направлений и форм взаимодействия (43 %, или 154 респондента).

Если в целом взаимодействие прокуратуры с общественными объединениями регламентировано, то есть предусмотрено его осуществление и определена специфика, то порядок организации такой деятельности требует уточнения.

В целях надлежащей организации взаимодействия с общественными объединениями прокурорам необходимо понимание особенностей их создания и функционирования. Требуется учитывать, что правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента его государственной регистрации, а также то, что сведения о предмете и целях деятельности общественной организации, составе и компетенции ее органов содержатся в уставе (п. 2 ст. 123⁵ ГК РФ).

Таким образом, можно выделить этапы организации взаимодействия прокуратуры с общественными организациями.

1. Подбор сведений о действующих на подведомственной территории зарегистрированных общественных объединениях.

2. Определение сфер деятельности этих общественных объединений.

3. Выбор субъектов взаимодействия на основании соотнесения приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры и уставной деятельности общественной организации.

Приоритетным для органов прокуратуры является взаимодействие с общественными объединениями, созданными с участием государства. Генеральной прокуратурой Российской Федерации также могут быть определены субъекты такого взаимодействия. Например, в на-

стоящее время в приоритете рабочие встречи с представителями филиалов Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», а также взаимодействие с межведомственными комиссиями при высших должностных лицах субъектов Российской Федерации по координации оказания необходимой социальной поддержки и помощи ветеранам боевых действий и членам их семей.

4. Заключение соглашения о сотрудничестве или проработка другого способа декларирования инициативы по совместному решению общих задач.

Прокурорами, применяющими заключение соглашений о сотрудничестве, высоко оценивается такой способ регламентации взаимодействия с общественными организациями. В литературе также процедурные механизмы, среди которых должны быть проработанные процедуры сотрудничества, относят к механизмам взаимодействия [6, с. 10].

Так, соглашения о взаимодействии с филиалами Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» в целях защиты прав и законных интересов участников специальной военной операции (далее – СВО) и членов их семей в 2023 г. заключены прокуратурами Красноярского края, Иркутской, Магаданской, Омской областей и др.

Соглашением о взаимодействии между прокуратурой Республики Карелия и Союзом организаций профсоюзов в Республике Карелия от 24.02.2024 предусмотрена координация совместных действий по формированию единого правового пространства, информационный обмен и другие формы взаимодействия в целях повышения правовой культуры и информирования трудящихся.

В целях обеспечения условий и гарантий государственной защиты, соблюдения и уважения прав, свобод и законных интересов инвалидов прокуратурой Красноярского края 13 сентября 2022 г. заключено соглашение о взаимодействии и сотрудничестве с Красноярской региональной организацией общественной организации «Все-российское общество инвалидов».

По мнению более чем половины опрошенных прокурорских работников, заключение соглашений о сотрудничестве повысит эффективность взаимодействия с общественными организациями (50 %, или 186 респондентов). С учетом результатов целесообразно рассмотрение вопроса о разработке типового соглашения о сотрудничестве органа прокуратуры с общественной организацией, утверждаемого приказом Генерального прокурора Российской Федерации.

Заключение

Налаженное взаимодействие прокуратуры с общественными организациями, помимо эффективного решения задач по защите прав и свобод человека, обеспечению законности и правопорядка, развитию правосознания, повышает уровень доверия граждан к деятельности органов прокуратуры. Развитие правового регулирования основ и порядка взаимодействия органов прокуратуры и общественных организаций будет способствовать дальнейшей реализации этой деятельности.

Список цитируемых источников

1. Залужный, А. Г. Взаимодействие прокуратуры с другими государственными органами, общественными и иными организациями по обеспечению законности / А. Г. Залужный // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С 157–162.

2. JUS EST: Юридическая энциклопедия. Серия «Academia» / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации; под общ. ред. О. С. Капинус. – Т. 3. – М., 2017. – 800 с.

3. Винокуров, А. Ю. К вопросу о классификации внешнефункциональной деятельности прокуратуры Российской Федерации / А. Ю. Винокуров // Актуальные вопросы российского права: сб. науч. статей. – Вып. 18. – М.: МосГУ, 2010. – С. 10.

4. Амирбеков, К. И. Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с институтами власти и общества / К. И. Амирбеков // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 4–7.

5. Рябцев, В. П. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации / В. П. Рябцев, А. И. Алексеев, В. Г. Бесарабов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 202–211.

6. Калмыкова, И. Ю. Взаимодействие государства, бизнеса, общества в решении задач социального развития и социальной безопасности территории в современных условиях: экономические, правовые, кадровые аспекты / И. Ю. Калмыкова // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 5. – С. 9–14.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правовой регламентации основ и порядка взаимодействия органов российской прокуратуры с общественными организациями, а также законодательные положения об организации и деятельности в стране общественных организаций. Взаимодействие прокуратуры и общественных организаций обусловлено совпадением целей и задач указанных субъектов, но при этом отличается рядом особенностей. При организации и осуществлении такого взаимодействия органы прокуратуры руководствуются установленными законом принципами деятельности. В статье также определены этапы организации взаимодействия прокуроров с общественными организациями с учетом специфики их деятельности и состояния законности. На основании прове-

денного анализа нормативных правовых и организационных актов, опроса прокурорских работников внесены предложения по совершенствованию правовой и организационной регламентации взаимодействия прокуратуры и общественных организаций.

LEGAL BASIS FOR INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE AND PUBLIC ORGANIZATIONS

Alkhutova E. Yu.

Key words: legal regulation, prosecutor's office, public organizations, interaction.

Abstract. The article examines the issues of legal regulation of the principles and procedure for interaction between the Russian prosecutor's office and public organizations, and legislative provisions on the organization and activities of public organizations in the country. The interaction of the prosecutor's office and public organizations is due to the coincidence of the goals and objectives of these entities, and also has a number of features. When organizing and implementing such interaction, the prosecutor's office is guided by the principles of activity established by law. The article also defines the stages of organizing the interaction of prosecutors with public organizations, taking into account the specifics of their activities and the state of legality. Based on the analysis of regulatory legal and organizational acts, a survey of prosecutors, proposals are made to improve the legal and organizational regulation of the interaction of the prosecutor's office and public organizations.

УДК 342.5

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Корнева Т. С.

Ключевые слова: разделение властей, организация и деятельность прокуратуры, принципы, принцип независимости.

Введение

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, органы всех ветвей власти независимы друг от друга.

Поскольку российская прокуратура не относится ни к одной из трех ветвей власти, большинство ученых признают ее самостоятельный статус как органа власти. В Конституции Российской Федерации единственная статья, посвященная прокуратуре, находится в главе «Судеб-

ная власть и прокуратура». Однако прокуратура не входит в систему судебной власти. В плане подчиненности она полностью независима от суда, и суд, в свою очередь, также обладает независимостью от прокуратуры [9, с. 61].

По мнению ученых, прокуратура является конституционным федеральным органом, представляющим собой самостоятельную ветвь власти и не зависящим при осуществлении своих полномочий от иных ветвей власти, выполняющим от имени государства функции надзора за исполнением законов государственными органами и органами местного самоуправления, является подсистемой или укрупненным элементом механизма государства [1].

Независимость прокуратуры как органа власти устанавливается положениями ст. 129 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона о прокуратуре, закрепляющими один из основных принципов организации и деятельности прокуратуры – принцип независимости.

Основная часть

Согласно положениям ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и иных органов [7].

Данный принцип является определяющим принципом ее деятельности и полностью отвечает международным стандартам, в частности, рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1604 (2003) «Роль прокуратуры в демократическом правовом обществе», в которой указывается на необходимость полного избавления прокуратуры от вмешательства со стороны любой ветви власти государства в рассмотрении частных дел, и рекомендаций Комитета Министров Совета Европы Рес (2000) 19 «О роли прокурора в уголовно-правовой системе» (п. 9, 10, 36 а) [3, с. 69].

Однако понятие принципа независимости в Федеральном законе о прокуратуре не сформулировано, не отражены характерные черты принципа, не очерчены границы действия данного принципа. Под словом «независимость» понимается свобода, самостоятельность [6]. Самостоятельность и независимость государственной власти выражается в ее исключительном праве свободно решать свои задачи и выполнять свои функции в рамках права. Данному определению независимости, по мнению автора, полностью соответствует содержание принципа независимости организации и деятельности прокуратуры, которое раскрывается в науке о прокурорской деятельности и состоит в том, что

все свои функциональные решения и действия каждый прокурор осуществляет только на основе закона и своего внутреннего убеждения. Воздействие в какой-либо форме федеральных органов власти, органов местного самоуправления, политических партий, других общественных объединений или их представителей на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствовать его деятельности влечет установленную законом ответственность (дисциплинарную, административную, а также меры, применяемые в судебном порядке) [10].

Более того, установление в Федеральном законе о прокуратуре (ст. 5) требований к кому бы то ни было о недопустимости воздействия на прокурора является важной гарантией их независимости в осуществлении своей служебной деятельности [7].

Этот запрет распространяется не только на сферу прокурорского надзора, но и на иные виды работ, осуществляемых этим органом. Требование о недопустимости воздействия является важной гарантией независимости прокурорских работников по осуществлению правосудия, предварительного расследования, координации деятельности правоохранительных органов, правотворческой деятельности и др. [7].

Другой гарантией принципа независимости как условия объективности и принципиальности деятельности прокуратуры по укреплению законности, охране прав и свобод граждан является недопустимость совмещения прокурорскими работниками своей деятельности с членством в выборных и иных органах, образуемых органами государственной власти и органами местного самоуправления [7].

Прокурорские работники не могут являться членами общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности. Создание и деятельность общественных объединений, преследующих политические цели, и их организаций в органах и организациях прокуратуры не допускаются. Прокуроры в своей служебной деятельности не связаны решениями общественных объединений [7].

Кроме того, в целях реализации принципа независимости законом установлено ограничение в виде невозможности совмещения прокурорской деятельности с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью в связи с исключением материальной зависимости прокурорского работника и препятствия посредством указанной зависимости осуществлению объективной и принципиальной деятельности по укреплению законности, охране прав и свобод граждан [7].

Оплата труда прокурорского работника по совместительству ставит его в экономическую зависимость от работодателя. Безвозмездное со-

трудничество с органами власти, управления, предприятиями, учреждениями и организациями также не исключает возникновение заинтересованности и зависимости прокурорского работника, поэтому также недопустимо. Исключение в соответствии с законом составляет педагогическая, научная и иная творческая деятельность, которая может осуществляться в рамках действующего трудового законодательства без ущерба для качественного выполнения служебных обязанностей [4, с. 54].

При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Прокурорские работники не вправе входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации [5, с. 54].

Во исполнение данного положения Федеральным законом о прокуратуре также предусмотрены ограничения при приеме на службу в органы прокуратуры. Так, лицо не может быть принято на службу в органы и организации прокуратуры и находиться на указанной службе, если оно имеет гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, имеет статус иностранного агента (п. 2 ст. 40.1), что может поставить сотрудника прокуратуры в зависимость от компетентных органов иностранных государств [7].

Таким образом, призванная к участию в международной деятельности прокуратура Российской Федерации обязана соблюдать принцип независимости при осуществлении указанной деятельности.

Исследуемый принцип реализуется также и в порядке образования органов прокуратуры, порядке осуществления в них подчиненности и подконтрольности [2].

В соответствии с положениями ст. 11 Федерального закона о прокуратуре создание и деятельность на территории Российской Федерации органов прокуратуры, не входящих в единую систему прокуратуры Российской Федерации, не допускается, что способствует как единству, так и независимости органов прокуратуры от иных органов власти [7].

До принятия Федерального закона от 09.11.2020 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» реализация принципа независимости ограничивалась требованием согласования с субъектом Российской Федерации и в порядке, установленном субъектом Российской Федерации, кандидатуры прокурора субъекта при назначении последнего на должность. В настоящее время данная норма Закона о прокуратуре исключена. Действующий закон о прокуратуре предусматривает назначение прокуроров субъектов Российской Федерации Президентом после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания [8].

Следует отметить, что принцип независимости прокуратуры при осуществлении полномочий не означает ее бесконтрольности. Так, важным элементом принципа независимости прокуратуры являются его ограничения. С одной стороны, прокурор независим, не подчинен другим органам, свободен в принятии своих решений. В то же время зависим от закона, поскольку может действовать только в рамках законов, действующих на территории Российской Федерации.

К ограничениям исследуемого принципа можно отнести положения ст. 12 Федерального закона о прокуратуре, согласно которым Генеральный прокурор Российской Федерации назначается на должность Президентом Российской Федерации после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Однако указанные положения закона не являются нарушением целостности принципа независимости. Поскольку, по мнению ученых, независимостью в чистом виде не обладает ни один правоохранительный орган и даже суд. От законодательной, а тем более исполнительной власти зависят финансирование, техническое оснащение, социальное и иное обеспечение деятельности правоохранителей. Но это не означает их вмешательство в их процессуальную деятельность [2].

Ученые в качестве ограничения принципа независимости рассматривают возможность проведения прокуратурой проверки только по поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки. Возможность проведения прокуратурой проверок по поручению Президента России, плановых проверок фактически не предусмотрена [2].

Следствием этого является то, что прокуратура перестает быть субъектом самостоятельного (инициативного) выявления правонарушений, поскольку надзорная деятельность осуществляется только посредством отработки поступившей информации о нарушениях.

Данный факт Генеральный прокурор Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» ежегодно представляет Президенту страны и палатам Федерального Собрания Российской Федерации в докладе о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению, что представляет собой определенную подконтрольность Президенту и Федеральному Собранию Российской Федерации [2].

Заключение

Таким образом, говоря о содержании принципа независимости организации и деятельности прокуратуры, можно сделать вывод, что исследуемому принципу характерны следующие особенности.

Внутренняя сторона принципа независимости заключается в том, что прокурор осуществляет свою деятельность на основании закона, действует и принимает решения по своему внутреннему убеждению, никакие факторы не должны влиять на принятие прокурором законного и обоснованного решения в ходе осуществления своей деятельности. Независимость обеспечивает объективность и принципиальность деятельности прокурора. В этой связи законом предусмотрены ограничения по участию в выборных органах и членстве в общественных организациях, по совмещению прокурорской деятельности с иной оплачиваемой работой.

К внутренней стороне принципа относится организационное построение органов прокуратуры, благодаря которому органы прокуратуры могут осуществлять свою деятельность независимо от иных органов власти, поскольку образование, реорганизация и ликвидация органов и организаций прокуратуры, определение их статуса и компетенции осуществляются Генеральным прокурором Российской Федерации (п. 2 ст. 11), а создание и деятельность на территории Российской Федерации органов прокуратуры, не входящих в единую систему прокуратуры Российской Федерации, не допускается.

Внешняя сторона принципа независимости проявляется в осуществлении надзора и ненадзорной деятельности самостоятельно, независимо от других органов власти, какого-либо влияния иностранных государств. Любые попытки повлиять на принятие прокурором решения со стороны иных органов власти, должностных лиц, граждан, являются нарушением принципа независимости, сказываются на эффективности работы прокуратуры по осуществлению надзора за законностью в деятельности контролирующих и правоохранительных органов.

Если рассматривать принцип независимости, исходя из субъектов осуществления организации и деятельности прокуратуры, то можно выделить следующие уровни независимости:

- независимость прокурора;
- независимость органа прокуратуры;
- независимость системы органов прокуратуры.

Кроме того, независимость прокуратуры реализуется в зависимости от уровня прокуратуры на международном, федеральном уровне, субъектовом, региональном и местном уровнях.

Таким образом, независимость организации и деятельности прокуратуры можно определить как самостоятельность прокурора, органа прокуратуры, системы органов прокуратуры в осуществлении своей организации и деятельности, реализующейся на международном, федеральном, субъектовом, региональном и местном уровнях.

Список цитируемых источников

1. Барсукова, В. Н. Реализация принципов организации и деятельности прокуратуры российской федерации в гражданском судопроизводстве / В. Н. Барсукова // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

2. Бессарабов, В. Г. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина / В. Г. Бессарабов, К. А. Катаев. – Городец, 2007 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

3. Ергашев, Е. Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11 / Ергашев Евгений Рашидович. – Екатеринбург, 2008. – 311 л.

4. Кириллова, Н. П. Прокурорский надзор: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Н. П. Кириллова. – М.: Юрайт, 2014. – 385 с.

5. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Ю. А. Зюбанова. – Проспект, 2018 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 23.10.2024)

6. Толковый словарь Ожегова.

7. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 09.11.2020 № 367-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

9. Черепанов, М. М. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Черепанов Максим Мухтаржанович. – Екатеринбург, 2008. – 168 л.

10. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под ред. М. И. Абдулаева. – «Магистр-Пресс», 2004 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

Аннотация. В системе разделения властей прокуратура не входит ни в одну из ветвей власти. Ее организация и деятельность основаны на принципе независимости, заключающемся в самостоятельности принятия решений и осуществления деятельности как отдельными прокурорами, так

и органами прокуратуры и всей системой органов прокуратуры на различных уровнях осуществления власти.

THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN MODERN CONDITIONS

Korneva T. S.

Key words: separation of powers, organization and activities of the prosecutor's office, principles, principle of independence.

Abstract. In the system of separation of powers, the prosecutor's office does not belong to any of the branches of government. Its organization and activities are based on the principle of independence, which consists in the autonomy of decision-making and implementation of activities by both individual prosecutors and prosecutorial bodies and the entire system of prosecutor's offices at various levels of authority.

УДК 347.962

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОКУРОРАМИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Кремнева Е. В.

Ключевые слова: вред, причиненный преступлением, публично-правовое образование, деятельность прокурора.

Введение

Особый статус публично-правовых образований, а также необходимость решения национальных, общественных и иных государственных задач определяют их участие в гражданских правоотношениях, что, в свою очередь, влечет риски посягательств на принадлежащие им активы. Приходится констатировать, что положение публично-правовых образований достаточно уязвимо в силу многоуровневой системы представляющих их органов, особых способов управления принадлежащим им имуществом, а также ввиду нередкого игнорирования положений законов лицами, призванными по своему статусу напрямую способствовать их реализации, то есть самих носителей публично-властных полномочий.

В этой связи весьма востребован правовой институт возмещения вреда, который охватывает широкую совокупность норм права, опре-

деляющих круг участвующих в этих правоотношениях субъектов, основания и порядок соответствующих действий. По своей природе обязательство по возмещению вреда является формой реализации гражданско-правовой ответственности, основаниями для наступления которой служат нарушения внедоговорных или деликтных (от лат. *delictum* – правонарушение, проступок) [1, с. 119] обязательств.

Интересно отметить, что в научных трудах и разъяснениях судебной практики, посвященных вопросам уголовной ответственности, понятия «вред» и «ущерб» зачастую отождествляются [2, с. 12–16]. Так, в подп. 2.1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» под ущербом понимается имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества).

Базовым для деликтных правоотношений, как правило, является термин «вред» (такая терминология принята за основу в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее – ГК РФ), и потому именно эта категория представляется уместной для применения в уголовном законодательстве, поскольку преступление по своей правовой природе всегда деликт. Однако применительно к публично-правовым образованиям неблагоприятные последствия от любых криминальных посягательств выражаются только в виде имущественных потерь, для обозначения которых в различных отраслях права в широком смысле используется понятие «ущерб», что актуально и в контексте настоящего исследования. Причем возмещение ущерба даже от преступлений всегда производится по правилам гражданского законодательства, а назначение наказания за правонарушение и даже преступление не является основанием для освобождения от возмещения причиненного вреда.

Основная часть

Конституция Российской Федерации, гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, не определяет, в какой именно процедуре должна обеспечиваться компенсация причиненного вреда, возлагая решение этого вопроса на федерального законодателя, который, в свою очередь, установил дифференцированный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений.

В частности, гражданский иск в уголовном деле в интересах публично-правового образования вправе согласно ч. 2, 3 ст. 44, ч. 1 ст. 45,

ч. 6 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предъявить как лицо (орган), правомочное в соответствии с ГК РФ представлять его интересы, так и прокурор – в защиту интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Такие материальные требования могут быть заявлены после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. При этом определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя гражданским истцом признается само публично-правовое образование, а гражданским ответчиком в силу ч. 1 ст. 54 УПК РФ – физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением.

Гражданский иск разрешается по существу в приговоре суда (п. 10 ч. 1 ст. 299, п. 5 ч. 1 ст. 305, п. 1 ч. 1 ст. 309 УПК РФ) по тем же правилам гражданского законодательства, что и иск в гражданском судопроизводстве, однако производство по гражданскому иску в уголовном деле ведется по уголовно-процессуальным процедурам, которые создают для публично-правового образования (так и для других лиц) как пострадавшего от преступления повышенный уровень гарантий защиты его прав.

К таким гарантиям относится предусмотренная ч. 2 ст. 309 УПК РФ возможность признания судом за гражданским истцом – публично-правовым образованием – права на удовлетворение гражданского иска и передачи вопроса о размере возмещения для разрешения в порядке гражданского судопроизводства (при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с имущественными требованиями, определяющие необходимость отложения судебного разбирательства).

Однако при неразрешении гражданского иска в уголовном деле за гражданским истцом сохраняется право предъявить исковое заявление в порядке гражданского судопроизводства.

Лишь отказ суда в удовлетворении гражданского иска ввиду прекращения уголовного дела из-за отсутствия события преступления или прекращения уголовного преследования при установлении непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления препятствует прокурору обеспечить возмещение публично-правовому образованию ущерба, причиненного преступлением (при этом первое обстоятельство не исключает иные нарушения, вред от которых может компенсироваться по результатам применения других правовых механизмов, а второе – предопределяет последующее установление факти-

ческого причинителя вреда). Такие выводы суда в рамках уголовного дела блокируют и возможности искового производства по гражданскому делу, поскольку с учетом положений п. 2 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Следует отметить, что признание за гражданским истцом права добиваться возмещения вреда в порядке гражданского судопроизводства или оставление в уголовном деле гражданского иска без рассмотрения имеет разные правовые последствия.

В первом случае вопрос о возмещении является обязательным для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, других физических и юридических лиц, в том числе для судов, рассматривающих гражданские дела, и неопределенным остается лишь размер такого возмещения. А во втором – предмет судебного разбирательства шире, поскольку факты, установленные вступившим в законную силу приговором (определением, постановлением), если они не опровергнуты, подлежат учету как имеющие значение для разрешения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением. Последнее актуально и по уголовным делам, в которых гражданский иск не предъявлялся, поскольку согласно ч. 3 ст. 31 ГПК РФ в таких случаях допускается его предъявление для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства по правилам подсудности, установленным этим кодексом (как и гражданские иски, не разрешенные при производстве по уголовному делу).

В ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, ч. 4 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) предусматривается преюдициальное значение в гражданском деле приговора по уголовному делу – вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу обязательны для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого они вынесены, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации [3] признание судом при рассмотрении уголовного дела права за гражданским истцом на возмещение ему гражданским ответчиком вреда, причиненного непосредственно преступлением, свидетельствует об удовлетворении гражданского иска по существу, а значит – установление судом общих условий наступления гражданской деликтной (внедоговорной) ответственности.

Поэтому свойства обязательности и преюдициальности вступившего в силу судебного решения различаются: преюдициальность обуславливает лишь признание в другом деле ранее установленных фактов (то есть выступает формальным средством доказывания или основанием для освобождения от доказывания); общеобязательность является более широким понятием, включающим, наряду с преюдициальностью, также исполнимость содержащихся в резолютивной части судебного решения властных предписаний о конкретных правах и обязанностях субъектов. Поэтому в гражданском процессе невозможно игнорировать выводы о признании права потерпевшего на возмещение вреда, содержащиеся во вступившем в законную силу приговоре [4].

Возмещение вреда, причиненного преступлением, производится по правилам ст. 1064–1083 ГК РФ, где подробно регламентированы соответствующий порядок и способы, в том числе общие основания ответственности за причинение вреда, ответственность за вред, причиненный работником, несовершеннолетними, недееспособными лицами, деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, возмещение вреда лицом, застраховавшим свою ответственность.

Обеспечивая возмещение публично-правовым образованиям вреда, причиненного преступлением, прокуроры учитывают, что не имеет правового значения наличие или отсутствие непосредственного или косвенного обогащения (выгоды) причинителя вреда в связи с совершением противоправных деяний, поскольку факт получения выгоды от причинения вреда не указан в законодательстве как условие привлечения к гражданско-правовой ответственности.

По всем фактам причинения публично-правовым образованиям ущерба от преступных деяний прокуроры устанавливают фактические обстоятельства. Так, в зависимости от объектов, которым в итоге причиняется вред, выделяют непосредственный и опосредованный ущерб [5, с. 157–168]. Если непосредственный или прямой вред – реальная утрата имущества, в том числе денежных средств (финансов), то опосредованный или косвенный ущерб связан с причинением вреда публично-правовому образованию вследствие нарушения нормальной деятельности медицинских, правоохранительных, социальных и иных публичных органов вследствие совершения преступлений (например, заведомо ложным сообщением об акте терроризма).

Кроме того, общее правило о возложении имущественной ответственности при наличии вины не применяется в отношении лиц, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (ст. 1079 ГК РФ).

Следует отметить, что прокурору при обеспечении возмещения публично-правовым образованиям вреда, причиненного преступлениями, приходится руководствоваться широким перечнем правовых актов (бюджетным, налоговым, экологическим законодательством и др.), в том числе из-за реализованных законодателем дифференцированных подходов к определению состава и правового положения публично-правовых образований, а также предоставления им значительной дискреции в реализации полномочий.

Дискуссии по вопросу наделения непосредственно публично-правовых образований процессуальной правоспособностью ведутся с советского периода и до настоящего времени. Одни авторы принципиально возражают против отнесения публично-правовых образований к числу субъектов процессуальных правоотношений [6, с. 4–9]; другие допускают возможность участия соответствующих образований в процессуальных правоотношениях, поскольку в них участвуют государственные органы, которые реализуют возложенные государством функции [7, с. 129–137].

Анализ складывающейся правоприменительной практики показывает, что представлять интересы публично-правового образования могут: от имени Российской Федерации и ее субъектов – органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов (п. 1 ст. 125 ГК РФ); от имени муниципальных образований – органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов (п. 2 ст. 125 ГК РФ); в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, от их имени могут выступать также юридические лица и граждане (п. 3 ст. 125 ГК РФ); уставами и положениями может предусматриваться представительство иных публично-правовых образований.

Прокуроры, осуществляющие полномочия независимо от представителей публично-правовых образований и в строгом соответствии с законами, выявляют факты причинения таким образованиям ущерба и при необходимости самостоятельно применяют меры реагирования в целях восстановления их имущественных прав, что позволяет дополнительно гарантировать соблюдение законности в исследуемой сфере. Среди задач, на решение которых ориентированы в связи с этим прокуроры, – не только в пределах имеющихся полномочий своевременное предупреждение, выявление, пресечение различного рода

посягательств на соответствующие интересы, а также принятие мер по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности, но и обеспечение реального возмещения ущерба, причиненного публично-правовым образованиям.

В соответствии с п. 2, 3 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры, например, участвуют в рассмотрении дел судами в соответствии с процессуальным законодательством, исходя из общих целей прокурорской деятельности, – обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты охраняемых законом интересов общества и государства.

Пункт 1 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 03.04.2017 № 236/8 «Об организации работы по возмещению ущерба, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям преступлениями» ориентирует прокуроров принимать меры к организации работы по своевременному и квалифицированному решению вопросов, связанных с обеспечением возмещения ущерба, причиненного в результате совершения преступных деяний не только публично-правовым образованиям, но и государственным, муниципальным унитарным предприятиям. Охват вниманием прокуроров законности деятельности всех хозяйствующих субъектов, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия публично-правовых образований, обосновано позиционируется как отстаивание публичных интересов.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться с иском (заявлением) в суд, если требуется защита интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, то есть к таким субъектам не отнесены юридические лица, в уставном фонде которых есть доля участия публично-правового образования.

В свою очередь, арбитражное судопроизводство предоставляет прокурору правомочие на обращение в суд с иском о признании сделок недействительными либо о применении последствий недействительной ничтожной сделки, совершенной не только органами публично-правового образования, но и государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия соответствующего публично-правового образования. Однако ст. 52 АПК РФ ограничивает прокуроров в выборе способов защиты от нарушений, предоставляя им право обращаться в арбитражный суд только в определенных случаях. При этом прокурор лишен возмож-

ности предъявлять требования, напрямую связанные с возмещением ущерба (например, о взыскании неустойки, о возмещении убытков, о присуждении к исполнению обязанности в натуре и др.), кроме требований о возмещении ущерба, причиненного публично-правовым образованиям в результате нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа, а также законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (абзац восьмой ч. 1 ст. 52 АПК РФ).

Между тем при взаимосвязи требований прокуроры в целях процессуальной экономии, исходя из обстоятельств конкретного дела, сочетают различные способы защиты интересов публично-правовых образований (например, требование о признании права отсутствующим заявляется наряду с признанием недействительности сделок по передаче муниципального имущества в качестве вклада в уставный капитал общества и применением последствия недействительности этих ничтожных сделок [8]).

Заключение

Завершая изложение, важно отметить, что современный правовой базис деятельности прокуроров при обеспечении возмещения публично-правовым образованиям вреда, причиненного преступлениями, опирается на широкий круг источников – как общих (Конституция Российской Федерации, процессуальное законодательство и др.), так и отраслевых. Прокуроры с учетом своего статуса обладают возможностью добиваться соблюдения законности посредством реализации различных полномочий, в том числе через инициирование применения средств судопринуждения или вступление в процесс для выражения своей независимой позиции по делу и содействия разбирательству в интересах верховенства закона.

Список цитируемых источников

1. *Маматов, М. В.* Деликт / М. В. Маматов // Юридическая энциклопедия / под общ. ред. О. С. Капинус. – Т. 3. – М.: ООО «Буки Веди», 2017–535 с.
2. *Нагиева, Э. Э.* К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» / Э. Э. Нагиева // Рос. следователь. – 2009. – № 18.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Уния» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 04.06.2009 № 1005-О-О.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекам-

скнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 05.02.2007 № 2-П.

5. *Фицай, Д. А.* Гражданско-правовые способы защиты экологических прав в Российской Федерации / Д. А. Фицай // Журн. рос. права. – 2024. – № 4.

6. *Смагина, Е. С.* Некоторые вопросы защиты интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в гражданском процессе / Е. С. Смагина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 9.

7. *Викут, М. А.* Участие финансовых органов в гражданском судопроизводстве / М. А. Викут // Защита личных и общественных интересов в гражданском судопроизводстве. – Калинин, 1985. – С. 129–137.

8. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 17.05.2021 № 310-ЭС21–5283 по делу № А83–5564/2019.

Аннотация. В статье раскрыты правовые аспекты обеспечения возмещения вреда, причиненного публично-правовым образованиям, в результате совершения преступления. Приведена законодательная регламентация разрешения гражданского иска в уголовном деле и основания для разрешения вопроса о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства.

LEGAL REGULATION OF PROSECUTORS' ACTIVITIES TO ENSURE COMPENSATION TO PUBLIC LEGAL ENTITIES FOR HARM CAUSED BY CRIMES

Kremneva E. V.

Key words: harm caused by a crime, public law education, prosecutor's activity.

Abstract. The article reveals the legal aspects of ensuring compensation for damage caused to public legal entities as a result of the commission of a crime. The legislative regulation of the resolution of a civil claim in a criminal case and the grounds for resolving the issue of compensation for damage in civil proceedings are given.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Маматов М. В., Маслов И. А.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, искусственный интеллект, технологии, цифровизация, правонарушения.

Введение

Применение прогрессивных технологий в современной деятельности прокуратуры неуклонно продвигается.

Выступая в 2024 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с ежегодным докладом о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению, Генеральный прокурор Российской Федерации отметил поступательное внедрение современных технологий в деятельность прокуратуры, указав, что применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) может повысить качество информационно-аналитической работы, помочь в прогнозировании уровня преступности и оценке нормативно-правовых актов, однако заменить профессионально подготовленного прокурора он не в состоянии – «решение должен принимать человек» [9].

Основная часть

В ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека (такие решения в комплексе охватывают информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений). К технологиям ИИ отнесены технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интел-

лектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта).

Применение такого потенциала имеет весьма разносторонний характер и может быть связано с самостоятельным выявлением прокурорами нарушений закона, с реализацией необходимых процедур (например, доказывание), с обеспечением надзорными средствами надлежащего исполнения законодательства. Перспективным направлением для использования возможностей ИИ в работе органов прокуратуры может быть обеспечение законности в сфере действия законодательства об административной ответственности, где уже используются информационные технологии при выявлении нарушений, но такая деятельность требует надлежащего обеспечения как в техническом плане, так и в плане межведомственного взаимодействия.

Прокуроры уже сталкивались в своей работе с применением в ряде регионов технологий электронного мониторинга местоположения в отношении граждан с наличием коронавирусной инфекции или с подозрением на ее наличие, лиц с проявлениями острых респираторных заболеваний, находящихся на самоизоляции по назначению медицинских организаций или в соответствии с постановлениями санитарных врачей, а также совместно проживающих с ними лиц. При этом, например, Кодекс города Москвы об административных правонарушениях в апреле 2020 г. дополнен ст. 3.18¹, предусматривающей административную ответственность за нарушение требований нормативных правовых актов города Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории столицы, а в ч. 1¹ ст. 16.6 этого кодекса установлен упрощенный порядок привлечения к административной ответственности при выявлении нарушений с применением технологий электронного мониторинга местоположения. Между тем исследователями [3, с. 32–35; 4, с. 96–110] отмечались факты некорректной работы этих технологий и несогласованность действий различных уполномоченных органов, а также указывалось на несоответствие этих нововведений положениям ч. 3 ст. 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), допускающим использование работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи (далее – комплексы фотовидеофиксации) для выявления административных правонарушений, предусмотренных лишь гл. 12 этого кодекса (административные правонарушения в области дорожного движения) или в области благоустройства территории, предусмотренных законом субъекта Российской Федерации.

Фиксация административных правонарушений в области дорожного движения посредством таких комплексов применяется с июля 2008 г. За это время соответствующий технико-юридический инструментарий показал свою высокую востребованность в административно-юрисдикционной сфере, а также способность позитивно воздействовать на безопасность дорожного движения и культуру всех участников этих правоотношений. Применение комплексов фотовидеофиксации стало особенно актуальным на фоне значительного парка автомобильной техники на территории Российской Федерации.

Следует учитывать, что иногда привлечение к административной ответственности признается в последующем незаконным из-за нарушений [6], допущенных при функционировании самих комплексов фотовидеофиксации. Очевидно, что рекордные показатели выявляемости нарушений комплексами фотовидеофиксации на некоторых участках могут свидетельствовать об избыточно установленных ограничениях либо проблемах с организацией дорожного движения (нехватка знаков, отсутствие разметки и др.).

Важно отметить, что на территории многих государств – участников СНГ практикуется использование комплексов фотовидеофиксации для выявления административных правонарушений (Республика Армения, Азербайджанская Республика, Республики Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республики Таджикистан, Узбекистан).

Исследованиями [2, с. 63–71] подтверждено, что в условиях автоматизации административно-юрисдикционных процессов, в том числе в сфере обеспечения правопорядка в российских городах с применением камер видеонаблюдения с технологией распознавания лиц, влияние оценочных положений, (например, о малозначительности правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ)) уменьшается, при том, что формально правоприменитель сохраняет связанные с этим дискреционные полномочия и может их реализовать, оценив все обстоятельства правонарушения на основе данных систем объективного контроля.

Использование прогрессивных информационных технологий, в том числе возможностей ИИ, способно привнести много нового и в процессуальную работу прокуроров, поскольку это позволит существенно облегчить деятельность всех участников судопроизводства, например, для органов прокуратуры обеспечить большую автоматизацию управления, скорректировать нагрузку по мониторингу дел, требующих внимания, ускорить работу на этапе обращения в суд, повысить качество направляемых в суд документов и интенсифицировать их подготовку, усовершенствовать подходы к формированию доказательствен-

ной базы, оптимизировать оспаривание незаконных судебных актов. С другой стороны, прокуроры могут столкнуться с ситуациями, которые возникли в связи с внедрением ИИ и требуют разрешения в судебном порядке.

Надо учитывать, что во многих странах ИИ уже используется для изучения практики, прогнозирования судебных решений и даже разрешения простых дел. Идея прогнозируемого правосудия популярна в странах англосаксонского права, где ИИ активно применяют для анализа массива данных и разработки рекомендаций судьям (например, для принятия решения о выпуске под залог). Во Франции таким образом готовят варианты решения арбитражных споров. В Китае заседания суда идут преимущественно в онлайн-формате (чтобы перейти в офлайн, требуется специально подавать заявление), а часть споров вообще разрешает умный алгоритм в WeChat – например, споры, связанные с онлайн-коммерцией. В Колумбии недавно процесс провели в «метавселенной», когда аватары участников присутствовали в виртуальном зале суда [5].

Интересно, что органы судебной власти Англии и Уэльса опубликовали [11; 13] руководство для судей по использованию технологий ИИ (таких как ChatGPT от OpenAI), которое описывает принципы работы алгоритмов ИИ, возможные риски его использования, а также положительные и отрицательные примеры его применения.

Согласно этому документу допустимо перепоручение нейросети части текущих судебных задач, а правовую оценку должны давать лица, выносящие решения по делам. При этом предписано ограничить использование ИИ в исследовании положений закона, судебных решений и прецедентов, а также избегать разглашения в чат-ботах информации о рассматриваемых судом делах. Также определен перечень признаков, позволяющих установить, что доказательства или аргументы сторон созданы ИИ (ссылка на неизвестные ранее либо фиктивные дела по одному и тому же вопросу и др.).

В целях упреждения ошибок в этом руководстве пояснено, например, что чат-боты не выдают ответы на основе баз данных с прецедентными решениями, а генерируют новый текст, используя алгоритмы, основанные на полученных указаниях и данных, на которых их обучали, то есть на выходе получается просто наиболее вероятная комбинация слов на основе документов и данных источников, что не означает выдачу самого точного ответа. Даже при введении четких указаний полученные ответы могут быть неполными, вводящими в заблуждение или необъективными. Неправильным признано использование ИИ для проведения исследования по поиску новой информации, которую не-

возможно верифицировать, – важна проверка любых сведений, полученных с помощью ИИ. Рекомендовано использование ИИ для краткого изложения больших объемов текста (но тоже с определенной долей осторожности), составления презентаций, электронных писем.

Таким образом признается, что ИИ дает новые возможности для системы правосудия (нейросети помогают оптимизировать правосудие), но несет и новые риски, причем общество пока не готово к тому, что итоговые решения по спорам будет выносить ИИ. В России же, по отзывам экспертов, к этому пока не готовы ни судьи, ни потенциальные заявители [11], что, на наш взгляд, связано с несвойственностью ИИ общечеловеческих установок (моральных ценностей, чувственного восприятия и пр.), которые не стесняют нейросеть в стремлении к цели или соответствию контексту, тогда как для юридически значимых документов критически важным [15] свойством излагаемой информации является ее соответствие действительности и актуальность.

Недостаток у ИИ этих гуманистических качеств лежит в основе тех широко обсуждаемых случаев [8], когда ИИ не оправдал возложенных на него надежд. Например, в 2016 г. в Австралии местный департамент социального обеспечения запустил алгоритм Robodebt, который автоматически проверял, законно ли человеку назначили пособие, но уже в 2019 г. его применение признали опасным, поскольку алгоритм ошибочно приписал несуществующие долги полумиллиону граждан. Федеральный суд страны признал их потерпевшими и постановил выплатить им 751 млн австралийских долларов в качестве компенсации.

В другом случае адвокат из Нью-Йорка в 2023 г. использовал ChatGPT для составления юридической претензии по спору его подзащитного с авиакомпанией. Выяснилось, что ИИ при поиске похожих исков выдумал некоторые кейсы – шесть из представленных дел представляли собой фиктивные судебные решения с фальшивыми цитатами. Адвокату пришлось публично извиниться и пообещать не использовать больше ИИ в работе, а также выплатить штраф в размере 5 тыс. долларов США (в итоге коллегии нескольких штатов страны издали рекомендации по ограничению использования генеративного ИИ, а некоторые полностью запретили его в судах). Аналогичный инцидент произошел в Канаде, где за неудачное применение ИИ с юриста взыскали все судебные издержки по делу.

На этом фоне вполне закономерно осознание того, что ИИ имеет ограниченный функционал, применение которого может иметь как позитивный, так и негативный эффект [1, с. 40–44].

В отечественной правовой действительности имеется много оснований для того, чтобы разработать такую систему, где можно наложить

нейросети на нормативную базу и судебную практику (в данном случае преимущества связаны с принятой в Российской Федерации романо-германской правовой системой, которой присуще использование закона (нормативного правового акта) как основного источника права с четким отраслевым делением норм права). Такой подход способен синтезировать оригинальные результаты и особенно там, где речь идет о значительном объеме данных, об однотипных случаях – с этим ИИ может справляться хорошо.

Среди первых попыток [7] подключить ИИ к решению юридических вопросов – робот LegalApe 2.8, представленный компанией «МегаФон» в 2018 г., который даже принял участие в правовом батле с представителем юридического сообщества, но проиграл человеку.

Проблемы могут появляться там, где возникают редкие ситуации или речь идет о новом законодательстве, поскольку нейросеть не может генерировать новые знания. В перспективе можно ставить вопрос о подключении ИИ к автоматизированному составлению проектов судебных актов, хотя проблема «галлюцинаций нейросетей» сейчас актуальна как никогда.

Одна из актуальных задач цифровизации правосудия сейчас – это создание «бесшовного» юридически значимого электронного документооборота, то есть возможность получения электронного дела без необходимости несколько раз преобразовывать электронный документ в бумажный и обратно, поскольку это весьма ресурсоемкая процедура.

В целом сейчас функционируют 2 307 сайтов федеральных судов общей юрисдикции, 115 сайтов федеральных арбитражных судов, 84 сайта региональных управлений судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, 258 сайтов органов судейского сообщества и 7 818 сайтов судебных участков мировых судей [12]. Именно возможности этой разветвленной сети во многом являются основой для реализации задач электронного правосудия. В перспективе у органов власти и кредитных организаций появится возможность обращаться в суд через Единую систему межведомственного электронного взаимодействия.

Надо отметить, что увеличивается, по оценкам экспертов [10], и количество судебных решений по спорам, связанным с применением ИИ (споры по предоставлению грантов на разработку IT-продуктов с использованием ИИ, по лицензионным договорам или договорам на разработку ПО, которое использует ИИ и др.). Одной из выявленных практикой тенденций является то, что договоры компаний – разработчиков ИИ уже включают положения об ответственности разработчика и непосредственного пользователя (как правило, распределение от-

ветственности напрямую зависит от того, кто осуществляет обучение и последующую донастройку системы ИИ): в данном случае разработчик снимает с себя ответственность и перекладывает ее и риски, сопряженные с использованием ИИ, на пользователя, который обучает систему самостоятельно. Эти подходы необходимо учитывать прокуратуре и иным государственным органам, планирующим использовать возможности ИИ.

В ходе состоявшейся в 2024 г. в Санкт-Петербурге встречи [14] глав прокуратур стран БРИКС Генеральный прокурор Российской Федерации сообщил о разработке в стране специализированного программного обеспечения для борьбы с увеличивающимся количеством преступлений, связанных с криптовалютами и другими цифровыми активами – такой софт применяется как для мониторинга финансовых операций, так и для проведения расследований, что позволяет успешно раскрывать всю схему операций и цепочку вовлеченных в процесс пользователей (доля IT-преступлений в России составляет уже более $\frac{1}{3}$ от всех регистрируемых). При этом имеющийся доступ более чем к 80 видам сведений государственных органов, позволяет проверять законность сделок, выявлять факты манипулирования рынком, коррупции, отмывания доходов и финансирования терроризма. Как отмечено, только в 2023 г. такой подход позволил пресечь легализацию 46 млрд рублей, заблокировать вывод за рубеж активов на 7 млрд рублей, а также сохранить имущественные комплексы девяти промышленных предприятий.

Заключение

Таким образом, в ходе технологической трансформации прокуратуры уже состоялась значительная автоматизация ее деятельности, которая включает электронное внутриведомственное информационное взаимодействие, а также мгновенный обмен с другими структурами сведениями, необходимыми для оперативного устранения нарушений закона, в том числе процессуальными средствами. Очевидно, что эта работа требует дальнейшего развития с учетом уровня прогресса, что, однако, еще не исключает человека как основного звена в этой сложной системе.

Список цитируемых источников

1. Куликов, С. Б. Правовые стимулы и ограничения в механизме регулирования искусственного интеллекта в контексте реализации правоохранительной функции государства / С. Б. Куликов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 7. – С. 40–44.
2. Маматов, М. В. Институт малозначительности: практика несудебных административно-юрисдикционных органов и прокурорского надзора /

М. В. Маматов, И. А. Маслов // Роль прокурора в системе судебной защиты публичных интересов: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., проведенной в рамках Кутафинских чтений, 29 нояб. 2019 г.; под ред. Т. И. Отческой – М., 2021. – С. 63–71.

3. Никулин, М. И. Проблемы правовой регламентации порядка привлечения к административной ответственности за нарушение режима повышенной готовности в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / М. И. Никулин, Л. А. Рерих // Административное право и процесс. – 2020. – № 12. – С. 32–35.

4. Савельев, А. И. (Анти)социальный мониторинг: право и (или) целесообразность? / А. И. Савельев // Закон. – 2020. – № 8. – С. 96–110.

5. Искусственный интеллект зовут в суд. В Совете Федерации обсудили перспективы цифровых технологий в судопроизводстве (27.12.2023) // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6427355> (дата обращения: 10.06.2025).

6. Камера, которая штрафует за проезд домой. В ГИБДД все объяснили (26.11.2020) // РБК: [сайт]. – URL: <https://www.autonews.ru/news/5fbe537d9a7947286e88f965> (дата обращения: 10.06.2025).

7. Нейросеть заходит в суд. Искусственный интеллект натаскивают на проверку судебных решений (27.05.2024) // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6727888> (дата обращения: 10.06.2025).

8. Отказ в пособиях и судебные подлоги: топ-10 провалов ИИ (16.07.2024) // РБК. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/669624ca9a79471fed958217> (дата обращения: 10.06.2025).

9. Генеральный прокурор РФ И. Краснов доложил сенаторам о состоянии законности и правопорядка, а также о работе по их укреплению (24.04.2024) // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/155894/?hl=%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 10.06.2025).

10. Спорный интеллект. Количество судебных разбирательств вокруг использования ИИ выросло (29.03.2024) // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6596724> (дата обращения: 10.06.2025).

11. Судам Англии и Уэльса предписали ответственно относиться к использованию ИИ (12.12.2023) // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc> (дата обращения: 10.06.2025).

12. Суды погружаются в сеть. Третья власть хочет быть правильно понята обществом (04.04.2024) // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6617238> (дата обращения: 10.06.2025).

13. Судьям в Англии разрешили пользоваться искусственным интеллектом. Власти подготовили руководство по его внедрению, которое позволяет решать текущие задачи правосудия (13.12.2023) // ПравоRU. – URL: <https://pravo.ru/news/250405> (дата обращения: 10.06.2025).

14. В Санкт-Петербурге состоялась 6-я встреча руководителей прокурорских служб государств БРИКС (19.06.2024) // Генеральная прокуратура Рос-

сийской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=95731896> (дата обращения: 10.06.2025).

15. Юристы уличили искусственный интеллект во лжи при подготовке юридических документов (31.05.2023) // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2023/05/31/iuristy-ulichili-iskusstvennyj-intellekt-vo-lzhi-pri-podgotovke-iuridicheskikh-dokumentov.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых вопросов, связанных с применением современных технологий и их влиянием на прокурорскую деятельность, а также потенциала использования возможностей искусственного интеллекта в правоприменении.

SOME ISSUES OF THE USE OF ADVANCED TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE: REALITIES AND PROSPECTS

Mamatov M. V., Maslov I. A.

Key words: prosecutor's office, prosecutor, artificial intelligence, technology, digitalization, offenses.

Abstract. The article analyzes some issues related to the use of modern technologies and their impact on prosecutorial activities, as well as the potential for using artificial intelligence in law enforcement.

УДК 343.163

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Савчук Т. А., Гасанов А. П.

Ключевые слова: служба в органах прокуратуры, прокурорская служба, прекращение службы в органах прокуратуры.

Введение

Государственная служба прокуроров занимает одно из значимых мест в иерархии профессиональной правоохранительной деятельности, эффективность которой в решении государственных задач в экономической, политической, социальной и иных сферах зависит от качественного подбора, рациональной расстановки и сохранения кадрового потенциала надзорного ведомства. Справедливо мнение о том, что эти вопросы «... должны стать одними из основных направле-

ний модернизации государственно-служебных отношений, поскольку перспективы развития самой прокуратуры ... во многом определяются качественным составом кадров, их профессиональной, деловой и моральной подготовленностью к выполнению возложенных на них функций» [1, с. 81]. Между тем названные аспекты прокурорской службы остаются без должного внимания белорусских авторов. В единичных публикациях они затрагивают лишь вопрос видовой принадлежности службы в органах прокуратуры, относя ее к правоохранительной службе (Л. А. Краснобаева [2, с. 12]), к службе в представительских органах власти (О. И. Чуприс [3, с. 16]), предлагая наделить прокуратуру статусом военизированной организации (А. Дмитриев [4, с. 35]), а также рассматривают вопросы профессиональной подготовки и переподготовки прокуроров (Л. Зайцева [5], Л. Радькова [6], Н. Г. Якименко [7]). Разноплановые вопросы поступления и прохождения службы в органах прокуратуры Республики Беларусь входят в сферу научных интересов авторов настоящей статьи, а предметом данного исследования являются правовые нормы, регламентирующие основания прекращения службы в органах прокуратуры, имеющие некоторую нормативную пробельность, что требует разработки иного подхода к их изложению. Кроме того, отсутствие целенаправленного исследования вопросов прекращения прокурорской службы в белорусской юриспруденции (такие аспекты рассматривались только К. И. Кеник в контексте общих вопросов прекращения государственной службы) демонстрирует важность рассмотрения данной проблематики и в теоретическом контексте.

Основная часть

Прекращение службы в органах прокуратуры, как и прекращение государственной службы в целом, в законодательстве Республики Беларусь раскрывается через призму ее оснований. В то же время важное значение имеет смысловое значение понятия «прекращение государственной службы», которое предлагает К. И. Кеник, понимая под ним «прекращение полномочий государственного служащего в государственном органе в результате увольнения с государственной службы по основаниям, предусмотренным законодательством о государственной службе и о труде» [8, с. 290]. Такая трактовка подчеркивает формально-определенный характер прекращения государственной службы, ключевой особенностью которого является то, что ее прекращение возможно только по основаниям (юридическим фактам), прямо предусмотренным законодательством, что обеспечивает стабильность государственной службы и защищенность прав государственных служащих. Применительно к прокурорской службе такие основания предусмотрены в п. 70 Положения о прохождении службы в органах

прокуратуры Республики Беларусь (утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 181 (в ред. от 29.08.2023 № 271), далее – Положение), анализ содержания которых позволяет предложить авторскую дифференциацию их на три группы: 1) волевые действия сторон; 2) обстоятельства, не зависящие от воли сторон; 3) события, связанные с утратой доверия.

Предваряя характеристику каждой названной группы оснований, обратим внимание на подп. 70.2 Положения, представляющий собой бланкетную норму с указанием на п. 6 Положения, содержащий основания, которые препятствуют поступлению на службу в органы прокуратуры. Поскольку прекращение службы предполагает наличие уже состоявшихся служебных правоотношений, то такие основания, как отсутствие у лица гражданства Республики Беларусь, наличие гражданства (подданства) другого государства (подп. 6.1), признание его недееспособным или ограниченно дееспособным (подп. 6.2), наличие заболевания, препятствующего выполнению служебных обязанностей (подп. 6.6), должны выступать как безусловные основания для отказа в приеме на службу в органы прокуратуры. В то же время такие обстоятельства могут возникнуть при прохождении службы, поэтому в п. 70 Положения они должны быть закреплены в виде обособленных оснований и в иной формулировке, а именно: *выход из гражданства или утрата гражданства Республики Беларусь, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства; вступление в законную силу решения суда о признании прокурора недееспособным или ограниченно дееспособным; признание прокурора не способным по состоянию здоровья исполнять свои служебные обязанности* (при наличии заключения врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения). Кроме того, нами позиционируется идея о четком нормативном разграничении поступления и несения службы в органах прокуратуры, что предлагается отразить в Положении [9, с. 131], поэтому предусмотренные подп. 70.2 Положения обстоятельства, касающиеся несения службы лиц, связанные с непосредственной подчиненностью и подконтрольностью прокуроров ввиду их родства (свойства), выделяются нами как обстоятельства, учитываемые при поступлении на службу.

Первая группа оснований прекращения службы в органах прокуратуры – волевые действия сторон, на наш взгляд, включает такие закреплённые в Положении основания, как: 1) истечение срока действия контракта, когда одна из сторон решила прекратить трудовые отношения; соглашение сторон (подп. 70.3); 2) соглашение сторон (подп. 70.4); 3) отставка (подп. 70.5); 4) перевод на службу (работу) к другому нани-

мателю (подп. 70.6); 5) отказ от принесения Присяги (подп. 70.9); 6) избрание депутатом Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, местного Совета депутатов, избрание (назначение) членом Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и осуществление указанных полномочий на профессиональной основе (подп. 70.14); 7) ликвидация органа прокуратуры (его структурного подразделения), сокращение численности и (или) штата в случае, если прокурор отказывается от перевода на другую должность (подп. 70.15). В данную группу следует включить предложенное нами выше основание прекращения службы – выход (утрата) из гражданства Республики Беларусь, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства. Объединение перечисленных обстоятельств в эту группу обусловлено тем, что эти действия характеризуются наличием осознанной цели, конкретных мотивов и волевых усилий прокурора и (или) руководителя органа прокуратуры.

Ввиду отстаиваемой нами идеи о выделении службы в органах прокуратуры в отдельный вид государственной службы [10, с. 144–145] считаем, что вопросы отставки прокуроров должны регламентироваться только Положением (но не законодательством о государственной службе). В связи с этим видится целесообразным включить в Положение норму следующего содержания: отставкой признается прекращение службы прокурором по его инициативе при наличии стажа работы для мужчин – не менее 30 лет, для женщин – не менее 25 лет, в том числе стажа службы не менее 20 лет, а также по состоянию здоровья прокурора, которое препятствует исполнению им служебных обязанностей, подтвержденному заключением врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения.

Вторую группу оснований прекращения службы в органах прокуратуры составляют обстоятельства, не зависящие от воли сторон, иначе говоря, такие события (условия), которые приводят к прекращению служебных правоотношений независимо от желания прокурора и руководителя органа прокуратуры. В данную группу предлагаем объединить следующие основания, указанные в Положении:

- 1) достижение прокурором предельного возраста, установленного для пребывания на должности, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь (подп. 70.1). Учитывая, что предельный возраст пребывания на государственной гражданской службе определен 65 лет, а также то, что должности заместителей Генерального прокурора Республики Беларусь, прокуроров области и г. Минска не подпадают под это правило (они включены в кадровый реестр Главы государства), а должность Генерального прокурора Республики Беларусь отнесена

к высшим государственным должностям Республики Беларусь (т. е. лица, занимающие данные должности могут нести службу и после достижения ими предельного возраста), видится целесообразным закрепить это в виде примечания к п. 70 Положения;

2) восстановление в должности прокурорского работника, ранее занимавшего данную должность (при отказе от перевода на другую должность или невозможности такого перевода) (подп. 70.16);

3) смерть (гибель) прокурора (п. 70.17);

4) признание прокурора в установленном порядке безвестно отсутствующим либо умершим (подп. 70.18).

В рассматриваемом контексте видится корректным к данной группе оснований прекращения прокурорской службы отнести такие, как вступление в законную силу решения суда о признании прокурора недееспособным или ограниченно дееспособным; признание прокурора не способным по состоянию здоровья исполнять свои служебные обязанности (при наличии заключения врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения). Обоснование такой формулировки оснований аргументировано нами выше.

К третьей группе оснований прекращения службы в органах прокуратуры предлагаем отнести обстоятельства, связанные с утратой доверия, которые выражаются в нарушении прокурором требований законодательства и служебной дисциплины. В число таких оснований входят закрепленные в Положении факты, свидетельствующие:

1) о разглашении прокурором государственных секретов и иной охраняемой законодательством тайны (подп. 70.8), что в первую очередь ставит под угрозу национальную безопасность Республики Беларусь, и, безусловно, несовместимо с престижем прокурорской службы;

2) нарушении требований законодательства при приеме на службу в органы прокуратуры (подп. 70.10). Полагаем, что данная формулировка нуждается в уточнении, что такие нарушения исходят от лица, претендующего на должность прокурора, а под нарушениями в контексте данной нормы предлагаем понимать предоставление заведомо недостоверных сведений (документов) при поступлении на службу, а равно сокрытие информации при поступлении и нахождении на службе;

3) неудовлетворительном результате предварительного испытания (подп. 70.12), которое может устанавливаться по решению Генерального прокурора Республики Беларусь на срок до трех месяцев (п. 13 Положения) для определенной категории лиц (п. 14 Положения). По замыслу законодателя такие лица освобождаются от прохождения стажировки, а предварительное испытание преследует цель – проверить наличие

у них профессиональных и моральных качеств, необходимых для выполнения служебных обязанностей в статусе прокурора;

4) несоблюдении ограничений, связанных со службой в органах прокуратуры, установленных Конституцией Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), иными законодательными актами и Положением (подп. 70.7);

5) грубом нарушении служебных обязанностей, служебной дисциплины, совершении действий, дискредитирующих звание прокурорского работника и несовместимых со службой в органах прокуратуры (подп. 70.11). На наш взгляд, это основание состоит из двух обособленных групп обстоятельств, изложенных не вполне корректно.

Так, ст. 53 Закона о прокуратуре определяет, что служебная дисциплина – это «исполнение прокурорскими работниками своих служебных обязанностей, установленных Законом о прокуратуре, иными актами законодательства, Присягой прокурорского работника, Кодексом чести прокурорского работника Республики Беларусь, приказами (распоряжениями) Генерального прокурора Республики Беларусь и других руководителей органов прокуратуры, должностными инструкциями, а также условий заключенных с прокурорскими работниками контрактов (срочных трудовых договоров)». Иными словами, грубое нарушение прокурором служебных обязанностей равнозначно нарушению служебной дисциплины, поэтому очевидна нормативная тавтология.

В свою очередь, перечень дискредитирующих обстоятельств приводится в Декрете Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (п. 6), среди которых можно выделить неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое дисциплинарное взыскание; однократное грубое нарушение трудовых обязанностей (например, прогул, появление на работе в состоянии алкогольного опьянения); неоднократное нарушение установленного законодательством порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц; несоблюдение ограничений, связанных с государственной службой; разглашение государственным служащим сведений, составляющих государственные секреты; совершение проступка, несовместимого с нахождением на государственной службе. Приведенный перечень согласуется с этимологией термина «дискредитировать» – «подорвать доверие к кому-либо» [11, с. 259]. Таким образом, дискредитирующие обстоятельства – это всегда умышленные действия, направленные на подрыв авторитета службы, которые являются основанием для утраты доверия к прокурору со стороны руководства.

Обратим внимание, что приведенный перечень дискредитирующих обстоятельств содержит самостоятельные основания для прекращения прокурорской службы: несоблюдение ограничений по службе и разглашение государственных секретов (подп. 70.7, 70.8 Положения); основания, образующие нарушение прокурором служебной дисциплины (грубое нарушение служебных обязанностей (подп. 70.11 Положения), что указывает на изложение в одной норме дублирующих понятий; основания, составляющие правила поведения прокурора в служебной деятельности, установленные Кодексом чести прокурорского работника. Изложенное приводит к выводу о том, что подп. 70.11 Положения целесообразно изложить в иной редакции, предусмотрев в качестве основания для прекращения службы в органах прокуратуры «нарушение прокурором служебной дисциплины, совершение действий, дискредитирующих звание прокурора и несовместимых со службой в органах прокуратуры». Такой подход корреспондирует к исключению из п. 70 Положения такого обособленного основания прекращения прокурорской службы, как «несоблюдение ограничений, связанных со службой в органах прокуратуры, установленных Конституцией Республики Беларусь, Законом о прокуратуре Республики Беларусь, иными законодательными актами и указанным Положением».

К основаниям прекращения прокурорской службы, связанным с утратой доверия, следует относить совершение прокурором умышленного преступления, установленного вступившим в законную силу приговором суда (подп. 70.13 Положения). Данная норма нуждается в конкретизации, поскольку по ее прямому смыслу можно предположить, что совершение прокурором преступления по неосторожности не исключает возможности продолжения им службы в органах прокуратуры. В связи с этим предлагаем цитируемую норму изложить иначе, указав, что основанием прекращения службы в органах прокуратуры является «вступление в законную силу обвинительного приговора».

Заключение

Вышеизложенное позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию правовой регламентации оснований прекращения службы в органах прокуратуры. Представляется целесообразным вопросы прекращения прокурорской службы регламентировать только Положением о прохождении службы в органах прокуратуры, при этом в Положении следует:

- во-первых, закрепить исчерпывающий перечень оснований для прекращения службы в предложенном нами иерархическом порядке, согласно авторской дифференциации их по группам на волевые дей-

ствия сторон; обстоятельства, не зависящие от воли сторон; события, связанные с утратой доверия;

- во-вторых, разграничить основания для отказа в приеме на службу в органы прокуратуры и основания для прекращения службы, взяв за основу разработанные нами рекомендации по корректировке отдельных подпунктов п. 6 и подп. 70.2 Положения, что сделает построение норм Положения логичным, последовательным и соподчиненным;
- в-третьих, исключить из него норму, закрепляющую возможность прекращения службы по обстоятельствам, предусмотренным иными законодательными актами (данный тезис основан на позиционировании нами идеи о выделении прокурорской службы в обособленный вид государственной службы).

Список цитируемых источников

1. Гаплаев, А. М. Актуальные проблемы кадровой политики в органах прокуратуры и пути их разрешения / А. М. Гаплаев // Молодой ученый. – 2022. – № 25. – С. 80–82.
2. Краснобаева, Л. А. Государственная служба в правоохранительных органах / Л. А. Краснобаева // Вестник Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Серия 4. Право. – 2014. – № 1. – С. 9–13.
3. Чуприс, О. И. Концептуальные проблемы законодательства о государственной службе Республики Беларусь и пути его совершенствования / О. И. Чуприс // Право.by. – 2008. – № 2. – С. 14–22.
4. Дмитриев, А. О совершенствовании законодательства, регламентирующего деятельность органов прокуратуры Республики Беларусь / А. Дмитриев // Законность и правопорядок. – 2022. – № 3. – С. 35–39.
5. Зайцева, Л. Повышение квалификации прокурорских работников в Республике Беларусь / Л. Зайцева // Законность и правопорядок. – 2009. – № 3. – С. 41–44.
6. Радькова, Л. Начало профессионального пути / Л. Радькова // Законность и правопорядок. – 2017. – № 2. – С. 41–42.
7. См.: Якименко, Н. Г. Повышение квалификации прокурорских кадров в сфере управления / Н. Г. Якименко // Законность и правопорядок. – 2016. – № 1. – С. 10–12; Якименко, Н. Г. Квалификационные требования – основы формирования высокопрофессионального состава прокурорских работников / Н. Г. Якименко // Законность и правопорядок. – 2014. – № 1. – С. 5–7.
8. Кеник, К. И. Правовое регулирование труда государственных служащих / К. И. Кеник. – Мн.: Дикта, 2006. – 347 с.
9. Гасанов, А. П. Совершенствование порядка приема на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь / А. П. Гасанов // Проблемы управления. – 2025. – № 1. – С. 125–132.
10. Савчук, Т. А. Служба в органах прокуратуры Республики Беларусь: понятие и место в системе государственной службы / Т. А. Савчук, А. П. Гасанов // Проблемы управления. – 2024. – № 2. – С. 140–145.

11. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеолог. выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и Образование, 2019. – 1376 с.

Аннотация. В статье исследуются правовые нормы, закрепляющие основания прекращения службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, выявляется их нормативная некорректность и неточность формулировок. В результате проведенного исследования предлагается авторская дифференциация оснований прекращения прокурорской службы на три группы: волевые действия сторон; обстоятельства, не зависящие от воли сторон; события, связанные с утратой доверия, а также формулируются рекомендации по нормативному совершенствованию оснований для прекращения службы в органах прокуратуры.

GROUND S FOR TERMINATION OF SERVICE IN THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT LEGISLATION AND PROPOSALS FOR ITS IMPROVEMENT

Savchuk T. A., Gasanov A. P.

Key words: service in the prosecutor's office, prosecutor's service, termination of service in the prosecutor's office.

Abstract. The article examines the legal norms that establish the grounds for termination of service in the prosecutor's office of the Republic of Belarus, reveals their normative incorrectness and inaccuracy of formulations. As a result of the study, the author proposes a differentiation of the grounds for termination of prosecutorial service into three groups: volitional actions of the parties; circumstances beyond the will of the parties; events related to loss of trust, and also formulates recommendations for the normative improvement of the grounds for termination of service in the prosecutor's office.

УДК 343

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРЫ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Семенов А. С.

Ключевые слова: прокуратура, общественные организации, взаимодействие, направления, формы.

Введение

Активное развитие гражданского общества в России обусловлено его стремлением к сотрудничеству с государством, и это закономерное

явление общественного прогресса. В рамках этого процесса в активных слоях гражданского общества формируются группы (или институты), ориентированные на рациональные модели социального коллективного действия, чей опыт мобилизуется для решения актуальных задач.

В научной литературе взаимодействие с общественными организациями выступает в качестве одной из двух составляющих такого участка (направления) внешнефункциональной деятельности прокуратуры, как «взаимодействие с органами публичной власти и институтами гражданского общества» [1]. Данной проблематике в свое время уделяли внимание К. И. Амирбеков [2], В. Г. Бессарабов [3], О. А. Лаптева [4], А. П. Руссу [5] и др.

В настоящее время данная деятельность прокуроров широко осуществляется на практике. Анализ статистических данных за последние годы свидетельствует об интенсификации взаимодействия, что обусловлено целями и задачами, стоящими перед прокурорской системой.

Количество мероприятий, проведенных прокурорами совместно с общественными организациями, неуклонно растет. Так, если в 2020 г. их было 5226, то в 2024 г. – уже 8508. Причем последние три года этот показатель увеличивается в среднем на 1000 мероприятий ежегодно (2020 г. – 5226, 2021 г. – 5519, 2022 г. – 6431, 2023 г. – 7585, 2024 г. – 8508).

Однако, наряду с этим, возникают и некоторые проблемы, связанные в том числе с совершенствованием направлений и форм взаимодействия.

В рамках подготовки настоящей статьи осуществлялся анализ прокурорской практики, проведено анкетное социологическое исследование в прокуратурах 19 субъектов Российской Федерации (всего опрошено 370 прокурорских работников), изучались информационные материалы Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Основная часть

Анализ правового регулирования и практики осуществления взаимодействия прокуратуры с общественными организациями позволяет выделить ряд приоритетных направлений сотрудничества, что подтверждается также результатами анкетирования прокуроров, проведенного в ходе настоящего исследования. Так, 69 % опрошенных (254 респондента) полагают, что защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства является одним из ключевых направлений сотрудничества, 39 % (142 респондента) в качестве такового выделяют правовое просвещение и правовое информирование граждан. Такие направления взаимодействия,

как обеспечение законности и правопорядка, а также участие в правотворческой деятельности, отметили 26 % (94 респондента) и 11 % (42 респондента) соответственно.

В ходе настоящего исследования установлено, что важным направлением взаимодействия является сотрудничество в рамках рассмотрения и разрешения обращений граждан, которые используют потенциал общественных организаций и с их помощью готовят заявления, жалобы и иные обращения в органы прокуратуры для защиты своих прав, а также охраняемых законом интересов общества и государства. В свою очередь, общественные организации также активно обращаются в органы прокуратуры для защиты прав и законных интересов представителей конкретного сообщества.

Обращает на себя внимание тот факт, что 73 % (257 респондентов) опрошенных прокуроров чаще всего взаимодействуют с правозащитными организациями. Это полностью соотносится с приводимыми выше данными относительно приоритизации направлений сотрудничества.

С учетом изложенного, а также в соответствии с целями и задачами, стоящими перед органами прокуратуры, при организации взаимодействия с общественными организациями целесообразно выбирать наиболее эффективные и отвечающие потребностям практики формы сотрудничества. Кроме того, для повышения результативности взаимодействия необходимо анализировать практику его осуществления в иных государственных органах, способы выстраивания коммуникации с общественностью.

В данном контексте представляют интерес данные проведенного анкетного социологического исследования. Так, 23 % опрошенных прокуроров (82 респондента) полагают, что для совершенствования взаимодействия необходима оптимизация его форм с учетом цифровой трансформации органов прокуратуры.

На практике применяются следующие формы взаимодействия с общественными организациями [6, с. 39–47].

1. Информационный обмен.

Большинство опрошенных прокуроров – 62 % (226 респондентов) – считают информационный обмен наиболее часто применяемой на практике формой взаимодействия. При обеспечении эффективного взаимодействия с общественными организациями прокурор получает возможность в их лице иметь постоянный дополнительный информационный источник о нарушениях в различных сферах общественных отношений и, соответственно, оперативно влиять на состояние законности.

При этом для общественных организаций – носителей информации важно, что полученные прокурором сведения проверены и в случае, предусмотренном законодательством, по конкретным фактам приняты меры прокурорского реагирования. Именно об этих мерах и результатах реагирования целесообразно в обратном порядке информировать соответствующую общественную организацию.

Кроме того, стороны обмениваются иной, представляющей взаимный интерес информацией, в частности, об отдельных планируемых или проведенных мероприятиях либо по вопросам, определенным соответствующими соглашениями о сотрудничестве.

2. Участие на постоянной основе в разработке и реализации совместных комплексных программ.

Предполагается наличие постоянно действующих «базовых площадок» для обеспечения диалога в целях комплексного и перспективного, не зависящего от сиюминутных веяний времени решения проблем, мешающих активному сотрудничеству.

К подобной форме взаимодействия необходимо отнести деятельность общественных советов по защите прав малого и среднего предпринимательства при прокуратурах субъектов Российской Федерации.

Указанные советы созданы по поручению Генерального прокурора Российской Федерации и осуществляют свою работу в целях учета мнения субъектов предпринимательской деятельности, борьбы с коррупцией, оперативного и своевременного выявления и пресечения нарушений закона, повышения гласности и прозрачности деятельности органов прокуратуры.

3. Проведение совместных мероприятий.

Данная форма взаимодействия, по мнению 53 % (191 респондент) опрошенных прокуроров, также часто применяется в практической деятельности.

Научно-практическая и иная конференция (в том числе международная) представляет собой массовое мероприятие с привлечением большого числа участников, в том числе представителей научного сообщества, с целью обсуждения наиболее значимых и сложных проблем, включая теоретические. Выработанные на конференции рекомендации могут стать частью обязательных для исполнения программ дальнейших действий участников в намеченных направлениях.

Совместное совещание – мероприятие, целью которого является выработка единого мнения по различным вопросам практики взаимодействия, уточнение планов и порядка организации конкретных совместных мероприятий. Могут присутствовать представители нескольких общественных организаций.

Круглый стол как форма сотрудничества, понимаемая в настоящее время довольно широко, предполагает публичное обсуждение каких-либо вопросов, обмен мнениями между представителями общественных организаций и прокурорскими работниками в рамках единой общей темы. Суть названия мероприятия заключается в равенстве участников и свободе высказывания своего мнения. Обсуждаемые вопросы формулируются в процессе открытой дискуссии и охватывают наиболее актуальные проблемы, требующие совместного реагирования. Число участников может быть как значительным и открытым, так и ограниченным.

Рабочая встреча – это мероприятие для обсуждения текущих вопросов, возникающих в процессе взаимодействия прокуратуры с общественными организациями.

Семинар проводится с целью совместного обсуждения заранее согласованных с участниками вопросов (как правило, двух – пяти), повышения эффективности сотрудничества, совершенствования его форм и методов, получения либо углубления необходимых знаний и навыков, в том числе практической направленности. Обсуждаемые вопросы могут корректироваться в процессе открытой дискуссии и охватывать актуальные проблемы, требующие оперативного реагирования. Организаторы семинара должны обеспечить конструктивную дискуссию, живое, творческое обсуждение рассматриваемых вопросов.

Семинар-совещание необходимо рассматривать как мероприятие, при организации которого решаются задачи обмена мнениями и выработки направлений дальнейшего сотрудничества, путей совместного решения вынесенных на обсуждение проблем.

Диспут – это публичный спор на определенную тему, по сути аналогичен семинару. Главное отличие заключается в потребности в обмене зачастую разными мнениями с поиском компромисса. Основанием является инициатива одной из сторон взаимодействия, направленная на необходимость в оперативном порядке дать комментарий по существу возникшего разногласия (например, непринятие, по мнению общественной организации, действенных мер прокурорского реагирования). Такая форма позволяет изначально нейтрализовать возможный конфликт между сторонами, восстановить взаимное доверие.

Взаимодействие прокуроров с представителями общественных организаций в рамках реализации указанной формы сотрудничества осуществляется также путем:

а) приглашения представителей общественности на открытые судебные процессы, заседания, коллегии органов прокуратуры;

б) организации социологических опросов о тенденциях состояния законности и правопорядка в регионе;

в) проведения мониторинговых исследований по отдельным актуальным проблемам;

г) проведения открытых форумов по различным вопросам при активном участии в них представителей бизнес-сообщества, общественных советов и др.;

д) участия в подготовке предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения, в том числе выражающегося в разработке законопроектов и проведении антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов;

е) подготовки и проведения вебинаров (онлайн-семинаров) для отдельных социальных групп;

ж) ведения «паспортов» неблагополучных сфер общественных отношений и территорий.

4. Методическая и консультативная помощь.

По мнению 12 % (40 респондентов) опрошенных прокуроров, такая форма взаимодействия активно применяется на практике.

Развитие деловых отношений с различными общественными организациями способно также содействовать повышению квалификации прокурорских работников. Это достигается за счет широкого внедрения современных форм и методов обучения кадров, практикуемых в некоторых некоммерческих организациях. Наиболее прогрессивными технологиями в этой области являются так называемые активные методы обучения – это различного рода практические занятия, тренинги, деловые игры, в ходе которых слушатели не пассивно воспринимают готовый материал, а активно его прорабатывают и усваивают на конкретных примерах.

Заключение

В заключении сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Ключевыми направлениями взаимодействия прокуратуры с общественными организациями выступают: обеспечение законности; защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства; правовое просвещение и правовое информирование граждан; участие в правотворческой деятельности; сотрудничество в рамках рассмотрения и разрешения обращений граждан.

2. Основными формами взаимодействия прокуратуры с общественными организациями являются:

- обмен информацией о нарушениях в различных сферах общественных отношений, а также иной информацией, представляющей

взаимный интерес, в частности, об отдельных планируемых или проведенных мероприятиях либо по вопросам, определенным соответствующими соглашениями о сотрудничестве;

- участие в разработке и реализации совместных комплексных программ для борьбы с коррупцией, оперативного и своевременного выявления и пресечения нарушений закона, повышения гласности и прозрачности деятельности органов прокуратуры;

- организация и проведение мероприятий (научно-практические и иные конференции, совещания, круглые столы, рабочие встречи, семинары, диспуты). Как показывает практика, мероприятия, проводимые органами прокуратуры с привлечением общественных организаций, вызывают у граждан повышенный интерес, влияют на имидж государственных структур в глазах гражданского общества, повышают степень доверия к ним;

- оказание методической и консультативной помощи выражается в повышении квалификации прокурорских работников за счет широкого внедрения современных форм и методов обучения кадров, практикуемых в некоторых некоммерческих организациях.

3. Совершенствование взаимодействия прежде всего связано с оптимизацией организационных аспектов, касающихся расширения форм и способов осуществления взаимодействия, в том числе за счет использования цифровых технологий и выстраивания должной коммуникации с руководителями общественных организаций.

Кроме того, прокурорам целесообразно более активно задействовать экспертный потенциал, имеющийся у общественных организаций, осуществлять мониторинг их деятельности, совместно участвовать в рабочих группах (например, связанных с совершенствованием законодательства), приглашать на мероприятия, проводимые в органах прокуратуры (заседания коллегии, научно-консультативных и иных советов), в целях правового просвещения и информирования граждан размещать материалы в изданиях (в том числе электронных) правозащитных и иных организаций.

Список цитируемых источников

1. *Винокуров, А. Ю.* Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества: место в структуре прокурорской деятельности и правовое регулирование / А. Ю. Винокуров // Актуальные вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации: сб. матер. круглого стола; под общ. ред. Н. В. Субановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Вып. 2. – М., 2021. – С. 4–12.

2. *Амирбеков, К. И.* Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с институтами власти и общества / К. И. Амирбеков // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 4–7.

3. Бессарабов, В. Г. Взаимодействие прокуратуры с Общественной палатой РФ и общественными палатами субъектов Федерации по защите прав и свобод человека и гражданина / В. Г. Бессарабов // Законность. – 2012. – № 10. – С. 3–8.

4. Лаптева, О. А. Взаимодействие прокуратуры с общественными объединениями и институтами гражданского общества / О. А. Лаптева // Законность. – 2014. – № 6. – С. 32–35.

5. Руссу, А. П. Взаимодействие прокуратуры с предпринимательским сообществом при планировании и организации проверок / А. П. Руссу // Безопасность бизнеса. – 2013. – № 3. – С. 33–36.

6. Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества: пособие / С. Н. Будай, Т. Е. Чернышова, В. В. Артемов; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2010. – 84 с.

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с направлениями и формами взаимодействия прокуратуры с общественными организациями. Автором проанализирована практика осуществления указанной деятельности, проведено анкетное социологическое исследование среди прокурорских работников, изучена научная литература. На основании проведенного исследования выявлены приоритетные направления взаимодействия прокуратуры с общественными организациями, а также его формы, которые классифицированы на основные и дополнительные. Сформулирован вывод о том, что приоритизация взаимодействия зависит от целей и задач прокурорской деятельности, определяемых Генеральным прокурором Российской Федерации и руководством страны. В целях повышения эффективности взаимодействия предлагается расширение форм и способов его осуществления, в том числе за счет использования цифровых технологий и выстраивания должной коммуникации с руководителями общественных организаций. Кроме того, полезно изучать опыт других государственных органов, которые также сотрудничают с общественными организациями.

DIRECTIONS AND FORMS OF INTERACTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE WITH PUBLIC ORGANIZATIONS

Semenov A. S.

Key words: prosecutor's office, public organizations, interaction, directions, forms.

Abstract. The article is devoted to issues related to the directions and forms of cooperation between the prosecutor's office and public organizations. The author analyzes the practice of carrying out these activities, conducted a questionnaire sociological study among prosecutors, and studied the scientific literature. Based on the conducted research, the priority areas of cooperation between the prosecutor's office and public organizations have been identified, as well as its forms, which are classified into basic and additional. The conclusion is formulated that the prioritization of interaction depends on the goals and objectives of the prosecutor's office, determined by the Prosecutor General of the Russian

Federation and the leadership of the country. In order to increase the effectiveness of interaction, it is proposed to expand the forms and methods of its implementation, including through the use of digital technologies and building proper communication with the heads of public organizations. In addition, it is useful to study the experience of other government agencies that also cooperate with public organizations.

УДК 343.16

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Симонова И. С.

Ключевые слова: административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, предупреждение преступности, административные правонарушения, административная ответственность, прокурор, прокурорский надзор.

Введение

Одной из мер предупреждения рецидивной и повторной преступности, оказывающей индивидуальное профилактическое воздействие на ранее судимых лиц, является административный надзор. Принятый Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон № 64-ФЗ) устанавливает категории лиц, подлежащих административному надзору, виды административных ограничений, их сроки, порядок установления, продления и прекращения административного надзора, права и обязанности поднадзорных лиц, а также регламентирует иные вопросы.

Как справедливо отметили Дерюга А. Н. и Шаклеин С. Н., дополнение института судимости административным надзором направлено на исправление осужденных и восстановление утраченных социально-позитивных или нейтральных установок и искоренение антисоциальных, ставших для них за длительное время привычными (формирование преступного поведения – это достаточно длительный процесс, истоки которого, как правило, проявляются задолго до совершения преступления и не исчезают с применением только уголовного наказания) [1, с. 28–33].

Наблюдение, осуществляемое органами внутренних дел, за фактическим соблюдением поднадзорным лицом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, установ-

ленных судом, не относится к мерам ответственности за совершенное преступление, а связано исключительно с наличием у лица непогашенной либо неснятой судимости, которая влечет за собой правовые последствия [2].

При этом основополагающим принципом при выборе того или иного вида административного ограничения выступает соразмерность соответствующего запрета с гарантированными Конституцией Российской Федерации основными правами и свободами человека (например, свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, с правом на отдых, свободой литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, с правом на участие в культурной жизни, с правом на судебную защиту и др.) [3].

Основная часть

Порядок и особенности рассмотрения судами административных дел об установлении, продлении, досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене либо дополнении ранее установленных ограничений определен положениями гл. 29 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

По общим правилам, с административным иском заявлением по вопросам административного надзора вправе обратиться:

- об установлении административного надзора – исправительное учреждение, орган внутренних дел, следственный изолятор (ч. 1, 7, 8 ст. 270 КАС РФ);
- о продлении административного надзора и о дополнении ранее установленных ограничений – орган внутренних дел (ч. 2 ст. 270 КАС РФ);
- о частичной отмене ранее установленных ограничений либо о досрочном прекращении административного надзора – орган внутренних дел, поднадзорное лицо или его представитель, прокурор (ч. 1 ст. 39, ч. 3, 4 ст. 270 КАС РФ).

Дополнительной гарантией соблюдения прав и законных интересов лица, в отношении которого установлен (устанавливается) административный надзор, является прокурор, который правомочен не только обращаться в суд с заявлениями о досрочном прекращении административного надзора или о частичной отмене установленных судом административных ограничений, но и обжаловать в интересах поднадзорного лица действия (бездействие) органа внутренних дел при осуществлении административного надзора в порядке гл. 22 КАС РФ [4], но только при условии, что поднадзорное лицо по состоянию здоровья

либо по другим уважительным причинам не может само обратиться в суд.

Реализация прокурорами полномочий по инициированию судебного процесса обеспечивается своевременным и объективным рассмотрением обращений поднадзорных лиц (их представителей) с комплексным анализом изложенных в них доводов, а также путем принятия консолидированного решения с прокурорами, осуществляющими надзорные полномочия за соблюдением прав поднадзорных лиц. Результаты такой деятельности представлены в таблице 1 [5].

Таблица 1

Сведения о производстве по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (поступило в суд / из них по обращению прокурора) в 2022–2024 гг.

Категория административного дела		2022	2023	2024
Всего		87 137 / 68	80 574 / 49	73 438 / 32
из них:	об установлении административного надзора	47 099 / 34	42 073 / 19	35 554 / 12
	о продлении административного надзора	7482 / 3	6765 / 6	5481 / 3
	о дополнении ранее установленных ограничений	29 442 / 18	28 337 / 17	29 161 / 14
	о досрочном прекращении административного надзора	1667 / 4	1870 / 2	1712 / 1
	о частичной отмене ранее установленных ограничений	1272 / 2	1373 / 0	1352 / 0
	прочие по гл. 29 КАС РФ	175 / 7	156 / 5	178 / 2

Административное исковое заявление прокурора и прилагаемые к нему документы должны отвечать общим требованиям и специальным, среди которых сведения об образе жизни и о поведении поднадзорного лица, материалы, характеризующие его личность, сведения о совершении им административных правонарушений.

Следует обратить внимание и на такую объемную форму участия прокурора в процессе, как вступление в судебный процесс и дача заключения по делу. По имеющимся данным [6], только в 2024 г. прокурорами дано 67 404 заключения по делам об административном надзоре (в 2023 г. – 73 404, в 2022 г. – 79 919).

При решении поставленных задач в анализируемой сфере прокуроры руководствуются требованиями законодательства и приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 494 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законода-

тельства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Так, прокурорам, участвующим в деле, предписано занимать аргументированную позицию, активно участвовать в исследовании доказательств, при необходимости инициировать их истребование, а также эффективно использовать иные процессуальные полномочия.

Выработка прокурором мотивированной позиции по таким административным делам достигается путем установления всех юридически значимых обстоятельств и анализа характеристики личности лица, в отношении которого рассматривается дело. Учитывая, например, что при рассмотрении судом заявления об установлении, продлении административного надзора или о дополнении ранее установленных административных ограничений не осуществляется проверка законности и обоснованности постановления начальника исправительного учреждения о признании лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также постановлений о привлечении к административной ответственности за совершение соответствующих административных правонарушений, прокурорам целесообразно особое внимание уделять анализу таких материалов.

Заключение прокурора призвано способствовать принятию судом законного и справедливого решения, минимизации ошибок при назначении мер индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов.

Поскольку в целях предупреждения преступлений к лицам, имеющим судимость и оказавшимся в трудной жизненной ситуации, на основании их заявления (заявления их представителя) могут применяться меры, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию (исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная пробация) [7], то в перспективе, полагаем, что сведения о таком волеизъявлении, добросовестности при выполнении мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, в обязательном порядке должны находить отражение в характеристике лица, в отношении которого рассматривается дело по вопросам административного надзора, а также в заключении прокурора.

Порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержден Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 8 июля 2011 г. № 818 и реализуется подразделениями по организации и осуществлению административного надзора или должностными лицами, на которых возложены обязанности по осуществлению административного надзора (далее – подразделения по надзору или иные должност-

ные лица) при участии иных структурных подразделений органов внутренних дел в пределах своей компетенции. Среди них: участковые уполномоченные полиции, сотрудники строевых подразделений (патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации), подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, дежурных частей территориальных органов, линейных управлений (отделов, отделений) МВД России на различных видах транспорта, а также сотрудники иных подразделений в случаях выявления ими нарушений, допущенных поднадзорным лицом.

Сотрудники подразделения по надзору или иные должностные лица заводят дела административного надзора, ведут учет поднадзорных лиц, организуют работу по осуществлению наблюдения за ними в течение срока надзора и осуществляют другие действия. В частности, на основании сообщения, поступившего из указанного подразделения, о постановке на учет поднадзорного лица участковые уполномоченные проводят индивидуальную профилактическую работу, например: фиксируют сведения о поднадзорных лицах, наблюдают за ними, а в случае выявления нарушений соблюдения установленных ограничений и невыполнения возложенных обязанностей проводят индивидуальную профилактическую работу; получают сведения о поведении поднадзорного лица по месту работы и (или) месту его жительства (фактического нахождения); посещают не реже одного раза в месяц это лицо по месту жительства (пребывания).

Следует отметить, что прокуроры ориентированы [8] акцентировать внимание на реализации органами внутренних дел полномочий по возбуждению дел за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ), за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом ограничений (ст. 314¹ УК РФ).

Полученная информация важна для характеристики личности поднадзорного и используется, например, при рассмотрении судом заявления о продлении административного надзора или о дополнении ранее установленных административных ограничений. Она также позволяет прокурору выработать аргументированную позицию и дать мотивированное заключение, призванное способствовать принятию судом законного и справедливого решения, минимизировать ошибки при назначении мер индивидуального профилактического воздействия. Полномочия прокурора как гаранта соблюдения баланса между

защитой прав поднадзорных лиц и охраняемыми законом интересами общества и государства неоднократно становились предметом исследований, проводимых в Научно-исследовательском институте Университета прокуратуры Российской Федерации [9].

Только в 2024 г. должностными лицами органов внутренних дел [10] было пресечено 261 309 административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ (в 2023 г. – 306 706, в 2022 г. – 320 043, в 2021 г. – 314 861, в 2020 г. – 293 308). Подробнее см. таблицу 2.

Таблица 2

**Сведения о лицах, привлеченных к ответственности
за несоблюдение административных ограничений
и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном
надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ) за 2022–2024 гг.**

		2022	2023	2024
Всего		320 043	306 706	261 309
из них:	несоблюдение лицом установленных административных ограничений (ч. 1)	82 092	69 677	56 202
	невыполнение лицом установленных административных обязанностей (ч. 2)	65 802	64 405	58 442
	повторное в течение одного года несоблюдение лицом установленных административных ограничений (ч. 3)	172 149	172 624	146 665

Обращает на себя внимание количество лиц, повторно привлеченных к ответственности за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, что говорит о привлечении по такому квалифицирующему признаку каждого второго правонарушителя.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что цель административного наказания – предупреждение совершения нового правонарушения поднадзорным лицом – реализуется не в полной мере. В этой связи требуется детальный анализ причин неисполнения поднадзорными лицами возложенных на них обязанностей и разработка мер, направленных на повышение эффективности административного наказания.

Следует отметить, что за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ, устанавливаются различные виды наказания, что позволяет учесть все особенности противоправного деяния и индивидуализировать санкцию. Так, только в 2024 г. судами [11] рассмотрено 169 264 таких дела (в 2023 г. – 203 112, в 2022 г. – 211 948); сведения о видах назначенных наказаний представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Сведения о количестве лиц, подвергнутых судом наказанию
за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ,
и о видах санкций за них**

		2022	2023	2024
	Всего лиц, подвергнутых наказанию	199 206	191 432	160 013
из них:	административный арест	120 162	113 362	93 506
	обязательные работы	54 882	56 181	48 082
	административный штраф	24 027	21 709	18 337
	предупреждение	135	180	88

Отдельного внимания заслуживают и результаты прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Подробнее см. таблицу 4.

Таблица 4

**Характерные нарушения, выявленные прокурором
при реализации надзорных полномочий**

Совершаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы:	Совершаемые сотрудниками органов внутренних дел:
• нарушение сроков подачи исковых заявлений; • необоснованное направление в суд административного искового заявления ввиду отсутствия предусмотренных законом оснований для административного надзора; • недостатки при подготовке административных исковых заявлений, например, в части формулирования ограничений и запретов; • ненаправление в ОВД вступившего в законную силу решения суда об установлении административного надзора	• несвоевременная постановка на учет поднадзорных лиц; • неосуществление надзора за лицами; • неприменение мер ответственности к лицам, допускающим нарушения установленных ограничений; • несвоевременное инициирование мероприятий по розыску поднадзорных лиц либо формальный характер розыскных мер (что нередко приводит к задержанию поднадзорного лица на месте преступления); • ненаправление исковых заявлений о дополнении или частичной отмене ранее установленных ограничений либо направление заявлений о досрочном прекращении надзора без оценки поведения поднадзорного лица; • неинициирование установления административного надзора в отношении лиц, совершивших после освобождения два и более правонарушения либо эта процедура носила затяжной характер

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что административный надзор как мера предупреждения рецидивной преступности будет эффективной только при надлежащей реализации компетентными органами своих полномочий в рассматриваемой сфере.

Этому будет способствовать и внесение изменений в законодательные акты, например, для повышения дисциплинированности поднадзорных лиц – распространение действующих особенностей соблюдения административных ограничений и выполнения обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, на территории, где введено военное положение (ст. 4¹ Закона № 64-ФЗ), и на территориях, на которых действует режим контртеррористической операции либо происходят события, сопряженные с риском для жизни и здоровья поднадзорного лица.

Актуальной также видится разработка критериев, позволяющих правоприменителю сделать вывод о возможности частичной отмены ранее установленных ограничений либо о досрочном прекращении административного надзора.

Список цитируемых источников

1. Дерюга, А. Н. Административная пенология: современные предпосылки исследования / А. Н. Дерюга, С. Н. Шаклеин // Административное право и процесс. – 2021. – № 5. – С. 28–33.

2. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 597-О-О, от 24.10.2019 № 2727-О, от 28.04.2022 № 884-О, от 18.07.2024 № 2019-О и др. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

3. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 597-О-О, от 24.09.2012 № 1740-О // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

4. Решение Пинежского районного суда Архангельской области от 17.09.2020 по делу № 2а-215/2020.

5. Выборочные статистические данные из формы № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» за 2016–2022 гг.: утверждены приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 30.06.2016 № 141, от 11.04.2017 № 65.

6. Выборочные статистические данные из формы ГАС «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» за 2022–2024 гг.: утверждены приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 08.02.2022 № 72, от 29.09.2023 № 662.

7. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

8. О организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест ли-

шения свободы: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 494 от 05.09.2022 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система.

9. *Корулина, Ю. В.* Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: пособие / Ю. В. Корулина, О. Г. Синатрова; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2014; Прокурорский надзор за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: методические рекомендации / А. В. Мелехин, И. А. Маслов, И. С. Симонова [и др.]; Генеральная прокуратура Российской Федерации; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2014; Участие прокурора в административном судопроизводстве: колл. монография / М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов [и др.]; Университет прокуратуры Российской Федерации. – М.: ИД «Городец», 2024. – С. 232–255; *Симонова, И. С.* Некоторые вопросы обеспечения законности в сфере административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / И. С. Симонова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – № 6 (98). – 2023. – С. 126–131.

10. Выборочные данные из формы 1-АП «Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации» за 2022 г.: утверждены приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 14.05.2012 № 507; «Сведения о пресеченных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП, учет которых осуществляется в модуле «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка» за 2023–2024 гг.

11. Выборочные данные из формы 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за 2022–2024 гг.: утверждены приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, практика участия прокурора в рассмотрении судами данной категории дел, а также результаты надзорной деятельности за исполнением законодательства об административном надзоре. По итогам проведенного анализа сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательства.

ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF CITIZENS RELEASED FROM PRISON AS A WAY TO COMBAT CRIME

Simonova I. S.

Key words: administrative supervision of persons released from prison, crime prevention, administrative offenses, administrative responsibility, prosecutor, prosecutorial supervision.

Abstract. The article discusses the specifics of establishing the institution of administrative supervision over persons released from prison, the practice of the prosecutor's participation in the consideration of cases by the courts of this category, as well as the results of supervisory activities for the implementation of legislation on administrative supervision. Based on the results of the analysis, proposals aimed at improving legislation have been formulated.

УДК 347.963(476)

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУД ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПО КОДЕКСУ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ

Скобелев В. П.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, орган прокуратуры, должностное лицо органа прокуратуры, прокурор, обращение в суд, государственные и общественные интересы.

Введение

Вступление в силу с 1 января 2026 г. Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) ставит на повестку дня множество вопросов теоретического и прикладного плана, в том числе и вопросы о том, насколько удачно в КГС, по сравнению с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ХПК), урегулированы общественные отношения, связанные с участием в цивилистическом судопроизводстве должностных лиц органов прокуратуры. Отечественные ученые отчасти уже обращались к обозначенной тематике [1–4], однако, как показывает изучение их работ, в должной мере всего комплекса имеющихся проблем не осветили. Поэтому анализ положений КГС относительно порядка обращения долж-

ностных лиц органов прокуратуры в суды первой инстанции представляет большой интерес и имеет несомненную актуальность.

Основная часть

1. Норма ч. 1 ст. 71 КГС гласит: «Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности».

Как видно, норма говорит о праве на обращение в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела прокурора. Принимая во внимание дефиницию термина «прокурор», содержащуюся в п. 21 ст. 1 КГС, а также правило абз. 1 ст. 1 КГС (оно предписывает понимать используемые по тексту КГС термины только в том значении, которое им придано ст. 1 КГС), можно сделать вывод, что правом на обращение в суд обладает чрезвычайно широкий круг должностных лиц органов прокуратуры – Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители, помощники по особым поручениям, старшие помощники и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры по особым поручениям, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры (правда, дефиниция п. 21 ст. 1 КГС перед перечислением соответствующих должностных лиц содержит оговорку «действующие в пределах своей компетенции», тем не менее, что значит «действовать в пределах своей компетенции», нигде в КГС не разъяснено, следовательно, указанная оговорка решению поднятого вопроса никак не помогает).

Сомнительно, однако, чтобы абсолютно любое должностное лицо органа прокуратуры могло иметь право на подачу в суд заявления о возбуждении гражданского дела. Такое предположение тем более видится сомнительным в свете положений Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220-З) о том, что прокуратура представляет собой единую и централизованную систему органов (ст. 1 Закона № 220-З), основывающуюся на принципе подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам (ст. 5 Закона № 220-З), и что акты прокурорского надзора в виде представления, протеста, постановления, предписания и официального предупреждения полномочны принимать только руководитель органа прокуратуры и его заместитель (ст. 38–42 Закона № 220-З).

Собственно, современные реалии деятельности органов прокуратуры только подтверждают высказанные сомнения: исковые и иные заявления в суды имеют право подписывать только руководитель органа прокуратуры и (при отсутствии руководителя) его заместитель.

Почему же тогда в ч. 1 ст. 71 КГС употреблен термин именно «прокурор»? Причина кроется в том, что норма ч. 1 ст. 71 КГС представляет собой результат некритического заимствования положений ч. 1 ст. 81 ГПК, в которой тоже используется термин «прокурор» и которая вследствие этого тоже порождает проблемы с определением круга должностных лиц органов прокуратуры, обладающих правом на подачу искового или иного заявления в суд [5, с. 290–291] (вообще стоит сказать, что практически все нормы КГС, регулирующие деятельность должностных лиц органов прокуратуры в гражданском процессе, заимствованы из ГПК, и во многих случаях такое заимствование было произведено без должного критического осмысления, а также надлежащего научного сопровождения).

Думается, что при формировании нормы ч. 1 ст. 71 КГС принимать во внимание следовало правила не ГПК, а ХПК, которые четко очерчивают круг должностных лиц органов прокуратуры, имеющих право на обращение в суды (такowymi совершенно правильно определены руководители органов прокуратуры и их заместители). Так, согласно ч. 3 ст. 66 ХПК заявления о возбуждении дел направляют «в Верховный Суд Республики Беларусь – Генеральный прокурор, прокуроры областей, города Минска и их заместители; в другие суды, рассматривающие экономические дела, – Генеральный прокурор, прокуроры областей, города Минска и их заместители, а также прокуроры районов, районов в городах, городов, межрайонные и приравненные к ним транспортные прокуроры и их заместители».

2. В качестве условия защиты прокурором перечисленных в ней прав, свобод и законных интересов ч. 1 ст. 71 КГС называет следующее обстоятельство – «если это необходимо» (данное условие тоже заимствовано из ч. 1 ст. 81 ГПК). Возникает вопрос: указанное условие подразумевает, что для обращения прокурора в суд достаточно одного только факта установления им нарушения соответствующих прав, свобод и законных интересов, или же, решая вопрос о необходимости подачи заявления в суд, прокурор вправе принимать во внимание, помимо названного, и некоторые другие моменты, в частности, последствия совершенного правонарушения, его общественный резонанс, социальный и правовой статус лица, потерпевшего от правонарушения, наличие у него возможности самостоятельно защищать свои права, наличие у прокуратуры в данный конкретный момент времени достаточных

ресурсов, чтобы инициировать судебный процесс и затем участвовать в нем, и т. п.

Практика применения ч. 1 ст. 81 ГПК свидетельствует, что при толковании содержащегося в ней условия «если это необходимо» должностные лица органов прокуратуры придерживаются второго подхода. Обусловлено это в том числе и тем, что предусмотренный ч. 1 ст. 81 ГПК спектр прав и охраняемых законом интересов, в защиту которых прокурор может обращаться в суд, крайне широк и включает в себя права и охраняемые законом интересы абсолютно любых юридических лиц (в том числе негосударственной формы собственности) и абсолютно любых граждан (в том числе и тех, которые не лишены возможности самостоятельно их защищать). Поэтому при реализации положений ч. 1 ст. 81 ГПК в органах прокуратуры всегда исходили и исходят из того, что предъявление в суды заявлений в интересах юридических лиц негосударственной формы собственности и в интересах граждан, которые способны самостоятельно обратиться в суд, необходимым не является.

Вероятно, по такому же пути (особенно учитывая то, что ч. 1 ст. 71 КГС, продолжая традиции ч. 1 ст. 81 ГПК, говорит о праве (не обязанности) прокурора обратиться в суд) будет идти и практика применения должностными лицами органов прокуратуры положений ч. 1 ст. 71 КГС, а именно, даже если будет стоять вопрос о защите названных в этой норме прав, свобод и законных интересов (например, государственных и общественных интересов, прав, свобод и законных интересов граждан, не имеющих возможности по уважительным причинам самостоятельно обратиться в суд), предъявление заявления в суд все равно может быть не признано прокурором необходимым.

С одной стороны, подобный подход к реализации ч. 1 ст. 71 КГС, равно и ч. 1 ст. 81 ГПК, можно понять – ведь ресурсы (человеческие, временные, материально-технические и пр.) органов прокуратуры не безграничны, тем более что Законом № 220-З на данные органы возложено решение и многих других задач, соответственно, реагировать на каждое попавшее в поле их зрения правонарушение путем подачи заявления в суд они просто физически не в состоянии. Но, с другой стороны, вполне резонно и недоумение тех лиц, которые обращаются в органы прокуратуры за помощью, и которым прокуроры отказывают в предъявлении в их интересах исков: почему органы, которые согласно ст. 1 Закона № 220-3 призваны осуществлять от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, не реагируют на нарушения законности, даже если последние носят вопиющий характер.

В контексте сказанного любопытно обратить внимание на то, каким образом условие для обращения прокурора в суд сформулировано в ХПК. Данное условие звучит там следующим образом – «при установлении нарушений законодательства» (ч. 1, 2 ст. 66 ХПК). Полагаем, что такая формулировка является наиболее удачной, поскольку, во-первых, в ней отражено, что прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законодательства, во-вторых, в силу своей конкретности она существенным образом ограничивает возможности применения должностными лицами органов прокуратуры усмотрения в решении вопроса о необходимости подачи заявления в суд. Важно подчеркнуть еще и то, что факт установления прокурором нарушений законодательства согласно ст. 66 ХПК влечет разные последствия в зависимости от того, о защите каких именно интересов – публичных или частно-правовых – идет речь. Так, для целей защиты государственных и общественных интересов ч. 1 ст. 66 ХПК обязывает прокурора обратиться в суд – «прокурор при установлении нарушений законодательства в пределах своей компетенции **предъявляет** в суд, рассматривающий экономические дела, иск (заявление)». В целях же защиты интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других субъектов прокурор в соответствии с ч. 2 ст. 66 ХПК с согласия последних только может (не обязан) это сделать – «прокурор при установлении нарушений законодательства в пределах своей компетенции **вправе предъявить** в суд, рассматривающий экономические дела, иск (заявление)». Думается, что при регулировании анализируемого вопроса разработчикам КГС тоже следовало ориентироваться на ХПК, а не ГПК.

3. В ч. 1 ст. 71 КГС конкретизированы характеристики того гражданского дела, с заявлением о возбуждении которого прокурор вправе обратиться в суд, – «гражданского дела, подведомственного суду» (данное уточнение тоже заимствовано из ч. 1 ст. 81 ГПК). Однако подобная конкретизация является излишней, потому что прокурор в принципе не может инициировать возбуждение в суде никакого иного, кроме как подведомственного суду гражданского дела (в противном случае суд откажет прокурору в возбуждении дела по п. 1 ч. 1 ст. 241 КГС («исковое заявление не подлежит рассмотрению в судах ввиду его неподведомственности») или, если дело было ошибочно возбуждено, прекратит по нему производство согласно п. 1 ст. 130 КГС («дело не подлежит рассмотрению в судах ввиду его неподведомственности»)).

Данный вывод вытекает, во-первых, из дефиниции понятия «гражданские дела» в п. 6 ст. 1 КГС – это «дела искового производства по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жи-

листных, финансовых, земельных и других правоотношений, дела приказного производства, дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, дела особого производства, иные дела, отнесенные к компетенции судов настоящим Кодексом и другими законодательными актами» (ведь если дело подлежит рассмотрению в каком-то виде гражданского судопроизводства, то, значит, оно подведомственно суду). Во-вторых, это следует из норм гл. 5 «Подведомственность» КГС, согласно которым суды компетентны рассматривать только подведомственные им дела.

Однако в контексте затронутого не совсем удачного редакционного момента ч. 1 ст. 71 КГС гораздо большее значение имеет другой вопрос, а именно: действительно ли прокурором может быть подано заявление о возбуждении абсолютно любого гражданского дела, подведомственного суду? В пользу положительного ответа на данный вопрос говорит то, что норма ч. 1 ст. 71 КГС находится в Общей части КГС, в ней используется термин «гражданское дело» (в значении, которое ему придает п. 6 ст. 1 КГС) и отсутствует оговорка типа: «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законодательными актами или не вытекает из их смысла». Вместе с тем сомнения относительно возможности положительного решения обозначенного вопроса продиктованы следующими обстоятельствами, связанными с Особенной частью КГС (на аналогичного рода проблемы применительно к ГПК мы отчасти уже обращали внимание [6, с. 269–271]).

Во-первых, в отношении некоторых видов гражданского судопроизводства или отдельных категорий дел в пределах вида гражданского судопроизводства законодатель специально указывает (во многих случаях следуя в этом вопросе за ГПК) на право прокурора обратиться в суд. Наличие подобных указаний можно расценивать как свидетельство того, что общая норма ч. 1 ст. 71 КГС здесь не действует, и в отсутствие таких специальных указаний прокурор, вероятно, не имел бы права на подачу заявления о возбуждении дела. Например, норма ч. 2 ст. 365 КГС оговаривает право прокурора обратиться в суд с заявлением в порядке гл. 34 КГС (она посвящена производству по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, действия и бездействия различных органов и должностных лиц) в случаях, предусмотренных ст. 71 КГС. Точно так в Особенной части КГС специально оговорено право прокурора инициировать возбуждение дел о признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными (ч. 1, 3, 5 ст. 417 КГС), об ограничении граждан в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх (ч. 1 ст. 422 КГС), о восстановлении утраченного судебного производства (ч. 1 ст. 457 КГС).

Во-вторых, по ряду категорий дел законодатель в Особенной части КГС исчерпывающим образом определяет (подобному тому, как это сделано в ГПК) круг субъектов, имеющих право на обращение в суд, а поскольку прокурора в числе этих субъектов нет, то, по-видимому, это говорит об отсутствии у прокурора, несмотря на норму ч. 1 ст. 71 КГС, подобного права. Например, согласно ч. 1 ст. 466 КГС «ходатайство об отмене решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа, находящегося на территории Республики Беларусь, может быть заявлено сторонами по делу, рассмотренному третейским судом, международным арбитражным (третейским) судом, иным постоянным арбитражным органом». Точно так и в ч. 1 ст. 474 КГС закреплено, что решение трудового арбитража «может быть оспорено сторонами коллективного трудового спора». Более того, ч. 4 ст. 406 КГС содержит такую норму (она заимствована из ч. 3 ст. 362 ГПК): «При обращении в суд лиц, не указанных в статьях 417, 422, 425, 427, 431, 440, 443, 449 и 452 настоящего Кодекса, суд отказывает в возбуждении производства по делу, а если оно возбуждено – прекращает производство по делу». Из всех этих статей о прокуратуре упоминают только ст. 417 и ст. 422 КГС, соответственно, право инициировать процесс по всем остальным делам ч. 4 ст. 406 КГС за прокурором отрицает.

4. В ч. 1 ст. 81 ГПК говорится про защиту прокурором «прав и охраняемых законом интересов Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц». Поскольку в силу ряда причин подобная формулировка подлежащих защите интересов является не вполне удачной, нами предлагалось эту формулировку заменить словами «государственных интересов» и, кроме того, дополнить ч. 1 ст. 81 ГПК указанием на возможность подачи прокурором заявления в защиту общественных интересов [7, с. 249–250]. Реализация таких предложений позволила бы не только усовершенствовать правовое регулирование и тем самым повысить эффективность решения прокуратурой возложенных на нее задач, но и привести содержание процессуальных норм в соответствие с положениями Закона № 220-З, который неоднократно упоминает (см. абз. 1 п. 1 ст. 4, п. 2, абз. 7 п. 4 ст. 27, п. 1 ст. 41, абз. 5 п. 1 ст. 50) про необходимость защиты прокуратурой именно «общественных и государственных интересов».

Высказанные нами предложения были учтены при формулировании ч. 1 ст. 71 КГС, которая оговаривает возможность подачи прокурором в суд заявления о возбуждении гражданского дела «для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц)». В этом плане ч. 1

ст. 71 КГС выгодным образом отличается от ч. 1 ст. 81 ГПК. Вместе с тем по поводу новеллы ч. 1 ст. 71 КГС хотелось бы сделать и ряд замечаний, которые могли бы быть учтены в перспективе при разработке законов о внесении изменений и дополнений в КГС.

Во-первых, из содержания ч. 1 ст. 71 КГС не совсем понятно, защита прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц относится к защите общественных интересов или же к защите одновременно и общественных, и государственных интересов (собственно, это же выражение «защита государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц)» используется и в ряде других статей КГС – см.: ч. 2 ст. 5, ч. 5 ст. 71, ст. 79, п. 4 ч. 2 ст. 92, ч. 1 ст. 148, ч. 1 ст. 152, ч. 7 ст. 269, п. 2 ч. 2 ст. 289, п. 1 ст. 625 КГС). Очевидно, что аргументы могут найтись в пользу каждого из приведенных подходов к пониманию указанного выражения. Поэтому хотелось бы, чтобы в данный вопрос была внесена ясность или законодателем (путем корректировки КГС), или, по крайней мере, высшей судебной инстанцией страны (посредством дачи разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь).

Во-вторых, ни в ч. 1 ст. 71 КГС, ни в других статьях КГС, где используется соответствующая фраза, не конкретизировано, что понимается под государственными и общественными интересами. В этом плане отличается ч. 1 ст. 66 ХПК, которая к случаям защиты прокурором государственных и общественных интересов относит ситуации, когда он: «подаёт заявление об оспаривании ненормативных правовых актов государственных органов, органов местного управления и самоуправления, иных органов или должностных лиц, которыми затрагиваются права и законные интересы юридических лиц и граждан в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности» (абз. 2 ч. 1 ст. 66 ХПК); «предъявляет иск о признании недействительными сделок, совершенных государственными органами, органами местного управления и самоуправления, государственными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном фонде которых есть доля государственной собственности» (абз. 3 ч. 1 ст. 66 ХПК).

Однако и подход ч. 1 ст. 66 ХПК тоже нельзя признать в полной мере удачным, потому что ч. 1 ст. 66 ХПК фактически описывает те случаи, когда заявление прокурором подается в защиту конкретных (четко определенных, идентифицированных) субъектов, а именно: в защиту юридических лиц и граждан (абз. 2 ч. 1 ст. 66 ХПК), в защиту государственных органов, органов местного управления и самоуправления, государственных унитарных предприятий, государственных учрежде-

ний, юридических лиц, в уставном фонде которых есть доля государственной собственности (абз. 3 ч. 1 ст. 66 ХПК).

Между тем государственные и общественные интересы (на что мы уже обращали внимание [7, с. 250]) – это неперсонифицированные интересы, т. е. такие интересы, в которых невозможно выявить конкретного выгодоприобретателя (носителя интереса); выгодоприобретателем (носителем интереса) здесь выступает государство или общество в целом. Это интересы, связанные с такими ценностями, как законность, правопорядок, конституционный строй, социальный мир и спокойствие, экологическая безопасность и т. п. (в этой связи наличие государственного и общественного интересов в конечном счете можно усмотреть и в делах, о которых говорится в абз. 2, 3 ч. 1 ст. 66 ХПК, т. к. государство и общество заинтересованы в соблюдении законности и правопорядка, хотя в первую очередь в этих делах, несомненно, защищаются интересы конкретных субъектов). А коль скоро конкретного выгодоприобретателя (носителя интереса) применительно к государственным и общественным интересам сложно определить, то, соответственно, сложно отыскать и того субъекта, который мог бы заниматься их защитой. Именно по этой причине защита государственных и общественных интересов возложена законодателем на органы прокуратуры.

В-третьих, нормы КГС не вполне приспособлены для защиты прокурором (равно как и иными, названными в ст. 79 КГС, уполномоченными субъектами) государственных и общественных интересов. Так, из п. 1 ч. 2 ст. 55, ст. 61 КГС вытекает, что в судебном процессе по исковым делам всегда должен быть истец. Аналогичный вывод следует и из ст. 72 КГС, определяющей, кто выступает истцом в случае предъявления прокурором иска. Более того, норма первого предложения ч. 7 ст. 269 КГС фактически прямо говорит о наличии истца в делах, по которым предметом защиты выступают государственные и общественные интересы (норма гласит, что «суд оставляет заявление без рассмотрения, если истец, надлежащим образом извещенный о времени и месте судебного заседания, не явился без уважительных причин по вызову суда либо не уведомил суд о наличии уважительных причин неявки и от него не поступило письменное заявление о разбирательстве дела в его отсутствие, а ответчик не требует рассмотрения дела по существу, за исключением случаев, когда иск предъявлен государственным органом в целях защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прокурором»).

Однако в действительности определить истца в делах о защите государственных и общественных интересов в силу неперсонифициро-

ванности последних крайне сложно и, мы бы даже сказали, невозможно. А коль скоро это так, то в ч. 2 ст. 72 КГС вместо содержащегося там сейчас и во всех отношениях неудачного правила (правило дословно заимствовано из ч. 2 ст. 82 ГПК и не учитывает, что дела возбуждаются не прокурором, а судом, что согласно ч. 1 ст. 71 КГС заявление прокурором подается «для защиты государственных и общественных интересов», а не «в интересах государства», что Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы не могут быть непосредственными истцами, от их имени в процессе всегда действуют конкретные государственные органы) следовало бы закрепить: «В случае подачи прокурором заявления в защиту государственных и общественных интересов прокурор пользуется всеми правами и выполняет все обязанности истца, кроме обязанности по несению судебных расходов» (данное предложение применительно к ГПК нами уже высказывалось [7, с. 250]). И, кстати, в КГС уже имеется прецедент фактически именно такого решения вопроса: норма п. 3 ч. 2 ст. 355 КГС в качестве одного из возможных заявителей по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (в исковом производстве фигура заявителя соответствует истец), признает прокурора.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- при формировании нормы ч. 1 ст. 71 КГС законодателю следовало в большей мере ориентироваться на положения ст. 66 ХПК, нежели ч. 1 ст. 81 ГПК, в том числе по вопросу определения круга должностных лиц органов прокуратуры, имеющих право на обращение в суды, а также условий реализации ими данного права;
- КГС, подобно ГПК, демонстрирует значительную неопределенность в вопросе о том, действительно ли прокурор на основании общей нормы ч. 1 ст. 71 КГС может инициировать возбуждение любого гражданского дела любого вида гражданского судопроизводства из числа регламентированных Особенной частью КГС; решение проблемы видится или в непосредственной корректировке норм КГС, или же в даче соответствующих нормативных разъяснений высшей судебной инстанцией страны;
- положения КГС нужно в большей мере адаптировать применительно к случаям защиты прокурором, равно как и иными уполномоченными субъектами, государственных и общественных интересов, в том числе закрепить общую норму о том, что при предъявлении прокурором (иным уполномоченным субъектом) заявления в защиту государственных и общественных интересов прокурор (иной уполномоченный субъект) пользуется всеми правами и выполняет все обя-

занности истца (заявителя), кроме обязанности по несению судебных расходов.

Список цитируемых источников

1. Гапоненко, Д. В. К вопросу о правовом статусе субъектов, от собственного имени защищающих права, свободы и законные интересы других лиц / Д. В. Гапоненко // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информации Респ. Беларусь; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: НЦЗПИ, 2024. – Вып. 6. – С. 296–304.

2. Матюк, В. В. Проект Кодекса гражданского судопроизводства и правовое положение прокурора в суде первой инстанции / В. В. Матюк // Современные тенденции развития цивилистического процессуального права: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. круглого стола, приуроч. к 70-летию проф. каф. гражд. процесса и труд. права юрид. фак. Белорус. гос. ун-та И. Н. Колядко, 15 апр. 2022 г., Минск / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак.; под ред.: О. Н. Романовой, И. Н. Колядко – Мн.: БГУ, 2022. – С. 75–80. – Деп. в Белорус. гос. ун-те 30.11.2022, № 011130112022.

3. Скобелев, В. П. О некоторых вопросах правового регулирования статуса прокурора в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол.: И. А. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2024. – Вып. 17. – С. 251–261.

4. Таранова, Т. С. Обращение прокурора в суд в защиту прав и законных интересов других лиц / Т. С. Таранова // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информации Респ. Беларусь; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: НЦЗПИ, 2024. – Вып. 6. – С. 149–161.

5. Скобелев, В. П. О совершенствовании правового статуса должностных лиц прокуратуры в судопроизводстве по гражданским делам / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 290–297.

6. Скобелев, В. П. О некоторых вопросах обращения прокурора в суд в порядке гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, Т. 2: спец. юбилейн. изд. – С. 269–275.

7. Скобелев, В. П. Проблемные вопросы участия прокурора в гражданском процессе / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепле-

ния законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. М. Хомич (пред.) [и др.]. – Мн.: РИПО, 2015. – С. 247–254.

Аннотация. В статье анализируются некоторые положения Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, регулирующие вопросы обращения должностных лиц органов прокуратуры в суды с заявлениями о возбуждении гражданских дел. В частности, исследуется, какие именно должностные лица органов прокуратуры уполномочены инициировать возбуждение гражданских дел в суде, при соблюдении каких условий они могут это делать, насколько широк сам круг гражданских дел, по которым заявления могут подаваться должностными лицами органов прокуратуры, насколько новый процессуальный регламент учитывает особенности, сопутствующие защите прокурором в судебном порядке государственных и общественных интересов. В результате сделан ряд предложений, направленных на дальнейшее совершенствование соответствующих норм Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

APPEAL OF THE PROSECUTOR TO THE COURT OF FIRST INSTANCE UNDER THE CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: ON INDIVIDUAL PROBLEMATIC ISSUES

Skobelev V. P.

Key words: civil proceedings, prosecutor's office, prosecutor's office official, prosecutor, appeal to court, state and public interests.

Abstract. The article analyzes some provisions of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus, regulating the issues of appeals of officials of the prosecutor's office to the courts with applications for the initiation of civil cases. In particular, it examines which officials of the prosecutor's office are authorized to initiate civil cases in court, under what conditions they can do this, how wide is the range of civil cases for which applications can be filed by officials of the prosecutor's office, to what extent the new procedural regulations take into account the features associated with the protection of state and public interests by the prosecutor in court. As a result, a number of proposals were made aimed at further improving the relevant provisions of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПОСТУПИВШЕМУ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ В СУД

Соркин В. С.

Ключевые слова: прокурор, надзорная деятельность, оценка доказательств, досудебное производство, направление дела в суд.

Введение

Реализуя функцию обвинения (уголовного преследования) в ходе досудебного производства по уголовному делу, прокурор, вне всякого сомнения, ставит перед собой цель обосновать доказанность обвинения на стадии досудебного производства. Предъявление лицу обвинения должно быть обоснованным и подтверждено доказательствами, которые в совокупности устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, а именно – предмет доказывания (ч. 1 ст. 89 УПК Республики Беларусь). Роль прокурора в этой связи видится весьма значимой в контексте реализации им принципа прокурорского надзора в уголовном процессе (ч. 2 ст. 25 УПК Республики Беларусь), где законодатель обязывает прокурора на всех стадиях уголовного процесса своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения не исходили. Прокурор в соответствии с ч. 1 ст. 34 УПК Республики Беларусь, являясь должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляет от имени государства уголовное преследование. Мы разделяем утверждение Т. А. Савчук, где она отмечает, что вектором для дальнейшего нормативного совершенствования прокурорского надзора в досудебном уголовном производстве стала Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, положения которой нашли отражение в Законе Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [1, с. 213].

Доказывание является основой уголовно-процессуальной деятельности. Участие прокурора в процессе доказывания по своей сути представляет собой многообразное и многофункциональное явление и должно способствовать установлению объективной истины по уголовному делу. В юридической литературе на постсоветском

пространстве проблематике, связанной с доказыванием обвинения и оценкой доказательств прокурором, были посвящены работы В. С. Балакшина [2], Б. Я. Гаврилова [3], В. А. Лазаревой [4], Н. С. Мановой [5], В. А. Семенцова [6], С. А. Шейфера [7] и др.

В указанных исследованиях презюмировалась мысль о том, что от успешной реализации прокурором функции уголовного преследования в процессе оценки доказательств (как завершающего и во многом основополагающего этапа процесса доказывания на стадии досудебного производства) зависит доказанность обвинения и последующее поддержание государственного обвинения в суде. Однако с учетом изменений уголовно-процессуального законодательства, например, в Российской Федерации прокурор участвует в собирании доказательств лишь опосредованно [4, с. 79–80].

Основная часть

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь, равно как и Закон Республики Беларусь «О прокуратуре», создают необходимые условия для реализации прокурором своих надзорных полномочий в части надлежащей оценки доказательств по уголовному делу, которое поступило ему для направления в суд в порядке ст. 263–266 УПК Республики Беларусь (материалы доследственной проверки, а также приостановленные и прекращенные уголовные дела, направляемые прокурору в надзорном порядке, не являются предметом исследования настоящей статьи). С 1 января 2012 г., с момента начала функционирования Следственного комитета как самостоятельного правоохранительного ведомства, произошло перераспределение полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения в пользу последнего в части усиления процессуального руководства расследованием. По мнению А. В. Спирина, прокурор, используя средства уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивает законность процесса доказывания (производства соответствующих следственных и иных действий), соответствие закону каждого из входящих в эту совокупность доказательств для последующего обоснования обвинения перед судом. Поэтому задачи уголовно-процессуальной деятельности прокурора можно сформулировать так.

Прокурор должен:

- добиваться всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого (подозреваемого) обстоятельств, а также обстоятельств смягчающих и отягчающих ответственность;
- предупреждать, выявлять и принимать меры к устранению нарушений законов по собиранию, проверке и оценке доказательств;

- защищать права и законные интересы лиц, пострадавших от преступлений, и лиц, подвергающихся уголовному преследованию, а также иных лиц, вовлекаемых в производство следственных и иных процессуальных действий [8, с. 201].

Г. Н. Королев придает уголовно-процессуальному доказыванию в деятельности прокурора важнейшее значение. Усматривая в нем самую суть досудебного уголовного преследования, он пишет: «досудебное уголовное преследование осуществляется прокурором исключительно в процессе доказывания и на основании полученных доказательств» [9, с. 53].

Нисколько не отрицая значимость таких элементов процесса доказывания, как собирание доказательств (ч. 2 ст. 103 УПК Республики Беларусь (с изменениями от 17.02.2025)) и проверка доказательств, отметим, что оценка доказательств, а также их источников является основой для принятия властно-распорядительного процессуального решения прокурора по уголовному делу, направленному в суд. Безусловно, прокурор при этом руководствуется ст. 19 УПК Республики Беларусь и оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, которое не бесконтрольно, а должно формироваться, исходя из гносеологического (познавательного), правового и нравственного компонента.

Отдельно следует остановиться на достаточно сложной процессуальной ситуации, когда речь идет о признании доказательств недопустимыми в процессе реализации прокурором своих полномочий при оценке доказательств. Согласно ч. 5 ст. 105 УПК Республики Беларусь доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в ст. 89 УПК Республики Беларусь (предмет доказывания). В этой связи заметим, что прокурор располагает достаточными надзорными полномочиями в ходе предварительного расследования уголовного дела, которые позволяют ему своевременно обнаружить доказательства и источники их получения, которые не отвечают требованиям уголовно-процессуального закона. Представляется, что наиболее полная «картина» предварительного расследования отчетливо воспринимается прокурором при принятии им процессуально значимого решения при направлении уголовного дела в суд (ст. 263–266 УПК Республики Беларусь). Более того, п. 12 ч. 1 ст. 263 УПК Республики Беларусь прямо обязывает прокурора проверить, а следовательно, и **оценить**, не допущены ли при производстве предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона. Проблема, на наш взгляд,

заключается в том, что законодатель никак не регламентирует процессуальный порядок оформления признания доказательств недопустимыми. Думается, что в данном случае необходимо составление соответствующего постановления самим прокурором (с возможностью обжалования данного постановления вышестоящему прокурору), а также содержать требования прокурора к должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование (указанным в ст. 35–38 и 39 УПК Республики Беларусь) о признании доказательства недопустимым с возможностью последующего обжалования.

Важным и практически значимым представляется положение, выдвинутое В. Н. Исаенко: «признание прокурором недопустимым доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона – вынужденная мера, принимаемая им в условиях отсутствия объективных возможностей устранения последствий выявленного нарушения процессуальным путем. Принятие решения об этом возможно только при наличии внутреннего убеждения в неоправимости последствий нарушения закона, допущенного при производстве следственного действия, в результате которого подвергнута сомнению процессуальная доброкачественность исследуемого доказательства» [10, с. 3].

Г. М. Резник справедливо отмечает: «если допущенное нарушение удастся компенсировать путем проведения других процессуальных действий, то они могут быть сочтены не существенными, то есть не повлиявшими на всесторонность, полноту и объективность расследования, а доказательства допущены к дальнейшему исследованию и оценке» [11, с. 9].

Осторожный и взвешенный подход к процедуре признания доказательств недопустимыми характерен и для ряда зарубежных стран. Так, во французском уголовном судопроизводстве действует принцип «никакого аннулирования без ущерба» (*pasdenullite sansgrier*). Аннулирование следственных действий и их результатов производится не просто в случае несоблюдения правил производства следственных действий, а тогда, когда в результате нарушены чьи-либо права – нанесен ущерб интересам участника [12, с. 238, 380–381].

Таким образом, мы можем вести речь о балансе публичных интересов и интересов отдельно взятого участника уголовного процесса в ходе предварительного расследования уголовного дела. Не следует забывать о том, что в уголовном деле, с одной стороны, должны надлежащим образом обеспечиваться права и законные интересы личности, а с другой стороны, реализовываться задачи уголовного процесса в части быстрого и полного расследования преступлений, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных.

Разделяем суждение К. А. Таболиной в той части, где утверждает, что публичный интерес по обеспечению законности в досудебном производстве, носителем которого является прокурор, заключается: в уголовно-правовом смысле – в защите от совершенного преступления путем участия в уголовном преследовании; в уголовно-процессуальном смысле – в обеспечении исполнения законов органами предварительного расследования путем осуществления надзора [13, с. 218].

Обратим внимание на еще один немаловажный аспект относительно действий прокурора при оценке доказательств по уголовному делу, поступившему для направления в суд. Фактически без надлежащего прокурорского надзора остаются вопросы, связанные с приобщением к делу вещественных доказательств, а также других носителей информации в виде материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи (ст. 96 и ч. 2 ст. 100 УПК Республики Беларусь). Из содержательного перечня вопросов, обозначенных в ч. 1 ст. 263 УПК Республики Беларусь, о вышеперечисленных источниках доказательств ничего не говорится, что, безусловно, является пробелом действующего уголовно-процессуального законодательства и нуждается в надлежащем уголовно-процессуальном регулировании. В этой связи мы присоединяемся к мнению А. А. Хайдарова в той части, где им утверждается, что «проверка вещественных доказательств прокурором должна обязательно сопровождаться письменным оформлением этого процессуального действия. Правовой механизм реализации полномочия прокурора по проверке вещественных доказательств ... должен найти отражение в уголовно-процессуальном законодательстве» [14, с. 17–20]. Это же в полной мере относится к материалам фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, которые должны быть в технически исправном состоянии.

В соответствии с ч. 1 ст. 337 УПК Республики Беларусь вещественные доказательства подлежат осмотру в ходе расследования уголовного дела в суде первой инстанции. Лица, которым предъявлены вещественные доказательства, вправе обращать внимание суда на обстоятельства, связанные с осмотром. Следовательно, перед направлением уголовного дела в суд прокурору надлежит подробно ознакомиться с представленными вещественными доказательствами (обратив особое внимание на их упаковку для оценки относимости и допустимости).

Также полагаем, что перед направлением уголовного дела в суд прокурору следует воспроизвести звуко- и видеозапись и киносъемку для их оценки на предмет относимости и допустимости с письменным оформлением данного процессуального действия.

Заключение

По результатам исследования можно прийти к следующим выводам.

1. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора при направлении уголовного дела в суд аккумулирует в себе логические (мыслительные) и процессуальные аспекты. Она носит властно-распорядительный характер и основывается на внутреннем убеждении прокурора.

2. Нуждается в надлежащей регламентации процессуальный порядок оформления признания прокурором недопустимого доказательства при направлении уголовного дела в суд. С этой целью предлагается составление соответствующего постановления, а также направление требования прокурора к должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование с целью признания доказательства недопустимым.

3. При направлении уголовного дела в суд прокурору необходимо обратить особое внимание на достижение паритета между уголовно-процессуальным принуждением и правами и законными интересами граждан, участвующих в уголовном деле в различном процессуальном статусе.

4. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора при направлении уголовного дела в суд нуждается в соответствующем нормативном предписании в части порядка ознакомления прокурора с вещественными доказательствами по уголовному делу, а также с другими носителями информации, к которым относят материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи.

Список цитируемых источников

1. Савчук, Т. А. О новых векторах законодателя в усилении полномочий прокурора за предварительным расследованием / Т. А. Савчук // Следственная деятельность: наука, образование, практика: тезисы докладов V междунар. науч.-практ. конф. / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) [и др.]. – Мн.: СтройМедиаПроект, 2025. – С. 213.

2. Балакишин, В. С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: науч.-практ. пособие / В. С. Балакишин. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. – 316 с.

3. Гаврилов, Б. Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве / Б. Я. Гаврилов. – М.: Академ. управления МВД России, 2012. – 174 с.

4. Лазарева, В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / В. А. Лазарева. – М.: Юрайт, 2016. – 215 с.

5. Манова, Н. С. Роль и полномочия прокурора при осуществлении судебной контрольной деятельности в досудебном производстве / Н. С. Манова // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2018. – Т. 28. – Вып. 1. – С. 122–123.

6. Семенцов, В. А. Проблемы производства следственных действий: учеб. пособие / В. А. Семенцов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – 181 с.

7. Шейфер, С. А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография / С. А. Шейфер. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 110 с.

8. Спириин, А. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии: монография / А. В. Спириин. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 272 с.

9. Королев, Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: монография: в 2 кн. / Г. Н. Королев. – Нижний Новгород: ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2005. – Кн. 2. Уголовное преследование. – 168 с.

10. Исаенко, В. Н. Акты прокурорского надзора за исполнением законом при производстве следственных действий / В. Н. Исаенко // Законность. – 2012. – № 12. – С. 9–5.

11. Резник, Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г. М. Резник. – М.: Юрид. лит., 1977. – 118 с.

12. Барабанов, П. К. Уголовный процесс Франции / П. К. Барабанов. – М.: Спутник, 2016. – 512 с.

13. Таболина, К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: монография / К. А. Таболина. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 320 с.

14. Хайдаров, А. А. Проверка и оценка вещественных доказательств прокурором по уголовному делу, направленному ему с обвинительным заключением (обвинительным актом) / А. А. Хайдаров // Законность. – 2019. – № 3. – С. 17–20.

Аннотация. В настоящей статье анализируется научная проблематика, связанная с изучением уголовно-процессуальной деятельности прокурора при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законности в процессе доказывания по уголовному делу, которое поступило для направления в суд. При этом констатируется, что реализация прокурором функции уголовного преследования в части оценки доказательств по делам публичного и частно-публичного обвинения в ходе досудебного производства по уголовному делу предопределяет обязанность обеспечения законности на всех этапах процесса доказывания, включая сбор и проверку доказательств. В этой связи обращается внимание на формулировку основных задач, которые обязан разрешать прокурор в процессе осуществления упомянутой уголовно-процессуальной деятельности. Вносятся конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства по вопросам, возникающим в процессе реализации прокурором надзорных полномочий в ходе оценки доказательств по уголовному делу, поступившему для направления в суд. По мнению автора, данные предложения нуждаются в законодательном регулировании и могут способствовать повышению эффективности прокурорского надзора.

CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR WHEN ASSESSING EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE RECEIVED FOR REFERRAL TO COURT

Sorkin V. S.

Key words: prosecutor, supervisory activity, assessment of evidence, pre-trial proceedings, referral of the case to court.

Abstract. This article analyzes the scientific problems associated with the study of the criminal procedural activities of the prosecutor in the implementation of prosecutorial supervision over compliance with the law in the process of proving a criminal case received for referral to the court. At the same time, it is stated that the implementation by the prosecutor of the function of criminal prosecution in terms of assessing evidence in cases of public and private-public prosecution during pre-trial proceedings in a criminal case predetermines the obligation to ensure legality at all stages of the proof process, including the collection and verification of evidence. In this regard, attention is drawn to the formulation of the main tasks that the prosecutor is obliged to resolve in the process of implementing the aforementioned criminal procedural activities. Specific proposals are made to improve the criminal procedural legislation on issues arising in the process of implementing the prosecutor's supervisory powers in the course of assessing evidence in a criminal case received for referral to the court. According to the author, these proposals need legislative regulation and can contribute to increasing the effectiveness of prosecutorial supervision.

5. ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

УДК 347.440.76

СОГЛАШЕНИЕ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА (ОПЦИОН НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА) И ОПЦИОННЫЙ ДОГОВОР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Василевский А. В.

Ключевые слова: опцион, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора, опцион на заключение договора, опционный договор, односторонний предварительный договор, сделки, совершенные под условием, потестативные условия.

Введение

В ноябре 2024 г. в юридическую силу вступили положения статей 399-1 и 399-2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в которых соответственно установлено правовое регулирование опциона на заключение договора (далее – соглашение о предоставлении опциона) и опционного договора (далее, в общем и целом – договоры с опционом). Содержание рассматриваемых правовых предписаний не ново для отечественной правовой системы, однако в отличие от предусмотренного в ранее принятых актах законодательства оно впервые характеризуется распространением субъектной сферы его прямого действия в отношении нормативно не определенного, то есть широкого, круга лиц. Нововведения обусловлены совокупностью следующих факторов: в национальном сегменте гражданского оборота назрела необходимость трансформации консервативного правового регулирования преддоговорных отношений; государствами – членами ЕАЭС достигнуты договоренности по взаимной гармонизации между собой национального гражданского законодательства, при этом в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан¹ сфера прямого действия правовых предписаний о договорах с опционом не ограничивается по субъектному составу; результаты

¹ В гражданском законодательстве Республики Армения и Кыргызской Республики во время проведения настоящего исследования не выявлены правовые предписания, направленные на регулирование общественных отношений по опциону и договоров с ним.

правового эксперимента по апробации договоров с опционом на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь получили положительную оценку экспертов.

В юридической литературе в свете развития положений законодательства об опционе и договорах с ним возрастает интерес авторов к их исследованию. Вместе с тем в комментариях законодательства, научных и практических статьях по обозначенной теме зачастую дублируется текст соответствующих положений законодательства без должного его рассмотрения и толкования. Правоприменительная практика по повсеместному заключению, исполнению и прекращению договоров с опционом в различных сферах экономической деятельности национального сегмента гражданского оборота полномасштабно формируется лишь на протяжении последнего года. В этой связи у ряда правоприменителей возможно возникновение сложностей в выборе договорной модели оформления правоотношений сторон по опциону оптимально подходящей преследуемым ими целям и фактически складывающимся обстоятельствам.

На основании изложенного настоящее исследование направлено на выявление общих и отличительных признаков соглашения о предоставлении опциона и опционного договора, способствующих осуществлению выбора одной из названных договорных моделей при оформлении правоотношений сторон по опциону.

Основная часть

В юриспруденции под опционом (от лат. *option*, *optio* – свободный выбор, усмотрение; *optare* – выбирать, отдавать предпочтение) в узком смысле слова принято понимать право на совершение в установленный срок определенных действий, имеющих юридические последствия. При помощи этого права опосредуются гражданские права и обязанности сторон по обязательствам, возникающим из договора, если это не противоречит законодательству и их существу [1; 2].

Правоотношения сторон по опциону и опосредуемому им основному обязательству в общих чертах развиваются следующим образом. Одна сторона (опционодатель) предоставляет другой стороне (опционополучателю) опцион в отношении основного обязательства. Опционополучатель свободен в выборе варианта реализации опциона, допускается как осуществление, так и неосуществление заключенного в нем права. Осуществление опциона предполагает надлежащее совершение согласованных действий, имеющих юридические последствия. Неосуществление опциона возможно посредством прямого отказа от совершения согласованных действий или бездействия в течение установленного на совершение этих действий срока. В силу существа

договоров с опционом неосуществление опциона не следует расценивать как односторонний отказ от исполнения обязательства в смысле положений статьи 291 ГК. Опционодатель обязан принять выбранный опционополучателем вариант реализации опциона и совершить в соответствии с этим вариантом согласованные действия в отношении основного обязательства. Реализация опциона влечет исполнение при осуществлении или погашение при неосуществлении заключенного в нем права, прекращение договоренностей о нем, а также юридически значимые последствия, влияющие на правоотношения сторон по основному обязательству. Значение последствий зависит как от выбранного варианта реализации опциона, так и от содержания заключенного в опционе права. Осуществление опциона может привести к возникновению либо изменению, а неосуществление опциона – соответственно к невозникновению либо прекращению гражданских прав и обязанностей сторон по основному обязательству. Представленный алгоритм развития правоотношений сторон свидетельствует об их условной двухуровневой структуре, в которой базу составляет опционное обязательство, а потенциальную надстройку – основное обязательство.

Комплексно всю структуру правоотношений сторон по опциону и опосредуемому им основному обязательству возможно оформить при помощи одной из двух исторически сложившихся в гражданском обороте договорных моделей. В правовой литературе эти модели известны под неофициальными наименованиями «разделение договоров» (нем. *Trennungstheorie*) и «единый ...» или «единственный договор» (нем. *Einheitstheorie*) [3, с. 61–63]. В законодательстве многих зарубежных государств предусмотрено правовое регулирование только одной из рассматриваемых договорных моделей, как правило, предусматривающей разделение договоров (например, Итальянская Республика, [4] Французская Республика [5], Соединенные Штаты Америки [6] и др.). Между тем в правоприменительной практике таких государств встречаются обе модели.

В белорусском законодательстве в целях предоставления участникам национального сегмента гражданского оборота свободы выбора варианта оформления сложной структуры правоотношений сторон предусмотрено правовое регулирование сразу двух известных договорных моделей [7, с. 188].

Договорная модель, предполагающая разделение договоров, нашла отражение в положениях статьи 399–1 ГК, устанавливающих регулирование соглашения о предоставлении опциона. Правовые предписания анализируемой статьи воплощают представления о возможности юридического оформления правоотношений сторон посредством

заключения самостоятельного договора об опционе, направленного на организацию потенциальных правоотношений сторон по основному обязательству [8, с. 38; 9, с. 61]. В соответствии с условиями этого договора, надлежащее осуществление управомоченной стороной опциона влечет заключение другого договора, содержащего условия об основном обязательстве. В юридической литературе такой подход оформления правоотношений сторон подвергается критике за формализм, связанный с потенциальным заключением двух договоров, содержание, второго из которых определяется в тексте первого. Соглашение о предоставлении опциона, как отмечает А. В. Каравай: «не позволяет управомоченному лицу требовать выполнения контракта в соответствии с условиями, указанными в опционе. В этом смысле опцион является правом требовать заключения нового контракта, это предложение, которое после его принятия (акцепта) создает другой контракт» [10]. В силу этого А. В. Васильев [11, с. 12–13; 12, с. 184–191]; В. Ем, Н. Козлова, О. Сургачева [13, с. 33]; Г. Э. Маилян [14]; Г. В. Мельничук [15, с. 25]; П. А. Меньшенин [16, с. 25; 17]; М. В. Николаев [18]; Е. И. Шулейко [19] и др. предпринимают попытки по отождествлению соглашения о предоставлении опциона с односторонне обязывающим предварительным договором, однако сравнительно-правовые исследования свидетельствуют об их самостоятельной правовой природе.

Договорная модель, предполагающая единство договора, реализована в положениях статьи 399-2 ГК, устанавливающих регулирование опционного договора. Правовые предписания статьи основаны на представлениях о возможности включения в договор об отдельном виде обязательства группы условий об опционе [2; 20; 21; 22, с. 244]. В этом договоре исполнение основного обязательства ставится в зависимость от надлежащего осуществления управомоченной стороной опциона [3, с. 68–72]. По мнению А. Шабанова и А. Н. Левушкина, «опционный договор не является специальным договором, а лишь указывает на ту форму, к которой может относиться договор» [23; 24], что сближает его правовую природу со сделками, совершенными под условием [25, с. 15].

Правовое регулирование рассматриваемых договорных моделей характеризуется наличием ряда общих и отличительных признаков.

Сходства прослеживаются в следующем.

- *Задачи договорного регулирования.*

В гражданском обороте договоры с опционом способствуют выполнению трех основных задач: регулирование преддоговорных по отношению к основному обязательству правоотношений сторон; определение содержания будущего основного обязательства; оформление правоотношений сторон по опциону.

- *Совершение юридического акта по предоставлению опциона.*

По договорам с опционом одна сторона предоставляет другой стороне имущественное право по своему волеизъявлению в согласованные сроки совершить определенные действия, имеющие юридически значимые последствия в отношении основного обязательства. В правовой литературе такое право известно под словесным обозначением «опцион».

- *Ограничение срока действия опциона.*

Опцион предоставляется на определенное время. Период его действия ограничивается в целях установления пределов осуществления, заключенного в нем права и недопущения злоупотреблений этим правом. В этой связи в пункте 1 статьи 399-1 и пункте 1 статьи 399-2 ГК существенными называются условия о сроке реализации опциона.

В договоре с опционом важно различать сроки действия самого договора и реализации опциона. Начало сроков может не совпадать во времени. Течение срока действия договора начинается с момента его заключения, а срока на реализацию опциона – с момента, согласованного сторонами. Завершение сроков происходит одновременно, по истечению срока реализации опциона.

- *Определение условий об опционной премии.*

Предоставление опциона на возмездной или безвозмездной основе определяется по усмотрению сторон договора. Условия об опционной премии не называются в законодательстве существенными. М. Ю. Слепич указывает, что «опционная премия не является ни квалифицирующим признаком, ни существенным условием данных правоотношений» [26]. Правовые предписания пункта 1 статьи 399-1 и пункта 2 статьи 399-2 ГК предусматривают, что по умолчанию опцион предоставляется безвозмездно, однако по соглашению сторон в ответ за него может быть предусмотрена плата или другое встречное предоставление.

Важно подчеркнуть, что опционная премия подлежит уплате за правомочие совершения определенных действий, а не за результат их совершения, выражающейся в зависимости от вида договора с опционом в заключении договора об основном обязательстве либо его исполнении. В соответствии с пунктом 3 статьи 399-1 и пунктом 4 статьи 399-2 ГК платеж по договорам с опционом не подлежит возврату, а по соглашению о предоставлении опциона также не засчитывается в счет платежей по основному договору. Между тем по соглашению сторон в тексте договора с опционом возможно предусмотреть иной порядок распоряжения опционной премией.

- *Порядок определения требований законодательства к форме договора с опционом.*

Соглашение о предоставлении опциона в соответствии с положениями пункта 5 статьи 399-1 ГК подлежит заключению в форме, установленной для договора об основном обязательстве. Соответственно, если договор об основном обязательстве надлежит заключать в письменной форме (простой или нотариальной), то и соглашение о предоставлении опциона подлежит заключению в этой же форме.

В отношении опционного договора в статье 399-2 ГК не закреплены правила определения формы его заключения. В правоприменительной практике опционный договор фактически представляет собой основное обязательство, в содержание которого включены условия об опционе, опосредующем гражданские права и обязанности по нему. Условия об опционе не трансформируют суть и форму совершения основного обязательства. В связи с этим опционный договор фактически также, как и соглашение о предоставлении опциона, заключается в форме, установленной для опосредуемого опционом основного обязательства.

Различия между соглашением о предоставлении опциона и опционным договором проявляются в следующем.

- *Содержание опциона.*

Опцион по соглашению о предоставлении опциона представляет собой имущественное право на заключение в установленные сроки отдельного договора об основном обязательстве, а по опционному договору – имущественное право на заявление в установленные сроки требования о совершении предусмотренных договором действий.

- *Механизм предоставления опциона.*

По соглашению о предоставлении опциона юридический акт предоставления опциона совершается посредством безотзывной оферты. При этом следует различать оферту, направляемую на заключение непосредственно самого соглашения, и безотзывную оферту, направляемую на заключение договора об основном обязательстве во исполнение обязанности опционодателя по уже заключенному соглашению. Традиционно оферта рассматривается через призму правоспособности лица как действие, обусловленное его личными мотивами и направленное на возникновение обязательства. Вот только в силу установления правового регулирования соглашения о предоставлении опциона оферта, по мнению С. О. Макаруча, «может быть рассмотрена не только с точки зрения основания возникновения обязательства, но и как составная часть его содержания, а именно – некое долженствование» [27, с. 170]. Содержание оферты, при обычно предъявляемых требованиях, определяется по усмотрению лица, ее направляющего. В то время как содержание безотзывной оферты, направляемой в силу соглашения о пре-

доставлении опциона, определяется по взаимному согласию сторон в содержании такого соглашения [20]. Соглашение о предоставлении опциона и безотзывная оферта на заключение договора об основном обязательстве совершаются путем составления как одного общего, так и двух отдельных документов [28]. В правоприменительной практике безотзывная оферта на заключение договора об основном обязательстве в большинстве случаев как документ отдельно не составляется. Правовая функция безотзывной оферты реализуется непосредственно в содержании соглашения о предоставлении опциона. Указание на действие по направлению безотзывной оферты признается не более чем юридической фикцией.

По опционному договору юридический акт предоставления опциона совершается посредством включения группы условий об опционе в содержание опосредуемого им основного обязательства.

В научно-практической юридической литературе соглашение о предоставлении опциона условно обозначается как «модель соглашения об оферте» [21], «соглашение сторон о порядке выдачи оферты и ее последующего акцепта, то есть соглашение сторон о создании определенного правоотношения» [26], «покупка права на заключение контракта» [29] либо в весьма упрощенном виде – «механизм торговли безотзывными офертами» [30], а опционный договор – как «модель востребования исполнения» [16; 17, с. 15; 21].

- *Механизм осуществления опциона.*

По соглашению о предоставлении опциона управомоченная сторона вправе осуществить заключенное в опционе право путем акцепта безотзывной оферты, а по опционному договору – заявления требования о свершении предусмотренных в таком договоре действий по основному обязательству.

По соглашению о предоставлении опциона в соответствии с частью второй пункта 1 статьи 399-1 ГК правомочие на осуществление опциона возможно поставить в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет (отлагательное условие, пункт 1 статьи 158 ГК), либо от воли одной из сторон сделки (потестативное условие, пункт 1 статьи 399-2 ГК). В соглашении о предоставлении опциона отлагательные и потестативные условия выполняют одну из следующих функций: откладывают начало течения срока реализации опциона либо наряду с условиями о сроке определяют допустимость осуществления опциона.

- *Последствия осуществления опциона.*

По соглашению о предоставлении опциона посредством опциона отложено потенциальное заключение самостоятельного договора

об основном обязательстве, а по опционному договору – исполнение основного обязательства по уже заключенному договору [24; 28].

- *Описание предмета договора с опционом.*

В определении предмета договоров с опционом юристы расходятся во мнениях. Некоторые из них на первый план выдвигают благо основного обязательства, объясняя это производным характером опциона по отношению к опосредуемому им обязательству [31; 32]. С такой позицией сложно согласиться, так как условия об опционе по отношению к основному обязательству имеют обособленное значение и направлены на достижение самостоятельного юридического результата. Основное обязательство не представляет основную цель заключения договоров с опционом. В противном случае участникам гражданского оборота следовало бы сразу совершать юридически значимые действия в отношении основного обязательства без усложнения правоотношений сторон гражданскими правами и обязанностями, связанными с реализацией опциона. Договоры с опционом заключаются с целью предоставления правомочия выбора между совершением или несвершением определенных действий, имеющих юридические последствия в отношении основного обязательства. Право выбора представляет собой имущественное благо, определяющее предмет договоров с опционом. В то же время условия об опционе связаны с опосредуемым обязательством и теряют свой смысл при его отсутствии. В соглашении о предоставлении опциона условие о предмете формирует имущественное право на заключение индивидуально определенного договора об основном обязательстве, а в опционном договоре – имущественное право на заявление требования о совершении предусмотренных в таком договоре действий по основному обязательству. Содержание договора (действия), подлежащего заключению (исполнению), составляет неотъемлемую часть условий о предмете соответствующих договоров с опционом [33].

В силу названных обстоятельств в соглашении о предоставлении опциона существенными признаются условия, позволяющие определить предмет и другие существенные условия договора об основном обязательстве, подлежащем заключению, а в опционном договоре – действия, подлежащие совершению. В правоприменительной практике на момент заключения соглашения о предоставлении опциона не всегда представляется возможным точно описать предмет будущего договора об основном обязательстве. В части второй пункта 4 статьи 399-1 ГК на такие случаи предусмотрено, что предмет договора, подлежащего заключению, может быть описан любым способом, позволяющим его идентифицировать на момент акцепта безотзывной оферты.

В пункте 1 статьи 399-2 ГК приводится примерный перечень действий по опционному договору, в частности: уплата денежных средств, передача, предоставление или принятие имущества, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

- *Вид встречного предоставления за опцион.*

По соглашению о предоставлении опциона в соответствии с частью первой пункта 1 статьи 399-1 ГК премия может уплачиваться в виде денежной суммы или другого встречного предоставления (в том числе имущества, обязательства и т. д.), в то время как по опционному договору, согласно пункту 3 статьи 399-2 ГК, – только в виде денежной суммы.

На основании изложенного можно заключить, что для верного выбора договорной модели оформления правоотношений сторон по опциону и опосредуемому им основному обязательству необходимо руководствоваться отмеченными выше общими и отличительными признаками видов договоров с опционом. В правоприменительной практике для оперативности принятия решения прежде всего рекомендуем обращать внимание на:

Содержание опциона.

Соглашение о предоставлении опциона необходимо применять, если опцион направлен на заключение другого договора. Опционный договор целесообразно использовать, если опцион направлен на заявление требования в отношении какого-либо актива (товара, работы, услуги).

Степень определенности условий основного обязательства.

В случае если все существенные условия основного обязательства (предмет и, например, цена, сроки и другие условия) четко определены на момент заключения договора, то можно использовать обе модели. Однако если условия основного обязательства требуют уточнения, наиболее подходящая для использования модель соглашения о предоставлении опциона.

Цели, преследуемые сторонами.

Соглашение о предоставлении опциона необходимо применять, если стороны преследует цели заключения в будущем договора об основном обязательстве. Опционный договор целесообразно использовать, если стороны преследуют как основные одну или несколько следующих целей: спекуляция, хеджирование рисков или получение прибыли от колебаний цен.

Заключение

В завершении подчеркнем основные выводы настоящего исследования.

Правоотношения сторон по опциону и опосредуемому им основному обязательству развиваются по условной двухуровневой структуре, в которой базу составляет опционное обязательство, а потенциальную надстройку – основное обязательство. Комплексно всю структуру правоотношения сторон возможно оформить посредством заключения соглашения о предоставлении опциона или опционного договора. Названные договорные модели имеют ряд общих и отличительных признаков. Сходства прослеживаются в задачах договорного регулирования, совершении юридического акта по предоставлению опциона, ограничении срока действия опциона, определении условий об опционной премии, а также требований законодательства к форме договора с опционом. Различия проявляются в содержании опциона, механизме предоставления опциона, а также осуществления опциона, последствиях осуществления опциона, описании предмета договора с опционом, виде встречного предоставления за опцион. В правоприменительной практике для оперативности выбора одной из рассматриваемых договорных моделей прежде всего рекомендуем обращать внимание на содержание опциона; степень определенности условий основного обязательства; цели, преследуемые сторонами.

В теории гражданского права соглашение о предоставлении опциона (статья 399-1 ГК) и предварительный договор (статья 399 ГК), а также опционный договор (статья 399-2 ГК) и сделки, совершенные под условием (статья 158 ГК), целесообразно рассматривать во взаимосвязи.

Комплексное рассмотрение названных договорных отношений позволяет обеспечить всесторонность и ясность понимания участниками гражданского оборота особенностей договорных моделей, регулирующих преддоговорные по отношению к основному обязательству правоотношения сторон, а также отлагательных, отменительных, потестативных условий сделки, что в конечном итоге способствует применению ими наиболее подходящего вида сделки для юридического оформления фактически складывающихся между сторонами правоотношений.

Список цитируемых источников

1. Балкаров, А. Б. Критика концепций понимания опционного договора / А. Б. Балкаров // Юрист. – 2013. – № 13. – С. 27–30.
2. Сафонова, Т. Ю. Опционные контракты в российской системе регулирования / Т. Ю. Сафонова // Предпринимательское право. – 2018. – № 4. – С. 12–20.
3. Nickel-Schmitt, K. Bilanzierung bedingter Sale-and-buy-back-Geschäfte: Eine mittelstandsorientierte Betrachtung am Beispiel des Leasingrückkaufgeschäftes der Automobilbranche / K. Nickel-Schmitt: Tectum Wissenschaftsverlag, 2016. – 372 S.

4. Codice civile Italiano, 16 marzo 1942-XX, № 262. – URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1942/04/04/042U0262/sg> (date of access: 21.05.2021).

5. Code civile France, 21 mar. 1804 г.: в ред. LOI n°2019–222 du 23 mars 2019 г. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2021-01-01 (date of access: 25.05.2021).

6. Restatement (Second) of Contracts, 1981. – URL: <https://www.ali.org/search?term=Restatement+%28Second%29+of+Contracts> (date of access: 26.03.2021).

7. Суровская, О. О. Понятие опционного соглашения и условия его заключения / О. О. Суровская // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 1. – С. 187–189.

8. Макаручук, С. О. Об организационной функции опционного договора / С. О. Макаручук. – Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 12. – С. 36–38.

9. Имекова, М. П. Опцион на заключение договора в российском и зарубежном праве / М. П. Имекова, А. А. Вележанина // Юридическая наука и практика. – 2018. – № 4. – С. 59–65.

10. Каравай, А. В. Вопросы применения правовых норм, регулирующих договорные отношения, в законодательстве и правоприменительной практике некоторых зарубежных государств: по состоянию на 6 авг. 2010 г. / А. В. Каравай // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

11. Васильев, А. В. Предварительный договор в праве России и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12 00 03 – гражданское право; предпринимательское право, семейное право; международное частное право / Васильев Алексей Владимирович; Московская государственная юридическая академия. – М., 2007. – 25 с.

12. Васильев, А. В. Правовая природа опционного договора США / А. В. Васильев // Закон. – 2007. – № 3. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9488761&> (дата обращения: 29.07.2025).

13. Ем, Е. Фьючерсные сделки на фондовой бирже: экономическая сущность и правовая природа / Е. Ем, Н. Козлова, О. Сургучева // Хозяйство и право. – 1999. – № 6. – С. 27–40.

14. Маилян, Г. Э. Модели отношений из предварительного договора и их влияние на допустимость уступки права (требования) по нему / Г. Э. Маилян // Гражданское право. – 2016. – № 6. – С. 40–43.

15. Мельничук, Г. В. Сделки на срочных рынках / Г. В. Мельничук // Законодательство. – 1999. – № 10. – С. 22–26.

16. Меньшенин, П. А. Опционный договор / П. А. Меньшенин // Право и экономика. – 2008. – № 5. – С. 19–25.

17. Меньшенин, П. А. Предварительный договор в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Меньшенин Павел Александрович. – М., 19 мая 2011. – 26 с.

18. Николаев, М. В. Обеспечение обязательств по предварительному договору: по состоянию на 28 сент. 2007 г. / М. В. Николаев // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

19. Шулейко, Е. И. Предварительный договор купли-продажи недвижимости, его значение на современном этапе: по состоянию на 09.09.2010 г. / Е. И. Шулейко // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

20. Чернобель, А. Я. Опционные конструкции в Гражданском кодексе РФ / А. Я. Чернобель // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016. – № 1. – С. 110–121.

21. Карапетов, А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ / А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 49–72.

22. Фьючерс и опцион как объекты фондового рынка: Объекты гражданского оборота: сборник статей / М. Е. Толстухин; под ред.: отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – 231–250.

23. Левушкин, А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры / А. Н. Левушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnye-dogovornye-konstruktsii-ramochnyy-optsiionnyy-i-abonentskiy-dogovor/viewer> (дата обращения: 29.07.2025).

24. Шабанов, А. Новеллы части первой ГК РФ / А. Шабанов // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 1.

25. Деривативы и право: пер. с нем. / Райнер Г.: Wolters Kluwer Russia, 2005. – 460 с.

26. Слепич, М. Ю. Опцион на заключение договора и опционный договор в положениях Декрета № 8: по состоянию на 19.01.2018 г. / М. Ю. Слепич // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

27. Макаrchук, С. О. О взаимозависимости опционного договора и опциона на заключение договора / С. О. Макаrchук. – Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 12. – С. 169–171.

28. Что такое опцион на заключение договора и чем он отличается от опционного договора: Готовое решение: по состоянию на 16.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

29. Овсейко, С. В. Производные инструменты: сущность понятия (часть 2): по состоянию на 11.10.2012 г. / С. В. Овсейко // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

30. Красовский, С. Г. Взаимоотношения с резидентом ПВТ: анализ общеправовых норм / С. Г. Красовский // Промышленно-торговое право. – 2018. – № 3. – С. 14–16.

31. Бандык, О. И. Опцион на заключение договора и опционный договор: понятие и практическое применение: по состоянию на 27.01.2017 г. / О. И. Бандык // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

32. Шевченко, А. П. О совершенствовании деятельности Парка высоких технологий и развитии цифровой экономики в Республике Беларусь (анализ Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики»): по состоянию на 20.03.2018 г. / А. П. Шевченко // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

33. Белявский, С. Ч. ГК: обзор планируемых изменений: по состоянию на 16.12.2019 г. / С. Ч. Белявский // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 29.07.2025).

Аннотация. В условиях динамично развивающейся цифровой экономики, сопряженной с высокой степенью неопределенности гражданского оборота, возрастает потребность в гибких правовых инструментах, позволяющих сторонам закрепить возможность будущей сделки. Введение в белорусское законодательство двух новых конструкций – соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опциона на заключение договора) и опционного договора – стало значимым шагом в развитии договорного права. Вместе с тем их внешняя схожесть и отсутствие единообразной правоприменительной практики вызывают вопросы по их разграничению и корректному применению. В этой связи настоящее исследование направлено на проведение комплексного сравнительно-правового анализа опциона на заключение договора и опционного договора, выявление их ключевых юридически значимых различий, сферы оптимального применения и практических последствий их использования. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе проводится детальное сравнительно-правовое моделирование, направленное на выявление различий между двумя названными договорными конструкциями. Результаты настоящего исследования вносят вклад в развитие учения о сделках и договорах, уточняя правовую природу новых конструкций и их место в системе гражданского права, и могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства, толкования норм и формирования единообразной правоприменительной практики. Материалы статьи предоставляют четкие практико-ориентированные критерии для выбора оптимальной договорной модели оформления правоотношений сторон. Опцион на заключение договора рекомендуется для ситуаций, требующих гибкости, когда условия будущей сделки окончательно не определены (например, сложные инвестиционные проекты). Опционный договор признается предпочтительным для стандартизированных и высокорисковых сделок, где необходима максимальная определенность и защита с момента его подписания (например, в корпоративных отношениях, на организованных торгах, при хеджировании финансовых рисков).

**AGREEMENT ON THE PROVISION OF AN OPTION
TO CONCLUDE A CONTRACT (OPTION TO CONCLUDE
A CONTRACT) AND AN OPTION CONTRACT:
COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS**

Vasileuski A. V.

Key words: option, agreement on the provision of an option to conclude a contract, option to conclude a contract, option agreement, unilateral preliminary agreement, transactions concluded under a condition, potestative conditions.

Abstract. In context of a dynamically developing digital economy associated with a high degree of uncertainty in civil circulation, there is an increasing need for flexible legal instruments that allow the parties to ensure the possibility of concluding a future transac-

tion. The introduction of two new structures into Belarusian legislation – agreement on the provision of an option to conclude an agreement (an option to conclude an agreement) and option agreement – has become a significant step in development of contract law. At the same time, their external similarity and the lack of uniform law enforcement practice give rise to questions about their distinction and correct application. In this regard, this study is aimed at conducting a comprehensive comparative legal analysis of the option to conclude an agreement and an option agreement, identifying their key legally significant differences, the scope of optimal application and the practical consequences of use. The scientific novelty of the study is lying in the fact that the work contains a detailed comparative legal modeling aimed at identifying the differences between the two named contractual structures. The results of this study contribute to the development of the doctrine of transactions and contracts, clarifying the legal nature of new structures and their place in the civil law system, and can be used for further improvement of legislation, interpretation of norms and formation of uniform law enforcement practice. The materials of the article provide clear practice-oriented criteria for choosing the optimal contractual model for formalizing legal relations between the parties. An option to conclude a contract is recommended in situations requiring flexibility, when the terms of a future transaction are not finally determined (for example, complex investment projects). An option agreement is recognized as preferable for standardized and high-risk transactions that require maximum certainty and protection from the moment of conclusion (for example, in corporate relations, in organized trading, when hedging financial risks).

УДК 340

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Вершок И. Л.

Ключевые слова: публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов, нормотворческая деятельность, функции публичного обсуждения, риски при осуществлении публичного обсуждения.

Введение

Нормотворческая деятельность в Республике Беларусь основывается на ряде принципов, реализация которых связана с обеспечением разработки и принятия (издания) системно согласованных, актуальных и эффективных нормативных правовых актов. В соответствии с действующим законодательством в целях реализации принципа гласности нормотворческой деятельности, получения общественной или профессиональной (экспертной) оценки содержащихся в проекте норм права, а также определения соответствия проекта нормативного правового акта общественным ожиданиям для возможной последующей коррек-

тировки проекта проводится публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов (далее – публичное обсуждение).

В настоящее время публичное обсуждение представляет собой неотъемлемый компонент нормотворческой деятельности. Организационно-правовые основы его осуществления заложены в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах». Регламентация процедуры организации и проведения публичного обсуждения содержится в Положении о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 (далее – Положение).

В юридической литературе вопросы публичного обсуждения рассматриваются преимущественно с практических позиций. Анализируются сущность публичного обсуждения и его этапы, обязательные для каждого из способов публичного обсуждения [1, с. 91], обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования и корректировки действующего порядка проведения публичного обсуждения [2, с. 54], производится актуализация и разработка информационно-правового подхода в качестве аспекта публичного обсуждения [3, с. 92].

Публичное обсуждение представляет собой правовой институт, нацеленный на установление и осуществление процессов коммуникации субъектов нормотворческого процесса с лицами – адресатами правовых норм. Субъекты и участники публичного обсуждения интегрируются в коммуникативный процесс, связанный с деятельностью по выработке юридических механизмов решения определенной социальной проблемы, входящей в предмет правового регулирования. Таким образом проектируемая правовая норма пронизывается социальным контекстом, обеспечивая фактически «рост значения правообразования» в «решении правотворческих задач» [4, с. 9].

Публичное обсуждение не только способствует получению информации о мнении по поводу проектируемого нормативного правового акта, но и обуславливает динамику правового сознания субъектов, являющихся его организаторами, непосредственными участниками или даже теми, кто косвенно вовлекается в информационную кампанию, связанную с проведением такого обсуждения. С другой стороны, на фоне широко обсуждаемых новелл правового регулирования могут существенно трансформироваться и социальные ожидания, коллективные представления о будущем.

Учитывая важность и существенный потенциал данного правового института, требуется осмысление фундаментальных вопросов о сущности и функциях публичного обсуждения, которые могут быть учтены

при совершенствовании правового регулирования организации и проведения соответствующей процедуры.

В этой связи необходимо рассмотреть публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов с точки зрения его функционального предназначения в зависимости от направлений трансформации правового сознания субъектов и участников нормотворческого процесса, а также обосновать предложения по совершенствованию организации проведения и правового регулирования публичного обсуждения.

Основная часть

В настоящее время публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов представляет собой инструмент, который позволяет прямо или опосредованно вовлекать большое количество субъектов в процедуру нормотворческого процесса. Это своеобразный общедоступный и всеохватывающий институт, который обеспечивает участие населения в принятии решения публично-правового характера и позволяет создавать более эффективную, универсальную, адекватную современным реалиям норму права. Как инструмент публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов имеет широкое функциональное предназначение.

Во-первых, в процессе публичного обсуждения можно не изучать только само мнение по проекту, но и выявлять круг заинтересованных в нем лиц, остроту проблемы, входящей в предмет правового регулирования готовящегося нормативного правового акта. Оно помогает выявлять и интерпретировать социальные ожидания, коллективные предпочтения и на этой основе строить прогноз правового поведения субъектов, предвидеть возможность выполнения проектируемого юридического решения. Так, нулевое количество комментариев по поводу определенного проекта нормативного правового акта с юридической точки зрения не имеет результата – в качестве юридического факта оно было организовано, но не состоялось. Однако как социальный факт отсутствие комментариев по проекту может являться существенным поводом глубокого и комплексного осмысления социально-психологических, организационно-правовых, технических или иных причин непроявления реакции со стороны граждан.

Во-вторых, проведение публичного обсуждения – это одно из направлений правовой информатизации, передачи правовых сведений от источника (официальной инстанции) к получателю (адресату правовой нормы). Посредством публичного обсуждения осуществляется официальная передача информации о готовящемся правовом решении. Но публичное обсуждение – это также и канал обратной связи населения с инстанцией.

С учетом развития современных технологий указанный канал коммуникации имеет очень высокий потенциал для развития и широкого применения. В нем задействуются не только организаторы и участники, но и все иные пользователи платформ, на которых проводится публичное обсуждение. Вовлеченность в принятие юридического решения присутствует и у тех, кто знакомится с новостным контентом различных средств массовой информации по вопросам обсуждаемого проекта.

В-третьих, публичное обсуждение – это важный инструмент социализации, то есть восприятия и «усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения» [5, с. 328]. Оно позволяет актуализировать важную для государства тему, сместить на нее локус общественного внимания и контроля. С его помощью возможно вовлечь значительное количество рядовых граждан в повестку дня законодателя, в совместное юридическое решение проблем в сфере общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования. Более того, правовая социализация в публичном обсуждении имеет особенности протяженности во времени и пространстве. Строго не ограничиваясь сроками проведения публичного обсуждения, она начинается уже с принятия решения о проведении публичного обсуждения. Узко не распространяясь лишь на адресатов правовых норм, процедура обсуждения доступна для каждого посетителя цифровых платформ или офлайн-площадок, тем самым существенно расширяя круг потенциальных субъектов правовой социализации.

В-четвертых, проведение публичного обсуждения проекта нормативного акта может содействовать поиску границ гражданского согласия, консенсуса между различными общественными группами и коллективами. В этой связи Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5, к основным национальным интересам в политической сфере обоснованно отнесено обеспечение эффективного функционирования государственных институтов в интересах общества, повышение уровня коммуникации общественных институтов с государственными органами (организациями), а также достижение общественного согласия по ключевым вопросам его развития (п. 9).

Субъекты публичного обсуждения объединяются для решения определенной социально-правовой проблемы, происходит содействие в нормотворческом процессе, обеспечение инклюзивности процедур формирования и реализации публично-правовых решений.

В-пятых, с психологической точки зрения, организация и проведение публичного обсуждения проектов – это способ легитимации

новых правовых норм, получения для них социальной поддержки. Люди будут в меньшей степени отклоняться от выполнения тех решений, которые принимались с их участием. Если человек даже косвенно содействовал разработке некоторой правовой нормы, ему сложнее будет отказаться от ее выполнения. Поэтому важной функцией публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов может быть получение социального одобрения, поддержки населением новой правовой нормы.

Характеризуя функциональные параметры публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, следует отметить, что указанный институт при недостаточной организации, неполном правовом сопровождении может оказывать и негативный эффект, нивелирующий высокий потенциал публичного обсуждения в политико-правовой и юридической системе общества. Это может быть связано с рядом факторов.

Во-первых, вынесение на обсуждение недостаточно проработанного проекта нормативного правового акта и надлежащего обоснования необходимости его принятия (издания) может вызвать у участников публичного обсуждения неверное понимание политико-правовых целей, на реализацию которых направлен обсуждаемый проект, повлечь отторжение самой идеи подготовки и принятия (издания) нормативного правового акта по определенному предмету правового регулирования. Определение в обосновании необходимости принятия нормативного правового акта цели его подготовки чаще всего сводится к формализованному указанию на конкретное распоряжение без соответствующего раскрытия ее содержания и, соответственно, не полностью отражает действительное значение и важность проекта для адресатов правовых норм. Так могут появиться предпосылки делегитимации проектируемого правового решения.

Во-вторых, результаты проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов могут искажаться наличием «эффекта колеи», или ловушки предшествующего развития. Иными словами, динамика общественного мнения о проекте может быть затруднена по причине сильного влияния предшествующего опыта, затрудняющего оперативные изменения в уже сложившейся институциональной структуре. При неизменности институциональной среды люди из предложенной им альтернативы скорее выбирают известный и привычный им вариант [6, с. 26, 29], настороженно относясь к реформам. Процедура публичного обсуждения может служить инструментом изменения предпочтений его субъектов и участников, однако проведение публичного обсуждения без широкого и объективного официального инфор-

мационного сопровождения о необходимости и актуальности нормативного правового акта может использоваться в качестве инструмента манипуляционного воздействия, триггера для возникновения социальной активности деструктивного характера.

В-третьих, различия в стилях изложения отдельных комментариев в процессе публичного обсуждения создают дополнительные трудности при аналитической работе над его результатами. При этом, с одной стороны, важно анализировать мнение любого участника публичного обсуждения, независимо от его возраста, профессиональной принадлежности и уровня образования. Но, с другой стороны, процедура публичного обсуждения предполагает сложнейшую аналитическую работу по переводу всех поступивших комментариев и мнений на единый, универсальный язык юридической терминологии. Если мы говорим о расширении правосубъектности граждан в нормотворческом процессе, то это предполагает встречные обязательства государства, адекватные такому расширению [3, с. 93], связанные в том числе со сбором, обработкой (переводом на официальную юридическую терминологию) и анализом (интерпретацией) любого поступившего замечания и предложения в процессе публичного обсуждения.

Таким образом, процедура организации и проведения публичного обсуждения предполагает высокие требования к качеству и степени завершенности работ над проектом нормативного правового акта, глубокую аналитическую проработку поступивших замечаний с учетом предшествующего опыта правового регулирования и динамики общественного мнения в сфере общественных отношений, входящих в предмет его правового регулирования. Организационные основы проведения публичного обсуждения должны подразумевать объективное и широкое официальное информационное сопровождение проводимых мероприятий.

В этой связи представляется особенно актуальным обоснование основных концептуальных моментов совершенствования правового регулирования организации и проведения публичного обсуждения.

В Положении предусмотрено два вида публичного обсуждения: непосредственно публичное и профессиональное. В настоящее время различия между профессиональным и общественным публичным обсуждением заложены лишь в самом легальном их определении. Процедура организации, а также порядок получения, свода и анализа информации в зависимости от видов обсуждения в Положении не дифференцированы. Однако следует отметить, что непосредственно публичное обсуждение, в отличие от профессионального, имеет существенные особенности, которые необходимо учитывать при правовой регламентации

порядка организации, проведения, свода и использования полученных результатов в нормотворческом процессе.

Так, проведение публичного общественного обсуждения направлено на реализацию принципов гуманизма; защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной справедливости; гласности. В процессе публичного обсуждения оценка проекта в существенной мере основывается на частном интересе и «всеобщей контрактной общительности» [7, с. 364]. Как показывает практика, граждане активно участвуют в обсуждении проектов тех нормативных правовых актов, которые затрагивают актуальные социальные вопросы и в целом проблемы общественности [2, с. 55]. Публичное общественное обсуждение, характеризующееся как участие «неопределенного круга лиц», отражает преимущественно интерес конкретных физических или юридических лиц, выражение которого на официальных платформах является их субъективным правом. Факт реализации, полнота осуществления субъективного права на участие в публичном обсуждении существенно зависит от ситуации. Мнение в публичном непрофессиональном обсуждении непостоянно, то есть субъективная интерпретация событий одним и тем же человеком характеризуется значительной изменчивостью [7, с. 356; 8, с. 133]. Кроме этого, имеет место существенное непостоянство значения, вкладываемого разными людьми в одни и те же (даже фундаментальные) понятия, что также важно учитывать в аналитической работе с результатами проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Оно может быть нелогичным, эмоциональным, нечетко сформулированным, но при этом все равно обладает важной смысловой нагрузкой для дальнейшей аналитической работы в нормотворческом процессе.

Что касается профессионального обсуждения, то оно нацелено на проверку соблюдения объективности и адекватности правового регулирования определенных общественных отношений, соблюдение требований нормотворческой техники, прогнозирование изменений в результате реализации проектируемых правовых норм. Профессиональное обсуждение в преобладающем числе случаев представляет собой реализацию функций конкретного органа или должностного лица в рамках предоставленных им полномочий. Оно предполагает обязанность участников профессионального обсуждения быть независимым в своих оценках, реализовывать государственный и общественный интерес и нести ответственность за качество и своевременность выполненной работы. Процесс реализации указанной функции требует максимальной объективности. Мнение в профессиональном обсуждении

должно быть максимально рациональным, логически обоснованным, четко текстуально выраженным и в таком случае может способствовать реализации целей публичного обсуждения.

В литературе справедливо указывается на то, что дифференцированный подход к установлению срока публичного обсуждения, который определяется степенью регулирующего воздействия положений, содержащихся в разрабатываемом проекте нормативного правового акта, обеспечит возможность тщательного обсуждения проекта, поможет организовать широкую и неформальную общественную дискуссию по наиболее сложным и резонансным проектам и позволит рационально использовать ресурс публичного обсуждения [3, с. 94–95]. Продолжая мысль, отметим, что в зависимости от видов публичного обсуждения необходима дифференциация их процедуры, сроков проведения, порядка систематизации и интерпретации результатов.

Более того, в настоящее время публичное обсуждение предполагается только в отношении проектируемых нормативных правовых актов. В соответствии с Законом и Положением действующие акты законодательства в настоящее время не могут входить в предмет публичного обсуждения. С учетом сложившейся практики расширения использования мероприятий по правовому мониторингу и привлечения граждан и организаций к ревизии законодательства [9] представляется целесообразным проведение публичного обсуждения не только проектов, но и уже принятых (изданных) нормативных правовых актов.

Заключение

Таким образом, публичное и профессиональное обсуждение являются качественно разнородными элементами нормотворческой деятельности. Правовое регулирование каждого из них должно учитывать специфику предмета и метода и, соответственно, быть дифференцированным. На основании изложенного предлагается:

- проводить процедуру организации и проведения публичного обсуждения с соблюдением высоких требований к качеству и степени завершенности работ над проектом нормативного правового акта;
- при проведении публичного обсуждения обеспечивать объективное и полное широкое информационное сопровождение проводимых мероприятий, при размещении информации о проведении публичного обсуждения;
- детально излагать цель подготовки проекта нормативного правового акта и доводить ее в широкой и объективной официальной информационной работе с населением;
- осуществлять аналитическую проработку поступивших замечаний с учетом предшествующего опыта правового регулирования и ди-

намики общественного мнения в сфере общественных отношений, входящих в предмет его правового регулирования;

- предусмотреть в Положении две процедуры проведения публичного обсуждения (общественного и профессионального), дифференцированные по субъектам и участникам, срокам проведения, особенностям систематизации и интерпретации полученных результатов;
- закрепить возможность публичного обсуждения не только проектируемых, но и действующих нормативных правовых актов.

Список цитируемых источников

1. Коваленко, Е. И. К вопросу о формировании организационно-правовой модели публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов / Е. И. Коваленко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ. – 2018. – № 11. – С. 89–96.

2. Гуйда, Е. П. Публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов в нормотворческой деятельности: современное состояние / Е. П. Гуйда // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. II Междунар. научн.-практ. конф., Могилев, 24 мая 2019 г. / редкол.: И. А. Демидова [и др.]. – Могилев: учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019. – С. 50–55.

3. Перепелица, Е. В. Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов в цифровом пространстве / Е. В. Перепелица // Право.by. – 2019. – № 3(59). – С. 91–96.

4. Чуприс, О. И. Актуальные вопросы реновации законодательства Республики Беларусь / О. И. Чуприс // Право.by. – 2024. – № 6 (92). – С. 5–10.

5. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор акад. РАН Г. В. Осипов. – М.: ИНФРА М – НОРМА, 1998. – 488 с.

6. Аузан, А. А. Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений / А. А. Аузан, Я. Д. Лепетиков, Д. А. Ситкевич // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 1(14). – С. 24–47.

7. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2002. – 450 с.

8. Росс, Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт; пер. с англ. В. В. Румынского; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.

9. Ольга Чуприс о масштабной ревизии законодательства: она обусловлена нашим эволюционным движением // Pravo.by. Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/jule/78314/> (дата обращения: 01.10.2025).

Аннотация. В статье дается анализ особенностей и функциональных параметров публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, оценивается его роль в совершенствовании политической и правовой системы. Осуществляется прогноз вероятных негативных последствий публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, проведенного без учета закономерностей динамики социально-правовой действительности. Выявляются недостатки правового регулирования процедуры организации и проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов в белорусской правовой системе. Обосновывается концептуальное направление совершенствования правового регулирования организации и проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов как неотъемлемого компонента современного право творчества в Республике Беларусь.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF PUBLIC DISCUSSION OF DRAFT REGULATORY LEGAL ACTS

Vershok I. L.

Key words: public discussion of draft regulatory legal acts, lawmaking, functions of public discussion, risks associated with public discussion.

Abstract. The article analyzes the features and functional parameters of public discussion of draft normative legal acts, and evaluates its role in improving the political and legal system. A forecast is being made of the likely negative consequences of a public discussion of draft regulatory legal acts conducted without taking into account the patterns of dynamics of socio-legal reality. The shortcomings of the legal regulation of the procedure for organizing and conducting public discussion of draft normative legal acts in the Belarusian legal system are revealed. The conceptual direction of improving the legal regulation of the organization and conduct of public discussion of draft normative legal acts as an integral component of modern law-making in the Republic of Belarus is substantiated.

УДК 347.775

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Воробьев С. Ю.

Ключевые слова: коммерческая тайна, конфиденциальность, защита информации, правовой режим, информатизация.

Введение

На примере защиты сведений, содержащих рецептуру и технологии изготовления товаров (секретов производства), и обстоятельств, сопровождающих торгово-обменные операции (цена, условия купли-продажи и т. п.), можно проследить зарождение и эволюцию института

коммерческой тайны от античных времен с рабовладельческим строем до современности на примере правового государства с протекающими процессами цифровизации экономики и развитым информационным обществом, которым является Республика Беларусь.

Зарождение коммерческой тайны, особенности, присущие данному институту от Древних времен через Средневековье до Нового времени, а также зарубежный опыт охраны последнего освещены С. П. Афониным, К. Г. Сергиенко, М. В. Сосновской, Д. Е. Труш, А. А. Фатьяновым, О. С. Щерба [1–6]. Вопросы правового регулирования и проблематика коммерческой тайны на современном этапе затронуты в работах О. Г. Кирсановой, А. Б. Черных [7, 8]. Обеспечение конфиденциальности информации, в том числе сведений, содержащих коммерческую тайну, анализировалось в диссертации на соискание степени доктора юридических наук Г. Г. Камаловой [9]. Нюансы отнесения сведений к коммерческой тайне, присущие национальному законодательству, защита данного института в отношениях с контрагентами, противодействие экономическому шпионажу поднимались белорусскими авторами Д. А. Бондарь, Е. А. Левкиной, Н. В. Морозом [10–12].

Целью данного исследования является не только ретроспектива института коммерческой тайны, но и анализ состояния последнего в Республике Беларусь как правовом государстве с активно протекающими процессами в экономической и производственной сферах, с особенностями, присущими национальному законодательству.

Основная часть

Институт коммерческой тайны имеет солидный возраст. Исторический экскурс в древний Китай позволяет убедиться в усиленной охране сведений о технологиях производства таких изделий, как шелк, мороженое, порох и фарфор [9, с. 45], при том, что секрет производства последнего в полном объеме не раскрыт мировыми производителями и по сей день, а несколько сот лет назад за разглашение или попытку добычи этого производственного секрета полагалось умерщвление [5, с. 168]. Законы, защищавшие интересы производителей, принимались еще в Древнем Риме (так, за принуждение двойной раба к выдаче тайны своего господина виновник уплачивал двойной штраф причиненных убытков). В Средние века и Новое время торговые гильдии и мастерские начинают охранять не только технологию производства, но и сведения, содержащиеся в торговых книгах [13, с. 44].

Институт коммерческой тайны как в виде ответственности, установленной в законодательстве за ее разглашение (Франция, Бельгия, Германия), так и в форме прецедентного права (Англия) проникает в законодательство Европы с середины XIX века [2, с. 158; 3, с. 40].

Международные основы защиты сведений, являющихся коммерческой тайной, нормативно закрепляются в 1994 г. Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) [14, с. 197]. ТРИПС на международном уровне позволяет владельцу коммерчески ценной информации принимать меры по надлежащей защите последней и формирует ведение честной коммерческой практики [15, с. 42].

Различие законов, регулирующих вопросы коммерческой тайны, а также процессы цифровизации конца XX – начала XXI веков вынудили страны Европейского союза принять директиву Европейского парламента и Совета от 8 июня 2016 г. № 2016/943 о защите нераскрытых секретов производства (ноу-хау) и коммерческой информации (коммерческой тайны) против их незаконного приобретения, использования и раскрытия [4, с. 173; 16, с. 37; 17, с. 123].

В США правовая основа для защиты коммерческой тайны на уровне ряда штатов в форме принятия законов произошла в 1979 г., а 11 мая 2016 г. президентом Б. Обамой подписан федеральный Закон о защите коммерческой тайны (Uniform Trade Secrets Act), который стал основой для принятия аналогичных законов в 47 штатах [2, с. 159; 3, с. 40; 4, с. 173; 12, с. 372; 18, с. 17]. При этом значительное внимание США в части упрочнения правовой защиты коммерческой тайны, в том числе и на международном уровне, объясняется тем, что в этой стране интеллектуальная собственность, как правило, охраняется посредством коммерческой тайны, а не патентами и другими правовыми формами, при этом стоимость коммерческих тайн различных компаний в США постоянно возрастает [4, с. 174; 14, с. 204].

В КНР отсутствует единый закон, регулирующий вопросы коммерческой тайны, понятия данного института наличествуют в различных (в том числе и по времени принятия) нормативных актах, и, как следствие, возникают правовые коллизии при их применении [19, с. 284].

В Японии существует не только отдельный закон, регулирующий коммерческую тайну, но также в японском производственном менталитете крайне сильны традиции работников компаний по преданности своему нанимателю, и предусматривается система мотивирующих поощрений за это [12, с. 372].

В Российской Империи ответственность за сокрытие данных о коммерческих операциях появляется в законодательстве в начале XVIII века, при этом конфиденциальность сведений в сфере предпринимательской деятельности обеспечивалась в форме тайны торговых книг и фабричной тайны, получивших обобщенное наименование «промысловая тайна». В Советской России правительство признавало

частный бизнес и право последнего на защиту коммерчески ценных сведений, однако с окончанием политики НЭП данные о коммерческой деятельности перешли в категорию государственной тайны, вновь возродившись институционально и законодательно перед распадом СССР [1, с. 48; 9, с. 51–52].

В Великом Княжестве Литовском в качестве кодифицированных источников права были статуты, в которых отсутствует упоминание о защите коммерческой тайны [11, с. 141], а правовая защита коммерчески ценной информации обозначилась только к середине XIX века, в период нахождения земель Беларуси в составе Российской Империи [6, с. 289].

С обретением Беларусью независимости Совет Министров Республики Беларусь 6 ноября 1992 г. принимает постановление № 670, которым утверждается Положение о коммерческой тайне. Бурное развитие предпринимательской деятельности в молодом государстве, традиционно сильные академические школы научных исследований и создание многочисленных «ноу-хау» в реальном секторе экономики, развитые банковская и финансовая системы, договорные отношения между субъектами хозяйствования (в том числе и с зарубежными контрагентами), широкое применение информационно-коммуникационных технологий в государственном и частном секторах создали почву для объективной необходимости дальнейшего изучения описываемого института с разработкой и принятием дополнительных мер по обеспечению конфиденциальности сведений, попадающих под категорию коммерческой тайны, логичным следствием чего стало принятие Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» (далее – Закон о КТ).

Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон № 455) коммерческая тайна отнесена к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, и должна обрабатываться в информационных системах с применением системы защиты информации, аттестованной в порядке, установленном Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь (далее – ОАЦ). Статьей 86 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь закрепляется требование формирования и защиты в соответствии с нормативными правовыми актами Республики Беларусь служебной информации ограниченного распространения, а также защиты информации, составляющей коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну, информации о частной жизни физического лица, персональных данных, иной

информации, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь.

Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) предусматривает в качестве дополнительного основания прекращения трудового договора неподписание работником, которому для исполнения своих трудовых обязанностей необходим доступ к коммерческой тайне, обязательства о неразглашении коммерческой тайны либо разглашение коммерческой тайны работником, имеющим к ней доступ (п. 6 ст. 47). ТК обязывает работника не разглашать коммерческую тайну нанимателя, коммерческую тайну третьих лиц, к которой наниматель получил доступ (п. 10 ст. 53), обязывает нанимателя создавать работнику необходимые условия для соблюдения установленного режима коммерческой тайны (п. 16–1 ст. 53), а также устанавливает ответственность в соответствии с законодательством представителей сторон коллективных переговоров, разглашающих сведения, являющиеся государственной или коммерческой тайной (абз. 5 ст. 375). Согласно п. 6.7 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» основанием для расторжения нанимателем (как государственной, так и частной форм собственности) трудового договора (контракта) до истечения срока действия последнего, признаваемого дискредитирующим обстоятельством, в том числе может относиться разглашение коммерческой тайны работником, имеющим к ней доступ.

Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит упоминание о коммерческой тайне (ст. 680) и о режиме коммерческой тайны (ч. 2 ст. 998 и ст. 1010). Представляется любопытной ст. 140, являющаяся бланкетной, так как в ней говорится об установлении правового режима информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, что отсылает нас к ст. 17 Закона № 455.

Необходимо акцентировать внимание на том, что и административная (ст. 23.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП)) и уголовная (ст. 255 Уголовного кодекса Республики Беларусь) ответственность за разглашение коммерческой тайны наступает по требованию привлечения виновного лица к ответственности.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза закрепляет требование соблюдения законодательства государств – членов Союза при обмене информацией, содержащей коммерческую тайну, права и обязанности должностных лиц таможенного органа при обработке сведений, составляющих коммерческую тайну, в соответствии с законодательством государств-членов.

Коммерческая тайна, представленная в цифровом виде, будучи информацией, распространение и (или) предоставление которой ограничено, регулируется также Указом Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации». Непосредственно порядок технической и криптографической защиты информации в информационных системах, предназначенных для обработки информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, не отнесенной к государственным секретам, определен ведомственным приказом ОАЦ от 20 февраля 2020 г. № 66 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2019 г. № 449».

При этом нельзя игнорировать незначительную правоприменительную практику привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны и коммерческий шпионаж в Республике Беларусь, что, по мнению правоохранительных органов, обусловлено не отсутствием прецедентов по данным фактам, а сложностью правовой оценки [20, с. 12].

Вследствие активно протекающих процессов цифровизации в экономике значительное количество информации (в том числе относящейся к коммерческой тайне) представлено больше в информационных системах и на электронных носителях и в значительно меньшей степени – на бумажных. Становым хребтом правовой системы защиты информации является Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности», который п. 3.14 возлагает на руководителя государственного органа и иной организации персональную ответственность за обеспечение кибербезопасности (далее – Указ № 40).

Таким образом, для обеспечения должной и эффективной защиты коммерческой тайны представляется целесообразным по аналогии с Указом № 40 закрепить персональную ответственность руководителя организации, в которой находится информация, относящаяся в соответствии с Законом о КТ к коммерческой тайне, дополнив ч. 3 ст. 10 последнего абзацем 5: «На владельца коммерческой тайны возлагается персональная ответственность за обеспечение конфиденциальности информации, содержащей коммерческую тайну.». В свою очередь, ответственность руководителя организации за ненадлежащее выполнение мероприятий по обеспечению конфиденциальности информации, содержащей коммерческую тайну, закрепить в КоАП, дополнив последней статьей 23.6-1 в следующей редакции:

«Статья 23.6-1. Непринятие мер по обеспечению конфиденциальности информации, содержащей коммерческую тайну

Непринятие руководителем организации надлежащих мер по обеспечению конфиденциальности информации, содержащей коммерческую тайну, что привело к ее умышленному разглашению, – влечет наложение штрафа в размере от одной до двадцати базовых величин.»

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт коммерческой тайны сопровождает человеческое общество с момента зарождения производственных и торговых отношений и до настоящего времени. В ряде стран коммерческая тайна регулируется самостоятельным специальным законом, в иных последняя имплементирована сразу в несколько актов законодательства.

В Республике Беларусь отношения, связанные с институтом коммерческой тайны, регулируются самостоятельным Законом о коммерческой тайне, а ответственность (дисциплинарная, гражданско-правовая, административная, уголовная) – соответствующими кодексами. Законом о защите информации коммерческая тайна отнесена к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, что, в свою очередь, предусматривает для владельцев коммерческой тайны при обработке последней в информационных системах выполнять ряд требований, предусмотренных нормативными актами Главы государства, а также ведомственными правовыми актами ОАЦ.

Для придания стимула по внедрению результативных мер, установлению надежного режима коммерческой тайны в организациях, независимо от формы собственности, предлагается в Законе о коммерческой тайне возложить персональную ответственность за обеспечение конфиденциальности информации, составляющей коммерческую тайну, на руководителя организации с установлением соответствующей санкции в КоАП.

Список цитируемых источников

1. *Афонин, С. П.* Развитие законодательства о коммерческой тайне / С. П. Афонин, Ю. А. Кубанков // Телекоммуникации и информационные технологии. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 48–50.
2. *Сергиенко, К. Г.* Зарубежный опыт в области правовой охраны коммерческой тайны / К. Г. Сергиенко // Современные проблемы права и управления: материалы 7-й Междунар. науч. конф., Тула, 22–23 нояб. 2017 г. / Институт законоведения и управления ВПА. – Т. 7. – Тула, 2017. – С. 157–162.
3. *Сосновская, М. В.* Обзор зарубежного законодательства по защите коммерческой тайны / М. В. Сосновская // Вестн. науки и образования. – 2015. – № 2(4). – С. 40–41.
4. *Труш, Д. Е.* Правовое регулирование защиты коммерческой тайны в США и Европейском союзе / Д. Е. Труш, И. С. Турукин // Юриспруденция 2.0: но-

вый взгляд на право: материалы межвуз. науч.-практ. конф., М., 8 дек. 2017 г. / Рос. университет дружбы народов. – М.: РУДН, 2017. – С. 172–176.

5. *Фатьянов, А. А.* Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений / А. А. Фатьянов // Пространство и Время. – 2014. – № 4(18). – С. 168–174.

6. *Щерба, О. С.* Институт коммерческой тайны: история и современность / О. С. Щерба // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х томах, Курск, 25–27 дек. 2014 г. / Отв. ред.: А. А. Горюхов. – Т. 2. – Курск, 2014. – С. 289–291.

7. *Кирсанова, О. Г.* Правовое регулирование института коммерческой тайны и ее защита в условиях цифровизации экономики / О. Г. Кирсанова // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междун. науч.-практ. конф., Казань, 22 сент. 2023 г.: в 6 т. / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, А. А. Шутовой. – Т. 6. – Казань, 2023. – С. 173–176.

8. *Черных, А. Б.* Проблема соотношения института коммерческой тайны и смежных правовых категорий / А. Б. Черных // Социология и право. – 2019. – № 4 (46). – С. 79–88.

9. *Камалова, Г. Г.* Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / Камалова Гульфия Гафиятовна; Институт государства и права РАН. – М., 2020. – 472 л.

10. *Бондарь, Д. А.* Понятие экономического шпионажа и правовые меры охраны коммерческой тайны / Д. А. Бондарь // Актуальные проблемы гражданского права. – 2024. – № 2(24). – С. 217–228.

11. Становление и развитие секретов производства (ноу-хау) как объекта правовой охраны в Республике Беларусь / Е. А. Левкина // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 окт. 2010 г. / редкол: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Мн., 2010. – С. 140–142.

12. *Мороз, Н. В.* Особенности определения нанимателем сведений, составляющих коммерческую тайну: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран / Н. В. Мороз // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 фев. 2022 г. / редкол: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – С. 371–372.

13. *Сорокина, А. Э.* История развития законодательства о коммерческой тайне в дореволюционной России / А. Э. Сорокина // Образование. Наука. Научные кадры. – 2009. – № 4. – С. 44–47.

14. *Арыстан, А.* Правовой режим коммерческой тайны в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) / А. Арыстан // Вестн. Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 5(63). – С. 196–206.

15. *Федоров, П. Г.* Защита коммерческой тайны в отношениях с контрагентами на основе использования процессного подхода к управлению организа-

цией / П. Г. Федоров // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – № 7 (274). – С. 32–45.

16. Макаревич, О. И. Охрана коммерческой тайны в праве Европейского союза / О. И. Макаревич, М. А. Денисенко // Журн. международного права и международных отношений. – 2017. – № 1–2(80–81). – С. 35–41.

17. Демина, В. А. Европейский союз: Директива о защите коммерческой тайны / В. А. Демина, Г. И. Тыцкая // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 11. – С. 123–124.

18. Комарова, Ж. Особенность института коммерческой тайны / Ж. Комарова // Наука и инновации. – 2024. – № 5(255). – С. 16–25.

19. Лян, М. Правовая защита коммерческой тайны в Китае / М. Лян // Вестн. Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 283–285.

20. Александров, В. Промышленный шпионаж. Впервые за 10 лет дело дошло до суда / В. Александров // Аргументы и факты в Беларуси. – 2017. – 5 дек. – С. 12.

Аннотация. Институт коммерческой тайны, зародившись со времени осознания необходимости сокрытия рецептуры товаров мастерами и ремесленниками античного времени и сведений, сопровождающих коммерческие сделки, торговцами и негодьянтами эпохи средневековья, плотно закрепился в эпоху информационного общества в ряде государств как в форме отдельных специальных законов, регулирующих вопросы, связанные с обеспечением защиты коммерческой тайны и привлечения к ответственности за ее разглашение, так и в форме иных нормативных актов, регулирующих данные вопросы. В Республике Беларусь отсутствует комплексное исследование, посвященное анализу института коммерческой тайны, учитывающее бурно протекающие процессы цифровизации национальной экономики. В настоящей статье рассмотрен генезис института коммерческой тайны, проведен анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь, регулирующих вышеуказанный институт; выявлены проблемные вопросы правоприменительной практики по привлечению к ответственности за разглашение коммерческой тайны; сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство.

GENESIS OF THE INSTITUTE OF COMMERCIAL SECRETS

Vorobyov S. Yu.

Key words: commercial secret, confidentiality, information protection, legal regime, informatization.

Abstract. The institution of commercial secrecy, which originated from the time when the need to conceal the formulation of goods by craftsmen and artisans of ancient times and information accompanying commercial transactions by merchants and merchants of the Middle Ages was realized, was firmly entrenched in the era of the information society in a number of states, both in the form of separate special laws regulating issues related to ensuring the protection of commercial secrets and bringing to justice for its disclo-

sure, as well as in the form of other regulatory acts regulating these issues. There is no comprehensive study in the Republic of Belarus devoted to the analysis of the institute of trade secrets, taking into account the rapidly occurring processes of digitalization of the national economy. This article examines the genesis of the institute of commercial secrets, analyzes the regulatory legal acts of the Republic of Belarus regulating the above-mentioned institute, identifies problematic issues of law enforcement practice in bringing responsibility for the disclosure of commercial secrets, and makes proposals for amendments to legislation.

УДК 346.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Пантелеева Н. В.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, инвесторы, инвестиционная деятельность, предприятие, национальная экономика, промышленная безопасность, субъекты промышленности.

Введение

Промышленная политика является одним из ведущих факторов социально-экономического развития страны и значимым национальным стратегическим приоритетом на уровне мировой экономики. Актуальность исследования обусловлена тем, что правовое регулирование осуществления инвестиций в промышленности в контексте промышленной политики направлено на развитие высокотехнологичной промышленности, обладающей устойчивой конкурентоспособностью и эффективностью на мировых рынках.

Правовое регулирование инвестиционной деятельности, как и правовой механизм вложения инвестиций в промышленность, способствуют развитию государственного управления в сфере промышленности в рамках промышленной политики, в частности, цифровизации промышленных отраслей, созданию актуальной и эффективной системы документооборота, новых направлений промышленного производства и иное.

Однако в силу того, что системного подхода в национальном законодательстве о специфике инвестирования в промышленность не предусмотрено, как и единого нормативного правового акта, регламентирующего промышленную политику, целью данного исследования является рассмотрение правового регулирования инвестиционной

деятельности отдельных зарубежных стран и определение правовой природы инвестиционной деятельности в промышленности.

Зарубежный опыт правового регулирования формируется исходя из геополитических, экономических, социальных, ресурсных условий развития отдельно взятой страны, однако в процессе глобализации мировой экономики возрастает влияние как общих, так и частных тенденций на формирование правового режима и соответствующих условий привлечения иностранных инвестиций в сферу промышленности.

Основная часть

Правовое регулирование промышленности в Республике Беларусь представлено преимущественно локальными техническими нормативными правовыми актами, распорядительными актами, нормативными договорами. В отличие от законодательства Республики Беларусь аспекты промышленной политики в Российской Федерации (далее – РФ) регулирует Закон Российской Федерации «О промышленной политике в Российской Федерации» от 25 декабря 2014 г. В контексте мер стимулирования деятельности в сфере промышленности указанный нормативный правовой акт предусматривает порядок применения требований к инвестиционным проектам. При этом осуществление инвестиционных проектов предоставляет субъектам деятельности в сфере промышленности право на получение финансовой поддержки в виде льгот по налогам и сборам в соответствии с налоговым законодательством. В рамках инвестиционных проектов производится формирование, заключение и исполнение специальных инвестиционных контрактов и, в частности, особенности их заключения, изменения и расторжения.

Инвестиционный климат для иностранных инвесторов в РФ определяется инвестиционным законодательством, в состав которого входят следующие нормативные правовые акты: Закон РФ «Об иностранных инвестициях Российской Федерации» от 9 июля 1999 г.; Закон РФ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г.; Закон РФ «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г.; Закон РФ «Об инвестиционном товариществе» от 28 ноября 2011 г.; Указ Президента РФ «О частных инвестициях в Российской Федерации» от 17 сентября 1994 г. и иные.

Отсюда инвестирование в рамках инвестиционных проектов в промышленности выступает в качестве финансового инструмента по реализации промышленной политики. Это обусловлено также тем, что в результате реализации специальных инвестиционных контрактов в области промышленности иностранным инвестором или

группой лиц устанавливается контроль над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, и (или) приобретаются иные права в отношении такого общества. Однако подобного рода правомочия иностранных инвесторов требуют предварительного согласования с положениями Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29 апреля 2008 г. (далее – Федеральный закон 2008 г.).

Статья 12 Федерального закона 2008 г. устанавливает, что в случае принятия решения о предварительном согласовании сделки или о согласовании установления контроля при наличии соглашения с заявителем об обеспечении выполнения им обязательств определяется одно или несколько возлагаемых на заявителя обязательств, например, внедрение инновационных технологий на объектах промышленного производства, расположенных на территории РФ, а также размещение на территории РФ объектов промышленного производства деталей, узлов, комплектующих и материалов, используемых хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение, для производства и поставок продукции (работ, услуг) [1].

Правовое регулирование общественных отношений в рамках промышленной политики посредством специального инвестиционного контракта в РФ направлено:

- на осуществление иностранными инвесторами или группой лиц инвестиций в форме приобретения акций (долей), составляющих уставные капиталы хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (так называемые портфельные инвестиции);
- приобретение иностранными инвесторами или группой лиц в собственность, владение или пользование имущества, которое относится к основным производственным средствам таких хозяйственных обществ и стоимость которого составляет 25 % и более стоимости активов хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (прямые иностранные инвестиции).

Исходя из стратегических целей привлечения инвестиций и обеспечения их безопасности, в реализации инвестиций в рамках промышленной политики в значительной степени задействованы соответствующие государственные органы. Так, Закон Республики Казахстан «О промышленной политике» от 27 декабря 2021 г. предусматривает

правовой механизм привлечения инвестиций в промышленность государственными органами и организациями посредством:

1) поиска и проведения переговоров с потенциальными национальными и иностранными инвесторами для их участия в реализации промышленно-инновационных проектов;

2) вовлечения субъектов промышленно-инновационной деятельности к работе бизнес-форумов, различных научно-исследовательских мероприятий в рамках актуальных проблем в сфере инвестиционной деятельности;

3) задействования средств массовой информации, дипломатических и приравненные к ним представительства и консульских учреждений на территории Республики Казахстан с целью распространения и популяризации информации о промышленно-инновационных проектах;

4) разработки правовых механизмов по стимулированию действующих инвесторов на осуществление реинвестирования посредством обеспечения преференциального правового режима такой деятельности;

5) привлечения инвесторов к созданию совместных промышленных производств;

6) привлечения транснациональных корпораций для вхождения в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Отсюда одним из приоритетных направлений промышленной политики Республики Казахстан является методика по поиску и привлечению иностранных инвесторов в различных допустимых форматах деятельности, включая информационное, научно-исследовательское, создание преференциального правового режима и иное обеспечение бизнес-коммуникации в области промышленности.

Закон Республики Казахстан «Об иностранных инвестициях» утратил юридическую силу с принятием Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V [2], который, в свою очередь, предусмотрел правовой механизм государственной поддержки инвестиционной деятельности, а именно: определение правовых и экономических основ стимулирования инвестиций, гарантирование защиты прав инвесторов при осуществлении инвестиций в Республике Казахстан, определение мер государственной поддержки инвестиций, порядка разрешения споров с участием инвесторов.

Правовое регулирование привлечения инвестиций в промышленность основывается на общих принципах инвестиционного законодательства. Инвестиционным законодательством Республики Казахстан также соблюдается основной принцип – предоставление иностранным

инвесторам режима осуществления их деятельности не менее благоприятного, чем для резидентов Казахстана. Этот же принцип применяется и к области промышленности. Специальные нормы предусмотрены для отдельных направлений в промышленности на уровне специальных нормативных правовых актов. И в этой связи направления инвестиционной политики должны коррелировать с аспектами промышленной политики и учитывать специфику данной сферы. К примеру, вложения в основной капитал промышленного предприятия представляют собой инвестирование в новые производственные технологии, станки, оборудование, производственные здания строительство новых промышленных объектов и иное.

Когда речь идет о привлечении таких средств в области промышленности, то этот процесс можно обозначить как тип вложения в основные производственные фонды, уставный капитал и иные объекты промышленности с учетом взаимосогласованности принципа обеспечения благоприятного режима осуществления инвестиций для иностранного инвестора с принципами обеспечения безопасности инвестиций и инвестиционной деятельности и ее эффективности для национальной экономики.

Примером такой взаимосогласованности может выступать правовое регулирование иностранных инвестиций Китайской Народной Республики (далее – КНР). Закон КНР «Об иностранных инвестициях» от 15 марта 2019 г. № 26 (далее – Закон КНР) устанавливает, что под иностранными инвестициями в КНР понимается инвестиционная деятельность, прямо или косвенно осуществляемая на территории КНР иностранными физическими лицами, предприятиями или иными организациями, включая следующие ее формы:

- 1) создание иностранным инвестором автономно или совместно с другими инвесторами предприятий с иностранным участием;
- 2) приобретение иностранным инвестором акций, долей в уставном капитале, долей в имуществе и иных подобных прав и интересов в китайских предприятиях;
- 3) инвестирование иностранными инвесторами самостоятельно или совместно с другими инвесторами в новые проекты в КНР;
- 4) осуществление иных форм инвестиционной деятельности в соответствии с законодательством, подзаконными актами или решениями Госсовета КНР [3].

Под предприятием с иностранным участием в Законе КНР определяется созданное и зарегистрированное на территории КНР в соответствии с китайским законодательством предприятие, полностью или частично проинвестированное иностранным инвестором.

Организационно-правовая форма, организационная структура и правила деятельности предприятий с иностранным участием регулируются Законом КНР «О компаниях», Законом КНР «О товариществах» и иными законами. Иностранный инвестор, приобретающий китайское предприятие, либо иным образом участвующий в концентрации хозяйствующих субъектов, в соответствии со ст. 33 Закона КНР «О противодействии монополиям» подлежит антимонопольному контролю. В рамках системы информационной отчетности иностранный инвестор или предприятие с иностранным участием представляют информацию об инвестициях в орган регулирования коммерции посредством системы регистрации предприятий и открытой системы кредитоспособности предприятий.

С одной стороны, Закон КНР закрепил политику открытости, активного стимулирования иностранных инвестиций, защиты прав и законных интересов иностранных инвесторов. В частности, ст. 3 Закона КНР закрепила внешнюю открытость к инвестициям как основной принцип государственной политики, учредила политику либерализации и упрощения осуществления высококачественных инвестиций и иное [3].

С другой стороны, правовое регулирование иностранных инвестиций в КНР осуществляется путем предварительного предоставления национального режима во всех отраслях промышленности, кроме определенных отраслей, включенных в негативные списки, т. е. списки отраслей, в отношении которых установлены специальные меры регулирования допуска на рынок, применяемые к иностранным инвестициям (ст. 4 Закона КНР) [3], а также тех отраслей промышленности, в которые инвестирование ограничено или затруднено, т. е. инвестиционная деятельность допустима в случае преодоления ряда дополнительных легальных барьеров, заключающихся в выполнении предусмотренных негативными списками условий.

Преференциальный правовой режим инвестиционной деятельности иностранных инвесторов в КНР проявляется также в том, что предприятия с иностранным участием гарантируется право участвовать в работе по разработке стандартов, в государственных закупках на основе справедливой конкуренции. Статья 16 Закона КНР устанавливает, что при осуществлении государственных закупок обеспечивается равное отношение к произведенной на территории КНР продукции предприятий с иностранным участием и оказанным ими услугам [3].

КНР поощряет осуществление технологического сотрудничества, условия которого определяются по соглашению между участниками инвестиционных отношений в соответствии с принципами справедливости и равенства. При этом органы государственного управления

и их сотрудники не вправе использовать административные средства для принуждения к передаче технологий, что соответствует принципам экономической свободы и самостоятельности осуществления хозяйственной деятельности.

Заключение

Привлечение иностранных инвестиций в сфере промышленности не ограничивается рамками инвестиционного регулирования, а осуществляется с учетом стратегии взаимосогласованной инвестиционной и промышленной политики. Поскольку инвестиции являются источником технологических изменений в процессе производства, инвестиционная деятельность в области промышленности – это стратегический правовой механизм, направленный на стимулирование и повышение уровня человеческого капитала, модернизацию производственных мощностей, создание новых отраслей, повышение инновационного и высокотехнологичного производства.

Соответственно, процесс инвестиционной деятельности в сфере промышленности является частью промышленной политики и обусловлен совокупностью мер правового, экономического, организационного характера, направленных на привлечение иностранных инвестиций в сферу промышленности для создания экономического и социального эффекта. Он гораздо шире прямого поступления инвестиций в производственные процессы, что, в свою очередь, можно обозначить как промышленные инвестиции. Отсюда промышленные инвестиции – вложение средств в объекты промышленности, а также осуществление иностранным инвестором иной, допустимой национальным режимом, деятельности, влекущей развитие промышленного производства материальных и нематериальных благ с целью получения прибыли.

Законодательство зарубежных стран свидетельствует о единой цели инвестиционной и промышленной политики. В частности, обеспечивается благоприятный режим для иностранных инвесторов, аналогичный навигальному, на основе принципа одинакового режима для отечественных и иностранных инвесторов, за исключением деятельности в сферах негативного списка; защита иностранных инвестиций, в частности, компенсационный режим при причинении иностранному инвестору убытков в результате реквизиции и конфискации по независящим от инвестора обстоятельствам.

Правовое регулирование иностранных инвестиций в промышленности осуществляется на общих основаниях основными нормативными правовыми актами инвестиционного законодательства. Сферы, ограниченные для инвестирования, касаются определенных отраслей

промышленности для обеспечения максимально возможного уровня безопасности инвестиций.

Специальные нормы, относящиеся к промышленности, предусмотрены локальными правовыми актами. Осуществление инвестиций в рамках специального инвестиционного контракта является одним из способов инвестирования в промышленность. Условия специальных инвестиционных контрактов не только предусматривают налоговые льготы и иные преференции в отношении иностранных инвесторов, осуществляющих деятельность в области промышленности, но и направлены на создание экономического, политического и социального эффекта в результате такой деятельности.

Инвестиции, осуществляемые в рамках промышленной политики, привлекаемые в развитие объектов, имеющих стратегическое значение, представляют собой стратегическое вложение средств. И в этой связи инвестиции привлекают новые производства, инновационные технологии, повышение производительности, в том числе на поддержание существующего уровня промышленности, а глобально – постоянную реализацию промышленного потенциала.

Список цитируемых источников

1. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902099385#7D20K3> (дата обращения: 02.06.2025).

2. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 окт. 2015 г. № 375-V // Информационно-правовая система нормативных актов Респ. Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000086> (дата обращения: 02.06.2025).

3. Об иностранных инвестициях: Закон Китайской Народной Республики от 15 марта 2019 г., № 26 – URL: <https://chinawindow.ru/china/legal-information-china/zakon-kitajskoj-narodnoj-respubliki-ob-inostrannyh-investitsiyah/> (дата обращения: 02.06.2025).

4. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию. – URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/unido/#:~:text=%D0%20> (дата обращения: 02.06.2025).

5. О промышленной политике: Закон Респ. Казахстан от 27 дек. 2021 г. // Информационно-правовая система нормативных актов Респ. Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000086> (дата обращения: 02.06.2025).

Аннотация. Исследование посвящено аспектам правового регулирования инвестиционной деятельности в области промышленности, значению инвестирования в развитие промышленного производства как элемента реализации государственной промышленной политики и стратегического развития национальной экономики страны.

Рассматриваются положения зарубежного законодательства в области инвестирования в сфере промышленности, устанавливается взаимосвязь государственной инвестиционной и промышленной политики. На примере правового регулирования инвестиционной деятельности в отдельных зарубежных странах формулируются принципы правового регулирования инвестирования в промышленности Республики Беларусь. Вырабатывается контекст понятий инвестиционной деятельности в области промышленности и промышленных инвестиций, определяются направления, в рамках которых инвестиционная деятельность представляется наиболее эффективной.

LEGAL REGULATION OF INDUSTRIAL INVESTMENTS IN THE CONTEXT OF INDUSTRIAL POLICY: FOREIGN EXPERIENCE

Panteleeva N. V.

Key words: industry, industrial policy, investors, investment activity, enterprise, economy, national economy, industrial safety, industrial entities, investing.

Abstract. The study is devoted to aspects of the legal regulation of investment activity in the field of industry, the importance of investing in the development of industrial production as an element of the implementation of state industrial policy and strategic development of the national economy of the country.

The provisions of foreign legislation in the field of industrial investment are considered, and the relationship between state investment and industrial policy is established. Using the example of the legal regulation of investment activity in certain foreign countries, the principles of legal regulation of investment in the industry of the Republic of Belarus are formulated.

The context of the concepts of investment activity in the field of industry and industrial investments is developed, and the areas in which investment activity seems to be the most effective are determined.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КНР, ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Рамазанов Д. М.

Ключевые слова: нейронные сети, искусственный интеллект, система обнаружения, распознавание лиц, интеллектуальное видеонаблюдение, Intelligent Video Surveillance (IVS), компьютерное зрение.

Введение

Современные проблемы, связанные с безопасностью, стимулируют рост интереса к идентификации людей с помощью компьютерного зрения и цифровой обработки изображения [1, с. 179].

Система распознавания лиц, или компьютерное зрение, как одна из форм биометрии, успешно применяется в различных сферах общественных отношений – в медицине, системе охраны, фейс-контроле в сегменте общепита и развлечений, верификации услуг (банковских, госуслуг и т. д.), фототехнике, телеконференциях, поиске фото в больших базах фотоснимков, безопасности устройств и т. д. Не стала исключением и правоохранительная система.

Одна из главных задач компьютерного зрения в правоохранительном блоке – это обеспечение общественной безопасности путем выявления подозреваемых и профилактики правонарушений в общественных местах.

Основная часть

Одним из мировых лидеров по разработке и внедрению искусственного интеллекта является Китайская Народная Республика (КНР). По итогам 2018 г. на КНР пришлось 12,56 % мирового рынка ИИ-технологий, тогда как в 2017 г. этот долевой показатель измерялся 9,41 %.

К концу 2018 г. в Китае насчитывалась 3341 компания, занимающаяся искусственным интеллектом, что превышает одну пятую от общего количества в мире (15916), отмечает информационное агентство «Синьхуа» [2].

Согласно оценкам IDC (International Data Corporation), компьютерное зрение в 2018 г. стало крупнейшим сегментом китайского рынка технологий искусственного интеллектом с выручкой в размере 750 млн долларов США. В тройку лидирующих категорий также попали разра-

ботки в области безопасности и видеонаблюдения и системы распознавания лиц для финансового сектора.

«Председатель КНР Си Цзиньпин проводит меры, направленные на глубокую интеграцию больших данных и искусственного интеллекта в реальную экономику, чтобы стимулировать долгосрочный рост страны.

Развитие ИИ играет ключевую роль в реализации государственного плана КНР «Сделано в Китае-2025», который предполагает модернизацию производства для достижения высокого уровня автоматизации и технологичности. Китай сделал развитие искусственного интеллекта национальным приоритетом, стремясь стать лидером в этой области к 2030 году» [3].

Изучение эволюции правового обеспечения применения искусственного интеллекта в целом, равно как и компьютерного зрения в частности, представляется интересным на опыте Китая. Одним из основных направлений государственной стратегии Китай обозначил свое становление как кибердержавы.

В целом изучение законодательств различных стран по применению системы компьютерного зрения позволяет выстроить общую тенденцию.

Правовой основой применения компьютерного зрения являются законодательные акты, связанные с защитой персональных данных, о кибербезопасности, о безопасности данных. Китай, наряду с упомянутыми законодательными актами, также приступил к разработкам национальных стандартов, которые, собственно говоря, лягут в основу формирования законодательного фундамента применения искусственного интеллекта в стране. Необходимо отметить, что в отличие от других государств, в том числе Казахстана, Государственным советом КНР в 2017 г. разработан План развития следующего поколения искусственного интеллекта, в котором определены основные направления для правительства Китая по внедрению искусственного интеллекта.

Были определены три основные стратегические цели.

Первая. Синхронизация общих существующих технологических процессов Китая с искусственным интеллектом. Причем данные обстоятельства были признаны неизбежным процессом, в связи с чем правительством обращено особое внимание разработке базовых теорий и основных технологий, совершенствованию методов моделирования искусственного интеллекта, работе с Big Data, развитию кросс-медийного интеллекта. Были изначально установлены стандарты технологии искусственного интеллекта, система обслуживания и про-

мышленная экологическая цепочка, а также был создан ряд ведущих в мире предприятий-основателей искусственного интеллекта.

Вторая. Достижение крупных прорывов в основных теориях искусственного интеллекта к 2025 г., при этом некоторые технологии и приложения должны достигнуть лидирующего мирового уровня. Искусственный интеллект станет главной движущей силой промышленной модернизации и экономической трансформации Казахстана.

Индустрия искусственного интеллекта вышла на верхний уровень глобальной цепочки создания стоимости. Новое поколение искусственного интеллекта широко используется в интеллектуальном производстве, интеллектуальном медицинском обслуживании, интеллектуальных городах, интеллектуальном сельском хозяйстве, строительстве национальной обороны и других областях.

Третья. Достичь мирового уровня в теории, технологии и приложениях искусственного интеллекта к 2030 г. и стать крупным мировым центром инноваций в области искусственного интеллекта. Умная экономика и умное общество добьются значительных результатов, заложив важную основу для того, чтобы Китай стал одной из ведущих инновационных стран и экономической державой.

Наряду с достаточно позитивными аспектами искусственного интеллекта, Китаем были обозначены определенные риски его повсеместного применения. В этой связи правительством определен ряд правовых мер, необходимых для контроля над ситуацией с искусственным интеллектом.

Одной из таких мер является поручение правительства уполномоченным государственным органам:

- разработать законодательные акты, правила и этические нормы для содействия развитию искусственного интеллекта;
- усилить исследования по правовым, этическим и социальным вопросам, связанным с искусственным интеллектом;
- установить правила и этические рамки для обеспечения здорового развития искусственного интеллекта;
- провести исследования по правовым вопросам (таким как подтверждение гражданской и уголовной ответственности, защита конфиденциальности и собственности, а также использование информационной безопасности), связанным с приложениями искусственного интеллекта;
- сформулировать этические нормы и кодексы поведения для персонала, занимающегося внедрением и проектированием продуктов искусственного интеллекта, усилить оценку потенциальных опасностей и преимуществ искусственного интеллекта и разработать решения для

чрезвычайных ситуаций в сложных сценариях искусственного интеллекта;

- активно участвовать в глобальном управлении искусственным интеллектом; усиливать исследования по основным международным проблемам применения искусственного интеллекта, по вопросам надзора за безопасностью; углублять международное сотрудничество в области законов, положений, международных правил в области искусственного интеллекта, а также совместно реагировать на глобальные вызовы [4].

В 2019 г. КНР были приняты Пекинские принципы искусственного интеллекта, где изложены общие этические постулаты, необходимые к соблюдению при использовании искусственного интеллекта, в 2022 г. – Регламент по управлению алгоритмическими рекомендациями в информационных сервисах.

Задачи, определенные Регламентом, – минимизировать монопольное поведение платформ искусственного интеллекта, определить подходы при применении искусственного интеллекта особо уязвимой категорией любого общества (например, пожилыми пользователями, в том числе для предотвращения мошенничества), установить запрет на алгоритмическое создание фейковых новостей, использование дискриминационных или предвзятых пользовательских тегов в алгоритмических рекомендательных системах.

В ноябре 2022 г. правительством Китая был принят еще один документ, направленный на установление правил применения продукции, сгенерированной искусственным интеллектом, – Положение об администрировании информационного интернет-сервиса глубокого синтеза.

Этот документ, вступивший в силу 10 января 2023 г., устанавливает требования к предоставлению услуг глубокого синтеза для создания изображений, видео, аудио и текста. Создаваемый контент должен соответствовать правилам контроля информации, маркироваться как искусственно созданный, а его провайдеры обязаны принимать меры по предотвращению неправомерного использования и регистрировать свои алгоритмы (запрещается публикация контента, созданного искусственным интеллектом, без специальной маркировки).

Наряду с указанными правовыми актами на государственном (центральном) уровне, КНР были приняты локальные акты на местном уровне.

Так, вступившие в силу в 2022 г. Шанхайские правила содействия развитию искусственного интеллекта и Правила специальной экономической зоны Шэньчжэня по содействию развитию индустрии искус-

ственного интеллекта предусматривают создание комитетов по этике, проведение аудита и оценку рисков, а также развитие «экономических зон» с упрощенными правилами продажи учебных данных для искусственного интеллекта.

Также были приняты стандарты для облегчения реализации мер по генеративному искусственному интеллекту. Так, 29 февраля 2024 г. принят стандарт TC260-003 «Основные требования безопасности для генеративного сервиса искусственного интеллекта», предоставляющий предприятиям практическое руководство по соблюдению мер генеративного искусственного интеллекта 2023 г. в таких аспектах, как безопасность данных обучения, безопасность модели, внутренние меры, а также инструкции по проведению оценки безопасности.

В отличие от других стандартов уполномоченный орган за последние несколько лет ввел в действие обязательные правила по конкретным технологиям, которые радикально изменили ландшафт регулирования искусственного интеллекта в Китае. Помимо упомянутых стандартов, в 2023 г. были опубликованы Меры по генеративному искусственному интеллекту. Основные положения данного акта таковы.

Поставщики услуг Gen-AI, влияющие на общественное мнение или способные к «социальной мобилизации», должны проводить оценку безопасности. Ответственные лица должны соблюдать законы, общественную мораль и этику, избегать манипулирования информацией и общественным мнением. При разработке алгоритмов, отборе данных, создании и обучении моделей, а также при оказании услуг должны применяться эффективные меры по предотвращению дискриминации.

Провайдеры должны выполнять обязательства по соблюдению конфиденциальности в отношении информации, вводимой пользователями.

Публикация контента запрещена, если он противоречит «Основным социалистическим ценностям» или иным образом угрожает национальной безопасности. Провайдеры несут ответственность за законность создаваемого и распространяемого контента, а также за своевременное прекращение предоставления услуг и исправление незаконного контента.

Права интеллектуальной собственности должны быть защищены, а преимущества, добываемые с помощью искусственного интеллекта, не должны использоваться для монополии или недобросовестной конкуренции.

За несоблюдение требований влечет применение таких мер, как предупреждение, предписание об исправлении и корректировке, при-

остановка предоставления услуг, а также гражданское и уголовное преследование в соответствующих случаях.

В августе 2023 г. регулятор Интернета в стране объявил об ограничении использования технологии распознавании лиц при наличии подходящих альтернатив для проверки личности. В конце ноября 2023 г. Пекинский суд вынес решение по делу об авторских правах на использование изображений, сгенерированных искусственным интеллектом. Согласно решению суда, изображения отвечали требованиям «оригинальности», что позволило изображениям попасть под защиту авторского права как произведениям искусства.

Необходимо отметить, что 13 марта 2025 г. Управлением кибербезопасности Министерства общественной безопасности КНР утверждены новые Правила – «Меры по управлению безопасностью применения технологии распознавания лиц». Указанные Правила вступили в силу с 1 июня 2025 г.

Доктор юридических наук Шанхайского университета политических наук и права *Shaoxue Jia* отмечает: «В настоящее время китайский законодатель сильно обеспокоен влиянием искусственного интеллекта на существующие законы и стремится адаптировать законодательный массив к требованиям эпохи искусственного интеллекта» [5, с. 273].

Вопреки общераспространенной идее о тоталитарности и вседозволенности органов государственной власти КНР, необходимо отметить, что ст. 3 упомянутых Правил определяет верховенство принципов защиты персональных данных, уважения личности при использовании технологии распознавания лиц.

Применение технологии распознавания лиц для обработки информации о лицах должно иметь конкретную цель и достаточную необходимость и сводить к минимуму воздействие на права и интересы личности, а также применять строгие меры защиты (ст. 4 Правил).

Более того, Правила предписывают в отдельных случаях необходимость письменного согласия субъектов для обработки их персональных данных, к коим отнесено изображение этих лиц [6].

Следующей после Китая в пятерку лидеров по сумме инвестиций в развитие технологий ИИ и количеству заключенных сделок входит Великобритания.

В целом, если сравнивать работу по внедрению искусственного интеллекта, проводимую в КНР и в Великобритании, то следует отметить, что КНР в силу своей формы правления полномасштабно задействует все структуры и элементы госаппарата для реализации поставленных задач. Указанный подход, по всей видимости, применяется для дости-

жения любых целей и задач, поставленных Коммунистической партией КНР перед правительством.

В Великобритании в вопросы внедрения искусственного интеллекта вовлекается все общество, в особенности, частный капитал.

В целом, в обеих странах подходы практически идентичны. В Великобритании при правительстве был создан Совет по искусственному интеллекту, а также одноименный департамент в структуре правительства.

Развитие и обучение населения искусственному интеллекту является одним из приоритетов китайского правительства. Также как и КНР, правительство Великобритании стремится к обучению населения ИИ. Вместе с тем в вопросах широкого распространения и публичного применения ИИ (в так называемом «промышленном масштабе») КНР и Великобритания применяют различные подходы. Если КНР исходит из приоритетов национальной безопасности, то Великобритания придерживается идеи, что «искусственный интеллект, как и паровая машина Уатта, – технология общего назначения» [7].

Несмотря на то, что на территории Великобритании находятся крупнейшие компании в области искусственного интеллекта, такие как Graphcore – компания по производству полупроводников для машинного обучения, Darktrace – ведущая компания в мире в области кибербезопасности, BenevolentAI – компания, применяющая искусственный интеллект в области фармакологии, британское правительство уделяет большое внимание привлечению иностранных специалистов в области искусственного интеллекта, устанавливая для них специальные визовые маршруты (Global Talent, High Potential Individual, Global Entrepreneur Programme (GEP), возрожденная программа – Innovator), а также компаний, планирующих размещение бизнеса на берегах туманного Альбиона (Global Business Mobility).

В Великобритании ситуация с законодательством по компьютерному зрению стала приобретать все большую важность в последние годы, поскольку достижения в области технологий упростили деятельность по наблюдению. В контексте законодательства Великобритании наблюдение относится к мониторингу или наблюдению за действиями людей либо физическими средствами (например, камерами видеонаблюдения), либо путем сбора и анализа персональных данных (например, электронной почты, телефонных звонков или истории просмотров в Интернете).

К основным законодательным актам, регулирующим правоотношения по наблюдению, можно отнести: Закон о защите данных, Закон о правах человека, Закон о регулировании следственных полномочий (RIPA), Закон о следственных полномочиях (IPA).

Наибольший юридический интерес, по нашему мнению, представляют последних два акта, поскольку именно эти законы определяют компетенцию правоохранительных органов по вмешательству в частную жизнь граждан, предусматривают правовые основания для перехвата сообщений, почты, телефонных разговоров.

Уникальностью данных нормативных правовых актов является тот факт, что при наличии подозрений в отношении гражданина либо иностранца в совершении либо в подготовке к совершению террористического акта, шпионажа правоохранительные органы вправе не только осуществлять перехват сообщений, телефонных разговоров, но и *аккумулировать эти данные*, т. е. осуществлять *сбор метаданных*. Все эти сведения в британском законодательстве охватываются определением «персональные данные». При этом государство оставляет за собой право хранить все указанные персональные данные бессрочно.

Вполне очевидно, что, учитывая специфику причин «вовлечения» гражданина в орбиту интересов правоохранительных органов Великобритании, уполномоченные органы вправе не уведомлять его о проводимых в отношении него мероприятий по сбору персональных данных.

Вместе с тем в 2020 г. Апелляционный суд Великобритании признал незаконными действия полиции Южного Уэльса в использовании технологии распознавания лиц в общественных местах, поскольку это нарушало право на неприкосновенность частной жизни, законы о защите данных и о равенстве (*Edward Bridges vs the Chief Constable of South Wales Police*) [8].

Заключение

Подытоживая, необходимо отметить, что законодательство по вопросам регулирования ИИ, компьютерного зрения приведенных выше стран является наглядным примером или своего рода «зеркалом», отражающим политико-правовые устои государств, степень зрелости общества того или иного государства.

Практическая значимость применения технологии распознавания лиц в борьбе с преступностью очевидна. Вместе с тем применение этих средств не может не вызывать вопросы у общества в контексте этичности, права на неприкосновенность личной жизни, сбора персональных данных без разрешения их владельцев.

Соотношение обеспечения безопасности общества и государства с необходимостью соблюдения конституционных прав граждан всегда имело тонкую грань и было предметом постоянных дискуссий между обществом и институтами государственной власти.

Важно найти баланс между этими категориями – обеспечения общественной безопасности и соблюдения конституционных прав граждан.

Список цитируемых источников

1. Журнал «Право и управление». – 2023. – № 1. – С. 179.
2. Искусственный интеллект (рынок Китая). – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F\)#2018:_D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.82_.D0.BD.D0.B0_52.2C8.25_.D0.B4.D0.BE_33.2C9_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4_.D1.8E.D0.B0.D0.BD.D0.B5.D0.B9](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F)#2018:_D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.82_.D0.BD.D0.B0_52.2C8.25_.D0.B4.D0.BE_33.2C9_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4_.D1.8E.D0.B0.D0.BD.D0.B5.D0.B9) (дата обращения: 23.06.2025).
3. China's AI market to hit 71 bn yuan. – URL: <https://asiatimes.com/2019/07/chinas-ai-market-to-hit-71-bn-yuan/#> (дата обращения: 23.06.2025).
4. 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 24.06.2025).
5. Цзя, Ш. Правовая защита права гражданина на изображение лица при применении технологии распознавания лиц в законодательстве Китая / Ш. Цзя, Ц. Чжан // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 271–283. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.210>.
6. 人脸识别技术应用安全管理办法. – URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/21/c_1744174262156096.htm?utm_source=Securitylab.ru#:~:text=%E7%AC%AC%E5%85%AD%E6%9D%A1%20%E5%9F%BA%E4%BA%8E,%E6%B4%BB%E5%8A%A8%E7%9A%84%E6%95%88%E5%8A%9B (дата обращения: 26.06.2025).
7. National AI Strategy - HTML version. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-ai-strategy/national-ai-strategy-html-version> (дата обращения: 25.06.2025).
8. In The Court Of Appeal (Civil Division) On Appeal From The High Court Of Justice Queen's Bench Division (Administrative Court) Cardiff District Registry. – URL: <https://www.libertyhumanrights.org.uk/wp-content/uploads/2020/02/Bridges-Court-of-Appeal-judgment.pdf> (дата обращения: 27.06.2025).

Аннотация. В статье проведен сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования применения искусственного интеллекта, технологии распознавания лиц в Китайской Народной Республике и Великобритании. Особое внимание уделено вопросу баланса между обеспечением общественной безопасности и соблюдением прав личности. Проанализированы национальные стратегии развития искусственного интеллекта, принципы этики, стандарты и судебная практика.

CERTAIN LEGAL ASPECTS OF THE USE OF FACIAL RECOGNITION SYSTEMS IN THE DETECTION AND PREVENTION OF OFFENSES: A COMPARATIVE ANALYSIS BASED ON THE LEGISLATION OF THE PRC AND THE UNITED KINGDOM

Ramazanov D. M.

Key words: neural networks, artificial intelligence, AI, detection system, facial recognition, intelligent video surveillance, Intelligent Video Surveillance (IVS), computer vision.

Abstract. This article presents a comparative legal analysis of the regulatory frameworks governing the use of facial recognition technology in the People's Republic of China and the United Kingdom. Special attention is given to legislative initiatives in the field of artificial intelligence, as well as to the delicate balance between public safety and the protection of individual rights. The study examines national AI development strategies, ethical principles, technical standards, and relevant case law. The paper highlights the differing legal approaches of socialist and democratic models in regulating computer vision systems.

УДК 342

ПРОГНОЗНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ И КОЛЛЕГИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Чмыга О. В.

Ключевые слова: коллегиальные органы территориального общественного самоуправления, местные Советы депутатов, правовое регулирование, перспективы совершенствования, представительская функция.

Введение

Важным маркером белорусского общества сегодняшнего дня является то обстоятельство, что на данном этапе его развития и прежде всего в электоральной среде прослеживается существенное усиление запроса на активизацию деятельности коллегиальных представительных органов Беларуси (как местных Советов депутатов, так и коллегиальных ОТОС), поступательное совершенствование законодательства, правоприменительной практики в данной сфере.

В свете вышеизложенного кажется весьма удивительным тот факт, что до настоящего времени в научном мире не сложилась целостная концепция правового статуса ОТОС и местных Советов депутатов.

Как следствие этого в Республике Беларусь в настоящее время отсутствует закон, который вобрал бы воедино все правовые нормы, регулирующие правовое положение ОТОС и местных Советов депутатов. Принятие подобного закона нам представляется насущной проблемой краткосрочной перспективы белорусского законотворчества. В этой связи в настоящей статье тезисно сформулируем отдельные прогнозные направления совершенствования деятельности *коллегиальных* ОТОС и местных Советов депутатов, национального законодательства в указанной сфере.

Основная часть

Некоторые направления совершенствования деятельности местных Советов депутатов.

1. Как известно, согласно действующему законодательству для осуществления своих полномочий, в том числе для коллективного обсуждения вопросов, относящихся к компетенции местного Совета, реализации предвыборных программ депутаты Совета вправе объединяться на добровольной основе в постоянные и временные депутатские группы, которые действуют при наличии не менее трех депутатов Совета, входящих в ее состав. Депутаты Совета могут свободно как входить в депутатские группы, так и выходить из них. Одновременно депутат Совета может быть членом не более двух постоянных депутатских групп. При этом председатель Совета не может быть членом указанной группы.

На наш взгляд, изменив систему выборов и перейдя к смешанной системе, депутаты Совета могут быть наделены не только правом, но и обязанностью входить в постоянные и временные депутатские группы, сформированные в том числе и по партийному признаку. Кроме того, в целях оптимизации работы такой структуры было бы полезно, чтобы депутатские группы формировали вспомогательные рабочие группы, куда могли бы приглашаться с правом совещательного голоса депутаты местных Советов депутатов предыдущих созывов, представители органов территориального общественного управления (далее – ОТОС), политических партий, общественных объединений, трудовых коллективов и местных СМИ.

2. Как следует из действующего законодательства, депутат Совета вправе участвовать с правом совещательного голоса в работе сессий других Советов и заседаниях их органов при принятии ими решений, затрагивающих интересы граждан, проживающих на территории

административно-территориальной единицы, в состав Совета которой он избран. Полагаем, в целях укрепления реального взаимодействия местных Советов депутатов с ОТОС *депутатские группы Совета, в том числе сформированные и по партийному признаку*, следует нормативно наделить правом участия с правом совещательного голоса в работе заседаний ОТОС, общих собраний граждан, расположенных или проживающих в пределах территории, входящей в его избирательный округ.

3. По нашему мнению, в Республике Беларусь следует применять практику кооптирования в органы Совета, в которых осуществляет свою деятельность местный депутат. Как свидетельствует зарубежный опыт «кооптирование не депутатов в состав комитетов – обычная практика для некоторых стран. Однако во Франции, Швейцарии, Испании и Португалии такой правовой механизм не применяется, так же как в Австрии и Германии, но в последних комитеты вправе пригласить на свое заседание любого представителя или эксперта» [1, с. 260]. В Республике Беларусь в настоящее время для работы в комиссиях из числа депутатов Совета могут привлекаться консультанты и эксперты с правом совещательного голоса в порядке, определенном регламентом Совета.

4. Деятельность депутатских групп местного Совета, постоянных и временных комиссий, других органов Совета следует активизировать посредством установления *планового и систематического взаимодействия с ОТОС* (коллегиальными и единоличными), осуществляющими свою деятельность на территории соответствующего Совета (например, в форме совместного проведения Интернет-форумов, конференций по проблемам местного значения, осуществления совместных правовых проектов общественно значимой тематики в местных средствах массовой информации, участия в работе симпозиумов и т. п.). Данное требование следует закрепить на законодательном уровне.

5. В целях максимальной оптимизации работы депутатской группы Совета, сформированной в том числе и на основе партийного признака, полагаем, было бы полезно предоставить данной группе для осуществления своей депутатской деятельности право иметь до трех помощников, осуществляющих свою деятельность на добровольной безвозмездной основе. Персональный подбор помощников, распределение обязанностей и ответственность за их деятельность допустимо возложить на руководителя депутатской группы местного Совета.

6. В целях повышения качества и полноты реализации депутатами-членами постоянных и временных комиссий местного Совета всего спектра возложенных на них полномочий, по нашему мнению, целе-

сообразно нормативно предусмотреть обязательное повышение их депутатской квалификации согласно профилю тех комиссий, членами которых они являются. В этой связи следует подчеркнуть, что подобная практика уже существует в ряде зарубежных стран. При этом, например, «в Австрии организация обучения депутатов – прерогатива партий и их учебных заведений, а в Италии курсы могут быть организованы общественными и частными организациями» [1, с. 266]. Значительную помощь в повышении квалификации местных депутатов, разумеется, может оказать и Совет по взаимодействию органов местного самоуправления при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь.

7. В Республике Беларусь материальные гарантии деятельности депутата местного Совета распространяются только на председателя местного Совета, осуществляющего свои полномочия на профессиональной основе. В отдельных зарубежных государствах «местные органы самоуправления вправе выплачивать денежные вознаграждения депутатам, на которых советом возложены дополнительные обязанности председателя комитета, комиссии или иного органа совета ...» [1, с. 251]. По нашему мнению, подобная практика не лишена определенного положительного смысла, и ее апробация допустима и в белорусских условиях, а следовательно, она может быть распространена, помимо главы Совета, и на иных местных депутатов, осуществляющих подобные дополнительные обязанности – руководителей органов Совета, депутатских групп.

8. Правовое обеспечение деятельности местного Совета, его органов и депутатских групп может найти еще одно свое проявление в виде коллегиального индемнитета в части неотвеченности за его высказывания, исключая, разумеется, ответственность за клевету, оскорбление, иные противоправные деяния. Важно подчеркнуть, что подобный опыт достаточно длительное время существует и в местных представительных органах некоторых зарубежных стран, что, безусловно, свидетельствует о возможных перспективах его апробации и в белорусских условиях. Так, «в Швеции, Дании и Германии действует общее правило об отсутствии правовой защиты против законного преследования за правонарушения, но не применяются меры ответственности за официальные заявления во время заседания совета ...» [1, с. 236].

9. Коллегиальной мерой ответственности депутатов местного Совета, по нашему мнению, является принятие решения Советом о самороспуске. Суть основания подобного решения законодателем четко не раскрыта. Полагаем, целесообразно закрепить на национальном законодательном уровне положение о том, что основанием саморос-

пуска местного Совета депутатов является ненадлежащее выполнение местным Советом своих обязанностей.

Некоторые направления совершенствования деятельности коллегиальных органов территориального общественного самоуправления.

1. Природа мандата выборного лица коллегиального ОТОС в науке конституционного права, к сожалению, не нашла должного освещения. Между тем, полагаем, что мандат рассматриваемого представителя должен быть смешанного (полусвободного) типа. Именно поэтому мы придерживаемся мнения о том, что подлежащая безусловному выполнению предвыборная программа выборного лица ОТОС, его отзыв соответствующими управомоченными субъектами, равно как и возложенный на главу коллегиального ОТОС обязательный периодический отчет о своей работе перед членами ОТОС либо жителями соответствующей части административно-территориальной единицы соответственно – неотъемлемые составляющие подобного вида мандата – позволят вовремя минимизировать возможные негативные для ОТОС последствия деятельности указанных выборных лиц, а также выступят своеобразными гарантом стабильной и плодотворной работы данного органа местного самоуправления.

2. Согласно действующему законодательству полномочия коллегиального ОТОС прекращаются вследствие ликвидации данного органа, осуществляемой в связи с истечением срока, на который он был создан, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь. Следует подчеркнуть, что срок полномочий такого ОТОС не должен превышать периода полномочий Совета соответствующей административно-территориальной единицы.

Не отвергая в целом подобную позицию законодателя, представляется, что в целях оптимизации работы членов коллегиального ОТОС срок их полномочий допустимо соизмерять с периодом, составляющим 1/2 срока полномочий соответствующего Совета. Вместе с тем общее собрание выборщиков ОТОС вправе установить и иной период полномочий членов ОТОС, но не более 5 лет. Отметим при этом, что процедура ликвидации ОТОС, на наш взгляд, может осуществляться как самим ОТОС в лице его органа управления, так и может быть связана с деятельностью соответствующей ликвидационной комиссии, образуемой в порядке, предусмотренном его уставом (для этого ликвидационная комиссия обязана установить характер соответствующей ликвидационной процедуры, а также претензионный срок для кредиторов).

3. Что касается оснований досрочного прекращения полномочий коллегиального ОТОС, то эта проблема белорусским законодате-

лем, к сожалению, полностью еще не решена. Необходимо отметить, что согласно действующему белорусскому законодательству решение об упразднении коллегиального ОТОС, а следовательно, и досрочном прекращении мандатов в целом всех его членов принимается Советом соответствующей административно-территориальной единицы в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства или местным собранием.

По мнению автора данной статьи, к числу подобных исключительных оснований прекращения полномочий данных лиц допустимо также отнести: письменное заявление члена ОТОС о сложении полномочий ввиду состояния здоровья или других обстоятельств, *препятствующих* реализации его прав и исполнения обязанностей; признание данного лица по решению суда ограниченно дееспособным; вступление в силу в отношении выборного лица ОТОС обвинительного приговора суда, связанного с назначением наказания в виде ареста, ограничения свободы либо ее лишения на определенный срок, пожизненного лишения свободы и смертной казни, а также лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; решение общего собрания жителей соответствующей части административно-территориальной единицы об отзыве полномочий выборного лица ОТОС, принятое квалифицированным большинством голосов (3/4 от числа присутствующих на собрании); решение членов коллегиального ОТОС об отзыве полномочий председателя ОТОС, принятое квалифицированным большинством голосов (3/4 от числа членов ОТОС); самороспуск коллегиального ОТОС. Полагаем, что в силу того, что коллегиальный ОТОС может наделяться правами юридического лица, в перечень оснований досрочного прекращения деятельности (ропуска) ОТОС, действующего на правах юридического лица, может быть включено и соответствующее, принятое в установленном актами белорусского законодательства порядке решение суда.

4. Каталог полномочий (прав и обязанностей) как председателя коллегиального ОТОС, так и его членов в действующем национальном законодательстве сформулирован недостаточно четко. Полагаем, необходимо на законодательном уровне закрепить развернутый перечень полномочий указанных лиц как в сфере взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, так и с представителями местного общества, членами коллегиального ОТОС.

5. Полагаем, что императивное противопоставление параллельно существующих коллегиальных и единоличных форм ОТОС, равно как и параллельное осуществление представительской нагрузки, обуслов-

ленной статусом выборного лица коллегиального ОТОС и местного депутата, одним и тем же лицом нецелесообразно прежде всего с функциональной точки зрения. Представляется, что в условиях небольших пространственных пределов сельского населенного пункта либо в условиях небольшого города разграничение активности выборных лиц коллегиальных и единоличных ОТОС должно состоять в том, чтобы в рассматриваемых случаях наличествовало взаимоисключающее существование либо той, либо другой формы ОТОС.

6. Как правило, в Беларуси деятельность коллегиальных ОТОС осуществляется на непрофессиональной и безвозмездной основе, и лишь в единичных случаях работа выборных лиц единоличных ОТОС все же поощряется не только в моральном плане, но и в материальном. Мы придерживаемся мнения о необходимости распространения подобной практики и на деятельность коллегиальных ОТОС и солидарны с позицией тех исследователей, которые считают, что «общественный характер деятельности органов самоуправления населения не исключает найма профессиональных служащих для выполнения работ, требующих специального знания и умения, а также оплаты труда членов самих органов ТОС» [2, с. 51].

7. При этом гарантии трудовых прав выборных лиц коллегиальных ОТОС, осуществляющих свою деятельность на профессиональной возмездной основе, – могут найти свое проявление по аналогии со ст. 100 Трудового кодекса Республики Беларусь в обеспечении предоставления названным лицам прежней работы (должности), а при ее отсутствии – другой равноценной работы (должности). Обязанность их последующего трудоустройства допустимо возложить на соответствующий Совет, местный исполнительный и распорядительный орган, местную администрацию, а время работы в ОТОС засчитывать в общий стаж работы, стаж работы (службы) по специальности, для рекомендации при поступлении на государственную службу, на юридические, политологические факультеты республиканских и региональных высших учебных заведений.

8. Деятельность председателей коллегиальных ОТОС необходимо осуществлять на профессиональной основе, обеспечиваемой обязательной материальной составляющей организационных гарантий подобной деятельности, – возмездным ее характером. При этом в целях обеспечения прозрачных деловых взаимоотношений внутри коллектива коллегиального ОТОС, а также исключения всякого рода финансовых злоупотреблений со стороны председателя ОТОС условия труда и оплаты членов коллегиального ОТОС, осуществляющих свою деятельность на профессиональной основе (впрочем, как и приглашенных

специалистов), необходимо согласовывать с правлением коллегиальных ОТОС.

9. Соответствующие местные Советы депутатов, исполнительные комитеты, местные администрации, по нашему мнению, обязаны оказывать всяческое содействие коллегиальным ОТОС в виде регулярно предоставляемого соответствующего правового консультирования, технической и иной подобного рода помощи. В этой связи, полагаем, следует поддержать позицию тех исследователей, которые утверждают, что «прежде, чем требовать от активистов ТОС конкретные результаты работы, нужно их научить, что и как они должны делать. Формы учебы могут быть самые разнообразные: аудиторное изучение действующего законодательства и теоретических основ местного управления и самоуправления, проведение семинаров по изучению практического опыта работы на базе конкретных населенных пунктов, участие в заседаниях местных исполнительных комитетов и Советов депутатов и др.» [3, с. 12].

10. Допустимо предусмотреть обязательность всех не противоречащих национальному законодательству решений коллегиальных ОТОС, принятых ими в целях реализации возложенных на них полномочий, для всех органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, населения соответствующей части административно-территориальной единицы. В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения подобных решений коллегиальные ОТОС могут быть наделены правомочием обращаться в соответствующие Совет, исполнительный комитет о привлечении к ответственности виновных и устранении нарушений.

Заключение

Необходимо признать, что в Республике Беларусь на современном этапе все еще отсутствует комплексный нормативный механизм, оптимально регулирующий деятельность коллегиальных ОТОС и местных Советов депутатов. Полагаем, предложенные в данной статье отдельные прогнозные направления совершенствования правового регулирования деятельности коллегиальных ОТОС и местных Советов депутатов в определенной степени могут стать концептуальной основой кратко- и среднесрочной перспективы законодательного развития Беларуси в данной сфере.

Список цитируемых источников

1. *Лысенко, В. И.* Выборы в представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80–90-х годов / В. И. Лысенко; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1994. – 350 с.

2. *Маркарян, Г.* Территориальное общественное самоуправление / Г. Маркарян // Законность. – 2005. – № 6. – С. 49–51.

3. *Лозовик, Н. И.* Организационно-правовая основа и практика работы органов территориального общественного самоуправления в условиях сельской местности: метод. рекомендации / Н. И. Лозовик, В. Н. Кивель; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. А. А. Попкова. – Мн., 2006. – 88 с.

Аннотация. В статье в целях активизации деятельности местных Советов депутатов и коллегиальных органов территориального общественного самоуправления посредством усиления их представительской функции автором сформулированы направления совершенствования правового регулирования данных органов как значимого звена местной представительной демократии.

FORECAST DIRECTIONS OF IMPROVEMENT FOR LOCAL COUNCILS DEPUTIES AND COLLEGIAL BODIES OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT OF BELARUS: LEGAL ASPECT

Chmyga O. V.

Key words: collegial bodies of territorial public local governments, local Councils of Deputies, legal regulation, prospects improvement, representative function, Belarus.

Abstract. In the article in the order to intensify the activities of local Councils of Deputies and collegial bodies of territorial public local governments by strengthening their representative function, the author formulated directions for improving the legal regulation of these bodies as a significant link in local representative democracy.

УДК 342

ПРАВО НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Шуницкая О. Н.

Ключевые слова: право на защиту, частный интерес, публичный интерес, конституционные права, юридическая практика.

Введение

В настоящее время Республика Беларусь находится на этапе совершенствования своей национальной правовой системы, что обусловлено конституционными реформами, начавшимися в феврале 2022 г. с проведения республиканского референдума. В этой связи анализ реа-

лизации права на защиту в уголовном процессе, рассматриваемый как с точки зрения частных, так и публичных интересов, представляется весьма значимым. Исследованием вопросов, касающихся права на защиту, занимались и продолжают заниматься как конституционалисты, так и специалисты в области отраслевых юридических наук. Среди них Г. А. Василевич [1], А. А. Головкин [2], А. А. Данилевич [3], А. В. Ларин [4], П. П. Миклашевский [5], О. В. Петрова [3], Ю. Л. Стецовский [4], А. Ф. Черданцев [6] и др. Вместе с тем данная тема продолжает сохранять актуальность ввиду определенной изменчивости содержательного понимания права на защиту в уголовном процессе, а также разных объемов и уровней воплощения его в общественные отношения. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проанализировать право на защиту в уголовном процессе с точки зрения публичных и частных интересов с тем, чтобы выявить проблемы его нормативного оформления и практической реализации и предложить пути решения указанных проблем.

Основная часть

Право на защиту в уголовном процессе представляет собой конкретизацию различных конституционных положений, в том числе относящихся к правилам конституции, которые гарантируют положение индивида в общественной и государственной системе, способствуют установлению баланса между личностью, обществом и государством. К их числу относятся конституционные принципы правового, социального, демократического государства, социально справедливого общества, верховенства права, законности. Конституционные нормы, закрепляющие право не свидетельствовать против самого себя и своих близких, презумпцию невиновности, право на суд, право на юридическую помощь и другие также конкретизируются в анализируемом праве.

Право на защиту в уголовном процессе относится к важнейшим в правовой системе, поскольку оно гарантирует, что с индивидом обращаются беспристрастно и справедливо на протяжении всех этапов уголовного процесса. В данном случае речь не идет лишь о реализации субъектом его частного интереса. Право на защиту является также одной из форм обеспечения воплощения в общественных отношениях и интереса публичного.

Значение права на защиту в уголовном процессе и с точки зрения частного, и с точки зрения публичного интересов связано со следующим.

Право на защиту в уголовном процессе, его разъяснение, по сути, представляет собой передачу индивидам знаний о том, как и при помощи каких способов и средств они могут эффективно защищать себя

в условиях, когда являются подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу. При этом важность такой передачи тем более очевидна, что возможности лиц, находящихся в указанных правовых статусах, могут быть значительно ограничены, например, избранием в отношении них меры пресечения или наложением на них иного рода процессуальных ограничений.

Согласно ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь право на защиту имеет следующие составляющие: право осуществлять свою защиту как лично, так и с помощью защитника; право быть проинформированным о своих правах; обеспечение возможности защищаться установленными законодательством способами и средствами; право на обязательную помощь защитника в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальными нормами, например, если лицо является несовершеннолетним, или не владеет языком, на котором ведется производство по делу, либо ходатайствует об этом. В указанных случаях, как и в случае защиты прав и интересов умершего лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, юридическая помощь предоставляется за счет средств местного бюджета.

Белорусский законодатель, формулируя положение о предоставлении лицу информации, касающейся его прав и свобод в уголовном процессе, использовал категорию «разъяснить». Буквально это означает, что орган, ведущий уголовный процесс, должен «сделать ясным, понятным, растолковав, объяснив» [6] лицу его права. Причем требование о разъяснении прав подозреваемому или обвиняемому является обязанностью уполномоченного субъекта – дознавателя, следователя и т. п.

Права, которыми лицо наделяется в уголовном процессе, изложены в ст. 41 и 43 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Части 1 названных статей отдельно закрепляют право подозреваемого и обвиняемого «на защиту». Части 2 ст. 41 и 43 определяют конкретный перечень прав, которыми наделяются индивиды в ходе ведения в отношении них уголовного процесса. С одной стороны, это права, направленные на получение индивидом касающихся его сведений: относительно того, в чем он подозревается или в чем обвиняется; о праве получать копии процессуальных документов, а также консультацию адвоката, предоставляемой за счет средств местного бюджета. С другой – это права, гарантирующие субъекту не пассивное участие в уголовном процессе, а возможность осуществлять активные действия: ходатайствовать о своем допросе, давать показания, предоставлять доказательства, заявлять отводы и ходатайства, возражать против действий органа уголовного преследования и т. д.

Еще один аспект значимости обеспечения индивиду права на защиту в уголовном процессе заключается в том, что реализация данного права означает одновременное осуществление субъектом его конституционных прав и свобод, к числу которых относятся право на частную жизнь, право на достоинство, право на информацию, право на юридическую помощь и др. Человек, в отношении которого ведется уголовный процесс, имеет право не разглашать сведения, относящиеся к его приватности: с кем он общался, по какому поводу и при каких обстоятельствах; сохранять тайну корреспонденции и телефонных сообщений. Тем самым обеспечивается право индивида на частную жизнь. Разъяснение прав субъекту в ходе уголовного процесса – одна из составляющих права на получение информации. Предоставление сведений относительно права обратиться за помощью к адвокату – предпосылка обеспечения права на юридическую помощь. Реализация права на достоинство, взаимосвязанного, как указывается в научной литературе, с правом на жизнь, правом на свободу, иными конституционными правами [7], также зависит от воплощения в общественные отношения права на защиту в уголовном процессе.

Если рассматривать право на защиту с точки зрения публичных интересов, т. е. интересов государства как целого, то следует обратить внимание на то, что его обеспечение имеет непосредственное отношение и к такому элементу правовой системы, как юридическая практика. Право на защиту в уголовном процессе гарантирует, что, например, неправоммерно подозреваемые или обвиняемые лица имеют средства для своей защиты и тем самым помогают предотвращать следственные и судебные ошибки. Недопущение ошибок в юридической практике способствует не только обеспечению ее эффективности, но и эффективности всей национальной правовой системы.

Право на защиту в уголовном процессе действует как своего рода гарантия от потенциальных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и системы правосудия. Тем самым юридическая практика, включающая в себя и органы, и их акты, и правоотношения, сохраняет качество легитимной, т. е. пользующейся доверием населения.

Значимость права на защиту в уголовном процессе с точки зрения публичных интересов определяет и нахождение его в постоянном поле зрения законодателя и правоприменителя. Причем в Беларуси проявляется тенденция, согласно которой установление дефектов в реализации права на защиту на тех или иных этапах правового процесса, пробелов в оформляющих его нормах права стимулирует совершенствование соответствующего законодательства.

Верховный Суд Республики Беларусь обращает внимание на необходимость надлежащего обеспечения права на защиту в уголовном процессе, формулируя свое мнение либо посредством вынесения соответствующих постановлений Пленумов, либо опубликованием Обзоров судебной практики или постановлений по конкретным делам, свидетельствующих о различных аспектах реализации права на защиту. Так, в п. 24 своего постановления от 24.09.2009 № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе» белорусский Верховный Суд указал, что существенным нарушением уголовно-процессуального закона является нарушение права на защиту, «если оно путем лишения или стеснения гарантированных законом прав подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей и защитников препятствовало суду всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и повлияло или могло повлиять на постановление законного и обоснованного приговора». К числу таких нарушений суд отнес ограничение права пригласить защитника, ограничение в праве давать показания и др.

Конституционный Суд Республики Беларусь уделял в своей деятельности и продолжает уделять большое внимание праву на защиту. Право на защиту в уголовном процессе рассматривалось белорусским органом конституционной юстиции на протяжении всех этапов его функционирования в условиях суверенного белорусского государства. На это обращает внимание Г. А. Василевич [1]. Об этом свидетельствует и практика данного учреждения: например, решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 13.12.1999 № Р-91/99 «О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе», согласно которому государственным органом было предложено обеспечивать подозреваемым или обвиняемым «получение в любой момент юридической помощи адвоката в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительных органов видеть их, но не слышать». Или решение от 21.06.2017 № Р-1089/2017 «Об обеспечении права на беспрепятственную и своевременную юридическую помощь в уголовном процессе», в соответствии с которым уполномоченным государственным органам было предложено подготовить проект закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, предусматривающих «механизм беспрепятственного и своевременного вступления адвоката (при соблюдении условий, предусмотренных данным Кодексом, и наличии у него удостоверения адвоката и ордера на право участия в производстве по уголовному делу) в уголовный процесс на любой

его стадии, исключающий усмотрение органов уголовного преследования».

Изменения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., думается, в определенной мере будут способствовать и дальнейшему совершенствованию понимания права на защиту в уголовном процессе, и его воплощению. В частности, согласно обновленному Основному Закону белорусского государства граждане, исчерпавшие возможности для обжалования постановлений, вынесенных по их делам судами первой инстанции, смогут обращаться в Конституционный Суд Республики Беларусь с конституционными жалобами.

Если предположить, что конституционная жалоба станет тем институтом, который будет часто использоваться индивидами для защиты своих нарушенных прав и свобод, то есть высокая вероятность того, что право на защиту в уголовном процессе также будет становиться предметом рассмотрения Конституционного Суда Республики Беларусь. Это, во-первых, связано с тем, что белорусский орган конституционной юстиции наделен полномочием осуществлять правоприменительное толкование Конституции Республики Беларусь. Во-вторых, это связано с самой сутью конституционной жалобы. В последней ставится под сомнение конституционность нормативных правовых актов, примененных в конкретном деле по отношению к определенному лицу. Соответственно, и вопросы, относящиеся к воплощению права на защиту в уголовном процессе, также могут и будут рассматриваться Конституционным Судом Республики Беларусь.

Обеспечение права на защиту в уголовном процессе напрямую связано с функционированием адвокатуры как института, призванного «оказывать в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на профессиональной основе юридическую помощь в целях осуществления и защиты прав, свобод и интересов физических и юридических лиц». В Законе Республики Беларусь от 30.12.2011 № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» указаны виды оказания юридической помощи подозреваемым и (или) обвиняемым, к числу которых отнесены дача консультации и разъяснений по юридическим вопросам; составление документов правового характера, защита интересов граждан в уголовном деле на стадии досудебного производства, в суде, на стадии исполнения судебных постановлений и др.

Между тем действующее законодательство, регламентирующее деятельность адвокатов, не учитывает ограничения в осуществлении их профессиональных задач, вызванные необходимостью сохранения в тайне персональных данных, недопустимостью нарушения права

на частную жизнь, что не позволяет адвокатам получать определенную информацию, необходимую им для осуществления защиты: сведения о состоянии здоровья подозреваемых или обвиняемых, их характеристики, сведения об их материальном положении и др. Решение этих проблем имеет значение не только для граждан, но и для общества и государства в целом.

Современный этап развития белорусской правовой системы сталкивается и с другими вызовами, влияющими на обеспечение права на защиту в уголовном процессе. К их числу относятся такие проблемы, как обеспечение права на ознакомление с материалами дела в случае ведения закрытого производства по уголовному делу; реализация права на защиту обвиняемыми в случае ведения по их уголовному делу заочного производства; доступность юридической помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и др. Решению указанных проблем, как представляется, будет способствовать совершенствование законодательства и правоприменительной практики, основанное на воплощении в жизнь конституционных принципов правового, социального, демократического государства, верховенства права и социально справедливого общества.

Заключение

Таким образом, могут быть сформулированы следующие выводы:

- право на защиту в уголовном процессе является аспектом конституционного права на защиту, взаимосвязанного с иными основными правами: правом на частную жизнь, правом на свободу, правом на информацию, правом на достоинство;
- эффективное осуществление права на защиту в уголовном процессе способствует реализации не только частного интереса, но и интереса публичного;
- современный этап в развитии белорусского общества и государства порождает новые вызовы полноценной реализации права на защиту в уголовном процессе, преодолению которых будет способствовать основанное на конституционных принципах совершенствование законодательства и правоприменительной системы.

Список цитируемых источников

1. *Василевич, Г. А.* Право на судебную защиту (конституционные аспекты) / Г. А. Василевич. – Мн.: Право и экономика, 2003. – 93 с.
2. *Головко, А. А.* Концепция прав человека в Конституции Республики Беларусь // Право и демократия: Межвуз. сб. науч. тр. / Белорус, гос. ун-т; гл. ред. В. М. Хомич. – Мн., 1998. – Вып. 9–340 с.
3. *Данилевич, А. А.* Защита прав и свобод личности в уголовном процессе / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Мн.: ВГУ, 2008–168 с.

4. Стецовский, Ю. И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю. Л. Стецовский, А. М. Ларин. – М.: Наука, 1988. – 316 с.

5. Миклашевич, П. П. О законодательном механизме реализации конституционного контроля. – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/july/74892/> (дата обращения: 27.06.2025).

6. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – М., 1999. – 432 с.

7. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/17/ma363610.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 27.06.2025).

8. Maiseeva, I. Protection of the right to dignity in the digital era as a direction for the formation of safe conditions of citizens' life / I. Maiseeva, A. Shupitskaya // AIP Conference Proceedings 6th International Scientific and practical Conference «Sustainable development of territories», 22–24 May 2024. – Vol. 3276. – Issue 1. – Moscow, Russia. 2025. – P. 060012

Аннотация. Право на защиту в уголовном процессе – это конкретизация более общего конституционного права на защиту личности, связанного с иными основными правами: правом на частную жизнь, правом на информацию, правом на юридическую помощь. В условиях реформирования белорусской правовой системы на современном этапе ее развития анализ проблем реализации права на защиту в уголовном процессе как с точки зрения частных, так и публичных интересов имеет большое значение. Настоящее исследование рассматривает право на защиту в уголовном процессе с указанных позиций, выявляет проблемы его нормативного оформления и практической реализации, предлагает пути их разрешения.

RIGHT TO DEFENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PRIVATE-LAW AND PUBLIC-LAW ASPECTS

Shupitskaya A. N.

Key words: right to defense, private interest, public interest, constitutional rights, legal practice.

Abstract. The right to defense in criminal proceedings is a specification of a more general constitutional right to protect an individual, associated with other fundamental rights: the right to privacy, the right to information, the right to legal assistance. In the context of reforming the Belarusian legal system at the current stage of its development, the analysis of the problems of implementing the right to defense in criminal proceedings, both from the point of view of private and public interests, is of great interest. This study examines the right to defense in criminal proceedings from the above positions, identifies problems of its normative design and practical implementation, suggests ways to resolve them.

НАШИ АВТОРЫ

Алхутова Елена Юрьевна – научный сотрудник отдела научного обеспечения организации прокурорской деятельности Научно-исследовательского института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Байсеитов Баграм Салькенович – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр национальной безопасности и военного дела.

Варавко Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Василевский Андрей Витальевич – главный специалист отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Васько Наталья Олеговна – прокурор управления методико-аналитического обеспечения надзора за исполнением законодательства Следственным комитетом главного управления по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Вершок Ирина Леонидовна – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Воробьёв Станислав Юрьевич – заведующий сектором информационной безопасности отдела информационных технологий Научно-исследовательского и проектно-изыскательского республиканского унитарного предприятия «Белэнергосетьпроект».

Гасанов Артур Павлович – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Дрозд Александра Николаевна – начальник кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Ескендиров Айдоc Абдрахманович – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета профессиональной подготовки Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук, доцент.

Жданов Юрий Николаевич – Исполнительный секретарь Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ, заведующий кафедрой международного права Российского государственного социального университета (РГСУ), доктор юридических наук, профессор.

Исраелян Геворг Воваевич – начальник Научно-исследовательского центра прикладных проблем криминологии Национального бюро экспертиз Национальной академии наук Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Корнева Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кремнева Елена Владимировна – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях Научно-исследовательского института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Маматов Максим Владимирович – заведующий отделом научного обеспечения участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях Научно-исследовательского института фе-

дерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Маслов Игорь Александрович – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях Научно-исследовательского института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Моисеева Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Олейник Анжела Владимировна – главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Павлова Людмила Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.

Павлють Ольга Вячеславовна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Пантелеева Наталья Викторовна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Песенко Владислав Валерьевич – следователь по особо важным делам отдела по расследованию преступлений против информационной безопасности и незаконного оборота наркотиков следственного управления Управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Рамазанов Даулет Мустафаевич – старший помощник Генерального прокурора Республики Казахстан.

Рудкевич Евгения Васильевна – старший следователь следственного управления Управления Следственного комитета Республики Беларусь по г. Минску.

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Савчук Татьяна Анатольевна – доцент кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Семенов Андрей Сергеевич – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Сидоренко Дарья Олеговна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Симонова Ирина Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях Научно-исследовательского института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Соркин Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Судник Татьяна Владимировна – главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Тукунова Жанар Саулетовна – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юриспруденции.

Тутеуова Айгуль Жумабековна – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Чмыга Оксана Васильевна – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент.

Шайхыстановна Салтанат Нурлановна – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Шекк Елена Александровна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Шпак Сергей Валентинович – заместитель начальника управления – начальник отдела по расследованию преступлений против интересов службы и порядка исполнения воинской обязанности следственного управления Управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Шупицкая Оксана Николаевна – доцент кафедры международного права учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА:
НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ**

Сборник научных статей

Выпуск 18

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

Корректор *А. И. Кизик*

Подписано в печать 26.11.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 20,2. Уч.-изд. л. 23,5. Тираж 100 экз. Заказ 105.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.